

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА ИСТОРИЧЕСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ

Университет Дмитрия Пожарского

А.М. Фомин

ВОЙНА С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Великобритания и Франция
в борьбе за «Османское наследство»
1918—1923

Университет Дмитрия Пожарского

Москва
2010

УДК 94/95

Ф 76

ББК 63.3(0)61+63.3(5)

Фомин А.М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918—1923.
Ф 76 Русский Фонд Содействия Образованию и Науке. — М., 2010-

ISBN 978-5-91244-041-0

Одобрено к печати кафедрой Новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ

Печатается по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

В монографии освещается важный аспект формирования нового международного порядка после окончания Первой мировой войны. Параметры этого порядка во многом зависели от отношений между Великобританией и Францией — единственными великими державами победившей коалиции, участвовавшими в войне на всем ее протяжении. Англо-французские отношения осложнялись большим количеством противоречий, причем вопрос о послевоенных судьбах народов и территорий побежденной Османской империи вызывал не менее острые разногласия, чем процесс мирного урегулирования в Европе. Именно в это время политическая карта Ближнего Востока при активном участии великих держав приобрела очертания, близкие к современному. В работе на основе широкого круга источников (дипломатические документы, парламентские дебаты, материалы прессы, публицистика, воспоминания и дневники политических деятелей) подробно освещается ближневосточный аспект послевоенного существования англо-французской Антанты и показано воздействие проблемы «Османского наследства» на процесс ее постепенного ослабления и распада.

Для историков, востоковедов, студентов, аспирантов, преподавателей вузов, а также всех, кто интересуется историей международных отношений и Ближневосточного региона.

УДК 94/95

ББК 63.3(0)61+63.3(5)

ISBN 978-5-91244-041-0

© Фомин А.М., 2010

© Русский Фонд Содействия
Образованию и Науке

ВВЕДЕНИЕ

В развитии международных отношений доминирующую роль всегда играли государства, обладающие наибольшим экономическим и военным потенциалом. Такие страны принято именовать великими державами. Их отношения друг с другом обычно составляют костяк всей международной системы и определяют ее характер. Целенаправленное стремление одной или нескольких держав к разрушению сложившегося годами порядка вещей обычно приводило к крупному международному конфликту, в результате которого исчезала старая система и создавались условия для формирования новой.

Первая мировая война относится к числу именно таких конфликтов. Ее результатом стало разрушение международного баланса сил, существовавшего в течение по крайней мере четырех десятилетий. Как беспрецедентный конфликт мирового масштаба, эта война не могла закончиться «вничью» — слишком высоки были ставки ее участников. Две враждебные коалиции претендовали на право распоряжаться судьбами всего мира, поскольку надеялись, что в такой страшной схватке «победитель получает все». Осенью 1918 года эта война закончилась. Коалиция «Центральных держав» — Германии, Австро-Венгрии, Османской империи и Болгарии — была разгромлена. В победившую коалицию входило 28 государств, но реально судьбы Европы и Ближнего Востока оказались в руках только двух из них — Великобритании и Франции. Россия слишком рано вышла из войны, а США слишком поздно в нее вступили и имели слишком мало дипломатического опыта, чтобы оказывать реальное воздействие на послевоенное урегулирование, даже если у них было такое желание. К тому же руководители этих стран по разным причинам не воспринимали традиционных принципов европейской дипломатии. Россию на время вывела из игры революция, а США — тяга к старой политике изоляционизма. Пятая великая держава-победительница — Италия — не обладала достаточным потенциалом для участия в международных делах на равных с крупнейшими странами.

Таким образом, только Великобритания и Франция могли служить опорами нового международного порядка в Европе и Средиземноморье. Эти две страны вступили в войну в самом на-

чале, довели ее до победного конца и рассчитывали на возможность воспользоваться львиной долей всех плодов победы. Великобритания и Франция были наиболее постоянными участницами «клуба великих держав», поскольку первая вовсе не знала фатальных поражений, а вторая всегда быстро оправлялась от таких крупных неудач, как поражения 1815 и 1871 годов. Но в начале межвоенного периода отношения между этими двумя странами приобрели принципиальное значение для всего Старого Света и стали здесь важнейшим (если не главным) системообразующим фактором. От степени согласованности их действий во многом зависели контуры новой системы международных отношений.

Однако интересы Франции и Великобритании, вытекавшие из их экономического и геополитического положения, а также великодержавных амбиций, часто не совпадали, а иногда были диаметрально противоположны. Вся предшествующая история делала эти страны скорее соперниками, чем партнерами, и только появление общего врага заставило их объединиться в «сердечном согласии», которое стало настоящим союзом лишь с началом войны. С ее окончанием сохранение союзнических отношений превратилось в международную проблему. Круг вопросов, с которыми предстояло столкнуться архитекторам нового порядка, был чрезвычайно широк: роль и место побежденной Германии, последствия распада Австро-Венгрии, революция в России, окончательная ликвидация Османской империи и раздел ее владений. На все это накладывалась необходимость удерживать в повиновении собственные колонии, сглаживать социальные противоречия у себя дома и отдавать долги, образовавшиеся за время разорительной войны. На каждую из этих проблем у Лондона и Парижа были собственные взгляды, и интересы двух союзников сталкивались почти во всех уголках мира. Но самые острые противоречия возникали вокруг германской проблемы и вопросов Ближнего Востока.

Конечные итоги их решения оказались поразительным образом несхожи. При всех трудностях, которые вызывала выработка условий мира с Германией, договор с ней был подписан спустя полгода после перемирия и вскоре вступил в силу. Но в долгосрочной перспективе Версальский договор оказался непрочен. Отдельные его положения стали нарушаться уже в 1920 году, а спустя менее

ВВЕДЕНИЕ

двух десятилетий он потерпел полный крах, за которым последовала новая мировая война. Крах Версаля повлек за собой ликвидацию «смежных» договоров — Сен-Жерменского, Трианонского и Нейисского. Иначе обстояло дело на Востоке. Если раздел бывших германских колоний был совершен быстро и даже «полюбовно», судьба арабских владений Османской империи вызвала самые ожесточенные столкновения между союзниками. Еще большее различие видно на примере собственно Турции. В отличие от немцев, турки не боролись за *пересмотр* навязанного им мира, а сразу *полностью его отвергли*. Севрский договор, подписанный марионеточным султанским правительством, даже формально никогда не вступал в силу, а прочный мир с Турцией был заключен лишь в 1923 году — спустя четыре с половиной года после перемирия. Мирное урегулирование заняло столько же времени, сколько война, хотя планы послевоенного устройства Ближнего Востока были согласованы странами Антанты еще в ходе войны. Но мир с Турцией, заключенный в 1923 году, оказался настолько устойчивым, что даже Вторая мировая война его не поколебала. При всей важности «внутритурецких» факторов в таком повороте событий огромное значение имела и международная ситуация, а именно — состояние англо-французской Антанты.

Антанта была призвана стать фундаментом новой системы, но этот фундамент постоянно подтачивался разногласиями между странами-партнерами. В то же время полный разрыв между ними неизбежно привел бы к вмешательству в формирование новой системы «третьих стран», роль которых Лондон и Париж стремились всячески ограничить, — России, Германии и, возможно, США. Поэтому Англия и Франция долго старались поддерживать хотя бы внешний вид «сердечного согласия» и искать взаимоприемлемые решения спорных вопросов, что с течением времени становилось делать все труднее. Постепенное ослабление Антанты было заметно не только в Европе, но и на колониальной и полуколониальной периферии. Основная проблема нашего исследования состоит в определении роли ближневосточного направления англо-французских отношений в формировании новой международной системы после Первой мировой войны.

Ближневосточный регион на протяжении столетий служил местом соприкосновения культур и цивилизаций и в то же время

полем борьбы великих держав. С XVI века он был объединен под властью мусульманской Османской империи. Ее ослабление к концу XVIII столетия поставило вопрос о дальнейшей судьбе обширных территорий, расположенных на трех континентах. В XIX веке Восточный вопрос превратился в одну из самых сложных дипломатических проблем, в решении которой так или иначе были заинтересованы все великие державы «Европейского концерта». К 1914 году Турция почти полностью лишилась своих владений в Европе, а в Северной Африке сохраняла лишь ничего не значивший номинальный сюзеренитет над Египтом, оккупированным Великобританией. Возможность окончательного распада Османской империи постоянно учитывалась дипломатами разных стран независимо от того, желали они такого развития событий, или нет. Но только Первая мировая война окончательно «поставила ребром» вопрос о дальнейшей судьбе азиатских владений Турции. Победа Антанты определила главных участников их раздела. Великобритании и Франции в последний раз в истории представилась возможность расширения своих колониальных империй. Но делать это приходилось в совершенно новых условиях, когда «пробуждение Азии» стало уже очевидной реальностью.

В международных отношениях XX века Ближний Восток сыграл огромную роль. Он и по сей день остается средоточием сложнейших проблем и противоречий. Великие державы десятилетиями накапливали опыт активной внешней политики в этой части мира, но ее основы закладывались именно в период 1918—1923 годов, когда на развалинах Османской империи при активном участии великих держав начиналось формирование современных ближневосточных государств.

Англо-французские отношения в начале межвоенного периода не были исключительно двусторонними. Помимо несомненного воздействия на них политики других великих держав определенное значение имело участие в событиях «третьих сил», действовавших с разной степенью самостоятельности и имевших непосредственные интересы в данном регионе. Речь идет о некоторых странах Средиземноморского региона, а также национальных движениях народов Османской империи и отчасти других стран Востока. К первой группе можно отнести Италию, соединявшую, по выражению Г. Никольсона, «честолюбие и притязания великой дер-

ВВЕДЕНИЕ

жавы с методами малой»¹, а также Грецию, для которой события 1918—1923 годов стали очередным этапом ее затяжного конфликта с Турцией, начавшегося еще в 1820-х годах. Ко второй группе относятся турецкое национальное движение во главе с Мустафой Кемаль-пашой (хотя к концу изучаемого периода следует говорить уже не о «движении», а о новой Турции как региональной державе среднего звена) и арабское национальное движение в Сирии, фактически возглавлявшееся эмиром Фейсалом, несмотря на наличие разных течений. Известную роль играли национальные движения армян, малоазиатских греков, курдов, маронитов, ассирийцев, сионистское движение. Опосредованное влияние на ситуацию оказывало индийское освободительное движение, особенно деятельность различных организаций индийских мусульман.

Все эти «третьи силы», помимо всего прочего, являлись существенными факторами в англо-французских отношениях. Великобритания и Франция в зависимости от ситуации боролись с ними, использовали или пытались использовать их в своих целях, натравливали их на соперника. Роль малых держав и национальных движений в международных отношениях является научной проблемой, окончательное решение которой невозможно найти в рамках данного исследования, однако ее рассмотрение в заявленных географических и хронологических рамках поможет приблизиться к нему. С региональной точки зрения наше исследование, в частности, поможет изучению влияния на международные отношения феномена «пробуждения Азии» в момент последнего в истории расширения колониальных империй.

Итак, цель исследования состоит в том, чтобы выявить роль Восточного вопроса в послевоенном развитии англо-французских отношений, следовательно, и в формировании нового международного порядка. Под Восточным вопросом здесь понимается вопрос о послевоенной судьбе бывших владений Османской империи (в границах 1914 года) — как собственно турецких, так и арабских. Из арабских земель наибольшее внимание в работе уделено Сирии и Ливану в их современных границах, а также Палестине, поскольку именно эти страны являлись главным предметом англо-французских разногласий.

---

¹ Никольсон Г. Дипломатия. М., 1941. С. 91.

Для достижения этой цели потребуется выяснить, каким образом послевоенная политика двух великих держав на Ближнем Востоке и урегулирование их отношений с Турцией, а также развитие национальных движений народов этого региона (в первую очередь кемалистской революции в Турции и арабского движения во главе с эмиром Фейсалом) повлияли на англо-французские отношения в целом, а также как общие тенденции англо-французских отношений отразились на решении проблем, связанных с Ближним Востоком. Задача исследования состоит в том, чтобы попытаться ответить на эти вопросы, опираясь на изучение политики Великобритании и Франции на Ближнем Востоке в период от окончания военных действий против турецких войск и подписания Мудросского перемирия 30 октября 1918 года до заключения мирного договора в Лозанне 24 июля 1923 года. Выполнение этой задачи было бы невозможно без знакомства с исходными позициями великих держав в Османской империи к началу войны, а также с их планами в отношении турецких владений, согласованными в ходе конфликта.

* * *

В работе использованы исторические источники самого различного характера.

Источники официального происхождения включают прежде всего дипломатические документы. Многотомное издание «Документы по британской внешней политике 1919—1939 годов»¹, подготовленное под руководством Д. Вудворда и Р. Батлера, содержит поистине огромное число документов: корреспонденцию британского Форин Оффиса (как внутреннюю, так и внешнюю — переписку с официальными лицами других стран), стенографические отчеты о переговорах, донесения в Лондон британских верховных комиссаров и поверенных в делах на Ближнем Востоке, доклады британских послов за рубежом. Серьезным недостатком этого сборника остается тот факт, что он охватывает период только с июня 1919 года, то есть документы, относящиеся к подготовке к проведению Парижской мирной конференции, в него не включены.

С 1980-х годов в США осуществляется новое издание документов из архивов Форин Оффиса. В нем репринтным способом воспроизводятся многие документы, отпечатанные в свое время

---

¹ Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. Ser. 1, L., 1947—1972.

ВВЕДЕНИЕ

в порядке «конфиденциальной печати» типографией Форин Оффиса с целью ознакомления с ними ограниченного круга чиновников различных британских ведомств. Документы, относящиеся к странам Ближнего Востока, собраны в серии *В* данного издания¹. Они очень часто повторяют британское издание, но среди них встречаются и неопубликованные ранее документы. В частности, документы по проблемам Константинополя и Анатолии, относящиеся к периоду с ноября 1918 по май 1919 года, стали доступны только благодаря американскому изданию.

В Великобритании силами ученых Кембриджского университета в настоящее время осуществляется широкомасштабный проект по публикации архивных документов, касающихся политики Великобритании в различных районах Ближнего и Среднего Востока. С этой целью было создано специальное издательство Archive Editions. Как и американское издание, кембриджская публикация представляет собой собрание репринтных копий архивных документов под одной обложкой. Однако здесь собраны не только документы «конфиденциальной печати», но и машинописные оригиналы многих бумаг, не получивших даже ограниченной циркуляции. Приведены также рукописные заметки (*minutes*) к этим документам различных чиновников британского МИД, работа с которыми, однако, часто осложняется неразборчивостью почерка. Поскольку редакторская работа при подготовке таких изданий минимальна, публикация продвигается весьма быстрыми темпами, и к настоящему времени опубликовано уже несколько десятков многотомных серий. В нашей работе мы пользовались двумя сериями, в которых изучаемые нами проблемы затрагиваются наиболее полно: «Записи по Сирии»² и «Границы Палестины»³.

В настоящем исследовании использовались хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи микрофильмы, снятые с документов Национального архива Индии⁴. В этот фонд вошли материалы архивов британской колониальной администра-

¹ British Documents on Foreign Affairs. Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Ser. B, Vol. 1—3. The Near and Middle East. Washington D.C., 1985.

² Records of Syria. Vol. 1—2. L., Archive Editions, 2005.

³ Palestine Boundaries. Vol. 2—3. L., Archive Editions, 1989.

⁴ Архив внешней политики Российской империи. Фонд «Национальный архив Индии».

ции в Индии, которая поддерживала постоянный контакт с Министерством по делам Индии, находившимся в Лондоне. Поскольку в силу ряда причин англо-индийская администрация была напрямую заинтересована в событиях, происходивших на Ближнем Востоке, данный архивный фонд содержит обширную коллекцию документов, связанных с этим регионом, хотя документы, касающиеся англо-французских отношений, встречаются не часто.

Совсем недавно широкому кругу исследователей стали доступны документы Кабинета министров Великобритании, хранящиеся в Национальном архиве страны. На интернет-сайте архива полностью опубликованы «бумаги кабинета» за период 1915—1977 годов¹. Эта коллекция включает два основных типа документов. Во-первых, это меморандумы и памятные записки, подготовленные отдельными членами кабинета для рассмотрения на его заседаниях. Для нас особый интерес представляют меморандумы Форин Оффис (многие из которых, правда, уже опубликованы в различных сборниках), а также Военного министерства, Генерального штаба, Министерства колоний, Министерства по делам Индии. Во-вторых, это протоколы самих заседаний кабинета. Единой формы этих протоколов не существовало. Это могли быть лаконичные записки, отражающие состав участников заседания и принятые решения, могли быть и достаточно пространные изложения дискуссии и аргументации сторон, но без указания на «авторство» того или иного мнения. Наконец, сравнительно редко встречаются собственно стенограммы, где речь того или иного министра воспроизводится практически дословно.

Французские дипломатические документы, относящиеся к данному периоду, оставались неопубликованными вплоть до недавнего времени. Лишь в конце 1990-х годов МИД Франции начал работу по заполнению имеющихся пробелов в таких публикациях, в частности, для периода 1914—1932 годов. Публикация осуществляется несколькими сериями. К сожалению, материалы за весь 1919 год (кабинет Клемансо) по решению издателей должны быть включены в ту же серию, которая охватывает документы военного периода, и к моменту подготовки настоящей работы они еще не были опубликованы. В распоряжении автора были только

---

¹ National Archives. Cabinet Papers. <http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers>

публикации следующей серии, относящиеся к 1920 и 1921 годам (кабинеты Мильерана, Лейга и Бриана)¹.

Итальянскую публикацию дипломатических документов можно назвать, пожалуй, наиболее полной и подробной. Однако, к сожалению, большая часть изучаемого нами периода составляет один из ее пробелов. К моменту завершения настоящей работы в свет вышли только три тома документов шестой (послевоенной) серии, охватывающие период с ноября 1918 по июль 1919 года (кабинет Орландо). Также доступны документы первых лет режима Муссолини (начиная с октября 1922 года), включенные в седьмую серию и позволяющие проследить позицию Италии на Лозаннской конференции. Таким образом, нам доступны итальянские документы только за самые первые и самые последние месяцы изучаемого периода².

Истории Парижской мирной конференции посвящена специальная 13-томная публикация документов Государственного департамента США³. Помимо внутренней корреспонденции американского внешнеполитического ведомства здесь полностью опубликованы протоколы всех официальных заседаний конференции, включая пленарные заседания, переговоры в рамках «Совета десяти», «Совета четырех» и «Совета глав делегаций», заменившего «четверку» после завершения подготовки Версальского договора. Протоколы «Совета десяти» в других изданиях не воспроизводятся, а стенограммы «Совета глав делегаций» с минимальными сокращениями вошли в британское издание дипломатических документов. Протоколы заседаний «Совета четырех» были также изданы швейцарским профессором П. Манту, который был на них переводчиком⁴.

Документы Лозаннской конференции были выпущены французским Министерством иностранных дел по горячим следам этого события⁵. Приведенные в этом издании ноты и меморандумы де-

¹ Documents Diplomatiques Français. 1920, T. 1—3. P., 1997—2002.; 1921. T. 1—2, Annexes. P., 2005.

² Documenti Diplomatici Italiani. Ser. 6. Vol. 1—3. Roma, 1956, 1980, 2008; Ser 7. Vol. 1—2. Roma, 1953, 1955.

³ Papers relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference. Vol. 1—13. Washington D.C., 1943—1947.

⁴ Mantoux P. Les deliberations du Conseil des Quatre. 24 Mars — 28 Juin 1919. T. 1—2. P., 1954.

⁵ France. Ministere des affaires etrangeres. Documents diplomatiques. Conference de Lausanne. P., 1923.

легаций стран Антанты представляют собой лишь конечный продукт их совместной работы, а процесс их выработки не показан. Другое французское издание освещает ход дебатов на Лозаннской конференции¹. Оно представляет собой серию небольших брошюр, каждая из которых охватывает только один день работы конференции.

Использовалось и советское издание такого рода — «Документы внешней политики СССР»². Его охват уже, чем у британского аналога. В нем, например, очень слабо представлена внутренняя документация НКВД. Тенденциозность отбора документов в этом издании очевидна. Ничего, что могло бросить хоть малейшую тень на политику Советской России, в сборник не попало. Из имеющихся документов для автора особый интерес представляет переписка главы НКВД Г.В. Чичерина с его заместителем М.М. Литвиновым во время Лозаннской конференции. Существенным дополнением к этой официальной публикации стал вышедший недавно сборник документов по турецкой проблеме из Российского государственного архива социально-политической истории³. Хотя документы в этом издании часто приводятся в сокращении, но они дают гораздо больше ценной информации, чем сведения из официальной публикации.

Наиболее доступными изданиями, содержащими тексты важнейших дипломатических соглашений, связанных с нашей темой, являются «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях»⁴ и «Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне»⁵. Первое в нескольких томах объединяет наиболее важные документы того времени, но их тексты представлены с сокращениями. Во втором, помимо полных текстов двух основных договоров, опубликованы и все сопутствующие им документы. Большой интерес представляют вводная статья и комментарии к севрским и лозаннским документам, подготовленные

¹ Conférence de Lausanne sur les affaires du Proche Orient. Proces verbal. P., 1923.

² Документы внешней политики СССР. Т. 1—4. М., 1957—1959.

³ Турция: рождение национального государства, 1918—1923. По документам РГАСПИ. М., 2007.

⁴ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2—4. М., 1926—1928.

⁵ Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. М., 1927.

А.В. Сабаниным, который был секретарем советской делегации в Лозанне. Большое значение имеет переписка между британским верховным комиссаром в Египте Г. Мак-Магоном и правителем (шерифом) Мекки Хусейном, которая велась в 1915—1916 годах. Вместе с некоторыми сопутствующими документами она недавно вышла в переводе на русский язык¹. Мы, однако, пользовались и английскими текстами писем, часть из которых опубликована в сети Интернет². Достаточно полную подборку документов по ближневосточным проблемам подготовил американский исследователь Дж. Хьюриц³. Из-за недоступности печатных изданий текстов некоторых международных документов в работе использовались их электронные публикации в сети Интернет. В частности, это касается отчетов двух американских комиссий — Кинга—Крейна, посетившей Ближний Восток летом 1919 года⁴, а также генерала Харборда, посетившей в сентябре того же года Анатолию и Закавказье⁵.

Другим важным официальным источником являются парламентские материалы. В Великобритании они представлены продолжающимся многотомным изданием «Парламентские дебаты», которые издаются по отдельности для каждой палаты. Каждый том охватывает период примерно в три-четыре недели⁶. Во Франции подобной серии в этот период не издавалось. Дебаты Национального собрания печатались в ежедневном «Официальном журнале Французской Республики»⁷.

Материалы прессы. К сожалению, далеко не вся зарубежная пресса изучаемого периода поступала в нашу страну из-за гражданской войны и внешнеполитической изоляции Советской России.

---

¹ Переписка Мак-Магона — Хусейна 1915—1916 гг. и вопрос о Палестине: документы и материалы. М., 2008.

² The Husayn — McMahon Correspondence. 14 July 1915 — 10 March 1916. <http://course1.winona.edu/aefand/PolSci270/documents.htm>.

³ Hurewitz J.C. (ed.) *Diplomacy in the Near and Middle East. 1914—1956*. Vol. 2. Princeton, 1956.

⁴ The King-Crane Commission Report, August 28, 1919, <http://www.atour.com/government/un/20040205g.html>.

⁵ Harbord James G. *Conditions in the Near East: Report of the American Military Mission to Armenia*. <http://armenianhouse.org/harbord/conditions-near-east.htm>.

⁶ Great Britain. Parliament. *Parliamentary Debates. House of Commons. Ser. 5*. Vol. 112—168. L., 1919—1923.

⁷ *Journal officiel de la Republique Francaise. Debats Parlementaires. Chambre des deputes; Senat. P., 1921—1923.*

Мы, в частности, использовали французскую газету *Le Temps* за 1920—1923 годы, а из английских печатных изданий — газету *The Times* (1919—1922) и журнал *Economist* (1922). Также использовались обзоры прессы, содержащиеся в изданиях дипломатических документов.

Публицистика. Публицистической литературы по Восточному вопросу особенно много выходило во Франции. В нашей работе использовались произведения С.Ж. Белло¹, П. Лоти², Ж. Кайзера³, М. Перно⁴, А. Фабр-Люса⁵, Р. де Гонтон-Бирона⁶, Б. Жорж-Голли⁷. В Англии внешнеполитическая публицистика была распространена меньше. Самым ярким примером этого жанра является работа А.Дж. Тойнби «Западный вопрос в Греции и Турции»⁸. К жанру публицистики можно отнести также опубликованные лекции по Восточному вопросу одного из ведущих британских экспертов того времени В. Чиролы⁹. Свои труды в Европе издавали и представители народов Востока¹⁰. Американские публицисты также не обошли стороной ближневосточные проблемы. Им, в частности, посвящена книга Г. Гиббонса, работавшего на Парижской мирной конференции в качестве журналиста¹¹.

Мемуарные источники. Наиболее важными для исследования являются воспоминания британского премьер-министра Д. Ллойд Джорджа. Необходимый для данной работы материал собран во

¹ Bello C.G. L'Angleterre, la France et le probleme de Constantinople. Notes et reflection sur la Turquie. P., 1920.

² Loti Pierre. La mort de notre chere France en Orient. P., 1920. P. II—III.

³ Кайзер Ж. Европа и новая Турция. М., 1925.

⁴ Pernet Maurice. La question turque. P., 1921.

⁵ Fabre-Luce A. La crise des alliances. Essai sur les relations francobritanniques depuis la signature de la paix. (1919—1922). P., 1922.

⁶ Gontaut-Biron R. Comment la France c'est installee en Syrie (1918-1919). P., 1922; Gontaut-Biron R. et Le Reverend I. D'Angora a Lausanne. Les etapes d'une decheance. P., 1924.

⁷ Georges Gaulis B. Le nationalisme turc. P., 1921; Georges Gaulis B. Angora, Constantinople, Londres. Moustafa Kemal et la politique Anglaise en Orient. P., 1922.

⁸ Toynbee A. The Western Question in Greece and Turkey. A Study in the Contact of Civilisations. Boston — N.Y., 1923.

⁹ Chirol V. Occident and Orient. Lectures in the Harris Foundation. Chicago, 1924.

¹⁰ Kiazim Omar. L'aventure Kemaliste. Elle est un danger pour l'Orient, pour l'Europe, pour la paix. P., 1921; Khwaja Kamal Ud-Din. India in the Balance. British Rule and the Caliphate. L., 1922.

¹¹ Gibbons H.A. The New Map of Asia (1900 — 1919). N.Y., 1921.

второй части его мемуаров, озаглавленной «Правда о мирных договорах»¹. Данному произведению свойственна крайняя тенденциозность, часто приводящая автора к искажению фактов. Свои воспоминания об этом периоде оставил и У. Черчилль², занимавший в коалиционном правительстве должность сначала военного министра, а потом министра по делам колоний. Критическое отношение к политике Ллойд Джорджа делает мемуары Черчилля более надежным источником, чем воспоминания самого премьер-министра.

Никто из французских политических деятелей «первого звена» не оставил столь подробного описания интересующих нас событий. Клемансо, Мильеран, Бриан вообще не писали воспоминаний, а мемуары Пуанкаре не выходят за рамки военного периода. А. Тардьё в своей книге «Мир» все внимание сосредоточил на германском вопросе. Мы, однако, располагаем публикацией частной корреспонденции Поля Камбона, занимавшего пост французского посла в Лондоне до 1920 года³. Большой интерес представляют мемуары его преемника графа де Сент-Олера⁴, особенно в сопоставлении с воспоминаниями его коллеги — английского посла в Париже в 1921—1922 годах лорда Гардинга⁵.

Большой исторический интерес представляют воспоминания и дневники некоторых деятелей, не игравших в изучаемых событиях определяющей роли, но бывших их свидетелями и участниками. К их числу принадлежал Г. Никольсон — один из секретарей британской делегации на многих послевоенных конференциях. Одна из его книг — «Как делался мир в 1919 году» — посвящена Парижской мирной конференции⁶ и объединяет воспоминания автора о конференции и его дневники, написанные непосредственно в это время. Другая работа Никольсона посвящена дипломатической деятельности лорда Керзона⁷. Определенный интерес представляют дневники лорда Ридделла — фактического

¹ Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. М., 1957. Т. 1, 2.

² Черчилль У. Мировой кризис. М., 2003.

³ Cambon P. Correspondence. 1870—1924. Т. 3. P., 1946.

⁴ Saint-Aulaire, comte de. Confession d'un vieux diplomate. P., 1953.

⁵ Hardinge Ch. Old Diplomacy. L., 1974.

⁶ Никольсон Г. Как делался мир в 1919 году. М., 1945.

⁷ Nicolson H. Curzon: the Last Fase. A Study in Post-War Diplomacy. L., 1937.

пресс-секретаря Ллойд Джорджа¹. Дневники американского эксперта на парижской Конференции С. Бонсала являются американским аналогом дневников Г. Никольсона. Главный предмет интересов автора — поведение «малых держав» на конференции². Воспоминания секретаря итальянской делегации в Париже Л. Альдрованди Марескотти также небезынтересны для истории дипломатической борьбы вокруг наследства Османской империи³. Для понимания взаимоотношений английских и французских властей в Сирии в 1919 году хороший материал дает дневник полковника Мейнерцхагена, служившего в штабе британского главнокомандующего Алленби⁴. Некоторые важные факты можно почерпнуть и из воспоминаний М. Эллиотт — американской медсестры, работавшей в Турции в 1919—1920 годах⁵.

В мемуарах Мустафы Кемаль-паши (Ататюрка)⁶ очень полезны сведения о переговорах с иностранными представителями. Примечания к воспоминаниям Кемалю, составленные издателями, содержат большие цитаты из других источников и поэтому имеют самостоятельное научное значение. Определенный интерес представляют и воспоминания советского полномочного представителя в Анкаре в 1922—1923 годах С.И. Аралова⁷.

История англо-французских отношений на Ближнем Востоке освещена в доступных источниках достаточно полно, но неравномерно. Политика Великобритании нашла свое отражение главным образом в документах из архивов Форин Оффиса, а также в воспоминаниях политических деятелей и в парламентских материалах. Аналогичные французские источники менее доступны. Вместе с тем позицию Франции можно проследить по многочисленным материалам прессы и публицистики, в то время как английских материалов подобного рода в нашем распоряжении значительно меньше. В ряде случаев недостаток информации восполняется за счет турецких (воспоминания Кемалю и примечания к ним), американских, итальянских и советских источников.

¹ Riddell G. The Riddell Diaries. L., 1986.

² Bonsal S. Suitors and Suppliers The Little Nations at Versailles. N.Y., 1946.

³ Альдрованди Марескотти Л. Дипломатическая война. М., 1944.

⁴ Meinertzhagen R. Middle East Diary. 1917—1956. L., 1956.

⁵ Elliott M.E. Beginning again in Ararat. L; Edinburgh; N.Y., 1924.

⁶ Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. 1919—1927. Т. 1—4. М., 1929.

⁷ Аралов С.И. Воспоминания советского дипломата. 1922—1923. М., 1960.

ВВЕДЕНИЕ

* * *

События, ставшие объектом настоящего исследования, так или иначе затрагивались в работах историков-востоковедов и историков международных отношений.

Лучше всего ближневосточная проблематика освещена в работах исследователей, профессионально занимавшихся этим регионом. В советской историографии интерес к нему возник еще в 1920-е годы. Наиболее авторитетным автором, писавшим на эти темы, тогда был В. Гурко-Кряжин, автор предисловия и комментариев к русскому изданию воспоминаний М. Кемаля¹. После него усилия советских историков-востоковедов были нацелены, в первую очередь, на изучение истории национально-освободительного движения. При этом в советской историографии четко выделялось два направления. Одни авторы (А.Ф. Миллер², Д.Н. Филиппенко³, А.В. Азимов⁴, А.М. Шамсутдинов⁵, Н.З. Эфендиева⁶) уделяли главное внимание турецкому национальному движению во главе с М. Кемалем, а другие (М.С. Лазарев⁷, Р.Г. Саакян⁸) — национальным движениям нетурецких народов Османской империи. Авторы первой группы, как правило, осуждают западные державы за стремление к захвату или экономическому порабощению Турции, а историки второй группы — за фактический сговор с кемалистами за счет национальных меньшинств. Вместе с тем советские востоковеды достигли больших успехов в раскрытии характера и глубинных причин ближневосточной

¹ Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. 1919—1927. Т. 1. С. XIX—LXIV, М., 1929.

² Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. М., Л., 1948; Миллер А.Ф. Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983.

³ Филиппенко Д.М. Турецко-Французьки відносини в період національно-визвольної війни в Туреччині (1918—1922). Дисертація на здобуття вченого ступеня кандидата історичних наук. Київ, 1964.

⁴ Азимов А.В. Турция в международных отношениях 1918—1922 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Киев, 1965.

⁵ Шамсутдинов А.М. Национально-освободительная борьба в Турции 1918—1923. М., 1966.

⁶ Эфендиева Н.З. Борьба турецкого народа против французских оккупантов на юге Анатолии. Баку, 1966.

⁷ Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос (1917—1923) М., 1972.

⁸ Саакян Р.Г. Франко-турецкие отношения и Киликия в 1918—1923 гг. Ереван, 1986.

политики Великобритании (М.С. Лазарев) и Франции (Д.Н. Филиппенко, Р.Г. Саакян). Значительную часть среди работ советских историков составляют статьи в различных сборниках. Например, единственной специальной работой на русском языке, посвященной взаимоотношениям Великобритании и Франции на Арабском Востоке, остается статья В.Б. Луцкого¹. В.И. Шпилькова² и Б.М. Поцхверия³ основное внимание уделяют ближневосточной политике США в 1919 году, приписывая им стремление к прямому «захвату» Турции.

Советские историки внешней политики европейских держав уделяли сравнительно мало внимания «межимпериалистическим противоречиям» на Ближнем Востоке в начале межвоенного периода. И.М. Лемин⁴ делает акцент на разногласиях внутри британской правящей элиты, и Восточный вопрос у него предстает как единоборство Великобритании с национально-освободительным движением. В работе В.Г. Трухановского эта тематика освещена еще более кратко⁵. Наиболее близкая к нашей теме обобщающая работа принадлежит А.Ф. Аноп⁶. Автору в целом удалось показать действовавший в Великобритании механизм принятия внешнеполитических решений и выявить различные точки зрения в британском руководстве и общественном мнении. Но турецкая проблема изучается фактически вне контекста отношений Великобритании с другими державами, а отказ от включения в хронологические рамки работы Лозаннской конференции приводит

---

¹ Луцкий В.Б. Арабский вопрос и державы-победительницы в период Парижской мирной конференции (1918—1919). // Арабские страны. История. Экономика. М., 1966.

² Шпилькова В.И. Империалистическая политика США в отношении Турции (1914—1920). М., 1960. Шпилькова В.И. Турецкий вопрос на Парижской мирной конференции 1919 года. // Московский педагогический институт имени Ленина. Ученые записки. Т. 109, вып. 6. М., 1957.

³ Поцхверия Б.М. Американские комиссии в Турции в 1919 года. // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. 17. М., 1959; Поцхверия Б.М. Турецкий вопрос в сенате США (конец 1919 — середина 1920 года). // Краткие Сообщения Института востоковедения АН СССР. Т. 19. М., 1956.

⁴ Лемин И.М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. 1919—1925. М., 1947.

⁵ Трухановский В.Г. Внешняя политика Великобритании на первом этапе общего кризиса капитализма (1918—1939). М., 1962.

⁶ Аноп А.Ф. Политика Англии в отношении Турции в 1918—1922 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Томск, 1991.

к неоправданному выводу о полном поражении британской политики в турецком вопросе.

В зарубежной историографии единственным полномасштабным исследованием на эту тему является вышедшая еще в 1938 году книга англичанина Генри Камминга¹. Автор опирался на ограниченное количество источников (парламентские материалы, официальные публикации и некоторые воспоминания) и избегал экскурсов в сторону смежных проблем. В 1960-е годы Дж. Невакиви вновь обратился к взаимоотношениям двух великих держав на Ближнем Востоке в начале межвоенного периода², но его труд затрагивает лишь арабскую проблематику.

Отношения между великими державами на Востоке затрагиваются в более общих работах. Американский историк Г. Говард³ одним из первых обратился к изучению раздела Османской империи. Он использовал огромное количество английских, французских, американских, австрийских, германских, балканских, турецких и русских источников. Уже в 1970-е годы другой американский историк П. Хелмрейч отчасти повторил проделанное Говардом исследование на основе новых данных, но его работа доведена только до подписания Севрского договора⁴.

Британские историки, авторы коллективного труда «Великие державы и конец Османской империи»⁵, много сделали для выявления роли каждой из держав в процессе распада Османской империи накануне, во время и после окончания Первой мировой войны. Сведения об экономических интересах европейских держав на Востоке (очень подробные в отношении Франции и эпизодические в отношении других держав) обобщены в работе французского исследователя Ж. Тоби⁶. Борьба великих держав (в первую очередь — Великобритании) за нефтяные месторождения Месопотамии

---

¹ Cumming H.H. *Franco-British Rivalry in the Post-war Near East. The Decline of French Influence*. L., 1938.

² Nevakivi J. *Britain, France and the Arab Middle East*. L., 1969.

³ Howard H.W. *The Partition of Turkey, a Diplomatic History, 1913—1923*. Norman. Oklahoma Univ. press. 1931.

⁴ Helmreich P.C. *From Paris to Sevres. The Partition of the Ottoman Empire at the Peace Conference of 1919—1920*. Columbus (Ohio), 1974.

⁵ *The Great Powers and the End of the Ottoman Empire*. L., 1984.

⁶ Thobie J. *Interêts et imperialismes français dans l'Empire Ottoman (1895—1914)*. P., 1977.

тамии исследуется в работе М. Кента¹. Книга англичанина Д. Уолдера «Чанакский кризис»² вопреки названию охватывает всю историю последних лет Османской империи и является скорее научно-популярным трудом, но в ней можно найти ряд интересных фактов, характеризующих британскую политику на Востоке.

Значительная часть британских и американских историков смотрят на изучаемые проблемы с точки зрения исторических судеб британской колониальной империи. Все они стремятся ответить на вопрос, насколько успешной была английская внешняя политика в том или ином регионе для укрепления и обеспечения ее безопасности. Различия между историками проявляются лишь в оценке эффективности британской дипломатии. Отношения Великобритании с соперниками, прежде всего с Францией, выступают при этом лишь как один из многих факторов, влиявших на действия британских политиков.

Американский историк Б. Буш придает большое значение советско-английским отношениям, в которых он видит лишь продолжение старого англо-русского соперничества на Востоке. Замечания по англо-французским отношениям встречаются в его книге лишь эпизодически³. Е. Надсен на примере проблемы Константинополя пессимистично оценивает результаты британской политики на Востоке⁴, а чрезмерные обострения англо-французских противоречий считает досадными недоразумениями, лишь сыгравшими на руку туркам. Со схожих позиций написаны работы английского историка Э. Кедури, посвященные событиям в арабских странах⁵. Наиболее полное освещение ближневосточная политика Великобритании в изучаемый период получила в работах Дж. Дарвина⁶

¹ Kent M. *Oil and Empire. British Policy and Mesopotamian Oil. 1900—1920.* N.Y., 1976.

² Walder D. *The Chanak Affair.* L., 1969.

³ Bush B.C. *Mudros to Lausanne. Britain's Frontier in West Asia 1918—1923.* Albany (N.Y.), 1976.

⁴ Knudsen E.L. *Great Britain, Constantinople and the Turkish Peace Treaty. 1918—1922.* N.Y., L., 1987.

⁵ Kedourie E. *England and the Middle East. The Destruction of the Ottoman Empire. 1914—1921.* L. 1956; Kedourie E. *In the Anglo-Arab labyrinth. The McMahon—Husayn Correspondence and its Interpretations. 1914—1939.* Cambridge, 1976.

⁶ Darwin J. *Britain, Egypt and the Middle East. Imperial Policy in the Aftermath of the War. 1918—1919.* N.Y.; L., 1981.

и А.С. Климана¹. Английские ученые Ч.М. Эндрю и А.С. Канья-Форстер провели аналогичное исследование колониальной политики Франции², показав ее относительную непопулярность внутри страны и зависимость от деятельности ограниченных групп давления. Ход военных действий на Востоке в 1920—1921 годах, которые позволили Франции утвердиться в Сирии, но в то же время заставили ее отказаться от Киликии, подробно исследован в работе французского военного историка генерала Дюэ³. Позиция США в Восточном вопросе рассматривается в книге Р. Траска, но большой хронологический охват позволяет автору сосредоточиться лишь на наиболее ярких эпизодах⁴.

О французской и отчасти турецкой историографии собственно «турецкого вопроса» позволяет составить представление сборник статей, вышедший к 100-летию Мустафы Кемалю (Ататюрка) и посвященный франко-турецким отношениям в его эпоху⁵. Во всех статьях, вошедших в этот сборник, всячески подчеркиваются элементы сотрудничества Парижа и Анкары, а эпизоды, связанные с враждебностью и соперничеством, старательно затушевываются.

Наиболее крупная турецкая работа по данной теме на европейском языке принадлежит С.Р. Соньелю⁶. Автор высоко оценивает способность турецких дипломатов к игре на противоречиях между заинтересованными державами. Автор показал как внутренние корни греко-турецкой войны, так и роль великих держав в ее развязывании. Среди турецких авторов также следует отметить Б. Гёкая⁷ и Оке Мим Кемалю⁸.

---

¹ Klieman A.S. Foundations of British Policy in the Arab World. The Cairo conference of 1921. Baltimore; L., 1970.

² Andrew Ch. M., Kanya-Forster A.S. France Overseas: The Great War and the Cimax of French Imperial Expansion. L. 1981.

³ Du Hays, le général. Les armées françaises au Levant. 1919—1939. Tomes 1, 2. Chateau de Vincennes, 1978.

⁴ Trask R. The United States Response to Turkish Nationalism and Reform, 1914—1939. Minneapolis, 1971.

⁵ La Turquie et la France a l'époque d'Ataturk. P., 1981.

⁶ Sonyel S.R. Turkish Diplomacy, 1918—1923. Mustafa Kemal and the Turkish National Movement. L., Beverly Hills, 1975.

⁷ Gökay B. Turkish Settlement and the Caucasus. 1918—1920. // Middle Eastern Studies. Vol. 32. No. 2. (Apr. 1996).

⁸ Öke Mim Kemal. Abortive attempts for Arab-Turkish Rapprochement. 1918—1921. Themes and Sources. Ankara, 1988.

Греческая точка зрения наиболее полно представлена в книге М.Л. Смита¹, а позиция Греции на Парижской мирной конференции — в работе греческого историка Н. Петсалиса-Диомидиса², причем автор прослеживает связи между малоазиатским направлением греческой внешней политики и другими проблемами, представлявшими интерес для Афин, прежде всего балканскими. Французский историк С.П. Космен исследовал политику великих держав по отношению к Греции и пришел к выводу, что она была крайне своекорыстной: Греция втягивалась в военные конфликты по воле стран Антанты, вопреки собственным интересам³.

Очень подробно в зарубежной историографии изучен армянский вопрос. Наиболее полно применительно к нашему периоду он освещен в работе С.Дж. Уокера⁴, написанной с позиций, сочувственных к армянской точке зрения. В книге А. Тер-Минасяна о дашнакской Армении⁵ в числе прочих вопросов освещаются связи армянского государства с державами Антанты. Армянский взгляд на проблему Киликии представлен в работе Г.К. Мумджяна⁶, а турецкий — Г. Юджея⁷.

Наиболее значительной работой по сирийскому вопросу остается книга ливанского историка Зейне Н. Зейне⁸. Он уделяет основное внимание истории арабского королевства эмира Фейсала в Сирии, а англо-французским отношениям отводит подчиненную роль. Роль сирийского вопроса в политике Великобритании стала предметом исследования Дж.Ф. Фишера⁹, а в политике Франции —

¹ Smith M.L. Ionean Vision. Greece in Asia Minor, 1919—1922. L., 1973.

² Petsalis-Diomidis N. Greece at the Paris Peace Conference. Thessaloniki, 1978.

³ Cosmin S.P. Dossiers secrets de la triple Entente. Grece 1914—1922. P., 1969.

⁴ Walker C.J. Armenia: The Survival of a Nation. L., 1990.

⁵ Ter Minassian A. La Republique d'Armenie. Bruxelles, 1989.

⁶ Mounjian G.K. Cilicia Under French Mandate, 1918—1921.

http://www.armenian-history.com/Nyuter/HISTORY/G_Moumdjian/Garabet_M_Cilicia_under_French_mandater_1918_1921.htm.

⁷ Yucl G. The Struggle for Mastery in Cilicia: Turkey, France and the Ankara Agreement of 1921. // The International History Review. Vol. 23. No. 3. September, 2001.

⁸ Zeine Zeine N. The Struggle for Arab Independence. Western Diplomacy and the Rise and Fall of Faisal's Kingdom in Syria. Beirut, 1960.

⁹ Fisher J.F. Syria and Mesopotamia in British Middle Eastern Policy in 1919 // Middle Eastern Studies. Vol. 34. No. 2 April, 1998.

Дж.К. Таненбаума¹. Полезные сведения о ситуации в Сирии можно найти и в работах британского историка Ф. Хури, но большой хронологический охват позволяет ему делать лишь самые общие замечания². Специфическая ситуация в Ливане подробно освещена в монографии израильского ученого М. Замира³. Тем же сюжетам посвящена книга французского историка арабского происхождения Ж. Хури⁴, которая носит явно апологетический характер по отношению к ближневосточной политике Франции.

Из всех ближневосточных проблем по понятным политическим причинам наиболее изученной является палестинская. Обилие литературы заставляет обращаться только к тем работам, где в какой-то степени затронуты англо-французские противоречия в Палестине в первые послевоенные годы. Данная проблема не обойдена вниманием в исследованиях А. Лорана⁵, Р. Сандерса⁶, Г. Бовиса⁷, Дж. Кимхе⁸, но предметом специального исследования один из ее аспектов (территориальное разграничение) стал лишь в небольшой статье Дж. Мак-Тага⁹.

Ближневосточных проблем касались и исследователи внешней политики стран Антанты. Англичанин Ф.С. Нортедж¹⁰ признает неизбежность англо-французских противоречий на Востоке и в целом высоко оценивает работу английских дипломатов.

¹ Tanenbaum J.K. *France and the Arab Middle East, 1914—1920* // Transactions of the American Philosophical Society, New Series, Vol. 68. No. 7. Philadelphia, 1978.

² Khoury Ph.S. *Urban Notables and Arab Nationalism. The Politics of Damascus, 1860—1920*. Cambridge, 1983; Khoury Ph.S. *Syria and the French Mandate. The Politics of Arab Nationalism. 1920—1945*. L., 1987.

³ Zamir M. *The Formation of Modern Lebanon*. L., 1985.

⁴ Khoury G. *La France et l'Orient Arabe. Naissance du Liban moderne*. P., 1993.

⁵ Laurens H. *La question de Palestine. 1799—1922*. T. 1. *L'invention de la Terre Sainte*. P., 1999.

⁶ Sanders R. *The High Walls of Jerusalem. A History of Balfour Declaration and the Birth of the British Mandate for Palestine*. N.Y., 1983.

⁷ Bovis H.E. *The Jerusalem Question, 1917—1968*. Stanford (Calif.), 1971.

⁸ Kimche J. *The Unromantics. The Great Powers and the Balfour Declaration*. L., 1968.

⁹ McTague J. *Anglo-French Negotiations over the Boundaries of Palestine, 1919—1920*. // *Journal of Palestine Studies*. Vol. 11, No. 2. Winter 1982.

¹⁰ Northedge F.S. *The Troubled Giant. Britain among the Great Powers, 1918—1939*. L., 1966. P. 125—159.

М.Л. Докрилл и Дж. Д. Гулд¹ приходят к более пессимистичным выводам. Одну из главных причин неудач британской политики они видят в жесткой линии по отношению к Турции, сочетавшейся с попустительством по отношению к Германии. Внешняя политика Франции с 1914 по 1945 год рассматривается в книге французского историка Ж. Нере². Он считает, что англо-французские противоречия были обусловлены экономическими и геополитическими причинами, но рассматривает их преимущественно через призму Германского вопроса, уделяя совсем немного места ситуации на Востоке.

В настоящее время в историографии отсутствуют специальные работы, посвященные влиянию проблем Ближнего Востока на англо-французские отношения в начале межвоенного периода. Единственная работа, принадлежащая Г. Каммингу, значительно устарела, а работы по смежным проблемам не могут адекватно осветить эту тематику. Этот пробел призвана восполнить данная работа.

Автор выражает искреннюю признательность сотрудникам кафедры Новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ им. Ломоносова за огромную помощь и поддержку. Особую благодарность хочется выразить доценту Л.Н. Еремину, благодаря которому стало возможным появление этого исследования. Автор признателен доцентам В.Н. Горохову, С.А. Соловьеву и Е.В. Романовой за поддержку и ценные советы, которые очень помогли в работе над избранной темой. Автор также благодарит профессора А.С. Манькина за проявленный интерес и содействие в подготовке монографии.

---

¹ Dockrill M.L., Gould J.D. Peace without Promice. Britain and the Peace Conferences. 1919—1923. L., 1981.

² Nere J. The Foreign Policy of France from 1914 to 1945. L., Boston, 1975.

Глава I

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ ЕВРОПЫ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Интересы великих держав в Османской империи к 1914 году

События 1918—1923 годов на Ближнем Востоке и в Малой Азии завершали длительный процесс разрешения так называемого Восточного вопроса, который представлял собой сложный комплекс международных проблем, вызванных постепенным упадком Османской империи и стремлением ряда великих держав Европы к контролю над ее территориями и ресурсами. Постоянными участниками этого процесса были Великобритания, Франция, Россия и Австро-Венгрия, к которым позже присоединились Германия и Италия. Все эти державы действовали, исходя из собственных долгосрочных интересов. Без ясного представления о характере этих интересов будет невозможно правильное понимание их действий. В особенности это относится к Великобритании и Франции, имевшим самый большой опыт ближневосточной политики и самые обширные интересы в этом регионе.

Отношения между Великобританией и Францией в контексте Восточного вопроса варьировались от активного (но не военного) противостояния, которое часто развивалось параллельно с разногласиями по другим вопросам, до тактического союза перед лицом третьих стран. Установление между ними в 1904 году «сердечного согласия» сопровождалось ликвидацией ряда взаимных претензий, в том числе и затрагивавших Восточный вопрос. С началом войны, когда Германия, Австро-Венгрия и сама Турция оказались во враждебном лагере, Великобритания и Франция сочли необходимым согласовать друг с другом и со своими союзниками планы будущего решения ближневосточных проблем. После войны политика этих двух держав стала играть главную роль на последнем этапе решения Восточного вопроса.

Согласно принятой в то время терминологии (особенно распространенной во Франции), интересы великих держав в Осман-

ской империи подразделялись на «материальные» (экономические, стратегические и правовые) и «моральные» (культурные и политические). Для удобства изложения мы также воспользуемся данной классификацией и рассмотрим оба эти комплекса.

«Материальные интересы»

Экономическое проникновение европейских стран в Османскую империю началось очень давно. Оно осуществлялось тремя путями: через займы турецкому правительству, через торговлю, а также через концессии на разработку полезных ископаемых, строительство железных дорог, портов, телеграфных линий и т. д.

К началу XX века финансы и экономика империи находились почти в полной зависимости от иностранного капитала. Османское правительство не могло контролировать свои доходы, значительная часть которых на основании так называемого Мухарремского (по названию месяца мусульманского календаря) декрета от 1881 года поступала в распоряжение Комиссии оттоманского государственного долга, в которую, наряду с турецким, входили английский, французский, итальянский, немецкий и австрийский представители. Администрация имела право взимать с населения многие налоги и пошлины под защитой турецкой жандармерии и полиции¹. Штат ее сотрудников насчитывал около 5000 человек.

Экономическое, политическое и культурное проникновение иностранных держав в Османскую империю облегчалось существованием особой системы юридических привилегий — «капитуляций». Она включала в себя ряд юридических и экономических гарантий по отношению к иностранным подданным. Самыми важными из них были неподсудность иностранцев турецким судам и установление фиксированного низкого таможенного тарифа на иностранные товары. Начало этой системы было заложено еще в XVI веке, но в XIX веке европейские державы добились превращения капитуляций из добровольного султанского пожалования в обязательные для Турции условия².

¹ Todorova C. Die finanzielle Abhängigkeit Griechlands, der Türkei, Serbiens und Bulgariens von den westeuropäischen Staaten bis zum ersten Weltkrieg // Actes du premier congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. Sofia, 1970. P. 13.

² См. подробнее: Bullard R. Large and Loving Priveleges. The Capitulations in the Middle East and North Africa. Glasgow, 1960.

Великобритания была одним из крупнейших инвесторов в турецкую экономику. Но особенностью ее экономических интересов в Турции была их значительная концентрация в сравнительно небольшом регионе Персидского залива, который всегда рассматривался в Лондоне как зона особых интересов Великобритании и важнейшее звено в цепи имперских коммуникаций на пути в Индию. В 1906 году Великобритания вместе с Индией держала в своих руках 79% торговли в районе залива, хотя чисто британская доля составляла только 28%. Судостроение в заливе в том же 1906 году на 85% находилось в руках британских и англо-индийских компаний. Судостроение по Тигру и Евфрату почти полностью контролировалось англичанами. С этим связано и значительное участие британского капитала в судостроительной и судоремонтной отраслях турецкой экономики.

Летом 1914 года, всего за несколько недель до начала войны, турецкое правительство согласилось предоставить концессию на добычу нефти в районе Мосула вновь созданной корпорации Turkish Petroleum Co, большинство акций которой принадлежало британским компаниям (Anglo-Persian Oil — 50%, Royal Dutch Shell — 25%), а 25% владел Deutsche Bank¹. Разумеется, из-за начавшейся войны никаких практических шагов к осуществлению этой концессии сделано не было.

В других частях империи владения английского капитала были невелики. Многие железные дороги Анатолии были построены на английские деньги, но затем проданы немецким и французским компаниям. Англичане оставили за собой только небольшую линию Смирна (Измир) — Айдын. Английским капиталом контролировалась Константинопольская телефонная компания, а также ряд судостроительных, добывающих, инженерных, страховых и торговых предприятий. В 1911 году 22% турецкой внешней торговли приходилось на Великобританию. Однако в финансовой сфере английское проникновение было незначительным, и к 1914 году лишь 15% облигаций Османского государственного долга принадлежало английскому капиталу. Английские банки не вели активной деятельности в Турции. Лишь в районе Персидского

---

¹ Stanley E. War and the Private Investor // Chapter 6. — <http://history.cc.ukans.edu/~libsite/wwi-www/investor/Staley06.html>

залива действовало отделение Персидского имперского банка, подконтрольного английскому капиталу.

Интересы **Франции** в Османской империи имели совсем иной характер. Именно Франция являлась самым крупным кредитором Высокой Порты. Ей накануне войны принадлежало 65% Оттоманского государственного долга. Государственный банк империи — Оттоманский имперский банк, обслуживавший этот долг, являлся, по существу, совместным англо-французским предприятием, но так как 80% его акций принадлежало французскому капиталу, то и управлялся он фактически из Парижа. Кроме того, французы контролировали Салоникский банк, имевший отделения в Константинополе, Адрианополе (Эдирне), Смирне и Самсуне, в Турции также активно действовал крупнейший банк Франции Credit Lyonnais.

Французский капитал контролировал практически всю городскую инфраструктуру оттоманской столицы — Константинополя (водопровод, электричество, газ, склады, набережные и доки, а также, совместно с английскими партнерами, телефонную сеть). Франция владела концессиями на разработку полезных ископаемых во многих частях страны¹. Самой значительной была концессия на угольные копи Гераклеийского полуострова, где французская корпорация Soci t  de Heracl e чувствовала себя полновластной хозяйкой (ей принадлежало 90% акций всех действующих шахт)². На французские деньги строился порт в городе Мерсина (Мерсин), а в 1914 году, незадолго до начала войны, Франция получила концессии на строительство портов на черноморском побережье в Инеболу, Эрегли, а также, совместно с Великобританией, в Самсуне и Трабзоне. Французские компании обладали концессиями на строительство многих железных дорог, преимущественно на побережье Черного моря. Французскому капиталу также принадлежала сеть железных дорог к северу от Смирны до Мраморного моря («Смирна—Кассаба и продолжения»). Общий объем французских капиталовложений (вместе

¹ Gontaut-Biron R. et Le Reverend I. D'Angora a Lausanne. Les etapes d'une decheance. P., 1924.

² Філіпенко Д.М. Турецько-французьки видностини в період національно-визвольної війни в Туреччині (1918—1922). Дисертація на здобуття вченого ступеня кандидата історичних наук. Київ, 1964. С. 8.

с займами) составлял от 3285 до 3500 млн франков (около 60% всех иностранных капиталовложений)¹. В частности, французскому капиталу принадлежало 62% иностранных капиталовложений в банковский сектор Турции, 46% вложений в железные дороги, 67% — в порты и набережные, 88% — в водопроводы, 100% — в угольные и рудные шахты и 62% — в прочие предприятия². В то же время в 1911 году на Францию приходилось лишь 13% внешней торговли Османской империи, то есть по этому показателю она уступала Великобритании и Австро-Венгрии (22% и 16% соответственно).

Однако собственно турецкие земли играли сравнительно периферийную роль в деятельности французских капиталистов³. Их наибольшая активность была сосредоточена в Сирии и Ливане, которые являлись главной сферой интересов Франции на Востоке. Вся городская инфраструктура крупнейшего порта региона — Бейрута — была создана в основном на французские деньги. Здесь располагались конторы французских банков и торговых компаний. Через Сирию проходила построенная французами и принадлежавшая французской группе железная дорога Райак—Алеппо. Французский капитал контролировал газ и электричество в городах Ливана и Сирии. Производство табака и торговля им в Османской империи было монополизировано французской компанией *Regie des Tabacs* с капиталом в 40 млн. франков. Франция экспортировала из Восточного Средиземноморья сельскохозяйственное сырье, в первую очередь хлопок, который рассматривался французскими коммерсантами как альтернатива зависимости от импорта из США. В руках французского капитала также полностью находилась скупка шелка-сырца — основного предмета экспорта из региона. Сирийские хлопок и шелк были основным сырьем для ткацких фабрик Лиона, куда они поступали через Бейрут и Марсель.

¹ Філіпенко Д.М. Указ. соч. С. 6.

² Fabre-Luce A. La crise des alliances. Essai sur les relations francobritanniques depuis la signature de la paix. (1919—1922). P., 1922. P. 60.

³ Полный список французских концессий в Анатолии и Константинополе см. в статье Thobie J. Une dynamique de transition: Les relations économiques franco-turques dans les années 20 // La Turquie et la France à l'époque d'Ataturk. P., 1981. P. 143.

Некоторые французские политики мечтали о господстве над «Единой Сирией» (*La Syrie Inregrale*) от гор Тавра до аравийских пустынь¹. Самое сильное рвение в отстаивании политики французской экспансии в Сирии проявляли торговые палаты Парижа, Лиона и Марселя, а также клерикальные католические круги. Накануне и во время Первой мировой войны во Франции сформировалась неофициальная группа предпринимателей, церковных иерархов, политиков, журналистов и ученых, ставившая своей целью способствовать французской экспансии в Восточном Средиземноморье. Эту группу принято было называть «сирийской партией», которая была частью более широкой «колониальной партии». Эти названия не имели отношения к партийно-политической структуре Третьей республики. Среди сторонников «колониальной партии» можно было найти представителей значительной части политического спектра, исключая только «левую». Круг участников «колониальной партии» не был широким, но они вели активную пропаганду, созывали «научные» конгрессы, издавали книги и журналы (наиболее известный — *Bulletin d'Asie Française*) и пользовались большим влиянием. Активно действовали и несколько официальных организаций («Комитет защиты французских интересов на Востоке», «Восточный Комитет», «Комитет Французской Азии»). Их работа вполне вписывается в принятое в политологии понятие «группы давления». Наиболее видным деятелем «сирийской партии» и активным пропагандистом экспансии в Восточном Средиземноморье был известный журналист Робер де Кэ. Среди активных участников «колониальной партии» (как членов упомянутых организаций, так и просто сочувствующих) были такие известные политики, как Ж. Лейг, А. Мильеран, Г. Думер, Р. Пуанкаре. Во французском МИД эта «партия» имела таких влиятельных сторонников, как Ф. Бертело, Ф. Жорж-Пико, С. Пишон². Правда, Ж. Клемансо относился к планам экспансии на Востоке довольно прохладно.

К началу XX века Англия и Франция стали ощущать конкуренцию со стороны нового агрессивного соперника — **Германии**.

¹ Gontaut-Biron R. Comment la France c'est installée en Syrie (1918—1919). P., 1922. P. 27—28.

² Zamir M. The Formation of Modern Lebanon. L., 1985. P. 38—46; Khoury Ph.S. Syria and the French mandate. The Politics of Arab Nationalism. 1920—1945. L., 1987. P. 34.

Ее присутствие было заметно даже в районе Персидского залива, хотя, конечно, не настолько, чтобы серьезно угрожать позициям Англии. Положение могло сильно измениться в случае успеха строительства Багдадской железной дороги в соответствии с концессией, полученной Германией в 1902 году. Эта дорога должна была присоединиться к начатой англичанами, но затем купленной и достроенной немцами Анатолийской железной дороге, шедшей от Константинополя к подножию Тавра, и дойти через Сирию до Багдада, а затем до Басры. Строительство этой магистрали вызывало серьезное беспокойство в Лондоне. К 1914 году было построено только несколько разрозненных участков дороги. Большинство ее акций владел Deutsche Bank, хотя к финансированию привлекался также частный французский и английский капитал. Отрезок дороги между Багдадом и Басрой по специальному соглашению 1911 года должен был строиться при равном участии германского и английского капитала¹.

Германо-турецкие экономические связи во многом определялись осуществлением этих грандиозных проектов. Многие германские фирмы зарабатывали солидные прибыли на изготовлении рельсов, шпал и подвижного состава, а также на доставке их к месту назначения. К началу войны прямые капиталовложения Германии в турецкую экономику (без учета правительственных займов) составили 45% от общего объема иностранных инвестиций (доля Франции составила 25%, Великобритании — 16,9%)². Интересы Германии в финансовой сфере турецкой экономики были сравнительно скромными, хотя германский представитель и входил в Администрацию оттоманского долга. Наряду с «Дойче Банком» в Турции действовали «Дойче Палестинабанк» и «Дойче Ориентбанк», имевшие отделения во многих крупных городах империи. Во внешнеторговом обороте империи на Германию приходилось 9%, причем важнейшей статьёй германского экспорта в Турцию было оружие (в основном производства заводов Круппа).

Экономические интересы в Османской империи других стран были в предвоенный период менее значительны. Экономическое

---

¹ О Багдадской железной дороге см. напр. Туполев Б.М. Германский империализм в борьбе за «место под Солнцем». М., 1991. С. 42—92.

² Аноп А.Ф. Политика Англии в отношении Турции в 1918—1922 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Томск, 1991. С. 33—34.

присутствие **США** было минимальным. Американские компании только вели переговоры на постройку железных дорог в Восточной Анатолии («концессия Честера») и лишь присматривались к нефтяным богатствам Месопотамии.

Италия проявляла заинтересованность в угольных копях Гераклеийского полуострова, что вызывало противоречия с Францией, а с 1913 года усиленно добывалась от турецкого правительства концессии на железнодорожное и портовое строительство в юго-западной части Анатолии, в районе города Адалии (Антальи). Это вызвало противоречия с другими заинтересованными державами. Их частично удалось уладить после заключения соглашения с английской группой в мае 1914 года¹. Доля Италии во внешнеторговом обороте Османской империи составляла в 1911 году 8,5%.

Другим претендентом на влияние в Юго-Западной Анатолии стала **Австро-Венгрия**, чьи интересы до Балканских войн были связаны почти исключительно с европейской Турцией. Австрийская доля в турецкой внешней торговле составляла 16% (например, австрийская Богемия была одним из поставщиков знаменитых турецких фесок).

Россия, сама нуждавшаяся в иностранных инвестициях, не делала практически никаких вложений в турецкую экономику. В течение долгого времени она противодействовала попыткам других держав начать железнодорожное строительство в турецком Причерноморье и Восточной Анатолии, считая эти территории своей сферой влияния, но в 1911 году согласилась на французскую программу железнодорожного строительства в этом районе. Единственным русским коммерческим предприятием, успешно работавшим в Турции, было Русское общество пароходства и торговли (РОПИТ), занимавшееся каботажными перевозками вдоль южного берега Черного моря².

¹ Enciclopedia Italiana di scienze, lettere ed arti. Vol. 1. Roma, 1929. P. 463. (Il articolo «Adalia»).

² Данные о капиталовложениях европейских стран в экономику Османской империи (везде, где нет сноски на иное) приведены по книгам: The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. L., 1984., Gontaut-Biron R. et Le Reverend I. D'Angora a Lausanne. Les etapes d'une decheance. P., 1924, Сравнительный анализ объемов капиталовложений европейских стран в османскую экономику см. в кн. Thobie J. Interêts et imperialismisme français dans l'Empire Ottoman (1895-1914). P., 1977. P. 476—482.

В 1911—1914 годах в результате ряда соглашений между великими державами по железнодорожным и другим экономическим вопросам Османская империя была фактически поделена на «сферы влияния», в основном охватывавшие территории, прилегавшие к железным дорогам, построенным, строившимся или проектировавшимся той или иной державой. Таким образом, во французскую «сферу» вошла Северная и Восточная Анатолия между городами Эрегели, Трабзон и Ван, регион к Северу от Смирны до Мраморного моря, а также все Восточное Средиземноморье и Сирия. Германская «сфера» тянулась вдоль Багдадской железной дороги от Константинополя до Багдада. Сфера британских интересов начиналась от Багдада и тянулась до Персидского залива и далее охватывала его западное побережье, а также включала небольшой район вдоль железной дороги Смирна—Айдын. Италия стремилась превратить в свою «сферу» район Адалии. Россия зарезервировала за собой лишь небольшую полосу вдоль границы¹. В несколько особом положении находилась Палестина, которая так и не стала преимущественной сферой интересов ни одной из европейских стран. Уникальное стратегическое и религиозно-историческое значение Палестины делало ее объектом внимания всех великих держав, где старались закрепиться все, и никто не хотел уступить.

«Моральные интересы»

Наряду с экономической слабостью турецкого государства этническая и религиозная пестрота населения Османской империи предоставляла великим державам широчайшие возможности для вмешательства во внутренние дела самой близкой к Европе азиатской страны. Создание устойчивых отношений покровительства и лояльности с теми или иными этническими и конфессиональными группами и формирование так называемой *клиентелы* и составляло «моральные интересы» великих держав на Ближнем Востоке. Этноконфессиональная ситуация в стране открывала для этого широкое поле деятельности. К 1914 году помимо турок и арабов здесь жили: курды (район вокруг озера Ван, а также северная Месопотамия); армяне (территория от русской

¹ Thobie J. Op. cit. P., 1977. P. 704—715, 787.

границы до озера Ван, а также Киликия — область к югу от гор Тавра примерно до нынешней турецко-сирийской границы); ассирийцы (к югу от озера Ван); греки (в Константинополе, Восточной Фракии, на берегу Эгейского моря с городом Смирна, в Южном Причерноморье); евреи (в основном в крупных городах). Не менее сложной была конфессиональная ситуация. Турки, большинство арабов и часть курдов были мусульманами-суннитами. Среди арабов было много шиитов различных толков и направлений, живших на юге Месопотамии, а также вдоль побережья Средиземного моря (в том числе «крайние» секты друзов в Ливане и в области Хауран к югу и юго-востоку от Дамаска и алавитов вокруг города Латакия). Часть арабов исповедовала христианство разных толков (православные, монофизиты, католики «восточных обрядов» — мелькиты, марониты и др.), причем маронитская церковь пользовалась большим влиянием в Горном Ливане. Среди курдов имелись шииты (секта али-илахов), а также йезиды (древняя синкретическая религия). Армяне делились на монофизитов (армяно-григориане) и армяно-католиков; ассирийцы — на несториан и ассиро-католиков («халдеи»); почти все греки были православными. Представители разных народов и религий часто жили чересполосно, и четкие этноконфессиональные границы отсутствовали. Установление довоенной численности той или иной группы в настоящее время практически невозможно из-за частых фальсификаций статистических данных и драматических событий 1914—1923 годов.

По мере проникновения в Османскую империю европейских идей национализма учащались волнения на национальной почве. Особую остроту межнациональным отношениям придавало преобладание представителей немусульманских народов (греков, армян, арабов-христиан, евреев) среди торгово-ростовщической и компрадорской буржуазии. Турецкие власти, весьма терпимые к лояльным подданным империи любой национальности и религии, становились беспощадными палачами, если те проявляли стремление к самостоятельности. Ни одно национальное движение не могло достичь успеха собственными силами, и их судьба всегда зависела от действий великих держав Европы. Только при их поддержке (дипломатической, финансовой или военной) такие движения имели шанс на успех. Это позволяло иностранным

держavam усиливать свое влияние в Турции, то поддерживая Высокую Порту в ее борьбе с сепаратизмом, то поощряя то или иное освободительное движение. Центробежные тенденции усилились после младотурецкой революции 1908 года. С одной стороны, падение режима личной власти султана и восстановление конституции на некоторое время дали возможность лидерам национальных движений открыто высказывать свои взгляды и создавать свои организации. Но быстрая эволюция младотурок в сторону пантюркизма и репрессивных методов управления неизбежно вела к росту недовольства и усилению сепаратизма. С началом войны правительство резко усилило репрессии против любых национальных устремлений нетурецких народов.

Франция долго брала на себя роль защитника интересов католической церкви на Востоке. Постепенно сложилась целая система французского «католического протектората». Его источником обычно объявлялись туманные формулировки капитуляционных актов XVII и XVIII веков, но гораздо большую роль играла неписаная традиция, которую молчаливо признавали турецкие власти. «Католический протекторат» выражался в консульском покровительстве католическим церковным и благотворительным организациям независимо от национальной принадлежности их членов. «Моральные интересы» Франции концентрировались преимущественно в Восточном Средиземноморье. В Палестине Франция на основе капитуляционных актов и весьма туманного намека в Берлинском трактате 1878 года претендовала на особое право «защиты Святых мест». Посредническая роль французских консулов в отношениях католических организаций с турецкими властями и с православными учреждениями (которые «защищал» русский консул) здесь была особенно важна. Споры вокруг «Святых мест» не утихали десятилетиями. Внешним выражением «католического протектората» были особые «литургические почести», которые воздавались католическим клиром «Святой земли» французскому консулу (особое место на главных богослужениях, специальные «консульские мессы» и т. п.). Другие державы (особенно Германия и Италия) оспаривали законность французского «протектората». В Леванте действовали профранцузские католические ордена — капуцины, доминиканцы, лазариты, кармелиты, иезуиты. При католических миссиях было создано множество

госпиталей и сиротских приютов. Французы фактически создали в империи собственную систему образования, параллельную османской. Во французских школах только в Сирии к 1914 году обучалось 58 000 учеников¹. Венцом этой системы был бейрутский Университет Сен-Жозеф, патронируемый иезуитами. Католические миссионеры получали поддержку французского государства даже после принятия антиклерикальных законов в самой Франции. Многие французские компании, имевшие здесь представительства и приобретающие концессии, набирали рабочих и служащих из местного населения. В портовых городах Османской империи жили так называемые левантинцы — выходцы из Европы, чьи коммерческие интересы сделали постоянными жителями Леванта. К этой категории принадлежали и компрадорские слои местного населения. Авторитет французской культуры среди образованных слоев был так высок, что даже на германской Багдадской железной дороге служащие среднего звена использовали для делового общения французский язык². Однако все французские учреждения в Османской империи с началом войны были закрыты, и после разгрома Турции многое пришлось восстанавливать заново.

Франция располагала наиболее обширной клиентелой. Ее самой надежной опорой, по крайней мере со времен межобщинной войны 1860 года, была община ливанских маронитов. Франция также имела большое влияние на католиков других «восточных обрядов» — мелькитского (византийского), сирийского и армянского (хотя мелькиты также пользовались особым покровительством Австрии)³. В начале войны, однако, престиж Франции в Леванте был сильно поколеблен, когда по недосмотру французского консула в Бейруте Ф. Жорж-Пико в руки турецких властей попали архивы консульства⁴. На основании этих документов многие «друзья Франции» из числа местных жителей были казнены.

¹ Ранчинский В.П. Христианские общины Сирии накануне установления над ней французского мандата // Религия, устроения, идеология в истории. Брянск, 1996. С. 44.

² The Great Powers ... P. 121.

³ Родионов М.А. Марониты. Из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья. М., 1982. С. 50—51.

⁴ Brecher F.W. French Policy toward the Levant. 1914—1918 // Middle Eastern Studies. Vol. 29. No. 4. October, 1993. P. 655.

«Просветительская» деятельность **Великобритании** в Леванте ограничилась несколькими школами и протестантскими миссиями, а ее традиционной клиентелой считались друзья (тоже после 1860 года)¹. Но основные усилия англичан были направлены на установление контактов с арабскими лидерами, представлявшими суннитское большинство населения страны. Особое внимание уделялось арабским шейхам Аравийского полуострова, имевшего большое стратегическое значение ввиду его близости к Египту и Персидскому заливу. Во время войны эти связи в полной мере были использованы Великобританией.

Главным конкурентом Франции в «гуманитарной» сфере были **Соединенные Штаты Америки**. Они опирались на протестантские миссии и Американский Красный Крест. Американская система образования также включала учебные заведения всех уровней. Ее высшим звеном был Сирийский протестантский колледж в Бейруте. Американские колледжи существовали также в Константинополе и Смирне. Нейтралитет, который США соблюдали до 1917 года, и неучастие в войне против Турции позволили им сохранить к моменту перемирия значительное присутствие в регионе.

Германия также имела в Османской империи свою сеть школ, больниц и других благотворительных учреждений, значительно, правда, уступавшую французской и американской. Ее «моральное влияние» строилось иначе и было нацелено, в первую очередь, на военно-политическую верхушку младотурецкого режима. В военных училищах Турции преподавание велось по германским стандартам. «Германофилами» были фактические руководители страны — Энвер-паша и Таалат-паша. При их поддержке в Стамбуле с 1909 года активно работала германская военная миссия, занимавшаяся реорганизацией турецкой армии. С 1913 года ее возглавлял генерал Лиман фон Сандерс. **Австро-Венгрия**, ближайшая союзница Германии, как уже говорилось, имела в Леванте небольшую «клиентелу» в лице мелькитов.

Италия в своей политике могла опираться на многочисленных «левантийцев» итальянского происхождения (около 18 000 человек, в основном в Константинополе, Смирне и Сирии), а также на помощь «проитальянского» ордена францисканцев. Италия имела

---

¹ Родионов М.А. Указ. соч. С. 50—51.

свою сеть школ в Леванте (по итальянским данным — 15 600 учеников в 1904—1905 годах) и пользовалась с 1905 года поддержкой Ватикана в своем соперничестве с Францией в деле защиты «Святых мест»¹.

«Моральные интересы» **России** после Балканских войн были сконцентрированы в Палестине и отчасти в Сирии, где она «защищала» права православных церквей и имела небольшую сеть школ и больниц. Этими вопросами ведали Русская духовная миссия, учрежденная в 1847 году, и Императорское православное палестинское общество, созданное в 1882 году. Россия имела определенное влияние на армянское и ассирийское население Восточной Анатолии. С началом войны вся деятельность России в Турции была, разумеется, свернута, а после революции советское правительство стало строить свои отношения с Турцией на совершенно новой основе.

Народы Османской империи в разной степени проявляли стремление к независимости. **Арабские страны** фактически пользовались широкой автономией, не закрепленной, однако, официально. Среди бедуинов Аравии реальной властью обладали племенные шейхи, а среди оседлого населения — так называемые нотабли — богатые наследственные землевладельцы, постоянно жившие в городах за счет арендной платы со своих земель². Только Горный Ливан после кровавых межрелигиозных столкновений 1840—1860 годов по настоянию великих держав (прежде всего Франции) получил автономный статус и вскоре стал одним из самых богатых районов Ближнего Востока. Его губернатором был христианин, но не ливанец (чаще всего армянин), а выборный орган — Административный совет — формировался по профессиональному признаку с предоставлением преимущества маронитам. В автономный ливанский санджак не вошли крупные приморские города — Бейрут, Триполи, Тир, Сидон, а также плодородная долина Бекаа, поэтому расширение границ стало для ливанцев насущной проблемой. Среди христиан Горного Ливана

¹ The Great Powers ... P. 54—55.

² О роли «нотаблей» в сирийском обществе см. Khoury Ph. S. *Urban Notables and Arab Nationalism. The Politics of Damascus, 1860—1920*. Cambridge, 1983. Их характеристику как социального слоя см. *Ibid.* P. 11, 28.

были популярны идеи особого, ливанского национализма, основанные на убеждении в специфическом, неарабском происхождении ливанцев («финикийская теория»). В 1915 году автономия Горного Ливана была упразднена. Арабы иногда восставали против попыток турок ограничить их права, но до Первой мировой войны никогда не проявляли сепаратистских устремлений, и ни одно из подобных восстаний не носило общеарабского характера. В начале XX века получили некоторое развитие идеи арабского национализма, но в основном среди арабов преобладало конфессиональное, племенное или местное самосознание.

Довольно многочисленные антитурецкие выступления **курдов** тоже всегда были локальными, а их племенная и религиозная разобщенность позволяла властям проводить политику «разделяй и властвуй» и натравливать курдов на армян и ассирийцев. В эмиграции, а также недолгое время в Стамбуле активную деятельность вела немногочисленная курдская интеллигенция, развивавшая идеи курдского национализма, но эта деятельность была оторвана от событий в Курдистане. Во время войны Англия и Россия пытались использовать курдов против турок, но не добились в этом ощутимых успехов. В Курдистане не было лидера, который смог бы объединить вокруг себя если не всех курдов, то хотя бы значительную их часть. Некоторых курдов англичане смогли привлечь на свою сторону, другие оставались верными слугами султана. Часть курдов принимала активное участие в истреблении армян и ассирийцев в 1915 году, другие же, наоборот, помогали спастись уцелевшим.

Армяне были наиболее политически организованным народом империи. Большим влиянием среди них пользовалась созданная в России партия Дашнакцутюн, сочетавшая социалистические идеи с армянским национализмом. Партия боролась за освобождение Западной Армении от турецкого господства, надеясь при этом на помощь великих держав Европы, которые зачастую были не прочь использовать армянский фактор для давления на Константинополь. Во время войны правительство младотурок, помня о старых симпатиях армян к России, заподозрило их в нелояльности. Когда началось русское наступление на Кавказе, было издано распоряжение о «депортации» армян и ассирийцев во внутренние районы страны. На деле это обернулось массовым

уничтожением христианского населения Восточной Анатолии и Киликии. Большая часть армян была уничтожена, многие были выселены в пустынные районы Месопотамии, другие бежали в Россию, лишь немногим удалось скрыться в горах. Ассирийцы разделили судьбу армян.

Среди фракийских и малоазиатских **греков** было весьма сильно ирредентистское движение, подогреваемое из Афин и принявшее форму «Великой идеи» о воссоздании греческой империи на населенных элинами землях средневековой Византии в Малой Азии и на Балканах. Турецкое правительство имело все основания считать, что эти греки гораздо больше привязаны к иностранному государству (Греции), чем к Османской империи, подданными которой они являлись. Когда в 1917 году Греция вступила в войну на стороне Антанты, на греков обрушились репрессии, но участи армян они избежали.

Евреи Османской империи не проявляли заметной политической активности. Однако с начала XX века заметным фактором в Восточном вопросе стало **сионистское движение**, которое по своему происхождению и составу участников было исключительно западным явлением. Провозгласив конечной целью создание в Палестине еврейского государства, сионисты начали скупки земель для расселения еврейских колонистов. Эти колонисты по происхождению, воспитанию и образованию резко отличались от «старой» еврейской общины Палестины. Сионистские лидеры, конечно же, искали контактов в правительствах ведущих стран Европы, но до войны их деятельность не создавала серьезных осложнений. Благодаря организованной иммиграции (первая и вторая «алия») еврейское население Палестины увеличилось с 15,6 тыс. человек в 1883 году (3,3% населения) до 60 тыс. в 1914 (более 8,3 %) ¹.

Итак, можно сказать, что к 1914 году великие державы Европы имели в Османской империи свои комплексы постоянных интересов, которые определяли их линию поведения на международной арене. Для английской политики на Ближнем Востоке наиболее важными были стратегические соображения. Османская

---

¹ Laurens H. La question de Palestine. 1799—1922. T. 1. L'invention de la Terre Sainte. P., 1999. P. 145—147.

империя находилась на стыке трех континентов, и ее территория играла важную роль в охране «имперских коммуникаций» и так называемых подступов к Индии. Великобритания полностью контролировала Египет и Кипр, которые формально все еще считались частями Турции. Именно нежелание утверждения на этих путях других держав (в первую очередь Франции и России) заставляло Великобританию долгое время поддерживать территориальную целостность Османской империи. Пока английское влияние в Константинополе было сильным, англичане могли не опасаться появления русского флота в Средиземном море или французских десантов в Сирии. Но в случае возможного (хоть и нежелательного) раздела «имперские интересы» заставляли Великобританию стремиться к захвату как можно больших территорий в азиатской Турции, чтобы поставить «коммуникации» под свой непосредственный контроль, при этом самое большое значение имел контроль над регионом Персидского залива.

Для Франции стратегическое положение Османской империи не имело такого значения. Французы никогда серьезно не пытались превратить свою колониальную империю в целостный организм с единой системой коммуникаций (Индокитай был слишком далек от Северной Африки). Франция была государством-рантье, где значительная часть имущего класса жила «стрижкой купонов», в том числе и турецких. Из-за сравнительно низкой концентрации капиталов значительная часть акций французских предприятий, действовавших в Турции, а также облигаций Оттоманского долга принадлежала мелким держателям. Благосостояние этих людей, составлявших к тому же значительную часть электората, зависело от платежеспособности и политической стабильности турецкого государства. Именно этот мотив и определял приверженность Франции к сохранению единства Османской империи. Однако в случае вероятного раздела взоры французских правящих кругов неизбежно обратились бы к Восточному Средиземноморью (то есть «Единой Сирии») — традиционной сфере наибольшей концентрации как «моральных», так и «материальных» интересов Франции.

По стратегическим соображениям политика Германии в начале XX века была направлена на сохранение территориальной целостности Турции. Позиции Германии были еще недостаточно сильны, чтобы она могла претендовать на какие-либо значитель-

ные территории при возможном разделе. Этим, в частности, объяснялось и «германофильство» турецкого руководства. Ликвидация военного, политического и экономического влияния Германии в Османской империи стала одной из главных целей Антанты (в первую очередь Великобритании) во время войны. Поэтому любые компромиссные соглашения (вроде соглашения 1911 года о Багдадской железной дороге) носили временный характер и не снимали всей остроты противоречий. Во время войны германо-турецкое сотрудничество значительно усилилось, что привело к фактической потере турецким руководством возможности самостоятельного принятия решений. Ускоренными темпами продолжалось строительство Багдадской железной дороги. Но с окончанием войны все германские подданные вынуждены были покинуть страну. Несколько забегаая вперед, скажем, что, согласно статье 260 Версальского договора репарационная комиссия имела право в течение года с момента вступления в силу договора потребовать, чтобы Германия выкупила у своих граждан и компаний все права на участие в концессиях и предприятиях в России, Китае, Австрии, Венгрии и Турции (в границах 1914 года) и передала эти права репарационной комиссии в счет репараций. Таким образом, германские вложения в турецкую экономику рассматривались странами Антанты как залог репарационных платежей. После принудительного устранения германского конкурента только Великобритания и Франция имели действительно значимые интересы в побежденной Османской империи.

2. Вопрос о судьбе Османской империи во время Первой мировой войны

29 октября 1914 года Османская империя вступила в войну на стороне Германии, и с этого момента ее участь была предрешена. Страны Антанты утратили всякую заинтересованность в сохранении ее территориальной целостности и давно вынашиваемые планы раздела теперь получили реальный шанс на воплощение в жизнь. Но выдвижение территориальных притязаний одной из держав автоматически порождало требования других о «компенсациях». Поэтому страны Антанты, однажды начав говорить о разделе Турции, должны были довести систему тайных дого-

воров до логического завершения, пока все аппетиты не были бы удовлетворены, по крайней мере на бумаге, и, по возможности, согласованы между собой. «Щедрость» стран Антанты по отношению друг к другу также объяснялась не исчезающими подозрениями о возможности сепаратного мира того или иного союзника с врагом, несмотря на все торжественные декларации о единстве фронта. Тяжесть войны была так велика, что только надежда на действительно огромный «приз» могла удержать некоторые правительства от такого шага.

Другой аспект проблемы заключался в том, что, желая добавить на свою чашу весов несколько сот тысяч человек, а также максимально ослабить тыл врага, Антанта должна была искать союзников среди малых стран Европы, а также среди национальных лидеров подчиненных Османской империи народов. Все они ожидали определенного вознаграждения за свою помощь Антанте и хотели оговорить все условия заранее. Поэтому Антанте пришлось в той или иной форме давать обещания, в том числе и территориальные, лидерам национальных движений, а также малых стран, на помощь которых она рассчитывала.

К концу 1916 года, после нескольких лет войны, народы воюющих стран стали чувствовать усталость от бессмысленной бойни, и правительства почувствовали острую необходимость в идеологическом оправдании «войны до победного конца». В это время США предприняли первые попытки посредничества (нота Вильсона от 18 декабря 1916 года), что дало странам Антанты возможность заявить о справедливости своих целей в войне и их совместимости с американскими программами. Аналогичная ситуация повторилась год спустя, уже после выхода из войны России и вступления в нее США, когда были опубликованы знаменитые 14 пунктов Вильсона. Страны Антанты также несколько раз делали заявления по проблемам послевоенного мирного урегулирования, в том числе и касающимся Османской империи.

Таким образом, в ходе войны появился целый ряд документов, в которых так или иначе затрагивались цели стран Антанты в войне, в том числе и по отношению к Османской империи. Эти документы подразделяются на три категории: тайные соглашения стран Антанты между собой; обещания лидерам малых государств и национальных меньшинств Османской империи; пуб-

личные декларации о целях войны. Ключевую роль в создании этих документов играла Великобритания — держава, имевшая самые обширные интересы на Ближнем Востоке.

Многие из этих документов возникали под влиянием момента и плохо согласовывались с другими. Но известная логика все же была. Великобритания старалась придать своим обязательствам непротиворечивый характер если не в сути, то хотя бы в букве всех документов, под которыми стояли подписи британских представителей. Англичане хорошо отдавали себе отчет в том, какие противоречия могут возникнуть из-за различного толкования этих обязательств, но это их нисколько не пугало, так как они были убеждены, что в конечном итоге последнее слово останется за самым сильным. А на Ближнем Востоке самой сильной из стран Антанты была Великобритания.

Тайная дипломатия стран Антанты в 1915—1917 годах

Эдвард Грей, британский министр иностранных дел и настоящий архитектор системы тайных соглашений, впервые попробовал использовать турецкие территории как разменную монету при попытке втянуть в войну **Грецию**. 23 января 1915 года он советовал своему посланнику в Афинах Ф. Эллиоту предложить грекам «важнейшие территориальные компенсации на побережье Малой Азии». Речь, очевидно, шла о Смирне. Грей готов был дать «четкие обещания»¹. Однако, несмотря на благожелательное настроение греческого премьер-министра Э. Венизелоса, Греция осталась тогда нейтральной из-за прогерманских симпатий короля Константина.

Английская военная операция в Дарданеллах, начавшаяся весной 1915 года, заставила забеспокоиться официальные круги России. Вскоре первым из «тайных договоров», имевших отношение к разделу Османской империи, стало англо-франко-русское **соглашение о передаче России Константинополя**, европейского берега Проливов до линии Энос-Мидия и Исмитского (Измитского) полуострова на азиатском берегу. Соглашение было оформлено памятной запиской британского посла в Петрограде

¹ Smith M.L. Ionean vision. Grece in Asia Minor, 1919—1922. L., 1973. P. 35.

Бюкенена от 12 марта 1915 года и нотой французского правительства от 16 апреля 1915 года. В этом соглашении Россия, помимо всего прочего, также обязалась признать «права» Франции и Великобритании в азиатской Турции¹. «Константинопольское» соглашение открыло своеобразный ящик Пандоры. Теперь все заинтересованные страны должны были четко определиться со своими пожеланиями относительно тех или иных земель Османской империи.

Как раз в это время английские и французские представители вели переговоры с Италией об условиях ее вступления в войну, завершившиеся заключением так называемого **Лондонского договора** от 26 апреля 1915 года. По этому договору союзники соглашались на присоединение к Италии больших территорий в Альпах и на Адриатическом побережье, аннексию Ливии и островов Додеканес, а также в весьма неопределенных выражениях обещали Италии «компенсацию» в «области, смежной с провинцией Адалии в районе Средиземного моря», в случае, если Франция и Великобритания получат какие-либо территории за счет Османской империи².

Угроза турецко-германского вторжения в Египет заставила Великобританию искать союзников в тылу у турок, прежде всего среди арабов. Работу в этом направлении вело созданное в Каире в середине 1915 года Арабское бюро — своеобразный «мозговой трест» из британских военных, чиновников и ученых, координировавший британскую политику на Ближнем Востоке. Его внимание привлек шериф («защитник») Мекки Хусейн аль-Хашими, давно не ладивший с Портой. Британское командование решило сделать ставку на него как на союзника в борьбе с Турцией. Важную роль сыграло то обстоятельство, что в ноябре 1914 года турецкий султан, пользуясь своим титулом халифа всех мусульман, объявил «джихад» против Антанты, что могло произвести пагубное впечатление на мусульманских подданных Британской империи. Союз с защитником святынь ислама должен был урав-

¹ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. М., 1926. С. 25. Об истории этого соглашения см. Емец В.А. Проблема Черноморских проливов во внешней политике России в период Первой мировой войны // Россия и Черноморские проливы. М., 1999.

² Международная политика ... Ч. 2. С. 40—43.

новесить этот негативный фактор. В Арабском бюро всерьез обсуждались планы возрождения «Арабского халифата», то есть провозглашение шерифа Хусейна халифом всех мусульман вместо турецкого султана. Тогда эта идея не была реализована, но возможность такого шага не исключалась в дальнейшем многими британскими политиками и колониальными деятелями. Сам Хусейн тоже плохо скрывал свои «халифские» амбиции.

Условия выступления Хусейна на стороне Великобритании обсуждались в его **переписке** с британским верховным комиссаром в Египте **Г. Мак-Магоном**. В письме от 14 июля 1915 года Хусейн настаивал на признании Великобританией независимости арабских стран, включавших Аравийский полуостров (кроме Адена), Месопотамию, Сирию, Палестину, Южную Киликию до 37° с. ш., включая города Мерсин, Адану, Урфу и Мардин. Хусейн также хотел, чтобы Великобритания признала провозглашение «арабского халифата Ислама» (на роль халифа Хусейн, очевидно, претендовал сам). Хусейн требовал от Англии признания отмены всех «иностранных привилегий» в арабских странах и в то же время обещал ей «предпочтение во всех экономических предприятиях» с оговоркой, что их «условия должны быть равноправными».

Мак-Магон согласился признать Хусейна независимым правителем, но долгое время ничего не писал по поводу границ. Лишь после настоятельных напоминаний Хусейна он ответил в письме от 24 октября 1915 года, что, по мнению британского правительства, «две области Мерсины и Александретты и части Сирии, расположенные на запад от районов Дамаска, Хомса, Хамы и Алеппо, не могут называться чисто арабскими и должны быть исключены из требуемых границ. С этими поправками и без ущерба для наших существующих договоров с арабскими вождями¹ мы принимаем эти границы», так как в этих границах

---

¹ Помимо соглашения с Хусейном англичане создали целую систему союзов с арабскими вождями. 3 ноября 1914 г. они признали «независимость» Кувейта под британским протекторатом; 30 апреля 1915 г. была признана независимость эмирата Асир; 26 декабря был заключен договор со злейшим врагом Хусейна, главой секты ваххабитов Ибн Саудом, эмиром Неджда. Асир и Неджд в обмен на признание своей независимости согласились на контроль Великобритании над своей внешней политикой. Ибн Сауд также получал небольшую ежемесячную субсидию в 5000 ф. ст. См.: Zeine Zeine N. The Struggle for Arab Independence. Western Diplomacy and the Rise and Fall of Faisal's Kingdom in Syria. Beirut, 1960. P. 10—11.

Великобритания «могла действовать без ущерба для интересов ее союзницы, Франции». В этом письме преднамеренно не упоминались напрямую Палестина и Иерусалим, что в дальнейшем дало почву для бесконечных дискуссий и интерпретаций.

В обмен на признание «независимости» османских арабов Великобритания требовала, чтобы они «искали совета и руководства» только у нее, а все иностранные советники и чиновники в их стране были только британцами. В вилайетах Багдада и Басры (то есть в Месопотамии) арабы должны были признать, что «утвердившиеся позиции и интересы Великобритании требуют специальных административных мер с целью защиты этих территорий от иностранной агрессии, обеспечения благополучия местных жителей и охраны наших общих экономических интересов».

Таким образом, Мак-Магон фактически наметил целую программу британской экспансии в арабских частях Османской империи. Она заключалась в трех основных положениях: военная оккупация и прямой административный контроль в южной и центральной Месопотамии; превращение Северной Месопотамии, Палестины и внутренних районов Сирии в сферу безраздельного британского влияния; передача Франции прибрежных районов Сирии (включая Ливан) и Киликии в порядке «выполнения союзного долга».

Отвечая на письмо Мак-Магона, 5 ноября 1925 года Хусейн «для того, чтобы прийти к согласию», отказался от претензий на Киликию (вилайеты Мерсина и Адана), но настаивал на принадлежности к будущему Арабскому государству всех остальных земель, обозначенных им в первом письме. Допускалось лишь «временное британское правление» в тех частях Ирака, которые были заняты к тому моменту британскими войсками (окрестности Басры). Однако в письме от 1 января 1916 года Хусейн согласился почти на все условия Мак-Магона и даже готов был предоставить Великобритании свободу рук в Ираке, но резко возражал против передачи Франции части сирийского побережья с Бейрутом. Он был готов не заострять на этом внимание, пока шла война, но после ее окончания Хусейн намерен был «спросить» Великобританию о дальнейшей судьбе прибрежных районов. Шериф Мекки предупреждал о многочисленных трудностях, которые возникнут в случае утверждения Франции на арабских

землях и у которых «не будет мирного разрешения». Он фактически угрожал восстанием, которое создаст для Великобритании не меньшие проблемы, «чем нынешние». Он был уверен, что население Бейрута и окрестностей настроено против Франции, и считал, что «невозможно допустить любое уменьшение территории, которое даст Франции или любой другой державе даже пядь земли в этих районах».

Мак-Магон в своем ответе от 25 января 1916 года лишь подчеркнул важность англо-французского союза для достижения победы, а стало быть, и для Ближнего Востока. О границах ничего не говорилось¹. Таким образом, была заложена мина замедленного действия, которая неизбежно должна была привести после войны к конфликту между Францией и династией Хусейна, причем Великобритания должна была оказаться между двух огней. Хусейн, тем не менее, счел английские обещания достаточными и 10 июня 1916 года провозгласил свои владения независимым королевством Хиджаз, начав военные действия против Турции. Фактическим руководителем «Арабского восстания» стал третий сын Хусейна эмир Фейсал. Активную помощь ему оказывал британский офицер Т.Э. Лоуренс («Аравийский»).

В те же самые месяцы Великобритания и Франция были заняты уточнением собственных притязаний на Ближнем Востоке. У французов здесь трудностей не возникло: они претендовали на аннексию «Единой Сирии» и Киликии. Для Великобритании определение собственных требований представляло гораздо более сложную задачу. Для этой цели по указанию премьер-министра в начале апреля 1915 года был создан специальный комитет из представителей разных ведомств (Форин Оффиса, Министерства по делам Индии, Военного министерства и Комиссии по торговле). Возглавил комитет сэр Морис де Бансен. К 30 июня этим «мозговым трестом» был подготовлен секретный доклад для Комитета имперской обороны. Впоследствии он стал известен как **Доклад де Бансена**.

¹ 4 наиболее важных письма (из 10) из переписки Хусейна и Мак-Магона опубликованы в Интернет по адресу: <http://course1.winona.edu/aelfandi/PolSci270/documents.htm>. Мы цитируем наш перевод по этой публикации. Полная публикация переписки на русском языке с приложением некоторых дополнительных документов: Переписка Мак-Магона — Хусейна 1915—1916 гг. и вопрос о Палестине: документы и материалы. М., 2008.

В докладе подчеркивались важнейшие интересы Великобритании в Османской империи: беспрепятственное развитие торговли, абсолютное преобладание в зоне Персидского залива, безопасность «стратегических позиций в Восточном Средиземноморье», развитие нефтяной промышленности, речной навигации и ирригационного земледелия. Указывалось на Месопотамию как на источник продовольствия и возможное место «индийской колонизации». Также делался акцент на поддержании связей с шейхами Аравийского полуострова и сохранении мусульманских «Святых мест» «под независимым мусульманским управлением». Наконец, требовали «удовлетворительного решения» армянский и палестинский вопросы, включая статус христианских «Святых мест».

Для достижения этих целей доклад де Бансена предлагал четыре возможных варианта послевоенного урегулирования: а) прямой раздел Османской империи между Россией, Францией, Великобританией, Италией и Грецией с сохранением небольшого «Турецкого королевства» на западе Анатолии; б) раздел Турции на сферы влияния между державами с сохранением ее суверенитета над большей частью своей территории за исключением Константинополя (отходил к России), Смирны (к Греции) и Басры (к Великобритании); в) сохранение полного турецкого суверенитета над всей территорией, кроме названных городов, но при условии ограничения самостоятельности Турции во внутренней и внешней политике державами Согласия; д) «децентрализация» Османской империи (с отделением все тех же трех городов) и выделение в ее составе пяти автономных провинций (эялетов): Анатолии, Армении, Сирии, Ирака и Палестины. Армения при этом простиралась от русской границы и Черного моря до Аданы в Киликии и могла быть впоследствии поделена на собственно Армению и Курдистан, а граница между Палестиной и Ираком проходила по пустыне где-то на полпути между Евфратом и Средиземным морем. Вариант «децентрализации» казался авторам доклада наиболее предпочтительным. Важно отметить, что в трех вариантах из четырех (кроме варианта «в») четко обозначалась северная граница зоны британских интересов, которая проходила по линии Хайфа—Тадмор—Санджар—Заху—Амадия—Ровандуз (оставляя эти города внутри этой зоны). По схемам «аннексии» и «сфер влияния» эта граница отделяла британскую зону от француз-

ской, а по схеме «децентрализации» — Палестину и Ирак с одной стороны от Сирии и Армении с другой. По мнению авторов доклада, через Тадмор (Пальмиру) должна была пройти «чисто британская» железная дорога, которая должна была связать Месопотамию с портом Хайфа на Средиземном море. Де Бансен и его коллеги ни на минуту не упускали из виду возможность конфликта или даже войны против недавних союзников — Франции и России. При этом соседство с Россией казалось особенно нежелательным, а Францию англичанам очень не хотелось пускать в Палестину. Чтобы разрешить сразу обе проблемы, французам по схемам «а» и «б» решили взамен Палестины предложить горный «неисторианский регион» к югу от озера Ван, где они должны были исполнять роль буфера между Великобританией и Россией¹.

Доклад де Бансена послужил английской стороне рабочим материалом для переговоров с Францией и Россией о дальнейшей судьбе азиатских владений Турции. Эти переговоры велись одновременно с перепиской Хусейна и Мак-Магона. Предложение об их начале было сделано еще 23 марта 1915 года (то есть сразу после заключения соглашения о Константинополе) в ноте французского посла в Лондоне П. Камбона министру иностранных дел Великобритании Э. Грью. Вести переговоры было поручено экспертам двух министерств иностранных дел — Марку Сайксу и Франсуа Жорж-Пико. Сайкс был одним из членов комитета де Бансена и, безусловно, знал о деятельности своего коллеги Мак-Магона на Востоке и учитывал ее при переговорах. Английские территориальные условия, которые в октябре Мак-Магон обозначил в письме к Хусейну, были 23 ноября 1915 года доведены до сведения Пико другим экспертом британского МИД Артуром Никольсоном. Очевидно, они вызвали во Франции большое недовольство, поскольку лишь спустя месяц Пико ответил, что «после больших трудностей» он получил согласие своего правительства на включение городов Хамы, Хомса, Дамаска и Алеппо в «арабские владения, которые должны управляться под французским влиянием»². Когда соглашение было в основном

¹ Committee of Imperial Defence. Asiatic Turkey. Report of a Committee. Palestine Boundaries 1833—1947. Vol. 2. L., 1989. P. 23—78 (далее — ПВ).

² Zeine Zeine N. Op. cit. P. 11.

готово, Сайкс и Пико вместе посетили Петроград, чтобы выяснить отношение к нему русского правительства. Россия выдвинула претензии на «компенсацию» в виде Восточной Анатолии («Турецкой Армении»), уже занятой русскими войсками. Согласие на это было получено, и к весне 1916 года контуры плана раздела Турции между тремя державами были вполне ясны.

Соглашение было оформлено в дипломатической переписке между русским министром иностранных дел С.Д. Сазоновым, сменившим его графом Бенкендорфом, французским послом в России М. Палеологом, Э. Греем и французским послом в Великобритании П. Камбоном, которая продолжалась с марта по октябрь 1916 года. Условия англо-французского соглашения (**Соглашение Сайкса—Пико**) были изложены в ноте Камбона Грею от 15 мая и ответной ноте Грея от 16 мая 1916 года. Они состояли в следующем: признавалось право Франции на оккупацию и фактическую аннексию Ливана, побережья Сирии, Киликии, части турецкого Курдистана и большей части Центральной Анатолии с городом Сивас («синяя зона»); за Великобританией признавались аналогичные права в Южной и Центральной Месопотамии с Багдадом и Басрой («красная зона»). Между этими зонами располагалась обширная территория, предназначавшаяся для создания арабского государства или федерации таких государств. Ее северная часть вместе с Мосулом должна была находиться под французским влиянием (зона «А»), южная — под английским (зона «В»). Кроме того, в Палестине должна была быть создана международная администрация («коричневая зона»). Особо оговаривалось право Великобритании на сооружение железной дороги от Багдада до Хайфы через зону «А» и полное владение этой дорогой¹. В ряде нот Великобритании и Франция подтвердили свое согласие на передачу России Восточной Анатолии («желтая зона»), которая непосредственно граничила с французской «синей зоной». Важным условием было сохранение во всех зонах существующих иностранных учреждений и концессий, согласованных с турецким правительством до войны. Именно это объясняет, казалось бы, парадоксальное включение Мосула во французскую зону. Концессия 1914 года фактически лишала Францию доступа

¹ Международная политика. Ч. 2. С. 37—43; DBFP S. 1, Vol. IV. P. 241—251.

к Мосульской нефти, а французский «клин» в Мосуле избавлял Великобританию от соседства с русскими владениями. Соглашение Сайкса—Пико было не отрицанием программы, намеченной Мак-Магоном в письме к Хусейну, а, скорее, ее развитием. Получив от арабов право на «влияние» в послевоенном арабском государстве, Великобритания как бы делилась этим правом со своей союзницей Францией. Мнения арабов по этому поводу она считала возможным не спрашивать.

При подготовке соглашения Сайкса—Пико Великобритания и Франция пошли на взаимные уступки. Франция отказалась от идеи «Единой Сирии», в том числе от Палестины, а англичане сократили свои территориальные притязания за счет переноса к югу северной границы своей сферы влияния по сравнению с «линией де Бансена». Так, они уступили французам Мосул и Тадмор (Пальмиру). Это означало, в частности, что железную дорогу из Месопотамии к Средиземному морю придется строить через французские владения и сферы влияния.

Лишь после окончательного оформления этого соглашения о нем была информирована Италия. В ноте о присоединении к нему от 19 ноября 1916 года итальянцы сделали «специальную оговорку» с требованием признания итальянских притязаний на вилайеты Аданы, Коньи и Айдына, то есть на всю Южную и Западную Анатолию. 19 апреля 1917 года было подписано англо-франко-итальянское **соглашение в Сен-Жан-де-Мориенн**¹. Оно выглядело как продолжение соглашения Сайкса—Пико. Италия получала «зеленую зону» (южная и юго-западная Анатолия с городами Алания, Адалия, Мармарис, Скаланова (Кушадасы), Айдын, Конья и Смирна), к которой примыкала зона «С» (регион к северу от Смирны с городом Маниса). В этих зонах Италия получала права, аналогичные тем, что получили Франция и Великобритания в своих «цветных» и «литерных» зонах². Соглашение в Сен-Жан-де-Мориенн должно было вступить в силу после одобрения его Россией, которого так и не последовало из-за революционных событий в этой стране, что впоследствии послужило

¹ О ходе переговоров см.: Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. М., 1957. Т. 2. С. 21—30.

² Международная политика... Ч. 2. С. 87.

для Франции и Великобритании предлогом для отказа от этого документа. Подробности тайных договоров не сообщались даже США. Новый министр иностранных дел А. Бальфур в письме своему американскому коллеге Лансингу лишь сообщил о намерении лишить Турцию Аравии, Месопотамии и Константинополя. Сирия, Армения и южная часть Малой Азии «будут если не аннексированы странами Антанты, то, вероятно, попадут под их большее или меньшее господство»¹.

Греция вступила в войну спустя два с половиной месяца после заключения этого соглашения (ради этого Антанте пришлось силой оружия свергнуть короля Константина). Хотя ей никаких письменных обещаний дано не было, греческий премьер-министр Э. Венизелос, вероятно, рассчитывал, что союзники вспомнят об обещаниях 1915 года. Так была заложена еще одна мина замедленного действия, так как вопрос о Смирне (наряду со спорами вокруг Албании) неминуемо должен был привести к итало-греческому конфликту на мирной конференции.

Декларации и заявления 1917–1918 годов

В начале 1917 года в мировую войну втягиваются Соединенные Штаты Америки. Их президент В. Вильсон не испытывал ни малейшего уважения к «тайной дипломатии» европейских держав и имел собственные взгляды на послевоенное урегулирование. Страны Антанты вынуждены были искать с ним общий язык, так как поддержка нового заокеанского союзника была чрезвычайно важна. Обозначая свои цели в войне в **ноте Вильсону от 10 января 1917 года**, правительства стран Антанты среди прочего провозгласили, что в их намерения входит «освобождение народов, находящихся под тиранией турок: изгнание "вон из Европы" Оттоманской империи, решительно чуждой западной цивилизации»². Таким образом, провозглашалось намерение лишить Турцию Константинополя. О его передаче России, разумеется, не говорилось.

Важно отметить, что ни в соглашении Сайкса—Пико, ни тем более в переписке Хусейна и Мак-Магона нет даже намека на

¹ Zeine Zeine N. Op. cit. P. 20.

² Международная политика... Ч. 2. С. 62.

участие сионистов в дальнейшей судьбе Палестины. Хотя ведущие сионисты (Х. Вейцман, Н. Соколов и др.) уже тогда осаждали руководителей стран Антанты со своими идеями и предложениями, англичане и французы предпочитали их просто не замечать. Положение резко изменилось в начале 1917 года. Здесь совпали несколько факторов: Февральская революция в России, вступление в войну США и смена правительства в Великобритании. Союзные правительства (особенно английское) были озабочены тем, как германская пропаганда использовала факты еврейских погромов в царской России для дискредитации политики Антанты. Позиция влиятельного еврейского лобби в США могла, по мнению англичан и французов, сыграть не последнюю роль в вопросе о сроках, форме и масштабах участия США в войне. Нужно было вырвать «еврейскую карту» из рук Центральных держав и что-то противопоставить германской пропаганде. Схожие соображения вскоре были приложены и к России. После падения самодержавия здесь был популярен лозунг «Мир без аннексий и контрибуций», и остальные страны Антанты всерьез опасались сепаратного выхода России из войны. Значительное число евреев среди лидеров русских революционных партий привело многих политиков в Лондоне и Париже к идее завоевания их симпатий путем поддержки сионистских устремлений. Такие иллюзии усиленно поддерживали сионистские лидеры, в большинстве своем выходцы из России¹.

Особые причины обратить внимание на сионизм имело британское правительство. Созданная в 1915—1916 годах кабинетом Асквита—Грея система тайных договоров, почти полностью разделившая Османскую империю между Великобританией, Францией, Россией и Италией, новому кабинету Ллойд Джорджа—Бальфура уже не казалась идеальным решением. Революционная Россия отказалась от аннексионистских планов, и было очевидно, что именно Великобритания сыграет ключевую роль в войне против Османской империи. Лидеры сионистов, в особенности Х. Вейцман, придерживались четкого пробританского курса и резко возра-

---

¹ Bovis H.E. The Jerusalem Question, 1917—1968. Stanford (Calif.), 1971. P. 5.; Kimche J. The Unromantics. The Great Powers and the Balfour Declaration L., 1968. P. 26—30. Laurens H. Op. cit. P. 329—330, 346—347.

жали против интернационализации Палестины¹. Это давало Ллойд Джорджу шанс использовать сионистов для «очищения» Палестины от французского влияния и превращения ее в британское владение. Еще в феврале 1917 года, вскоре после смены кабинета, Герберт Сэмюэль (будущий верховный комиссар в Палестине) и сам Марк Сайкс на совещании с ведущими сионистами высказывались за британский протекторат в Палестине. Сайкс считал сионизм «отличной возможностью уклониться от соглашения 1916 года»², которое он сам же и выработывал в свое время. В апреле 1917 года Ллойд Джордж говорил британскому послу в Париже Берти: «Французам придется примириться с нашим протекторатом. Мы явимся в Палестину как завоеватели и останемся там»³.

Но французы, имея на руках соглашение Сайкса—Пико, поначалу не сомневались в намерениях англичан его выполнять. Именно этим, вероятно, объясняется их благосклонное отношение к сионизму в мае—июне 1917 года, когда Париж посетил один из ведущих сионистов Н. Соколов. Руководители французского МИД заверили его в своих симпатиях к планам расселения в Палестине еврейских колонистов, а затем, по настоянию Соколова, подтвердили это письменно. **Документ, подписанный постоянным секретарем МИД Ж. Камбоном 4 июня 1917 года**, был сформулирован весьма туманно. Французское правительство признало справедливость усилий по «возрождению еврейской национальности» в Палестине и заверило, что оно может «чувствовать только симпатию» к этому делу⁴. В тот момент французских руководителей волновало только впечатление, которое этот документ произведет на влиятельных (по их мнению) еврейских лидеров в США и России. Они также предполагали, что сионистские колонии в будущем станут соседями французской Сирии и не хотели заранее превращать сионистов в своих врагов⁵. Осуществление сионистских планов им виделось как общее дело стран Антанты в «международной» Палестине. Декларация Камбона при всей своей туман-

¹ Friedman I. The Question of Palestine. 1914—1918. L., 1973. P. 132—134.

² Лакер В. Указ. соч. С. 266—268.

³ Лорд Берти. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914—1919. М.—Л., 1927. С. 138.

⁴ Friedman I. Op. cit. P. 162; Sanders R. Op. cit. P. 534.

⁵ Laurens H. Op. cit. P. 347—348.

ности была первым документом, где от имени великой державы выражалось благосклонное отношение к сионистским планам (хотя это слово и не было названо). Она на пять месяцев опередила аналогичный британский документ, но нигде не была опубликована. Знали о ней только руководители Франции, Великобритании и сионистского движения.

Французская декларация породила у англичан опасения, что они могут потерять инициативу. После долгих колебаний и согласований британский кабинет 2 ноября 1917 года выразил свое отношение к сионизму в знаменитой **Декларации Бальфура**, оформленной как письмо министра иностранных дел лорду Л. Ротшильду. Ее текст тоже не отличался ясностью. Было объявлено, что британское правительство «приложит все усилия» для создания в Палестине еврейского «национального очага» (*a national home*) при соблюдении «гражданских и религиозных прав нееврейского населения»¹. Декларация в определенном смысле предreshала вопрос о будущем политическом устройстве Палестины и тем самым нарушала принцип ее интернационализации². Британская декларация была сразу опубликована и вызвала живой отклик в еврейских кругах по всей Европе и в США. Во Франции она поначалу не вызвала никакого сочувствия. В Париже прекрасно понимали ее негативное влияние на будущий престиж союзников на Востоке. Пико, правда, считал возможным воспользоваться этим обстоятельством в интересах Франции, для которой было выгодно, чтобы арабская враждебность была направлена против Великобритании³. Но в середине февраля 1918 года глава МИД С. Пишон по указанию премьер-министра Ж. Клемансо в особом **пресс-комюнике** заявил о «полном согласии» Франции с Великобританией по Палестинскому вопросу⁴. Король Хиджаза Хусейн был проин-

¹ Об истории Декларации Бальфура см.: Лакер В. Указ. соч. С. 267—285.

² В. Лакер приводит сведения, что еще в феврале 1917 года, вскоре после прихода к власти кабинета Ллойд Джорджа, Герберт Сэмюэл (будущий Верховный комиссар в Палестине) и Марк Сайкс (!) на совещании с ведущими сионистами высказывались за исключительно британский протекторат в Палестине. Сам же Сайкс считал сионизм «отличной возможностью уклониться от соглашения 1916 года». См.: Лакер В. Указ. соч. С. 266—268.

³ Tanenbaum J.K. France and the Arab Middle East, 1914—1920. // Transactions of the American Philosophical Society, New Series, Vol. 68. No. 7. 1978. P. 25.

⁴ Gontaut-Biron R. Comment la France c'est installée en Syrie (1918—1919). P., 1922. P. 155.

формирован о намерениях Великобритании в **Послании Хогарта** от 4 января 1918 года, в котором от имени Антанты давались заверение, что создание еврейского «национального очага» будет вполне совместимо с «политической и экономической свободой существующего населения»¹. Особый вес Декларации Бальфура придавало то обстоятельство, что она была издана накануне британского наступления в Палестине. 9 декабря 1917 года был взят Иерусалим, но Северная Палестина еще десять месяцев оставалась в руках турок.

Военная победа сразу породила политические проблемы. Французы к этому времени начали серьезно подозревать англичан в неискренности намерений. Британское командование приложило все усилия, чтобы не допустить участия французских и итальянских войск в операциях на этом направлении (хотя это было маловероятно ввиду сосредоточения почти всех французских сил на германском фронте)². Все же французы настояли на отправке на Восток двух батальонов (около 7000 человек), в основном состоявших из арабских и армянских «легионеров»³. Итальянцы отметили свое присутствие отправкой отряда в 200 человек. По сравнению со стотысячными британскими армиями это была капля в море. Понимая слабость своих позиций, французы старались зафиксировать свое присутствие на Ближнем Востоке, чтобы создать условия для реализации соглашения Сайкса—Пико. Для этого на Восток был отправлен его соавтор Ф. Жорж Пико. Он получил инструкции ускорить создание в Палестине международной администрации со своим собственным участием в качестве французского представителя. В свою очередь британский главнокомандующий генерал Э. Алленби получил из Лондона четкие указания не допускать никакого участия французов и итальянцев в управлении и сохранять в стране оккупационный режим⁴. Первая же попытка Пико заговорить о «гражданском управлении» в Иерусалиме натолкнулась на резкую отповедь Алленби⁵.

¹ Zeine Zeine N. Op. cit. P. 22.

² Friedman I. Op. cit. P. 168—169.

³ Gontaut-Biron R. Op. cit. P. 49—52.

⁴ Friedman I. Op. cit. P. 168—169, 285—286.

⁵ Эта сцена красочно описана знаменитым Лоуренсом Аравийским в его книге об «арабском восстании». См.: Lawrence T.E. Seven Pillars of Wisdom. L., 1977. P. 464.

С этого началось активное противостояние англичан и французов на оккупированных турецких территориях Ближнего Востока.

Столкнувшись с первым сопротивлением англичан, Пико направил все усилия на то, чтобы зафиксировать французское присутствие в Палестине. Не имея доступа к делам администрации, он обратился, казалось бы, к чисто символическим акциям. Французские солдаты взяли под охрану «Святые места», одна за другой стали открываться французские школы и больницы, закрытые турками. На их зданиях в Иерусалиме и других городах можно было видеть французский флаг. Особое значение приобрел, на первый взгляд, совсем протокольный вопрос — Пико добился, чтобы начиная с Рождества 1917 года на торжественных католических богослужениях ему воздавали те же «литургические почести», что и довоенным французским консулам. Это было живым напоминанием о старом «католическом протекторате». Итальянцы возмутились и пожаловались Алленби, который резко напомнил Пико, что тот является лишь его советником¹. Католические клирики разделились. «Кустодия» (францисканская стража «Святой земли») заняла проитальянскую позицию, а латинский патриарх Иерусалима (хоть и итальянец) симпатизировал французам². Французы говорили о необходимости поддерживать довоенный статус-кво до заключения мирного договора. В итоге в феврале англичане согласились временно сохранить «литургические почести» с условием, что французы не будут вмешиваться в дела администрации³. Итальянцы и поддержавшие их ватиканские кардиналы не смирились с возможным восстановлением протектората и долго еще при каждом удобном случае протестовали против «почестей»⁴.

Новая революция в России резко изменила ситуацию с Восточным вопросом. Советское правительство вышло из войны, отказалось от всех территориальных приобретений и опубликовало тексты тайных соглашений. Известия о соглашении Сайкса—Пико, умело использованные германо-турецкой пропагандой,

¹ Laurens H. Op. cit. P. 389—390.

² Gontaut-Biron R. Op. cit. P. 157.

³ Laurens H. Op. cit. P. 390.

⁴ Подробнее об этом споре см.: Minerbi S.I. L'Italie et la Palestine. 1914—1920. P., 1970. P. 157—173.

произвели тяжелое впечатление на арабских союзников Великобритании, правительство которой должно было теперь оправдываться за свое вероломство. **5 января 1918 года в речи перед представителями тред-юнионов** Ллойд Джордж заявил: «Мы боремся не для того, чтобы лишить Турцию ее столицы или ее богатых и славных земель в Малой Азии и Фракии, которые являются преимущественно турецкими по своему характеру. Мы не ставим под сомнение сохранение Турецкой империи с ее столицей Константинополем. При интернационализации и нейтрализации прохода через Проливы Аравия, Армения, Месопотамия, Сирия, по нашему мнению, имеют право на признание своих собственных национальных условий. Какова бы ни была форма этого признания в каждом отдельном случае — нет нужды обсуждать ее здесь, следует только установить, что восстановление прежнего суверенитета Турции над упомянутыми территориями невозможно»¹. Таким образом, помимо отказа от отчуждения Константинополя (что объяснялось выходом из войны России), Ллойд Джордж открыто признавал за арабскими странами и Арменией право на выдвижение собственных условий после окончания войны. Это ставило под сомнение тайные договоры, в которых раздел Османской империи был полностью оговорен заранее.

8 января 1918 года президент США В. Вильсон в послании конгрессу впервые озвучил свои знаменитые «**14 пунктов**», первым из которых значился отказ от тайной дипломатии. 12-й пункт непосредственно затрагивал судьбу Османской империи и был сформулирован так: «Турецкие части Оттоманской империи, в современном ее составе, должны получить обеспеченный и прочный суверенитет, но другие национальности, ныне находящиеся под властью турок, должны получить недвусмысленную гарантию существования и абсолютно нерушимые условия автономного развития. Дарданеллы должны быть постоянно открыты для свободного прохода судов и торговли всех наций под международными гарантиями»². Правительства Антанты формально согласились принять «14 пунктов» в качестве мирной программы, прекрасно понимая

¹ Smith M.L. Op. cit. P.64; Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. М., 1957; Т. 2. С. 388. Аноп А.Ф. Указ. соч. С. 21.

² Международная политика. Ч. 2. С. 109.

всю их противоречивость. «Турецкие части» империи от «нетурецких» четко отделить было невозможно, а под «недвусмысленной гарантией существования и абсолютно нерушимыми условиями автономного развития» можно было понимать все что угодно.

Особенно сложно было «оправдываться» англичанам перед арабскими лидерами, которые рассматривали ставшее им известным соглашение Сайкса—Пико и Декларацию Бальфура как нарушение данных в 1915 году обещаний. Простых заверений в преданности Антанты «арабскому делу» оказалось недостаточно. В то же время ситуация, сложившаяся к 1918 году, по мнению англичан, давала возможность избавиться от соглашения 1916 года. По мнению самого М. Сайкса, «всякая идея о контроле без согласия управляемых должна быть теперь оставлена». Следовало при любой возможности делать упор на сотрудничество с Фейсалом и подтвердить приверженность этому курсу с помощью публичной декларации¹. Однако ожидать в этом деле сотрудничества от Франции вряд ли приходилось. По замечанию Р. Уингейта, одного из сотрудников Арабского бюро, «какой бы рациональной ни была французская программа (в Сирии — А.Ф.), ее исполнение будет поручено капиталистам и церковникам». Тот же Уингейт, познакомившись с настроениями сирийских эмигрантов в Каире, пришел к выводу, что, «выступая против контроля короля Хусейна за сирийским правительством или его участия в нем, местные мусульмане и влиятельная часть христиан согласились бы принять Фейсала как независимого конституционного правителя. Многие мусульмане не делают секрета из того, что предпочли бы остаться под властью турок, чем подчиниться французам»². Официальных разъяснений от имени держав Антанты арабам пришлось ждать несколько месяцев.

Летом 1918 года, в разгар британского наступления против Турции, группа из 7 арабских националистов, действовавших в Каире, запросила британское правительство о его намерениях в отношении арабских частей бывшей Османской империи. Официальный ответ из Лондона последовал 16 июня 1918 года. Он стал известен как **Декларация для Семи**. Британское прави-

¹ Records of Syria 1918—1973. Vol. 1. L., 2005. (Далее — RS). Minute by M. Sykes. 2/02/1918. P. 122.

² RS. Vol. 1. Wingate to Foreign Office. 1/02/1918. P. 123.

тельство заявляло, что оно готово признать «полную и абсолютную» независимость арабов на тех землях, которые были независимы до войны или которые были освобождены самими арабами (фактически это касалось только Аравийского полуострова). В тех же странах, которые были освобождены от турок британскими войсками, «будущее управление должно основываться на принципе согласия управляемых», то есть арабам отводилась лишь совещательная роль в будущем руководстве¹. Как и Декларация Бальфура, этот документ был односторонне британским. О Франции даже не упоминалось, что все же не исключало необходимости согласовать с ней позиции.

Для этой цели в начале июля произошла «частная и личная» встреча двух соавторов пресловутого соглашения — М. Сайкса и Ф. Жорж-Пико. Сайкс доказывал несостоятельность этого документа в новых условиях (выход из войны России, вступление в нее США), Пико отстаивал его нерушимость. Сайкс ссылаясь на неприемлемость соглашения для «демократических сил стран Антанты», на его «беспокоящее» воздействие на арабов, на его несовместимость с «политикой президента Вильсона». Пико заявлял, что отказ от соглашения вызовет яростное противодействие и враждебность французских колониалистов и придаст большую силу «протурецким финансовым элементам», что может быть использовано врагами. Сайкс согласился, что такой поворот был бы крайне нежелателен. В результате «после некоторой дискуссии и внимательной проверки» Сайкс и Пико выработали проекты двух деклараций. Первая была адресована лично королю Хиджаза Хусейну. Она почти дословно воспроизводила Декларацию для Семи, но, кроме того, добавляла, что «ни одно из двух правительств не имеет намерений ни аннексировать эти (арабские — *А.Ф.*) территории, ни позволить их захват какой-либо другой стороной». Кроме того, два правительства «желали облегчить сотрудничество, союз и единство целей различных элементов среди арабоязычных народов». По мнению Сайкса, такая декларация должна была нейтрализовать негативный эффект германо-турецкой пропаганды и рассеять подозрения, что союзники хотят превратить Сирию во французскую колонию. Вторая

---

¹ Zeine Zeine N. Op. cit. P. 23.

декларация давала заверения в приверженности союзников идее предоставить «самоуправление» всем нетурецким народам Османской империи. Однако ввиду крайнего разорения населенных ими земель необходим будет «период опеки» (*tutelage*) со стороны держав, которые будут осуществлять его «с санкции свободных наций мира и с согласия жителей данных территорий». Сайкс прокомментировал этот проект предельно ясно: «Такая бумага избавит нас от обвинений в империализме»¹. Нетрудно заметить в этом плане прообраз будущей системы мандатов, хотя само это слово не употреблялось и до создания Лиги Наций было еще далеко. Ни один из этих двух проектов не был официально утвержден, но их положения в дальнейшем были широко использованы.

Вслед за этим последовало еще несколько встреч Пико и Сайкса, на которых они обсуждали два главных вопроса: как избавиться соглашения 1916 года от «империалистического» обличья (в этом состояла главная забота Сайкса) и как обеспечить его фактическое исполнение сразу после оккупации арабских владений Турции союзными, а фактически британскими, войсками (главная задача Пико). В результате из-под пера Сайкса, помимо уже изложенного проекта декларации для Хусейна, появились еще два проекта, адресованных французам. Им давалось заверение, что «на территориях, представляющих особый интерес для Франции», британский главнокомандующий признает «главу французской миссии» в качестве своего политического советника, который будет рекомендовать ему французский «административный персонал» для этих территорий и участвовать в любых переговорах с «местными элементами». 8 августа на заседании Восточного комитета при британском Военном кабинете, состоявшего из представителей Форин Оффиса, Генштаба и Министерства по делам Индии, было решено максимально ограничить полномочия французского представителя в Леванте, сведя их к «чисто административным» (а не политическим) делам, а также обязать Францию присоединиться к планируемой Декларации для Хусейна².

¹ RS, Vol. 1. Memo by M. Sykes. 3/07/1918. P. 135—140.

² RS, Vol. 1. Minutes of a Meeting of the Eastern Committee. 8/08/1918. P. 141—148.

Последовал новый период напряженных англо-французских переговоров и одновременно согласования единой позиции среди британских политиков. Некоторые деятели Арабского бюро настойчиво подчеркивали враждебное отношение жителей Сирии к Франции. М. Сайкс, возражая им, писал, что, «пока сирийцы думают, что мы будем слушать антифранцузские разговоры, они будут говорить именно в этом духе». По его мнению, следовало, во-первых, добиться от Франции заверения, что она не собирается просто аннексировать Сирию и готова предоставить ей самоуправление, ограничившись посылкой советников; во-вторых, заверить арабов в полном согласии Великобритании с Францией, поскольку британское правительство «не собирается ссориться со своим союзником, только чтобы доставить удовольствие сирийским политикам». Сирийцы должны понять, что вопреки их громким заявлениям турецкое правление будет для них гораздо хуже французского. С Сайксом полностью согласится и лорд Гардинг — постоянный заместитель государственного секретаря по иностранным делам (то есть Бальфура). Он подчеркнул опасность «любых исключительно пробританских симпатий в Сирии», но в то же время указывал, что было бы желательно (хоть и трудно) получить от французов декларацию, которая могла бы «удовлетворить короля Хусейна»¹. 23 сентября П. Камбон в разговоре с Бальфуром в присутствии Сайкса в связи с возможным вступлением британских войск в Сирию вновь напомнил о соглашении 1916 года. Бальфур тут же написал новую декларацию от имени британского правительства, где официально заявлялось, что Сирия «должна попасть в сферу интересов» Франции. Если войска генерала Алленби вступят в Сирию, на всех «гражданских должностях» там будут использоваться только французы, подчиненные британскому верховному командованию².

Наконец 30 сентября 1918 года в Лондоне состоялись официальные англо-французские переговоры, в которых с французской стороны участвовали П. Камбон и Ф. Жорж-Пико, с британской — руководящие сотрудники Форин Оффиса Р. Сесиль,

¹ RS, Vol. 1. Minutes by M.Sykes and lord Hardinge. 18/09/1918. P. 153, 157.

² RS. Vol. 1. Balfour to lord Derby. 23/09/1918. P. 157—158.; PB, Vol. 2. P. Cambon a Pichon. 23/09/1918. P. 124—125.

Э. Кроу и М. Сайкс. В результате было выработано **соглашение о режиме оккупированных турецких территорий**. На территориях, признанных соглашением 1916 года «зонами особых французских интересов», британский главнокомандующий должен был признать французского представителя своим Главным политическим советником. Этому советнику поручалось быть посредником в переговорах главнокомандующего с любым арабским правительством, которое может быть создано в зоне «А», оговоренной в соглашении 1916 года. В «синей» зоне советнику поручалось наладить временную гражданскую администрацию. Тот же советник должен был подбирать французские кадры для работы в этих зонах и рекомендовать их британскому главнокомандующему, которому он был подотчетен во всех своих действиях. Вместе с тем британское и французское правительства договорились в самое ближайшее время опубликовать декларацию, адресованную арабам, где бы отвергалась любая возможность аннексии арабских земель¹. Для Франции это соглашение, заключенное в момент решающего наступления Антанты на всех фронтах, было очевидным дипломатическим успехом, поскольку оно открывало путь к практической реализации соглашения Сайкса—Пико и подтверждало его действительность. О Хусейне и Фейсале в документе даже не упоминалось.

Англичане, правда, недолго мирились с этой уступкой. В тот же день, когда было выработано соглашение, отряды Фейсала вступили в Дамаск. На очередном заседании Восточного комитета только что заключенное соглашение подверглось серьезному пересмотру. И вот уже 8 октября Пишон через британское посольство получил письмо А. Бальфура с приложением меморандума Р. Сесия, помощника британского государственного секретаря по иностранным делам, где уточнялось, что действие соглашения распространяется только на территорию, освобожденную от турок «египетскими экспедиционными войсками» под командованием генерала Алленби. Иными словами, за его рамками оставались все внутренние районы Сирии с Дамаском и Мосул. Бальфур указывал, что меморандум пока не одобрен кабинетом, но

¹ RS, Vol. 1. Foreign Office Memorandum. 30/09/1918. P. 159—160.; PB, Vol. 2. P. Cambon a Pichon. 30/09/1918. P. 126—127.

премьер-министр с ним полностью согласен. Французы не выдвинули против меморандума никаких возражений. Британский Военный кабинет на заседании под председательством Керзона 14 октября полностью согласился с такой интерпретацией¹. Лишь 19 октября последовал официальный обмен нотами между Бальфуrom и Камбоном, после чего соглашение вступило в силу².

Практическое воплощение эти решения обрели очень быстро. 23 октября приказом Алленби был установлен порядок временного управления «оккупированными вражескими территориями» в Сирии и Палестине, которые делились на несколько зон. Южная зона (Палестина), управлялась английской военной администрацией. Северная зона (прибрежная полоса к северу от Палестины до города Александретты включительно) управлялась французскими властями, но была оккупирована британскими войсками, значительно превосходившими французский контингент. Восточная зона (внутренние районы Сирии с городами Дамаск, Хама, Хомс и Алеппо) находилась под управлением Фейсала. В Палестине (Южная зона) главным администратором назначался британский генерал Муни, в прибрежных районах Сирии (Северная зона) — французский полковник де Пьепап, во внутренних районах (Восточная зона) — сподвижник Фейсала Али Риза-паша эр-Рикаби. Все администраторы должны были регулярно отчитываться перед британским генштабом. На оккупированных территориях должна была по возможности сохраняться турецкая административная система. Вместе с тем Администрация Оттоманского долга и французская табачная монополия *Regie des tabacs* могли возобновить свою работу³. Впоследствии эта система была распространена и на Киликию, занятую войсками Антанты лишь после перемирия, о чем речь пойдет ниже.

Одновременно шла подготовка совместной англо-французской декларации для жителей Сирии и Месопотамии. Она должна была заменить собой так и не принятую «декларацию для Хусейна». При подготовке этого документа Великобритания и Франция

¹ PB, Vol. 2. *Ambassade Britannique á Pichon*. 8/10/1918. P. 129.; RS, Vol. 1. *War Cabinet Paper No. 485*. 14/08/1918. P. 187—188; *Ibid.* Balfour to the Earl of Derby. 22/10/1918. P. 200.

² RS, Vol. 1. Balfour to Cambon, Cambon to Balfour. 19/10/1918. P. 197—199.

³ RS, Vol. 1. Allenby to War Office. 23/10/1918. P. 201.

преследовали каждая собственные цели. Так, Пишон в срочной телеграмме Камбону от 2 октября откровенно заявил, что хотя Франция и разделяет «общие идеи англичан» о необходимости самоуправления на освобожденных от Турции арабских землях, формулировки декларации должны быть подобраны с большой осторожностью. Во-первых, нужно было «избежать разочарования среди наших арабских союзников, когда дело дойдет до применения этих принципов, и не вызывать у них устремлений и надежд, противоположных нашим взглядам на будущее», во-вторых, нужно было избежать риска поставить «Сирию и территории, зарезервированные для развития нашего влияния и нашей цивилизации», немедленно или в будущем «под влияние короля Хиджаза, а следовательно, англичан»¹. У самих англичан тоже были особые цели при подготовке декларации. Так, излагая условия недавнего англо-французского соглашения в письме к послу в Вашингтоне, Бальфур подчеркивал, что соглашение 1916 года «более не представляется пригодным во всех отношениях» и судьба турецких владений должна стать предметом новых переговоров с участием США и Италии. Планируемая англо-французская декларация должна была «снять опасения и подозрения арабов и сирийцев», столь опасно используемые врагами. Перед публикацией с декларацией должен был ознакомиться президент Вильсон².

Очевидно, что французы соглашались на декларацию нехотя и стремились, чтобы она нанесла как можно меньший ущерб их притязаниям, основанным на соглашении Сайкса—Пико. Англичане же хотели с помощью декларации не только «успокоить» арабов, но и нанести еще один удар по этому соглашению, продемонстрировать перед Вильсоном свою приверженность столь любезным ему идеям самоопределения народов и пригласить его принять дипломатическое участие в вытеснении французов из Сирии. Текст декларации был окончательно подготовлен 30 октября — в тот самый день, когда Османская империя подписала продиктованное ей перемирие. **Англо-французская декларация** была официально опу-

¹ PB, Vol. 2. Pichon á Cambon. 2/10/1918. P. 128.

² RS, Vol. 1. Balfour to Viceroy 28/10/1918 reporting a text of a telegram from Balfour to HM Ambassador in Washington. 23/10/1918. P. 207.

ликована спустя неделю — 7 ноября 1918 года и стала последним совместным документом Антанты по Ближнему Востоку перед окончанием Первой мировой войны. Поскольку этот документ невелик по объему, он заслуживает полного цитирования:

«Преследуемая Францией и Великобританией цель ведения войны на Востоке, развязанной честолюбием Германии, — полное и несомненное освобождение народов, так долго терпевших угнетение турок, и основание национальных правительств и администраций, авторитет которых опирается на инициативу и свободный выбор местного населения.

Для осуществления этих намерений Франция и Великобритания готовы поощрять и оказывать помощь в формировании туземных правительств и администраций в Сирии и Месопотамии, уже освобожденных союзниками, и на тех территориях, освобождение которых ими ведется, обеспечив безопасность и признание этих правительств, как только те будут действительно учреждены. Вовсе не желая навязать населению этих территорий какие-либо определенные институты, они не имеют других намерений, кроме как предоставить поддержку и необходимую помощь регулярной работе правительств и администраций, которые они сами свободно создадут. Обеспечение гарантии беспристрастного и равного судебного разбирательства для всех, помощь в экономическом развитии страны путем поощрения и поддержки местной инициативы, оказание поддержки распространению образования и окончание распрей, которыми слишком долго злоупотребляла турецкая политика, — такова роль, которую два правительства принимают на себя на освобожденных территориях»¹.

Итак, вопрос о судьбе Османской империи прошел за время войны два этапа. С 1915 по начало 1917 года под руководством Э. Грея создается целая система тайных обязательств, предусматривавшая полный раздел Турции между Великобританией, Францией, Россией и Италией и создание на арабских землях марионеточных правительств. Территория собственно Турции после этого свелась бы к полоске земли вдоль Черного моря. Последний камень в эту систему был заложен в Сен-Жан-де-Мориенн

¹ Переписка... С. 187—188. Перевод сверен и исправлен нами по французскому оригиналу: RS, Vol. 1. P. 208; PB, Vol. 2. P. 132.

уже новым кабинетом Ллойд Джорджа — Бальфура как бы «по инерции». Главной политической целью Великобритании при этом было удержание в войне ее союзниц — Франции, России и Италии. Уже тогда аппетиты этих стран вступали в очевидное противоречие с интересами «младших партнеров» Великобритании — королевства Хусейна и Греции. Однако англичане отдавали явное предпочтение своим западноевропейским союзникам, что ясно видно, например, из переписки Хусейна и Мак-Магона, которые так и не пришли к согласию относительно будущего присутствия Франции на Ближнем Востоке.

С весны 1917 года начался процесс эрозии этой системы, отчасти вызванный революцией в России, но главным образом спровоцированный самой Великобританией, которая оказалась недовольна тем «куском», который доставался ей по тайным договорам. Уже Декларация Бальфура была в известном смысле актом ревизии соглашения Сайкса—Пико. Отказ России от тайных договоров и их опубликование дали Великобритании удобный повод откеститься от тайной дипломатии военного времени, а «принципы Вильсона» создали для этого удобную идеологическую основу. В связи с этим изменилась и роль «младших партнеров». Теперь притязания Хиджаза и Греции, выглядевшие вполне оправданными с вильсонистской точки зрения, могли стать весомыми аргументами для давления на европейских союзников с целью пересмотра тайных договоров. Еще до перемирия наметился треугольник Великобритания—Хашимиты—Франция, которому в последующие два года суждено было сыграть определяющую роль в развитии ситуации на Арабском Востоке. В то же время попытка напрямую предложить французам пересмотр старых соглашений натолкнулась на их резкое противодействие. Среди высших чиновников Форин Оффиса четко обозначились две позиции: линия на исполнение базовых положений соглашения 1916 года при пересмотре его деталей ради сохранения прочной связи с Францией (М. Сайкс, Ч. Гардинг) и линия на максимально возможный демонтаж этого соглашения (Р. Сесиль, лорд Керзон, Арабское бюро) для защиты исключительно британских интересов с помощью арабских союзников. Выражением этих тенденций в британской политике стали выработанные в последние месяцы войны официальные докумен-

ты. Англо-французское соглашение от 30 сентября вроде бы признавало исключительные интересы Франции в Сирии, но в то же время декларация от 7 ноября заложила еще одну мину под французские планы. Отрицательное отношение США к тайным соглашениям также было выгодно англичанам, что они и намеревались использовать в ходе будущих многосторонних переговоров. Но главным аргументом в грядущем споре должны были стать британские солдаты на улицах арабских городов при почти полном отсутствии там французов. Этой цели должно было послужить начатое осенью 1917 года наступление в Палестине и Месопотамии, завершившееся через год под стенами Алеппо и Мосула.

3. От войны к миру (октябрь—декабрь 1918 года)

К осени 1918 года неизбежность поражения Центральных держав стала очевидной. Перед руководством стран Антанты встала задача четкого определения приоритетов послевоенной политики. Текущая обстановка создавала множество вопросов, от решения которых зависел послевоенный расклад сил в мире: будущее Германии, будущее России, распад Австро-Венгрии и возникновение на ее месте множества новых государств, роль и место США в мире. Одним из ключевых был вопрос о судьбе Османской империи, в котором тесно переплелись судьбы таких важнейших регионов, как Кавказ, Балканы, Восточное Средиземноморье, Месопотамия, Персидский залив, Черноморские проливы, не говоря уже о собственно Малой Азии. Последние месяцы 1918 года были, с одной стороны, временем, когда руководство ключевых стран Антанты определяло свои задачи в этом вопросе и его место среди других проблем, а с другой стороны — периодом, образно говоря, «расстановки фигур» на шахматной доске будущих дипломатических баталий. От того, насколько сильны были стартовые позиции участников, зависел и их дальнейший успех. Поэтому уже на этапе выхода из войны и подготовки к мирной конференции Франция и Великобритания стремились создать определенный задел, который дал бы им дополнительные преимущества в ходе мирного урегулирования.

Мудросское перемирие и британские планы

О стратегической важности стран Ближнего Востока для Британской империи уже говорилось выше. История, казалось, давала теперь шанс на осуществление самых дерзких планов по утверждению британского господства в Азии, вплоть до создания непрерывной цепи британских владений и зависимых территорий от Египта до Индии (а при более широком взгляде — от Кейптауна до Сингапура). Но на пути осуществления этих планов вставало соглашение Сайкса—Пико, по которому между британскими владениями в Египте и Месопотамии находилась «международная» (но уже занятая англичанами) Палестина. Ее связь с Месопотамией была возможна либо через безводную пустыню, либо через французские владения и сферы влияния, нависавшие с севера над британскими. Французский контроль над Мосулом был теперь для Великобритании невыгоден, так как после ухода с Ближнего Востока России он терял свое стратегическое значение. Таким образом, задача британского руководства состояла теперь во всеобъемлющем пересмотре всех тайных договоров военного времени и в первую очередь соглашения Сайкса—Пико. Но в то же время англичане не могли себе позволить никаких резких движений в этом направлении, дабы не вызвать слишком сильного отчуждения своей главной европейской союзницы. Ведь не менее важной задачей было недопущение французской гегемонии в Европе. А решение обеих этих задач одновременно требовало очень тонкой дипломатической игры.

Тем временем война на Востоке подходила к концу. Страны Антанты вели наступление тремя фронтами — в Месопотамии, в Сирии и на Балканах. Французский генерал Франше д'Эспре командовал войсками Салоникского фронта, которые в конце сентября принудили к капитуляции Болгарию и теперь угрожали Стамбулу. В связи с этим 15 октября Ллойд Джордж требовал от Клемансо передать все командование морскими силами в Восточном Средиземноморье британскому адмиралу, поскольку Англия вынесла основную тяжесть войны с Турцией. Клемансо отказался на том основании, что Франция с материальной точки зрения была больше всего заинтересована в судьбе Турции¹.

¹ Аноп А.Ф. Указ. соч. С. 35.

30 октября 1918 года представители Османской империи подписали перемирие на борту английского крейсера «Агамемнон», стоявшего в порту Мудрос на острове Лемнос. Процедура подписания сопровождалась неприятным инцидентом, заметно омрачившим англо-французские отношения. От имени союзников документ подписывал английский адмирал Кальтрон, а французский адмирал Амет, уполномоченный своим правительством для переговоров с турками, даже не был допущен на борт «Агамемнона»¹. Текст перемирия был полностью составлен англичанами, которые фактически отстранили французов от принятия каких-либо решений. Помимо стандартных положений о прекращении огня этот документ содержал ряд специфических статей. Нигде не оговаривалась четкая демаркационная линия между Турцией и Антантой. Союзники должны были занять форты Босфора и Дарданелл и систему тоннелей в горах Тавра (ст. 1, 9). Турция обязывалась сдать свои гарнизоны в Сирии, Месопотамии и других арабских странах, вывести войска из Киликии (кроме полицейских сил). Но при этом турецким войскам позволялось остаться в «части Закавказья» до особого распоряжения Антанты (ст. 11). Самой важной была статья 7, согласно которой союзники получали право «оккупировать любые стратегические пункты», если возникнет ситуация, «которая будет угрожать их безопасности». Это открывало возможность для почти неограниченной экспансии. В статье 24 отдельно оговаривалось, что в случае беспорядков в «шести армянских вилайетах» союзники могли оккупировать любую их часть². Перемирие, по крайней мере на бумаге, ставило Турцию под полный иностранный контроль.

Следует сказать, что англичане старались оттянуть подписание перемирия, чтобы захватить до этого как можно больше территорий. Но до Мосула они к 30 октября так и не дошли и вступили в него только несколько дней спустя уже на основании статьи 7 перемирия. 13 ноября 1918 года в бухте Золотой Рог и на внешнем рейде Константинополя появились британские (их было большинство), а также французские, итальянские и греческие

¹ Bush B.C. *Mudros to Lausanne. Britain's Frontier in West Asia 1918—1923*. Albany (N.Y.) 1976. P. 15—18.

² *Международная политика ... Ч. 2*. С. 188—189.

корабли, а объединенная англо-франко-итальянская армия вошла в столицу Османской империи¹. Установление контроля над Константинополем и Проливами не обошлось без разногласий. Французы торопились высадить десант в Константинополе, чтобы взять под контроль железную дорогу, ведущую в Сирию. Англичане были против этой идеи и стремились сначала взять под свой полный контроль Проливы под предлогом необходимости очистки их от мин². Впоследствии Константинополь был разделен на три зоны оккупации. Старая (византийская) часть города была занята французами, районы за Золотым Рогом (Пера, Галата и др.) — англичанами, а азиатская часть (Скутари) — итальянцами. Таким образом, французы контролировали район, насыщенный историческими памятниками, а англичане — правительственными учреждениями. В Константинополь были назначены Верховные комиссары трех стран Согласия. Первым Верховным комиссаром Великобритании стал адмирал Кальтроп, Франции — Дефранс, Италии — граф Сфорца. Одновременно английские войска заняли Закавказье, откуда выводились турецкие части, и приняли под свое «покровительство» националистические правительства Азербайджана, Армении и Грузии³.

Вопрос о верховном командовании в районе Проливов вызвал еще один англо-французский конфликт. На их европейском берегу верховным главнокомандующим союзных армий был французский генерал Л.Ф. Франше д'Эспре. Английские части под командованием генерала Мильна формально подчинялись ему. Вместе с тем именно Мильн был главнокомандующим на азиатском берегу, где он мог действовать совершенно самостоятельно⁴. Мильн отказывался подчиняться приказам французского генерала и пытался присвоить себе командование всеми союзными

¹ Шамсутдинов А.М. Национально-освободительная борьба в Турции, 1918—1923. М., 1966. С. 20.

² Documenti diplomatici italiani. Ser. 6. Vol. 1. Roma. 1956 № 82. Sforza a Sonnino. 9/11/1918. P. 42 (далее — DDI).

³ Турецкие войска на острове И1 статьи перемирия до апреля 1919 года оставались в районе Карса, Ардагана и Артвина, где в это время существовало туркофильское «Юго-западное правительство».

⁴ Papers relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference. Vol. 1—13. — 1947. Vol. 1. Washington D.C., 1943. P. 342 (далее — FRUS PPC).

силами в Константинополе. В декабре Ллойд Джордж и Клемансо договорились, что на азиатском берегу Проливов главнокомандующим будет генерал Мильн, а во Фракии и в Константинополе командование следовало передать генералу, кандидатура которого должна была быть согласована между союзниками. Но Клемансо так и не отозвал Франше д'Эспре, и его конфликт с Мильном еще долго то и дело отзывался эхом в Париже и Лондоне.

Необходимость закрепления нового статус-кво, возникшего благодаря практически полному контролю англичан над ситуацией в Османской империи, особенно остро проявилась в связи с нефтяным вопросом. Прибывший в середине ноября в Лондон французский генеральный комиссар по нефти и топливу Анри Беранже заявил своему британскому коллеге Уолтеру Лонгу, что Франция претендует на равное с Великобританией участие в добыче месопотамской нефти¹. Подобные заявления были особенно тревожны для англичан. Они понимали, что предвоенное турецкое обещание предоставить концессию англо-германской группе было, мягко говоря, сомнительным с юридической точки зрения. Сведения о закулисных контактах французов с американскими нефтяными трестами и с голландскими акционерами компании Royal Dutch Shell добавляли беспокойства². Дальнейшие переговоры по нефтяной проблеме были отложены до мирной конференции.

Подготовка к борьбе за Сирию: Великобритания

Успехи британского оружия в Сирии и Месопотамии поставили вопрос о пределах будущего британского влияния на Ближнем Востоке. Самоустранение России из этого региона, казалось, давало англичанам шанс на воплощение самых смелых планов. Британия была в этот момент полновластной хозяйкой в регионе, и старые обязательства по отношению к союзникам казались не более чем досадным недоразумением. Выработкой единой британской позиции занимался специальный Восточный комитет, в который входили министр иностранных дел А. Бальфур,

¹ Kent M. Oil and Empire. British Policy and Mesopotamian Oil. 1900—1920. N.Y., 1976. P. 141.

² Ibid. P. 138, 143.

лорд Керзон (фактический заместитель Бальфура в архаичной должности лорда председателя Тайного совета), министр по делам Индии Э. Монтегю, помощник Бальфура Р. Сесиль и ряд других государственных деятелей. Наиболее активно заседания комитета проходили с октября по декабрь 1918 года. Необходимость расчленения Османской империи у его участников сомнения не вызывала. Однако вокруг конкретных проблем возникли серьезные противоречия. Так, Керзон был убежден в необходимости изгнать султана и турецкое правительство из Константинополя, чтобы таким образом лишить его претензий на влияние в мусульманском мире в качестве халифа. Э. Монтегю, напротив, был убежден, что такое решение настроит против англичан миллионы мусульман Британской империи. По мнению Керзона, поддержанному на сей раз всем Восточным комитетом, Британия желала «видеть сильные независимые государства — отростки (*offshoots*) бывшей Российской империи на Кавказе». На одном из заседаний было принято решение о необходимости установления британского контроля в Турции, Персии, Месопотамии, в Палестине и на Кавказе. По существу, это была «программа максимум» британской экспансии на Востоке. Керзон вскоре составил специальный меморандум с изложением собственных взглядов на роли Великобритании и Франции на Востоке. Он считал, что «соглашение Сайкса—Пико изжило себя» и Франции придется поступиться многими позициями, в частности отказаться от монопольных прав в портах Александретта и Мерсина, «специальных прав» в долинах Тигра и Евфрата (очевидно, речь шла о Мосуле) и «преобладающего влияния» на севере Палестины. Керзон считал, что Англия должна «добиваться соглашения с арабами, а не с французами». В результате комитет 16 декабря принял резолюцию, что «никакое иностранное влияние, кроме британского, не должно преобладать» в Сирии и Ираке (зоны «А» и «В»). С другой стороны, А. Бальфур и Р. Сесиль не считали возможным излишне обострять отношения с Францией, поскольку сотрудничество с ней в Европе было все же необходимо. Избавиться от французского влияния, по мнению Бальфура, можно было с помощью заокеанского союзника: «Есть большая вероятность, что президент Вильсон отвергнет секретные соглашения, а вместе с ними и претензии Франции на Среднем Востоке». Господ-

ствующее положение Великобритании в регионе должно быть обеспечено не прямым военным контролем, а с помощью «опеки» (*tutelage*) над арабскими руководителями. Монтегю считал возможным «поддерживать арабский фасад и при этом обеспечивать британское преобладание», а Бальфур высказывался еще откровеннее: «Мы будем иметь протекторат, но не будем провозглашать его»¹. Все это показывает, что французы, чей империализм был гораздо более «откровенным», были не столь уж далеки от истины, когда считали эмира Фейсала и всю Хашимитскую династию британскими марионетками. Важно отметить, что Ллойд Джордж в заседаниях Восточного комитета не участвовал и имел собственное представление о будущем азиатских владений Османской империи.

У государственных мужей из Восточного комитета были, впрочем, все основания для оптимизма. В азиатской Турции к этому времени хозяевами положения были британские генералы. Уильям Маршалл стремился к Мосулу, в то время как Алленби продвигался на север вдоль средиземноморского берега. Параллельно с его войсками к востоку от Иордана наступали арабские части во главе с Фейсалом и Лоуренсом. Бескровное взятие Дамаска 30 сентября 1918 года было обставлено англичанами так, чтобы отдать приоритет силам эмира Фейсала. Смена власти не обошлась без инцидентов. Арабские (хиджаские) флаги были подняты над городом, когда последние турецкие и немецкие солдаты его еще не покинули, а передовые арабские части только вступали в город. В тот же день (30 сентября) некие братья Ахмед Сайед и эмир Абд эль-Кадер (оба потомки знаменитого алжирского героя Абд эль-Кадера), которых французы считали «своими верными сторонниками», попытались создать самостоятельную гражданскую администрацию в городе в противовес Хашимитам. Однако уже на следующий день Фейсал назначил своего заместителя в Дамаске — Шукри-пашу эль Айюби (он был прямым потомком Саладина). В результате этого двоевластия в городе несколько дней происходили беспорядки, прекратившиеся только после торжественного вступления в город самого Фейсала в сопровождении

---

¹ Darwin J. Britain, Egypt and the Middle East. Imperial Policy in the Aftermath of the War. 1918—1919. N.Y.; L., 1981. P. 152—157.

английских войск 3 октября¹. Спустя месяц эмир Абд эль-Кадер был застрелен при попытке ареста подчиненными Фейсалу жандармами, а его брат арестован².

Фейсал немедленно приступил к формированию собственного правительства, на улицах городов были вывешены флаги Хиджаза, что явно указывало на стремление к воссоединению Сирии с королевством Хусейна. Трения и противоречия между арабами и французами возникли практически сразу. Британский главнокомандующий Э. Алленби на фоне назревавшего конфликта между Фейсалом и французами старался сохранить в своих руках верховный контроль над ситуацией, поочередно поддерживая то одну, то другую сторону. 5 октября Фейсал с ведома и согласия Алленби издал воззвание к народу, в котором обещал создать «арабское конституционное правительство, полностью и абсолютно независимое, именем нашего господина султана Хусейна» и распространить его власть на «всю Сирию» (включая Ливан и Палестину)³. В то же время Алленби резко отвечал на любые возражения Фейсала против присутствия Франции на побережье, ссылаясь при этом на сохранение военного положения и свой авторитет как главнокомандующего⁴. Попытка сторонников Фейсала распространить свою власть на прибрежные районы и Ливан встретила недовольство части христианского населения, вызвала официальный протест со стороны Франции и была пресечена высадкой небольшого французского десанта при содействии англичан⁵.

Как уже отмечалось, 24 октября приказом Алленби был установлен порядок управления «оккупированными вражескими территориями» в Сирии и Палестине, которые делились на оккупационные зоны: Южную — английскую (Палестина), Северную — французскую (прибрежная полоса Сирии до города Александретты включительно) и Восточную — арабскую (внутренние районы Сирии с городами Дамаск, Хама, Хомс и Алеппо).

¹ RS, Vol. 1. Clayton to Foreign Office. 7/10/1918. P. 174—180.

² Du Hays, le général. Les armées françaises au Levant. 1919—1939. Tome 1. Chateau de Vincennes, 1978. P. 40.

³ Zeine Zeine N., Op. cit. P. 32—33.

⁴ Ibid. P. 25—30.

⁵ RS, Vol. 1. Allenby to War Office. 7/10/1918, 8/10/1918. P. 185—186.

По настоянию Фейсала, Алленби отказался включить во французскую зону районы Баальбека, Хасбейи и Рашийи (долина Бекаа), хотя эти территории не только по соглашению 1916 года входили в «синюю» зону, но и относились Северной (французской) зоне согласно первоначальному приказу Алленби¹. Французские протесты по этому поводу Алленби проигнорировал². При всем этом Алленби писал начальнику британского Генштаба Г. Вильсону: «Я делаю все, что в моих силах, чтобы помочь французам, особенно на тех территориях, где их интересы считаются преобладающими, но враждебность по отношению к ним только увеличивается, а не уменьшается³».

В число территорий, где «французские интересы считались преобладающими», входила и Киликия — область к северу от Сирии до гор Тавра. К моменту заключения перемирия она, как и Мосул, еще не была оккупирована войсками Антанты. Между тем французы придавали ей столь большое значение, что уже в начале ноября заключили за спиной англичан соглашение с Италией о разграничении оккупационных зон в этом районе. Область итальянских интересов, где пока еще не было ни одного итальянца, располагалась к западу от Киликии. По соглашению граница между французской и итальянской зонами должна была пройти по реке Ламос к западу от города Мерсина. Командующий итальянскими силами в Эгейском море получил из Рима указание учитывать это соглашение в своих действиях⁴. Между тем в официальном распределении оккупационных зон изменения, касающиеся Киликии, были внесены лишь после того, как в декабре Алленби, ненадолго посетив Константинополь, заключил с великим визирем Тевфик-пашой секретное соглашение, по которому, согласно статье 7 Мудросского перемирия, войска Антанты оккупировали часть Южной Анатолии и Киликию (дополнительные десять условий к Мудросскому перемирию). В начале января англичане заняли города Урфу, Айнтаб (Газиантеп) и Мараш⁵,

¹ RS, Vol. 1. Clayton to Foreign Office. 30/10/1918. P. 215—216.

² Du Hays, le général. Op. cit. P. 40.

³ RS, Vol. 1. Allenby to H. Wilson. 22/12/1918. P. 251.

⁴ DDI, Ser 6. Vol. 1. № 45, Sonnino a Elia. 7/10/1918. P. 22—23.

⁵ Шамсутдинов А.М. Указ. соч. С. 24.

а французские «войска Леванта» вступили в Мерсину и Адану. Таким образом, под английский контроль переходили дополнительные земли, на которые претендовала Франция. После этого Киликия (Аданский вилайет) стала именоваться Северной зоной, а ливанское и сирийское побережье было переименовано в Западную зону. Гражданская власть в Киликии передана французам на тех же условиях, что и на побережье¹. Главным администратором Северной зоны с резиденцией в Адане был назначен французский полковник Э. Бремон². Для Италии никаких оккупационных зон не предусматривалось. Районы Урфы, Мараша и Айнтаба не вошли во французскую оккупационную зону, а управлялись командованием британского Пустынного Кавалерийского корпуса (*Desert Mounted Corps*), располагавшимся в Алеппо, и, по сути, составляли пятую оккупационную зону, никак, однако, не обозначенную³. Центральная Анатолия с городом Сивас, входившая в «синюю» зону по соглашению Сайкса—Пико, осталась свободной от всякой иностранной оккупации.

Как французские, так и арабские власти в своих оккупационных зонах подчинялись Генеральному штабу британского экспедиционного корпуса. Тем самым создавалось определенное двоевластие. Верховная военная власть на всех «оккупированных вражеских территориях» принадлежала Алленби и его штабу, в то время как гражданская власть на побережье и в Киликии принадлежала французской администрации, во внутренних районах Сирии — арабской, а в Палестине — английской. И французы, и Фейсал имели поводы для недовольства. При их явной взаимной неприязни такая ситуация ставила англичан в положение арбитра, которое они могли использовать к собственной выгоде. Англичане постепенно начали переориентировать свои старые связи с арабскими лидерами на новые задачи, связанные с максимальным ограничением французской активности на Ближнем Востоке. Вместе с тем они не собирались сводить эту активность к нулю, чтобы не вызвать чрезмерного отчуждения Франции и

¹ Gontaut-Biron R. Op cit. P. 1922. P. 65.

² Du Hays, le général. Op. cit. T. 1. P. 159.

³ Moumjian G.K. Cilicia under French Mandate, 1918—1921.

http://www.armenian-history.com/Nyuter/HISTORY/G_Moumdjian/Garabet_M_Cilicia_under_French_mandater_1918_1921.htm.

сохранять у арабов потребность в британском покровительстве. 7 ноября от имени правительств Великобритании и Франции была опубликована процитированная выше декларация. Прежде всего, она была призвана исправить тяжелое впечатление, которое произвело на арабов опубликование соглашения Сайкса—Пико в начале 1918 года. Британский «гражданский комиссар» (*civil commissioner*) в Месопотамии Арнольд Вильсон впоследствии отмечал, что это отчасти удалось, так как арабы стали воспринимать декларацию как акт пересмотра тайных договоров¹. Кроме того, с ее помощью англичане продолжили «размывание» соглашения Сайкса—Пико, начатое еще весной 1917 года.

Подготовка к борьбе за Сирию: Франция

К концу 1918 года во Франции так же остро, как и в Великобритании, встал вопрос о послевоенной внешнеполитической стратегии и о месте в ней ближневосточного региона. Центральное место в общественном мнении, безусловно, занимала судьба побежденной Германии. Давние реваншистские настроения слились со свежими переживаниями военного времени и миражами грядущей европейской гегемонии. Желание отбросить Германию за Рейн и обложить ее драконовскими репарациями было чрезвычайно сильно и, казалось, находило поддержку по другую сторону Ла-Манша, где одним из главных предвыборных лозунгов Ллойд Джорджа было утверждение, что «за все заплатят боши». В этих условиях «колониальная партия», кровно заинтересованная в экспансии на Востоке, чувствовала опасность, что французские интересы в Османской империи могут затеряться на фоне европейских проблем и будут принесены им в жертву. Клемансо проявлял мало интереса к ближневосточным делам. Поэтому была начата систематическая кампания с целью превратить Сирию во «вторую Эльзас-Лотарингию» (то есть уравнивать по важности эти два вопроса в глазах общественного мнения).

Поль Камбон, французский посол в Великобритании, еще 9 октября так описывал ситуацию: «Сирийские дела заставили всех в Париже потерять голову, и притом совершенно напрасно, так

---

¹ Zeine Zeine N., Op. cit. P. 47—48.

как англичане никогда не пытались уклониться от данного ими слова. Самое забавное заключается в том, что в течение многих лет мы не сделали ничего хорошего в Сирии. Получив самые выгодные концессии, наши деловые люди их продали немцам; придавая большое значение нашему католическому протекторату, мы его не использовали. Мы совершенно неумело вели себя с арабами, которые составляют там две трети населения и сегодня имеют за собой победоносные армии шерифа Мекки. Нет такой глупости, которую бы сейчас не совершали. В газетах, в кулуарах Палаты, в Совете Министров опять говорят об аннексии или о протекторате, хотя эти слова уже поднимают арабов. С ними необходима такая ловкость (*dextérité*), на которую наши политики не способны. К несчастью, Клемансо совершенно не интересуется Востоком: "Это все из области литературы", — сказал он моему брату¹. Но поскольку в правительстве именно он, мы готовимся к большим неприятностям и сильным разочарованиям².

Пропагандистская кампания осложнялась отсутствием четкой политической линии по колониальным вопросам не только в руководстве страны, но и в рамках самой «колониальной партии», которая распадалась на сторонников различных направлений экспансии — центральноафриканского, североафриканского и ближневосточного. Достичь согласованной позиции французские колониалисты и политики так и не смогли. В вышедшей тогда брошюре С. Фиделя «Французский колониальный мир» пропагандировалась экспансия «по всем азимутам», что было совершенно неосуществимо в тех условиях. Поэтому и вопрос о масштабах притязаний Франции в Сирии оставался открытым. Сторонники «африканской партии» предлагали свести их к минимуму. Упомянутый С. Фидель ратовал за захват «Единой Сирии», то есть всего Восточного Средиземноморья с обширным хинтерландом. В то же время руководитель комитета «Французская Азия» Робер де Кэ выступал за «Малую Сирию», ограниченную с юга «линией Сайкса—Пико». С ним в конечном итоге согласились политический секретарь МИД Ф. Бертелло и глава внешнеполитического ведомства С. Пишон. Французские коло-

¹ Имеется в виду бывший посол в Германии Жюль Камбон.

² Cambon P. Correspondence. 1870—1924. Т. 3. Р., 1946. Р. 276.

ниалисты были вынуждены окончательно отказаться от миража «Единой Сирии»¹. Но теперь соглашение Сайкса—Пико стало восприниматься ими как непререкаемое обоснование французских притязаний на Востоке, и любое необоснованное отступление от него создавало для французского правительства рискованную внутривосточную ситуацию. Так же вынужденно французские колониалисты смирились с необходимостью облекать свои планы в вильсонистскую фразеологию, ссылаясь на пожелания местного населения. С этой целью была активизирована деятельность Центрального сирийского комитета — организации сирийских эмигрантов-франкофилов в Париже. Уже 11 ноября этот комитет принял резолюцию с обращением к Клемансо и Вильсону. В этом документе, наполненном высокопарными фразами в вильсонистском духе, выражалось требование соблюдения «территориальной целостности» Сирии, установления в ней «демократического федеративного режима», для чего необходимы были «помощь» и «дружеское содействие» Франции. Главными опасностями для Сирии объявлялись интриги англичан и деятельность эмира Фейсала, «утвержденного в Дамаске благодаря помощи и субсидиям» Великобритании². Ж. Клемансо официально ответил на это обращение только 6 декабря. Он заверил членов комитета, что распределение оккупационных зон имеет «переходный» характер и весь Восточный вопрос будет рассмотрен «во всей полноте» в ходе мирной конференции. Правительство Франции никогда не забывало о нуждах «угнетенных национальностей Малой Азии». В особенности оно полно решимости специально позаботиться о том, чтобы «обеспечить собственную эволюцию Сирии к мирной цивилизации», и «будет в максимальной степени защищать интересы этой страны перед своими союзниками»³. Комментируя это письмо, известный журналист Пертинакс (Андре Жеро) на страницах газеты *Echo de Paris*

¹ Andrew Ch.M., Kanya-Forster A.S. *France Overseas: The Great War and the Cimax of French Imperial Expansion*. L., 1981. P. 165—179.

² *British Documents on Foreign Affairs. Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Ser. B, Vol. 1—3. The Near and Middle East*. Washington D.C., 1985. Ser. B, Vol. 1. № 6. Resolution by Central Syrian Committee. 11/11/1918. P. 14—15 (далее — BDFFA).

³ RS, Vol. 1. Clemenceau au Comité central Sytien. 6/12/1918. P. 240, 298.

напомнил публике, что соглашение Сайкса—Пико остается в силе до тех пор, пока оно не будет заменено новым аналогичным соглашением. Интересы Франции на Востоке не должны страдать от того, что во время войны почти все ее войска были собраны на германском фронте. Однако фактическое положение Франции в Сирии неизбежно ухудшается, поскольку «отсутствующие часто оказываются неправы»¹.

«Колониальная партия» нашла своего горячего сторонника в министре иностранных дел С. Пишоне. 29 декабря 1918 года он заявил в палате депутатов: «Мы имеем в турецкой империи неоспоримые права, которые должны защищать. Мы их имеем в Ливане, в Сирии, в Палестине. Они основаны на исторических условиях, на соглашениях и договорах. Они также основаны на желаниях и потребностях местных жителей, которые долгое время являются нашими клиентами. Мы должны самым решительным образом отстаивать наши права. ... Но мы считаем, что соглашения, заключенные с Англией, продолжают связывать нас с ней, и что те права, которые за нами признаны и расширения которых мы будем требовать на конференции, сейчас надежно гарантированы»². Эта речь была адресована, прежде всего, англичанам, поскольку содержала очевидное требование нерушимости условий тайных соглашений, которые к тому времени уже перестали быть тайными. Но она настолько расходилась с положениями ноябрьской англо-французской декларации, что вызвала всплеск недовольства в Сирии и сильно осложнила работу французских оккупационных властей.

Французские деловые круги начали серьезно готовиться к «освоению» Сирии, словно ее участь как будущей колонии была предрешена. Уже к 6 декабря в некоем «Комитете французской деятельности за рубежом» был разработан подробный план организации управления Сирией, когда она станет французским протекторатом. Страну предполагалось разбить на 8—10 автономных районов по образцу Ливана, которые в свою очередь дробились на более мелкие подразделения, причем административные границы должны были как можно точнее соответствовать

¹ RS, Vol. 1. Earl of Derby to Balfour. 12/12/1918. P. 244.

² Gontaut-Biron R. Op. cit. P. 199—200.

этническим и конфессиональным, вплоть до избрания нескольких «мэров» в одном городе. Представительные органы формировались по многоступенчатой системе и оказывались в полной зависимости от французской администрации. Разумеется, места для дамасского правительства Фейсала в этом плане не нашлось. Данный документ впоследствии по разведывательным каналам попал к англичанам и вызвал большой интерес у сотрудников Форин Оффиса¹. 3—5 января 1919 года состоялся Французский конгресс по Сирии, организованный торговой палатой Марселя. Заседания конгресса открыл член французского сената А. Франклен-Буйон. В конгрессе принял активное участие все тот же Центральный сирийский комитет во главе с Шукри Ганемом — маронитом, долгие годы прожившим во Франции. На конгрессе обсуждались вопросы экономики, образования, медицины, археологии, истории, географии и этнографии Сирии². Вскоре Лионский университет совместно с торговыми палатами Лиона и Марселя направил в Сирию специальную экспедицию для изучения экономических возможностей страны³.

В то же время ситуация в Сирии вызывала во Франции сильные сомнения в желании англичан выполнять свои обязательства. В Лондоне и Париже по-разному смотрели на сам характер французского присутствия в регионе. Своего представителя в Сирии французы с самого начала стали именовать «верховным комиссаром» (сначала эти обязанности исполнял капитан Кулондр, а с ноября 1918 года — Ф. Жорж-Пико). Однако Бальфур в официальном письме на имя Камбона напомнил, что «представитель французского правительства» по соглашению от 30 сентября был не более чем «политическим советником» британского главнокомандующего⁴. Реальное значение этого нюанса Пико ощутил на себе лично, когда по прибытии на Ближний Восток, в соответствии с собственным пониманием буквы соглашения, он захотел лично налаживать в «синей» зоне гражданскую администра-

¹ RS, Vol. 1. French Plans for Organisation of Syria in Event of its becoming a French Sphere. 3/02/1919. P. 312—322.

² Gontaut-Biron R. Op. cit. P. 138.

³ Ibid. P. 18—19, 139.

⁴ RS, Vol. 1. Balfour to Cambon. 25/10/1918. P. 202.

цию. Алленби ему резко возразил, что как политический советник он обязан постоянно находиться при персоне главнокомандующего и не имеет никаких административных полномочий. Когда Пико попытался сослаться на договоренность между правительствами, Алленби ответил: «Я не знаю правительств, я знаю только военное министерство, от которого и получаю приказы». В письме к Пишону Пико настаивал, чтобы было как можно скорее выработано новое соглашение взамен документа 1916 года, что дало бы Франции необходимую «свободу рук»¹.

Военное положение служило английским властям предлогом для затруднения любой деловой активности Франции на Ближнем Востоке и обеспечения себе всевозможных преимуществ. Турецкая валюта была в начале 1919 года заменена египетскими фунтами, привязанными к британской денежной системе, что создало для французских властей дополнительные трудности². Сразу после оккупации англичане приступили к строительству морского порта в Хайфе, не разрешая ремонтировать и использовать для коммерческих нужд порт Бейрута³. Иностранцы подданные могли попасть в Левант только через Каир, где они должны были получать паспорта и лицензии на право торговли. Англичане подолгу задерживали в Каире и Иерусалиме французских коммерсантов и свободно пропускали в Сирию множество своих соотечественников. Британская почтовая цензура не пропускала в Сирию и Палестину каталоги и буклеты французских торговых фирм⁴.

Французы не без оснований подозревали англичан в подогревании антифранцузских настроений в Сирии, особенно сильных среди мусульманского населения. В Каире с ведома и согласия англичан действовали антифранцузские организации сирийских и ливанских эмигрантов — Ливанский альянс и Сирийский союз Египта⁵. В Дамаске центром пропаганды стал Арабский клуб, который организовывал антифранцузские демонстрации и направлял властям соответствующие петиции. Миссионеры клуба актив-

¹ *PB*, Vol. 2. Picot á Pichon. 12/11/1918. P. 130—131.

² Gontaut-Biron R. *Op. cit.* P. 122—123.

³ *Ibid.* P. 133, 136.

⁴ *Ibid.* P. 135—136.

⁵ *Ibid.* P. 189.

но агитировали население на всей территории страны¹, а английские власти никак не препятствовали этому, несмотря на формальный запрет на политическую агитацию. Английские офицеры вели себя как полновластные хозяева всех оккупированных территорий и часто говорили, что французы в Сирии — не более чем непрошенные гости (*des geneurs*) и что рано или поздно они должны будут собирать чемоданы. Один из них даже заявлял сирийскому нотаблю: «Мы хорошо знаем, как отучить (*degouter*) Сирию от Франции и Францию от Сирии»². Английские представители «на месте» были убеждены, что все население Сирии как на побережье, так и во внутренних районах, за исключением одних только маронитов Ливана, настроено враждебно по отношению к Франции и весьма благожелательно — по отношению к Великобритании. Еще 6 октября генерал Клейтон писал из Дамаска, что «французское влияние кажется слабым, и общая тенденция состоит в том, чтобы обращаться по всем вопросам к британским властям», а друзья «более благосклонно настроены к британцам, чем к любой форме контроля со стороны шерифского (то есть хашимитского — А.Ф.) правительства. Они точно не поддерживают французов»³. Спустя месяц настроения оставались такими же — единственной опорой французов были марониты, а мусульманское большинство выступало за «независимое арабское правительство при британской поддержке»⁴.

Французы не отрицали известного падения своего престижа на Востоке, однако причину этого они склонны были видеть исключительно во враждебной пропаганде, которую вели против них как эмир Фейсал, так и сами англичане, которые, в частности, «купили» не только арабскую, но даже франкоязычную прессу в Бейруте. Французы, конечно, пытались восстановить связи со своей довоенной клиентелой, но слишком увлекались открытием христианских школ (что вызывало подозрения у мусульман) и мало думали об экономическом восстановлении страны⁵.

¹ Ibid. P. 200—201.

² Ibid. P. 70.

³ RS, Vol. 1. Clayton to Foreign Office. 6/10/1918. P. 169—170.

⁴ RS, Vol. 1. Clayton to Foreign Office. 8/11/1918. P. 218—220.

⁵ PB, Vol. 2. Copie d'une note non signée, envoyée de Syrie au ministère de marine. 1/12/1918. P. 133—134.

Англичане не допускали ни малейшего расширения французского присутствия и не разрешали присылать из Франции никаких подкреплений¹. Франция имела на Ближнем Востоке лишь небольшое соединение около 7000 человек, в то время как британский контингент только в Сирии и Ливане насчитывал 45 000 солдат и офицеров. Французское недовольство действиями британских военных властей быстро достигло такой степени, что уже в январе 1919 года французский МИД счел необходимым выразить свои претензии в ноте на имя британского посла в Париже лорда Дерби и в устном заявлении П. Камбона представителю Форин Оффиса².

В Киликии положение французов также было непрочным. До войны в этой области имелось значительное армянское население, насильственно выселенное и частично уничтоженное в ходе депортаций 1915 года. Однако жертвы среди киликийских армян были все же меньшими, чем среди христиан Восточной Анатолии, и многие тысячи из них скопились в лагерях беженцев в районе Алеппо. Окончание войны и вывод из Киликии турецкой регулярной армии воспринимались как простыми армянами, так и их политическими лидерами не только как возможность для возвращения на родину, но и как полное освобождение Киликии от турецкой власти. Особые надежды армянам внушил тот факт, что роль французских оккупационных войск в Киликии первоначально исполнял Армянский легион — военная часть, сформированная в 1915 году из добровольцев армянской национальности и носившая французскую форму. Но именно эти обстоятельства внушали особое беспокойство мусульманскому населению Киликии. Французское командование старалось избегать любых проармянских заявлений, подчеркивая свой «нейтралитет» в межнациональных отношениях, однако это мало кого убеждало. Франция вопреки собственной воле воспринималась как покровительница армян как самими армянами, так и их мусульманскими противниками. После создания Северной оккупационной зоны французской администрации пришлось в полной мере ощутить всю взрывоопасность ситуации, когда начались столк-

¹ Gontaut-Biron R. *Op. cit.* P. 71.

² BDFA, Ser. B, Vol. 1. № 10, Earl of Derby to Curzon. 23/01/1919. P. 22; *Ibid.* № 13, Curzon to Balfour. 12/02/1919. P. 24—25.

новения между солдатами Армянского легиона и вооруженными жителями-мусульманами. Наиболее серьезный инцидент произошел 17 февраля 1919 года в Александретте, когда возникла перестрелка между армянскими и алжирскими солдатами, одетыми во французскую форму. В результате по требованию английского командования Армянский легион был отстранен от активного участия в оккупации и постепенно сокращен более чем вдвое (его первоначальная численность составляла около 3000 человек)¹.

Соглашение Ллойд Джорджа и Клемансо

Между тем в Лондон прибыл Клемансо для предварительного согласования позиций с английскими и американскими представителями перед ее началом. Мы очень мало знаем об этих переговорах (никаких протоколов тогда не велось) и можем полагаться только на свидетельства участников и очевидцев. По-видимому, в британском руководстве в конце 1918 года существовала идея увязать отказ Франции от соглашения Сайкса—Пико с поддержкой ее требований в европейских вопросах. Бальфур прямо говорил об этом Клемансо 27 ноября². 1 декабря на одной из неофициальных встреч были предварительно решены два важнейших вопроса — о Мосуле и Палестине. Клемансо дал Ллойд Джорджу согласие на передачу Мосула Англии в качестве аванса за получение Сирии и Киликии, выговорив для Франции право на часть мосульской нефти или часть прибылей от нее³. Тогда же Клемансо согласился на монопольный английский контроль в Палестине. Несмотря на то что это устное соглашение формально не имело никакой юридической силы, Клемансо впоследствии ни разу не пытался его отрицать и никогда уже не предъявлял претензий на Мосул или Палестину. Возможно, зная об отрицательном отношении президента США Вильсона к тайным соглашениям, Клемансо хотел обеспечить благожелательное отношение Ллойд

¹ Du Hays, le général. Op. cit. P. 119—126; Moumjian G.K. Op. cit.

² Tanenbaum J.K. France and the Arab Middle East, 1914—1920. // Transactions of the American Philosophical Society, New Series, Vol. 68. No. 7. 1978. P. 23.

³ Watson D.R. The Making of the Treaty of Versailles. // Troubled Neighbours. Franco-British Relations in the Twentieth Century. L., 1971. P. 72.

Джорджа к французским планам в отношении Сирии и Киликии до приезда президента в Европу.

У современников уступчивость Клемансо в вопросе о Мосуле вызывала большое недоумение. Один французский публицист всерьез утверждал, что премьер-министр поступил так «по невежеству», не зная, что в Мосуле есть нефть¹. Ллойд Джордж впоследствии представил французскую уступку как практически односторонний жест доброй воли². Сам Клемансо так оправдывал свой поступок в беседе со своим секретарем Марте: «Ну да, я отдал Мосул, но они забывают, что я использовал это *как приманку*, чтобы получить Киликию, хотя некоторые из очень хороших наших союзников весьма желали, чтобы мы не получили ее. ... Поэтому я сказал англичанам: "Что из двух вы хотели бы иметь, Мосул или Киликию?". Они ответили: "Мосул". Я сказал: "Ладно, я дам вам его и возьму Киликию"»³. Клемансо понимал, что англичане не пойдут на риск разрыва с Францией, полностью лишив ее приобретений на Востоке. Очевидно, он рассчитывал на беспрепятственное утверждение Франции не только в прибрежных, но и во внутренних районах Сирии, а также в Киликии. Требование включения Мосула во французскую сферу влияния он рассматривал как нереальное.

Существует, однако, и другое объяснение. В июне 1920 года в палате депутатов А. Бриан (в тот момент простой депутат) упрекнул Клемансо в пренебрежении интересами Франции. В ответ один из ближайших сподвижников последнего — А. Тардьё — заявил, что у Клемансо не было иного выбора, так как англичане и американцы первоначально выдвигали совершенно неприемлемые для Франции условия решения европейских проблем. В частности, они предлагали немедленное принятие Германии в Лигу Наций, выплату Францией компенсации Германии за всю государственную собственность в Эльзас-Лотарингии, ограничение присутствия французских войск на немецкой территории 18 ме-

¹ Кайзер Ж. Европа и новая Турция. М., 1925. С. 25. Удивительно, но это нелепое предположение повторяют и некоторые серьезные исследователи. См., напр.: Прицкер Д.П. Жорж Клемансо. М., 1983. С. 252—253.

² Ллойд Джордж Д. Указ. соч. Т. 1. С. 227.

³ Цит. по Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. 1919—1927. М., 1929. С. 291 (примечания).

сяцами, определение суммы репараций по принципу штрафных санкций (менее 40% реального ущерба Франции), освобождение Германии от уплаты репараций через 30 лет, независимо от объема выплаченных сумм, выплату половины репарационных сумм бумажными деньгами, раздел германского торгового флота пропорционально захватам союзных кораблей во время войны, разрешение Австрии воссоединиться с Германией, если она того пожелает. Также англичане и американцы отказывались от оккупации левого берега Рейна, передачи Франции саарских шахт и вообще любого изменения статуса Саара. На фоне таких условий уступка Мосула и Палестины действительно казалась незначительной потерей. Правда, Тардье не уточнил, кто и когда предъявлял Франции столь жесткие требования, сказав лишь, что о них говорилось во многих неофициальных беседах с английскими и американскими представителями. Тардье также сказал, что уступка Мосула была оговорена несколькими условиями: Франция должна получить бывшую германскую долю мосульской нефти — 25%, Великобритания обещала поддерживать на конференции французские требования, основанные на секретных договорах, Франция должна была получить мандат на Сирию, включая Дамаск, Алеппо, Бейрут и Александретту¹. У нас нет возможности проверить сообщенные Тардье сведения. Если они правдивы, то выходит, что основные параметры мирного урегулирования как германских, так и ближневосточных проблем были устно согласованы союзниками еще в декабре 1918 года. Однако даже если такие договоренности и имели место, то дальнейшее поведение руководителей Великобритании и США показывает, что они не стремились их соблюдать.

Вовлечение в игру США

Одновременно с получением французского согласия на закрепление Великобритании в Мосуле и Палестине англичане стремились обеспечить благожелательное отношение к своим планам со стороны США, поскольку резкое неприятие американцами тайных договоров могло затруднить утверждение Великобрита-

---

¹ Cumming H. Franco-British Rivalry in the post-war Near East. The Decline of French Influence L., 1938. P. 60—67.

нии на Востоке. Американский «антиколониализм» устраивал англичан лишь в той степени, в которой он был направлен против Франции. Еще не смолкли пушки, а англичане уже начали активный зондаж в этом направлении. Идея была проста: привлечь США к участию в разделе территориальных трофеев и тем самым лишить их возможности возражать против британской экспансии. Уже 29 октября Ллойд Джордж предлагал полковнику Хаузу, главному советнику американского президента В. Вильсона, чтобы США стали «попечителем» (*trustee*) Германской Восточной Африки, и тут же добавил, что Великобритании «*придется* принять на себя *протекторат* над Месопотамией и, возможно, Палестиной», Аравия должна стать автономной, а Франции «*можно было бы* предоставить *сферу влияния* в Сирии» (курсив мой — А.Ф.)¹.

Около 27 ноября британский Форин Оффис втайне от французов и итальянцев неофициально направил в американское посольство другой план, согласно которому новое Арабское государство, Палестина, Армения, Албания и Персия нуждаются в «административной помощи европейских или американских государств под мандатом Лиги Наций». Великобритания должна была получить мандат на Месопотамию, США — на Палестину, Константинополь и Проливы, Франция, *возможно*, на Сирию. Турецкое государство в Анатолии должно было контролироваться Лигой². Ненавязчиво ставя под сомнение французские права на Сирию, англичане, вероятно, хотели превратить США в своего союзника в спорах с французами по сирийскому вопросу. Кстати, здесь же мы находим наиболее раннее упоминание понятия «мандат Лиги Наций». Ничего подобного нет в американских подготовительных документах 1918 года (даже в проектах Устава Лиги), что, на наш взгляд, доказывает английское происхождение идеи мандатов. В декабре, во время визита В. Вильсона в Лондон, Ллойд Джордж и Керзон предлагали ему мандаты на Константинополь, Проливы и Армению. Вильсон заявил, что США «не хотели бы лишиться гордости» за свою бескорыстную

¹ FRUS PPC, Vol. 1. House to Wilson. 30/10/1918 P. 407—408.

² FRUS PPC, Vol. 1. Military Attaché in London Slocum to Chief of Staff, War Department. 27/11/1918. P. 408—409.

позицию, но допустил возможность принятия этих мандатов после создания Лиги Наций¹. Согласно дневнику Г. Никольсона, Вильсон сначала склонялся к передаче этого мандата одной из малых держав (например, Дании или Бельгии), но американские эксперты предпочитали мандат Великобритании или США, хотя и сомневались в том, что американское общественное мнение согласится на его принятие². Но такие американские политики, как Хауз и глава Госдепартамента Р. Лансинг, быстро поняли суть английского маневра³ и, очевидно, оставили заманчивые предложения Лондона без ответа.

В самих США в тот момент не было четкой программы действий на Ближнем Востоке. Об этом свидетельствуют, в частности, «Комментарии к 14 пунктам Вильсона», составленные в самом конце 1918 года под руководством полковника Хауза. Это была своеобразная аналитическая записка по разным проблемам мирного урегулирования, предназначенная лично для президента. 12-й пункт мирной программы Вильсона был прокомментирован следующим образом: «Ясно, что Проливы и Константинополь, хотя они могут оставаться номинально турецкими, должны быть под международным контролем. Этот контроль может быть коллективным или быть в руках одной державы как мандатария Лиги. Анатолия должна быть сохранена за турками. Прибрежные земли, где преобладают греки, должны быть под специальным международным контролем, возможно, с Грецией в качестве мандатария. Армения должна получить порт на Средиземном море и должна быть под протекторатом (какой-либо — *А.Ф.*) державы. Франция может предъявить такие права, но армяне предпочли бы Великобританию. Великобритания, очевидно, лучший мандатарий для Палестины, Месопотамии и Аравии. Сирия уже предоставлена (*alotted*) Франции по соглашению с Великобританией. Общий свод гарантий, обязательный для всех мандатариев в Малой Азии, должен быть включен в мирный договор. Он должен содержать условия, касающиеся меньшинств и «открытых дверей».

¹ Ллойд Джордж Д. Указ. соч. Т. 1. С. 166—167.

² Никольсон Г. Как делался мир в 1919 году. М., 1945. С. 182.

³ FRUS PPC, Vol. 1. Lansing to gen. T.H. Bliss. 16/12/1918. P. 296; *Ibid.* House to Wilson. 30/10/1918 P. 407—408.

Магистральные железнодорожные линии должны быть интернационализированы»¹. Этот меморандум в дальнейшем был положен под сукно, и политическая линия президента Вильсона на мирной конференции практически ни в чем не следовала его рекомендациям. Комментарий Хауза фактически признавал англо-французские тайные договоренности военного времени (хоть и при условии «открытых дверей»), что для Вильсона было неприемлемо.

Британское влияние в Турции

В Константинополе англичане всячески стремились подкрепить свое военное преимущество политическим влиянием. Британский верховный комиссар С. Кальтроп и его заместитель Р. Уэбб видели свою первоочередную задачу в ликвидации влияния младотурок на политическую жизнь страны, которое, по их убеждению, сохранялось и после отставки и бегства младотурецких лидеров². В то же время симпатии султана Мехмеда VI были на стороне Великобритании (а не Антанты в целом). Пробританская партия «Свобода и согласие» при новом режиме фактически стала правящей. Англофильские настроения вообще были очень распространены тогда в турецкой столице³, что создавало хороший резерв для постепенного установления фактического контроля над жизнью страны и в то же время не могло не вызвать раздражения Франции. Различные группировки турецкой верхушки уже тогда связывали надежды на шадящие условия мира с той или иной державой. Согласно донесению американского агента в Константинополе, «в настоящее время турки пытаются создать трения между британцами и французами, восхваляя первых и критикуя вторых при каждой возможности, однако в некоторых кругах рассчитывают, что крупные французские инвестиции и финансовые интересы помогут обеспечить французскую поддержку сохранению в будущем независимого турецкого правительства»⁴.

¹ Interpretation of President Wilson's Fourteen Points by Colonel House. <http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/doc31.htm>

² BDFA, Ser. B., Vol. 1. № 8. Calthrope to Balfour. 18/11/1918. P. 20—21.

³ BDFA, Ser. B., Vol. 1. № 9. Calthrope to Balfour. 4/12/1918. P. 21—22.

⁴ FRUS PPC, Vol. 2. American Commissioner at Constantinople (Heck) to the Ambassador to France (Sharp). 1/01/1919. P. 282.

Доминирующая позиция Великобритании на Ближнем Востоке в тот момент впоследствии хорошо была описана Керзоном в одном из меморандумов: «Когда собиралась мирная конференция, союзные державы завладели Константинополем, где находилось турецкое правительство, которое если не смирилось окончательно, то готово было к уступкам. наших военных сил в занятых нами азиатских турецких областях было достаточно для того, чтобы настоять не только на условиях перемирия, но и на всяких дополнительных условиях, которые мы сочли бы нужным поставить. Англичане прочно владели Месопотамией вплоть до Мосула. Позиция Британии в Персии как в военном, так и в политическом смысле была чрезвычайно сильной. Мы все еще занимали Закаспийскую область, но решили удалиться оттуда, что и было исполнено. Каспийское море было в наших руках и стало базой морских операций против большевистских войск. Британские дивизии занимали весь Кавказ от Черного моря до Каспийского и являлись единственной гарантией мира между соперничающими народами — грузинами, армянами, татарами¹ и русскими. В Малой Азии (вне зоны британской оккупации) не было никаких союзных сил. Судьба Армении оставалась еще нерешенной, так как большинство армян бежало из своей страны. О дележе Малой Азии — за исключением Армении и, пожалуй, Киликии — еще никто не говорил. В Сирии положение было гораздо более сложным, так как стремления французов трудно было примирить с реальной обстановкой, сложившейся в Аравии, а между тем французы продолжали настаивать на буквальном исполнении злосчастного соглашения Сайкса—Пико. В Палестине представлялось вполне возможным примирить интересы арабского населения и сионистских иммигрантов, и все признаки свидетельствовали о том, что Великобритания вскоре получит мандат на эту область с согласия обеих национальностей. В Египте все еще было спокойно»². Франция могла всему этому противопоставить лишь около 7—8 тысяч солдат в Сирии и Киликии, а также соглашение Сайкса—Пико, от которого англичане все же не могли полностью отречься. Говоря о том, что «права» Франции «надежно гаранти-

¹ Так Керзон называет азербайджанцев.

² Цит. по: Черчилль У. Мировой кризис. М., 2003. С. 414—415.

рованы», и даже выражая надежду на их «расширение», Пишон выдавал желаемое за действительное. По существу, будущее французских планов на Востоке зависело от уступчивости англичан.

О том, что уступить они готовы были очень немного, свидетельствуют несколько документов, появившихся в британских коридорах власти на рубеже 1918—1919 годов. В первую очередь к их числу относится план послевоенного устройства Ближнего Востока, предложенный 11 ноября Форин Оффису Д.Г. Хогартом — одним из руководителей каирского Арабского бюро. Помимо укрепления британского контроля над политикой арабских шейхов Аравийского полуострова Хогарт предлагал привлечение еще не созданного Арабского государства к участию в мирных переговорах как равноправного союзника. Все тайные соглашения при этом следовало аннулировать. Сирия, Ирак и Хиджаз должны были рассматриваться как различные образования, и хотя возможность соглашения с Францией по сирийскому вопросу не отрицалась, Хогарт выражал уверенность, что «ни один сирийский район», включая Ливан и Бейрут, «не примет» французов добровольно. В Северной Месопотамии Хогарт предлагал создать отдельное государство (очевидно, курдское), а для предохранения Сирии от турецкого влияния — многонациональное (с армянским преобладанием) государство в Киликии. Создание крупного армянского государства на Кавказе Хогарт считал нереальным и предлагал поощрять иммиграцию армян в Киликию. Турецкое государство должно было сохраниться в Малой Азии, но оно должно было лишиться Константинополя и восточных вилайетов, переданных под «европейский протекторат». Малоазиатские притязания Италии Хогарт полностью отвергал, но готов был передать Смирну Греции. По сути дела, это был один из вариантов британской «программы максимум», в которой большинству народов Ближнего Востока отводилась роль британских вассалов¹. Впрочем, как показывает другой меморандум того же Хогарта от 18 декабря, он не испытывал никаких иллюзий относительно способности эмира Фейсала и его сподвижников организовать управление страной. По его словам, арабская администрация в Восточной оккупационной зоне была «неэффективной»

¹ BDFA, Ser. B. Vol. 1. № 4. Memo by D.G. Hogarth. 11/11/1918. P. 11—13.

имитацией османской». Антифранцузские настроения преобладали везде, кроме, возможно, маронитских районов, но если бы Франция захотела утвердить свое влияние силой, она не встретила бы серьезного сопротивления. В то же время «обучение сирийцев политической независимости» было бы «такой трудной и неблагодарной задачей», что Великобритания ничего не потеряла бы, если бы предоставила ее своему союзнику. Поскольку французам неизбежно пришлось бы прибегнуть к силе, Великобритании в этом случае стали бы обвинять в предательстве арабов. Но, похоже, Хогарт смотрел на это как на неизбежность. К тому же, если англичане активно поддерживали бы сионистскую программу в Палестине, они стали бы «не более популярны, чем французы в Сирии». Какого-либо разумного выхода из этой ситуации Хогарт не предлагал¹.

21 ноября Департамент политической разведки Форин Оффиса представил обширный меморандум «Урегулирование в Турции и на Аравийском полуострове». В первой части документа воспроизводились многочисленные «обязательства» Великобритании по отношению к союзникам и местным правителям. Вторая часть была посвящена «пожеланиям» — предложениям по наиболее выгодному, с британской точки зрения, решению Восточного вопроса. Они включали: международный контроль над Проливами, изгнание (*expulsion*) Турции из Константинополя, создание обширного армянского государства под управлением «третьей державы, дружественной к Великобритании». Допускалось сохранение лишь небольшого турецкого государства в Анатолии при условии гарантий для меньшинств (например, для греков в Смирне). Вопрос о политическом устройстве арабских стран оставался открытым, но в них, за исключением Сирии, провозглашалась «британская доктрина Монро», не позволявшая никакого иностранного влияния, кроме английского. Даже в Хиджазе представители других держав могли заниматься только вопросами паломничества своих мусульманских подданных. Абсолютно преобладающим британское влияние должно было стать в Курдистане и Месопотамии. В Сирии, как и в Армении, допускалась «помощь» дружественной к Великобритании державы в деле со-

¹ RS, Vol. 1. Report by D.G. Hogarth. 18/12/1918. P. 253—257.

здания администрации, но влияние этой державы не могло распространяться на внутренние пустынные районы страны и она должна была гарантировать свободный транзит между Средиземным морем и Месопотамией. Управление Палестиной должно было быть передано Великобритании или США, а сама страна могла быть включена в возможную «Арабскую Конфедерацию». Третья часть меморандума была посвящена политическим средствам, которые могли способствовать достижению указанных целей. На территории бывшей Османской империи предлагалось создать ряд национальных государств, каждое из которых могло по своему выбору пригласить любую иностранную державу, помощь которой оно хотело бы получить. Такая постановка вопроса была вполне в духе времени, учитывая популярность лозунгов самоопределения. Между тем жители Сирии, по мнению авторов меморандума, «не имели никакого желания выбрать Францию» и скорее всего предпочли бы Великобританию. Ее правительству следовало принять такое предложение. Франция же взамен могла получить право на «помощь» Армении в том случае, если бы оно не досталось США, а также крохотную сферу влияния в Ливане¹.

9 декабря Генштаб подготовил короткий меморандум с красноречивым названием «Стратегическая важность Сирии для Британской империи». В нем доказывалось, что, хотя Великобритании и нет необходимости устанавливать над Сирией прямой контроль, крайне важно, чтобы такой контроль не получила другая великая держава. В противном случае она смогла бы сконцентрировать силы в районе Алеппо и угрожать британским владениям в Месопотамии и возле Суэцкого канала. Самым предпочтительным вариантом была бы «политически самостоятельная (*detached*) Сирия под нашим влиянием» по соседству с «буферным еврейским государством в Палестине», если его удастся создать, «не раздражая мусульманские чувства». В сопроводительной записке Военного министерства указывалось, что ситуация в Сирии, Палестине, Аравии и Египте «далека от благоприят-

---

¹ National Archives. Cabinet Papers. <http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinet-papers> (далее — NA, Cab.). Cab. 24/72. Memo by Political Intelligence Department. 21/11/1918. P. 14—25; NA, Cab. 24/72. Maps illustrating Memorandum respecting the Settlement of Turkey and the Arabian Peninsula. P. 26—31.

ной» и поэтому, чтобы избежать новых «военных обязательств», следует сделать все возможное, чтобы «отменить» соглашение Сайкса—Пико¹.

Несколько позже появилось «Заявление Форин Оффиса о британской политике относительно Сирии». В документе утверждалось, что, если Сирии и нужна будет «поддержка» в административных вопросах, Великобритании вполне устроит, если эту поддержку будет оказывать «дружественная держава по приглашению местных жителей» (то есть не обязательно Франция). При этом для Великобритании должен быть обеспечен свободный транзит к порту Александретта, и, поскольку Сирия имеет «открытую границу» со стороны пустыни, необходимо полностью исключить любое вмешательство державы, «помогающей» Сирии, в дела шейхов Аравийского полуострова². Несколько более дружественным по отношению к Франции был анонимный меморандум, распространенный в Форин Оффисе в конце декабря. Он предлагал два решения арабской проблемы. По первому варианту Франция «удерживает» (*should keep*) Бейрут и Ливан, Великобритания — вилайет Басры, а огромный «центральный блок» между этими территориями должна контролировать одна «держава-советник» (*tutulary Power*) — Великобритания или США. По второму варианту (гораздо менее желательному) Франция должна «удержать» Сирию, но в сильно урезанных пределах³.

Наконец в начале января 1919 года некий Э. Ричардс составил секретный меморандум, в котором подводился итог обсуждения сирийского вопроса в Восточном комитете. Меморандум вместе с многочисленными приложениями был отпечатан отдельной брошюрой для нужд Военного кабинета как справочный материал для использования на мирной конференции. Согласно этому документу будущая французская зона в Сирии сводилась к двум изолированным друг от друга прибрежным районам: Ливану с Бейрутом и, возможно, долиной Бекаа, а также округу Александретты между пунктами Арсус и Пайяс. За счет промежуточного района с городами Латакия и Триполи обеспечивался выход

¹ PB, Vol. 2. War Office to Foreign Office 23/12/1919. P. 149—151.

² RS, Vol. 1. Foreign Office Statement of British Policy respecting Syria. P. 297.

³ PB, Vol. 2. Memorandum on Possible Future Boundary between British and French Spheres of Influence in Arabia. P. 152—155.

к морю для независимой Сирии. При этом «никакого иностранного влияния, кроме британского», нельзя было допускать на арабских территориях в зонах «А» и «В» (по терминологии соглашения 1916 года). Иными словами, Францию планировалось полностью вытеснить не только из внутренних районов Сирии, но и с части побережья¹.

В конце 1918 — начале 1919 года британские войска взяли под свой контроль анатолийский участок Багдадской железной дороги, создав опорные пункты в городах Конья, Акшехир, Афьон-Карагисар, Кютахья, Эскишехир, Адабазар, Ускюдар и в тоннелях Тавра². По сути, вся территория Османской империи находилась в «зоне ответственности» той или иной группировки британских войск: Месопотамия была оккупирована англо-индийской армией со штабом в Багдаде; Палестина, Сирия и Киликия контролировались войсками генерала Алленби со штабом в Иерусалиме (французские и арабские контингенты тоже подчинялись ему); северные районы от Дарданелл до Кавказа находились в ведении «Армии Черного моря» под командованием генерала Мильна со штабом в Константинополе. Если добавить к этому хозяйничавший в Иране англо-индийский экспедиционный корпус, то становится очевидным, что никогда еще Великобритания не была столь близка к созданию «ближневосточной империи», которая соединила бы ее владения в Африке и в Индии. Но, как показали дальнейшие события, это могущество было достаточно иллюзорно. Британские контингенты были разбросаны в отдельных точках на большом расстоянии друг от друга, и только отсутствие серьезного врага делало их доминирующим фактором в регионе. Огромную лауну, находившуюся, по сути, вне британского контроля, представляли собой внутренние районы Малой Азии. Для эффективного контроля над ними англичанам потребовались бы дополнительно сотни тысяч солдат, на что у Лондона не было ни средств, ни людей. Более того, спешная демобилизация, которую правительство Ллойд Джорджа начало вскоре после перемирия, неизбежно должна была привести к сокращению британского присутствия в регионе. Следовательно, англичанам пред-

¹ RS, Vol. 1. Secret Memo by Sir E. Richards. P. 280—283.

² Шамсутдинов А.М. Указ. соч. С. 20—21.

стояло найти способы эффективного контроля, не связанные с прямым военным вмешательством.

Таким образом, к началу мирной конференции «исходная расстановка сил» на Востоке была, несомненно, в пользу Великобритании. Англичане имели прекрасную возможность использовать ее для собственной выгоды, но должны были помнить о ситуации в Европе, которая была прямо противоположной. Огромные французские армии стояли на Рейне, в то время как Великобритания проводила ускоренную демобилизацию. Необходимость допустить известное присутствие Франции на Востоке была очевидна, но масштаб и характер этого присутствия были неясны. Предстояло длительное и болезненное согласование британских имперских интересов с коммерческими и колониальными интересами Франции, которое должно было происходить на фоне жестоких столкновений вокруг германского вопроса и огромного количества территориальных споров между малыми странами Европы. К мирной конференции обе державы подошли без согласованных программ по Восточному вопросу. Оба правительства хотели сохранить за собой достаточную свободу маневра. Но если англичане намеревались добиться как можно большего расширения своих выгод по сравнению с соглашением Сайкса—Пико, то французы лишь надеялись сделать как можно меньше уступок по сравнению с ним.

Глава II ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС В ПЕРИОД ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

1. Первый этап конференции (январь—июнь 1919 года)

18 января 1919 года в Париже торжественно открылась мирная конференция. Впервые со времен Венского конгресса от решений дипломатов, собравшихся в одном месте, зависели контуры новой системы международных отношений. Важная особенность этого форума состояла в том, что на него не были приглашены представители побежденных государств. Победители решили сначала согласовать между собой условия мирных договоров, а потом предъявить их побежденным в качестве ультиматума. Отсутствие на конференции представителей России, которая в тот момент была охвачена гражданской войной, делало авторитет этого форума еще более сомнительным. Либеральной общественностью конференция воспринималась как предвестник и прообраз Лиги Наций. На деле же она быстро обнажила грандиозные противоречия в лагере победителей почти по всем вопросам. И хотя главную роль сразу же стал играть Германский вопрос, судьба Османской империи и отдельных ее частей также занимала важное место в работе конференции.

Восточный вопрос в повестке дня. Первые решения

Ход конференции в целом и решение отдельных вопросов в сильнейшей степени зависели от людей, лично возглавлявших делегации ведущих держав. Как уже говорилось, французский премьер-министр Клемансо мало интересовался проблемами Ближнего Востока, однако он не мог не считаться с влиятельными политическими кругами, глубоко заинтересованными в нем. «Колониальная партия» раздувала газетную шумиху вокруг Сирии и Киликии, а огромное количество рантие были не на шутку обеспокоены судьбой турецких «купонов», в особенности после советского отказа оплачивать долги старой России. Клемансо не любил много говорить на заседаниях конференции и часто поручал излагать

французскую точку зрения другим людям — Тардье, Лушеру и т. п.¹ В делах, касавшихся Ближнего Востока, главным французским *porte-parole* был министр иностранных дел С. Пишон, тесно связанный с «колониальной партией», а также с «профранцузскими» эмигрантами с Ближнего Востока. Радикализм его требований как бы оттенял более умеренную позицию самого Клемансо.

Несколько иная ситуация сложилась в британской делегации. На конференции проявилось очевидное стремление Ллойд Джорджа монополизировать контроль над внешней политикой страны. Он мог использовать того или иного министра на определенном этапе переговоров (даже если тот был не согласен с его подходом), но всегда сохранял за собой право лично выражать позицию Великобритании. Разногласия внутри кабинета Ллойд Джордж часто использовал как оправдание зигзагов своей политической линии, но эти зигзаги были всегда хорошо им продуманы. Сопровождавший его в Париже руководитель Форин Оффиса А.Дж. Бальфур часто проявлял определенное безразличие к конечным результатам переговоров. Во всяком случае, он не заострял внимания на своих разногласиях с Ллойд Джорджем². К рекомендациям экспертов Ллойд Джордж был готов прислушиваться лишь тогда, когда они совпадали с его собственной точкой зрения. Керзон, оставшийся в Лондоне фактическим главой Форин Оффиса, с явной досадой следил за тем, как важнейшие вопросы решаются без него. Его ведомство часто не знало, что делают сотрудники, посланные в Париж (особенно ярко это проявилось во время переговоров о месопотамской нефти). В свою очередь, Ллойд Джордж не считал нужным посвящать сотрудников Бальфура и Керзона в свои планы и фактически вел собственную дипломатическую игру, опираясь лишь на свой личный секретариат. После победы либерально-консервативной коалиции на выборах Ллойд Джордж мог не опасаться внутренней оппозиции, а об отношениях внутри самой коалиции он еще серьезно не беспокоился. В вопросах Ближнего Востока премьер-министр довольно быстро выработал концепцию очень сложную в дета-

¹ Прицкер Д.П. Указ. соч. С. 243.

² Такая ситуация в британской делегации отмечается многими историками. Например, М.Л. Смит пришел именно к таким выводам, изучая «греческий вопрос». См. Smith M.L. Ionean Vision. Greece in Asia Minor, 1919—1922. L., 1973. P. 64—65.

лях, но довольно простую по сути. Она заключалась в установлении фактического британского контроля над важнейшими районами Османской империи не только за счет прямого военного вмешательства, но и при помощи зависимых от Англии политических сил (в первую очередь — Греции, правительства Фейсала и сионистов), а также игры на искусно разжигаемых противоречиях между союзниками — Францией, Италией и США.

Президент США В. Вильсон в вопросах Ближнего Востока находился под сильным влиянием миссионерских кругов. У него, по существу, не было здесь определенной программы. Он лишь был твердо убежден в необходимости освобождения от турецкого гнета всех покоренных народов (в особенности армян), а также отторжения от Турции Константинополя. Эти положения были отражены в рекомендациях Исследовательской секции американской делегации, более известной как «Inquiry», по поводу будущего стран Ближнего Востока. Этот документ лег на стол к Вильсону 21 января. На территории Османской империи предполагалось создать шесть государств: константинопольское (включавшее оба берега Проливов), турецкое (в Анатолии со столицей в Конье), армянское (в восточных регионах), Сирию, Месопотамию и Палестину. Новое государство в Проливах должно было быть интернационализировано; Армения, Сирия и Месопотамия — переданы от имени Лиги Наций под мандат великих держав (каких именно — не уточнялось). Палестина передавалась под мандат Великобритании, которая должна была способствовать ее постепенному превращению в еврейское государство¹.

Вильсон также проявлял явные авторитарные наклонности в проведении внешнеполитического курса. В известном смысле он оказался пленником собственной идеологии, в основе которой лежали принципы «открытых дверей» и «самоопределения народов». Будучи исключительно популярным в Европе, Вильсон свято верил в свое призвание переустроить мировой порядок в соответствии со своими принципами. И Ллойд Джордж, и Клемансо, каждому из которых была необходима его поддержка в том или ином вопросе, сочли за лучшее поддерживать в нем некоторое время эту

---

¹ Hurewitz J.C. (ed.). *Diplomacy in the Near and Middle East. 1914—1956. Vol. 2.* Princeton, 1956. P. 40—45.

иллюзию и, по крайней мере внешне, подчиниться его принципам. Однако всякий раз оба европейских лидера старались так приложить эти принципы к реальной обстановке, чтобы это наилучшим образом соответствовало их собственным целям.

Ллойд Джордж первым попытался сделать это, когда в самом начале конференции зашла речь о судьбе германских колоний и территорий, отторгаемых от Турции. Европейские лидеры, в особенности Клемансо, испытывали естественное для них желание решить эти проблемы традиционным способом — договориться между собой и поделить владения побежденных врагов. Но это никак не соответствовало принципам Вильсона. Тогда Ллойд Джордж, используя идею представителя Южно-Африканского Союза Я.К. Смэтса, предложил, чтобы Лига Наций на известных условиях выдавала определенной стране мандаты на управление той или иной территорией с целью создания наилучших условий для ее развития¹. С этим компромиссным предложением после недолгих возражений согласились и Вильсон, и Клемансо, причем возражения возникали в основном применительно к германским колониям. Необходимость применения мандатного принципа на Ближнем Востоке ни у кого не вызывала сомнений². Этот принцип можно было, по крайней мере теоретически, согласовать с вильсоновской мирной программой, но, с другой стороны, мандаты могли стать простой маскировкой колониального господства. В тот момент никто не мог точно определить, что же означает понятие «мандат». Выяснилось это, лишь когда мандатная система начала применяться на практике.

Ллойд Джордж поручил Смэтсу подготовить резолюцию Верховного совета Антанты по поводу мандатов, которая 30 января была одобрена Советом десяти³. В ней, в частности, провозглашалось

¹ Ллойд Джордж Д. Указ. соч. Т. 1. С. 442—443, 527—531.

² FRUS PPC, Vol. 3. Council of Ten Meeting. 24/01/1919. P. 719—728; Ibid. Council of Ten Meeting. 28/01/1919; Ibid. Council of Ten Meeting. 28/01/1919. P. 760; Ллойд Джордж Д. Указ. соч. Т. 1. С. 450—470.

³ FRUS PPC, Vol. 3. Draft Resolutions in reference to Mandatories. 29/01/1919. Ibid. Council of Ten Meeting. 30/01/1919. P. 785—795; Архив полковника Хауза. Т. 4. М., 1937. С. 122—123. Британский премьер в своих воспоминаниях приписывает себе авторство этого документа. См.: Ллойд Джордж Д. Указ. соч. Т. 1. С. 460—462. Вероятно, документ был подготовлен Смэтсом, а представлен на заседании «Совета десяти» за подписью Ллойд Джорджа.

намерение Антанты отторгнуть от Турции Армению, Сирию, Палестину, Аравию и Курдистан¹ с установлением там мягкой формы мандатного управления. Конкретные державы-мандатарии не назывались². Предусматривалось три типа мандатов. На ближневосточных землях должны были действовать мандаты группы «А», предполагавшие наибольшую степень самостоятельности подмандатных территорий, что выражалось следующей формулой: «Некоторые общества, ранее принадлежавшие Турецкой Империи, достигли такой ступени развития, при которой их существование как независимых наций может быть предварительно признано при условии поддержки и административных советов со стороны Мандатария до того момента, пока они не смогут существовать самостоятельно. Пожелания этих обществ должны учитываться в первую очередь при выборе Мандатария». Впоследствии эта формула без изменений вошла в Устав Лиги Наций (статья 22).

Как уже говорилось, незадолго до открытия конференции Ллойд Джордж и Керзон предлагали президенту США принять мандат на Константинополь, Проливы и Армению, но Вильсон не дал определенного ответа³. Предложение мандатов Соединенным Штатам было, безусловно, глубоко продуманным шагом, который был одобрен всеми важнейшими членами британского правительства за исключением Э. Монтегю, министра по делам Индии⁴. Этот шаг преследовал сразу несколько целей. Во-первых, он в известной степени обезоруживал Вильсона при обсуждении ближневосточных проблем, поскольку президент долго не мог дать определенного ответа на сделанные его стране вполне конкретные предложения по участию в послевоенном обустройстве Ближнего Востока. Англичане как бы говорили Вильсону: «Если вы хотите изгнать турок из Константинополя и сочувствуете армянам, возьмите эти проблемы в свои руки». Согласие США на мандаты автоматически заставило бы Вильсона играть

---

¹ Курдистан отсутствовал в первоначальном проекте резолюции, но был включен в ее текст по предложению Ллойд Джорджа, которого «информировали», что эта страна «не покрывается» Месопотамией и Арменией, как он думал раньше. См. FRUS PPC, Vol. 3. Council of Ten Meeting. 30/01/1919. P. 805.

² Ллойд Джордж Д. Указ. соч. Т. 1. С. 131.

³ Там же. С. 166—167.

⁴ Аноп А.Ф. Указ. соч. С. 45.

по европейским правилам и лишило бы основания его возражения против территориальных аппетитов самой Великобритании. Армения и Константинополь остались как бы бесхозными после отказа от них России, но вместе с тем они были чрезвычайно важны для борьбы с «большевизмом», в которую Великобритания хотела как можно глубже втянуть США¹. Вместе с тем присутствие США в Проливах не создавало серьезной угрозы интересам Великобритании, поскольку заокеанские союзники не обладали еще достаточным военным флотом, а «Турецкая Армения» представляла собой гористую страну, в которой будущая «титовая нация» неизбежно составляла бы незначительное меньшинство. Контроль над ней требовал больших материальных затрат и не сулил существенных выгод. Наконец, вся эта идея имела и определенный антифранцузский подтекст, так как понятие «Армения» могло включать и Киликию (во всяком случае, именно так его трактовали армянские националисты). Это создавало еще один рычаг давления на Францию в плане пересмотра соглашения Сайкса—Пико.

Ллойд Джордж попытался еще раз втянуть США в ближневосточные дела, когда 30 января Клемансо поддержал идею итальянского премьер-министра В. Орландо о скорейшем распределении «предварительных мандатов» между державами в ожидании решения Лиги Наций. Понимая, что Клемансо хочет закрепить в Сирии, Ллойд Джордж решил перехватить инициативу. Заявив, что Великобритания вынуждена резко сокращать свое военное присутствие в Османской империи, он предположил заменить британские войска американскими. Вильсон очень сомневался в возможности этого, но предложил, чтобы военные представители выработали схему перераспределения оккупационных зон. Это предложение было принято².

«Парад делегаций»

Ллойд Джордж мастерски использовал в своих целях краеугольный камень вильсоновской доктрины — «принцип самоопределения», когда в первые недели работы конференции перед «Советом десяти» выступали представители «малых» государств

¹ Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970. С. 278—280.

² FRUS PPC, Vol. 3. Council of Ten Meeting. 30/01/1919. P. 805—809.

и делегации различных народов бывших империй — Российской, Австро-Венгерской и Османской. Территориальное и политическое переустройство земель, принадлежавших до войны побежденным государствам и России, должно было сформировать новую политическую карту мира, в первую очередь Европы и Ближнего Востока. Оно имело важное значение и для великих держав, так как было средством вербовки союзников на будущее. Территория малых государств и области, населенные национальными меньшинствами, их людские и экономические ресурсы могли сыграть значительную роль во внешнеполитических комбинациях. И Ллойд Джордж, и Клемансо придавали большое значение выступлениям таких делегаций, так как они могли прибавить веса их собственным аргументам и повлиять на мнение Вильсона. Вместе с тем и англичане, и французы старались не допустить появления делегаций, настроенных в пользу соперников. В этой «карточной игре» народами и государствами британскому премьеру сопутствовал большой успех, по крайней мере на ближневосточном направлении.

Эмир Фейсал смог предстать перед конференцией только после того, как его долго возили по французским городам в качестве почетного заморского туриста, а потом вежливо принимали в высоких кабинетах Парижа и Лондона, ограничиваясь лишь дипломатическими любезностями, хотя именно в это время происходили предварительные переговоры между главами европейских правительств, о которых говорилось выше¹. В лондонском кабинете Бальфура эмир был предельно откровенен: он желал, чтобы Великобритания выступила «защитницей» арабов не только в Месопотамии, но и в Сирии, а против Франции он готов был сражаться, если она проявит свои «агрессивные намерения»². Под давлением Лоуренса Фейсал подписал с лидером сионистов Х. Вейцманом особое соглашение, в котором фактически отказался от претензий на Палестину. Эмир, однако, добавил к документу свой постскриптум, в котором отказался выполнять соглашение, если на конференции не будут полностью удовлетворены все его требования. 1 января 1919 года Фейсал направил

¹ Zeine Zeine N. Op. cit. P. 54—56.

² RS, Vol. 1. Memo by A.J. Balfour, 11/12/1918.

в секретариат конференции свой меморандум. Он требовал создания единого арабского государства, которое бы включало Аравийский полуостров (кроме английского протектората Адена), Месопотамию, Сирию и южную часть Киликии до линии Александретта—Диарбекир (Искендерун—Диярбакыр). Эти условия почти дословно повторяли требования Хусейна образца 1915 года. Фейсал явился на конференцию в сопровождении полковника Лоуренса, одетого в арабские одежды, что должно было символизировать прочность союза между арабами и Англией. Однако о меморандуме Фейсала как бы забыли на несколько недель. За это время эмира посещали британские и французские эксперты. Первые настоятельно советовали ему смириться с французским контролем в Сирии, поскольку Великобритания не желала ссориться из-за нее со своим союзником. Вторые, указывая на пренебрежительное отношение к нему англичан, открыто упрекали их в предательстве его (Фейсала) интересов и в использовании его для собственных целей. Фейсалу советовали принять во внимание силу Франции и перестать слушать «дурных советчиков» как среди арабов, так и среди британских офицеров¹.

Меморандум Фейсала был рассмотрен «Советом десяти» только 29 января вместе с другими подобными документами, относившимися к Османской империи. Лишь 6 февраля Фейсал смог лично представить свои взгляды участникам конференции. Несмотря на давление, он лишь повторил идеи, изложенные в письменном меморандуме². Это выступление произвело серьезное впечатление на Вильсона, поэтому Клемансо и Пишон почувствовали необходимость что-то противопоставить эмиру. Но прежде чем они смогли это сделать, перед «Советом десяти» 13 февраля в качестве американского эксперта выступил доктор Г. Блосс, директор Сирийского протестантского колледжа в Бейруте. После изложения своего взгляда на ситуацию он предложил направить на Ближний Восток межсоюзническую комиссию, которая должна была на месте выяснить пожелания местного населения в соответствии с принципами Вильсона и ноябрьской

¹ Zeine Zeine N. Op. cit. P. 60, 66.

² FRUS PPC, Vol. 3. Council of Ten Meeting. 6/02/1919. P. 888—894; Ллойд Джордж Д. Указ. соч. Т. 2. С. 227—231.

англо-французской декларацией. Вполне возможно, что выступление Блисса было предварительно согласовано с англичанами. Во всяком случае, он несколько раз подчеркивал, что говорит именно о Сирии и не располагает информацией о положении в Месопотамии, Палестине и Армении. Блисс также добавил, что единственным возможным вариантом политического будущего Сирии является иностранный мандат. Самим же сирийцам остается лишь выбрать мандатария¹.

После выступления Блисса Клемансо представил участникам конференции сирийскую делегацию во главе с президентом парижского Центрального сирийского комитета Шукри Ганемом. Она состояла из четырех человек — мусульманина, мелькита, маронита и еврея, что должно было указывать на единодушие всех общин Сирии. Шукри Ганем зачитал длинный меморандум, суть которого сводилась к требованию превращения Великой Сирии от Тавра до Аравийской пустыни в федерацию автономных областей под протекторатом Франции. Шукри Ганем высказался резко против объединения Сирии и Аравии, так как считал аравийских бедуинов совершенно чуждым для сирийцев элементом². Во время чтения кто-то из британских экспертов шепнул Вильсону, что Шукри Ганем уже более 35 лет не был на родине, после чего президент утратил всякий интерес к происходящему³. Этот ход не был импровизацией — в британском Форин Оффисе заранее подготовили справку с подробной биографией Шукри Ганема⁴.

В тот день французы не высказали определенного отношения к предложению Блисса, но вскоре после этого Пишон высказал Лансингу свое несогласие с идеей отправки комиссии, в то время как Бальфур поддержал ее⁵. Американская делегация уже с конца января готовила отправку на Ближний Восток своей «полевой миссии», но по разным причинам откладывала ее отбытие. При-

¹ FRUS PPC, Vol. 3. Council of Ten Meeting. 13/02/1919. P. 1015—1021.

² FRUS PPC, Vol. 3. Council of Ten Meeting. 13/02/1919. P. 1024—1028; Ллойд Джордж Д. Указ. соч. Т. 2. С. 236—241.

³ Zeine Zeine N., Op. cit. P. 70.

⁴ RS, Vol. 1. Memo by B. Thompson. «The Syrian Question». 22/01/1919. P. 305—306.

⁵ FRUS PPC, Vol. 11. Meeting of American Comissioners Plenipotentiary. 26/02/1919. P. 76—77.

готовления продолжились и после выступления Блисса в «Совете десяти»¹. Трудно предположить, что это было тайной для англичан. Предугадать выводы комиссии относительно французского мандата было несложно. Тот же Блисс на совещании американской делегации выразил убеждение, что большинство сирийцев предпочтут американский мандат².

15 февраля перед «Советом десяти» предстала делегация Административного Совета Ливана во главе с маронитом Даудом Аммуном³. Она смогла добраться до Парижа только после того, как была задержана на несколько дней в Порт-Саиде по приказу Алленби под предлогом недействительности паспортов, выданных французским верховным комиссаром Пико. Освободить делегацию удалось только после дипломатического скандала, широко освещенного во французской прессе. Требования делегации составлялись при прямом участии Пико и, вероятнее всего, были согласованы с Кэ д'Орсэ. Они включали широкую автономию для Ливана в рамках сирийской федерации под французским мандатом и расширение границ за счет прибрежных городов и долины Бекаа. Требование полной независимости от Сирии, очень популярное тогда в Ливане, было невыгодно французским правящим кругам, рассчитывавшим установить свой контроль над всей Сирией. Полный письменный меморандум ливанская делегация представила только 8 марта⁴.

Ситуация с арабскими делегациями удивительным образом повторилась с еврейскими. Когда официальная делегация сионистов во главе с Вейцманом и Соколовым торжественно изложила перед конференцией свою программу «решения еврейского вопроса» путем иммиграции в Палестину, Клемансо дал слово председателю Всемирного еврейского альянса (Alliance Israelite Universelle) Сильвену Леви. Он от имени французских евреев выступил фактически против сионистских планов, которые неиз-

¹ FRUS PPC, Vol. 11. Meeting of American Comissioners Plenipotentiary. 1/02/1919. P. 8; Ibid. Meeting ... 10/02/1919, P. 27; Ibid. Meeting ... 24/02/1919. P. 72; Ibid. Meeting ... 6/03/1919. P. 99; Ibid. Meeting ...13/03/1919. P. 116—117.

² FRUS PPC, Vol. 11. Meeting of American Comissioners Plenipotentiary. 26/02/1919. P. 77.

³ FRUS PPC, Vol. 4. Council of Ten Meeting. 15/01/1919. P. 2—5;

⁴ Zamir M. Op. cit. P. 53.

бежно порождали проблему «двойного гражданства» и «двойной лояльности» евреев в европейских странах¹. Позиция С. Леви была отражением фактического раскола среди политически активных евреев Европы. Всемирный еврейский альянс, созданный в Париже еще в 1867 году для популяризации в еврейской среде «принципов Французской революции», был серьезным конкурентом Сионистской организации и в этом качестве был очень полезен французскому правительству. Сами сионисты признавали, что среди своих «единоверцев» во Франции они не имеют сколько-нибудь заметной поддержки.

Премьер-министр Греции Э. Венизелос, который пользовался самым глубоким расположением Ллойд Джорджа, направил свой меморандум относительно греческих притязаний сразу после начала конференции и выступил перед «Советом десяти» 3 и 4 февраля². Территориальные претензии Греции распространялись на Восточную Фракию с Адрианополем, азиатский берег Босфора с Исмидом и широкую полосу вдоль побережья Эгейского моря от Пандермы (Бандырмы) до Мармариса. Ссылаясь на принципы Вильсона, Венизелос называл эту территорию «греческой по своим физическим и климатическим условиям»³, хотя она выходила далеко за пределы этнических границ и включала многие территории с бесспорным преобладанием турецкого населения. Греция одновременно выдвигала претензии на Южную Албанию («Северный Эпир»).

20 января руководитель «армянской национальной делегации» Богос Нубар-паша — уроженец Египта, раньше служивший при дворе хедива, направил письмо В. Вильсону с изложением армянских требований. 12 февраля свой меморандум направила делегация дашнакского правительства из Еревана. 26 февраля ее глава А. Агаронян и Богос Нубар-паша вместе выступили на заседании «Совета десяти». Армяне требовали воссоединения Восточной («русской») и Западной («турецкой») Армении, то есть передачи им огромной территории на востоке Анатолии, вклю-

¹ FRUS PPC, Vol. 4. Council of Ten Meeting. 27/02/1919. P. 161 — 170; Gibbons H.A. The New Map of Asia (1900—1919). NY. 1921. P. 198—205.

² FRUS PPC., Vol. 3. Council of Ten Meeting. 3/02/1919. P. 859—866; Ibid. Council of Ten Meeting. 4/02/1919. P. 868—875.

³ Никольсон Г. Указ. соч. С. 191.

чавшей города Трабзон, Эрзурум, Эрзинджан, Ван, Битлис, Диарбекир, Харпут и Сивас. Армяне претендовали и на Киликию с выходом к Средиземному морю¹. Несмотря на полную оторванность этих требований от реальности, армянские делегаты рассчитывали на поддержку общественного мнения Европы и армянофильские настроения Вильсона.

Пока перед «большой десяткой» проходила эта длинная череда делегаций, к 14 февраля был окончательно подготовлен проект Устава Лиги Наций. Текст его 22-й статьи, касавшейся мандатной системы, был полностью заимствован из резолюции Смэтса, одобренной «Советом десяти» еще 30 января. Эта формула допускала различные толкования, и уже на пленарном заседании, рассматривавшем Устав, представитель Хиджаза предложил, чтобы до его принятия великие державы публично отреклись от тайных договоров, дабы развеять подозрения ближневосточных народов². Этот призыв, конечно же, не был услышан. Вопрос о том, будет ли мандатная система распространяться на собственно турецкие земли, оставался открытым.

Первые недели мирной конференции были удачными для Ллойд Джорджа, чего нельзя сказать о Клемансо. За это время был благоприятно для Англии решен вопрос о германских колониях, в то время как вопросы о западных границах Германии и репарациях еще висели в воздухе³. В то же время итоги «парада делегаций» малых стран и народов Ближнего Востока были определены в пользу Ллойд Джорджа. При явном расхождении во взглядах на судьбу Сирии между европейскими лидерами «третьей ступенью» между ними мог стать Вильсон, а на него выступление Фейсала произвело гораздо большее впечатление, чем речи Шукри Генема и Дауда Аммуна, хотя бы потому, что авторитетное мнение доктора Блисса в значительной степени подкрепляло аргументы эмира. Французы все это хорошо понимали и пытались переломить ситуацию. Американский эксперт С. Бонсал писал в своем дневнике 26 февраля: «Французы возмущены тем уважением, которым везде пользуется Фейсал, и высокой оцен-

¹ FRUS PPC, Vol. 4. Council of Ten Meeting. 26/02/1919. P. 147—157; Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос (1917—1923) М., 1989. С. 135.

² FRUS PPC, Vol. 3. Plenary Session. 14/02/1919. P. 229.

³ Виноградов К.Б. Указ. соч. С. 282.

кой, которую ему дают президент и американские делегаты. Не проходит почти ни одного дня, чтобы "тайнственные люди" («*under-cover men*»), близко связанные и, несомненно, субсидируемые парижскими банкирами и синдикатами, ищущими концессий, не появлялись бы перед нами и не занимали подолгу наше время, разоблачая эмира как авантюриста, который ничего не стоит в арабском мире... "поскольку благородные (*noble*) арабы знают, что ему платят английские охотники до земель (*landgrabbers*), которые формируют компании, чтобы потом получить привилегии и под маской религии захватывать арабские земли и выжимать их, как лимон, как они уже сделали с остальным миром"»¹. Однако все эти усилия французов не приносили заметных результатов.

Рассмотрение греческих требований было поручено специальному «греческому» комитету экспертов. Главное затруднение возникло вовсе не из-за их очевидной несправедливости по отношению к туркам, а из-за явных противоречий с притязаниями Италии, основанными на тайных договорах. Попытка итальянского министра иностранных дел Дж.С. Соннино договориться с Венизелосом полюбовно не увенчалась успехом, так как Венизелос чувствовал поддержку других стран Антанты². Клемансо не желал усиления Италии и конкуренции с ней в Малой Азии и готов был вместе с Ллойд Джорджем поддерживать греков против нее. К тому же Венизелос без колебаний согласился направить две греческие дивизии в Одессу для усиления французского десанта³ и после этого мог рассчитывать на поддержку со стороны французского премьер-министра. Клемансо не видел в греческих требованиях никакой угрозы для интересов Франции, а к туркам он не испытывал никаких симпатий⁴. Со стороны «Тигра», поглощенного разработкой договора с Германией, это было явным упущением, а для Ллойд Джорджа — большой удачей, так как он связывал с Грецией далекоидущие планы британского господства в Восточном Средиземноморье. Работа «греческого» комитета

¹ Bonsal S. *Suitors and Suppliants. Little Nations at Versailles*. N.Y., 1946. P. 46.

² Никольсон Г. Указ. соч. С. 196—197.

³ Cosmin S.P. *Dossiers secrets de la triple Entente. Grèce 1914—1922*. P., 1969. P. 389.

⁴ Tafik Zafer Tunaya. *La France dans la vie politique Turque // La Turquie et la France a l'époque d'Ataturk*. P., 1981. P. 171.

экспертов быстро зашла в тупик. Английские и французские эксперты были единодушны в поддержке греческих требований в Малой Азии, Фракии и Албании, но отвергали притязания на Додеканес. Американцы, наоборот, готовы были отдать грекам этот архипелаг, но не соглашались допускать их в Малую Азию. Итальянцы выступали против всех притязаний Венизелоса на территории Османской империи и Албании. Итоговый доклад комитета отражал все эти оговорки и «особые мнения». Правда, американцы впоследствии согласились на требования по Малой Азии, но заняли еще более твердую позицию по Албании. Тупиковая ситуация сохранялась из-за жесткой позиции итальянцев¹.

Арабские проблемы, решение об отправке комиссии

В последующие недели ближневосточные проблемы не обсуждались на заседаниях глав делегаций и переместились на уровень дискуссий между экспертами и кулуарных бесед между политиками. В вопросе об арабских землях также было мало сдвигов, но англичане попытались использовать в своих интересах стремление французов усилить свое военное присутствие в Сирии и Киликии. Среди британских политиков, дипломатов и экспертов не было единого мнения о том, как далеко следует идти в пересмотре соглашения Сайкса—Пико и в какой степени следует допускать присутствие Франции на Ближнем Востоке. Растущие колониальные аппетиты вступали в противоречие с осознанием ограниченности британских ресурсов и неизбежности скорой демобилизации. Понимая всю сложность Восточного вопроса и его взаимосвязь со многими другими проблемами, Ллойд Джордж явно не собирался форсировать скорейшую подготовку мирного договора с Османской империей. Один из ведущих британских экспертов — В. Чирол — впоследствии с нескрываемым сарказмом так характеризовал поведение Ллойд Джорджа в эти дни: «Среди тех, кто имел хоть какое-нибудь представление о Востоке, не было никого, кто не осознавал бы необходимости срочно продиктовать Турции условия мира, выгодные союзникам, пока мы еще

---

¹ Helmreich P.C. From Paris to Sevres. The Partition of the Ottoman Empire at the Peace Conference of 1919—1920. Columbus (Ohio), 1974. P. 90.

были в состоянии настаивать на них. Но Ллойд Джордж знал лучше. Кто-то сказал ему, что Восток никогда не торопится и что Турция может подождать. И вот, по причинам внутренней политики и ради того, чтобы пойти навстречу популярным требованиям демобилизации и сокращения расходов, большая часть британских сил была выведена, а французские и итальянские войска были приглашены, чтобы занять их место»¹.

К 5 февраля совещание военных представителей стран Антанты, созванное по предложению Вильсона, выработало новую схему распределения оккупационных зон, согласно которой британские войска оставались в Палестине и Месопотамии, французские занимали Сирию с ее 4 важнейшими городами, а также Адану, итальянцы — район Адалии и Кавказ, а американцы (в случае их согласия) — Восточную Анатолию (Армению и Курдистан)². Реализация этого плана потребовала бы от Великобритании фактического отказа от поддержки Фейсала, которого французы вряд ли стали бы терпеть в своей оккупационной зоне. Понятно, что англичане не собирались делать односторонних уступок и, вероятно, рассчитывали на солидную компенсацию со стороны французов. Обсуждение этого плана «Советом десяти» было намечено на 11 февраля, но так и не состоялось. Очевидно, выработанная военными экспертами схема не вполне устраивала английское руководство. Кроме того, французы решили форсировать события и вместо пересмотра временных оккупационных зон предложили схему окончательного раздела арабских земель взамен соглашения Сайкса—Пико.

Утром 11 февраля произошла беседа Клемансо с британским министром колоний лордом Милнером. По словам самого Милнера, он заявил Клемансо, что, «хотя мы и недовольны планом Сайкса—Пико, который и сам он признал нуждающимся в коренных изменениях, мы вовсе не собираемся вытеснить французов из Сирии или предпринимать попытку захватить ее для себя. Мы заинтересованы только в расширении Месопотамии в сторону Палестины и в создании удобных сообщений между ними».

¹ Chirol V. Occident and Orient. Lectures in the Harris Foundation. Chicago, 1924. P. 55—56.

² Helmreich P.C. Op. cit. P. 29.

Милнер не стал акцентировать внимание Клемансо на «создании удобных сообщений» и заговорил об отношениях Франции с Фейсалом. Англия, по его словам, была заинтересована в их улучшении, а все «затруднения» вызваны тем, что «французы впали в немилость у арабов», к чему Англия отношения не имеет. Поэтому необходимы переговоры между Фейсалом и Клемансо. В качестве базы для них Милнер предложил такую схему: предоставление Фейсалу выхода к морю в обмен на «мягкий» французский мандат над всей Сирией. Клемансо потребовал, чтобы на переговорах присутствовал английский представитель (очевидно, чтобы подкреплять своим авторитетом аргументы французов)¹. Сообщая об этой беседе Ллойд Джорджу, Милнер также писал: «Если мы выступим в качестве честного маклера между Францией и Фейсалом и поможем Франции выбраться из теперешних затруднений, убедив Фейсала пойти на соглашение с ней, мы должны позаботиться, чтобы Франция, в свою очередь, выполнила данное ею нам обещание о Мосуле и Палестине и при этом широко толковала его»².

Очевидно, Клемансо не устраивала необходимость договариваться с Фейсалом, которого он считал английским наемником. К тому же французские колониальные круги проявляли все большее нетерпение. 6 февраля Пишон направил британскому послу лорду Дерби официальную ноту с изложением многочисленных претензий к британским военным властям в Сирии, которые якобы всячески затрудняли любую французскую активность в этой стране, одновременно поощряя Фейсала и его сторонников³. Спустя шесть дней практически те же претензии П. Камбон высказал в Лондоне Керзону. Французы, очевидно, хотели ускорить принципиальное решение сирийского вопроса в свою пользу. Керзон, по собственному признанию, мало что мог ответить, когда ему еженедельно приходилось выслушивать длинные заявления с французскими претензиями⁴. Лишь 19 марта

¹ Ллойд Джордж сначала узнал об этой беседе через своего секретаря Ф. Керра — см. *Ibid.* P. 29—31. Сам Милнер отправил премьеру докладную записку только 8 марта. Ее текст см.: Ллойд Джордж Д. Указ. соч. Т. 2. С. 232—235.

² Ллойд Джордж Д. Указ. соч. Т. 2. С. 235—236.

³ RS, Vol. 1. Pichon to Earl of Derby (translation). 6/02/1919. P. 353—361.

⁴ RS, Vol. 1. Curzon to Earl of Derby. 12/02/1919. P. 374—377.

Керзон дал официальный ответ на французскую ноту, где отвергал все обвинения в адрес британских военных и должностных лиц¹.

Поскольку французы уже согласились на частичный пересмотр соглашения Сайкса—Пико (в части Мосула и Палестины), их цель теперь состояла в том, чтобы заменить его новым двусторонним документом и не допустить дальнейшего урезания своих «прав». Уже в начале февраля, то есть практически одновременно с упомянутой нотой Пишона, французы представили свои предложения по содержанию будущего соглашения. Франция отказывалась от претензий на Мосул, но требовала «абсолютно равных» с Великобританией прав на нефтяные богатства этого района. Она также отказывалась от прямого суверенитета в «синей» зоне, которая сливалась с зоной «А». Сирия, таким образом, должна была стать не владением, а скорее сферой влияния Франции. Но о политическом устройстве ничего не говорилось, кроме того, что эта схема «может быть гармонизирована с предоставлением автономии арабским государствам и княжествам». В частности, в Дамаске такую «автономию» могло получить правительство Фейсала². Очевидно, не видя возможности немедленно избавиться от вождя «арабского восстания», французы хотели превратить его в одного из мелких князьков будущей Сирии. В границы своей сирийской сферы влияния они включали Киликию с городами Мерсина и Адана, а также районы Урфы, Мардина и Диарбекира.

Комментарии сотрудников Форин Оффиса из британской делегации в Париже указывают на неприемлемость этого плана для английской стороны, прежде всего потому, что он противоречил «пожеланиям жителей», а предложенные границы не соответствовали этническому составу населения. Англичанам не нравилось, что французы практически игнорировали существующую арабскую администрацию Фейсала, которая претендовала на роль общесирийского правительства. Включение Киликии во французскую сферу «полностью отрезало бы Армению от Средиземного моря», а армянские притязания на эту область рассматри-

¹ RS, Vol. 1. Curzon to Cambon. 19/03/1919. P. 413—415.

² RS, Vol. 1. English translation of the French draft of a proposed new anglo-french agreement on Syria. P. 339—343.

вались британским правительством как «исключительно сильные с национальной и географической точки зрения». С другой стороны, восточная и южная границы разрезали территории с чисто арабским населением, не учитывая племенных подразделений. Держава, контролирующая Дамаск, могла благодаря существующим экономическим связям распространить свое влияние вплоть до северных пределов Аравии, что делало прочерченные на бумаге границы «чисто теоретическими». Разумеется, Форин Оффис не хотел ставить Францию в столь привилегированное положение и рекомендовал правительству твердо придерживаться «принципа самоопределения» в арабских делах с тем, чтобы арабы могли сами выбрать державу-мандатарию¹. Лорд Керзон добавил к этому документу собственный меморандум с разбором французских предложений, где обратил внимание на то, что «политика экономического грабежа (*grab*), которая подчеркнута видна во всем документе, прикрыта весьма плохо и не совсем умно». В частности, включение во французскую зону Диарбекира указывало на стремление французов заполучить богатейшие медные рудники района Аргана. Сопоставляя эти предложения с планами устройства «Новой Сирии», попавшими в Форин Оффис благодаря разведке², Керзон делал вывод, что французы хотят превратить Сирию в обширную «республику» под своим протекторатом с центром в Бейруте, где Фейсал будет поставлен в положение вассального князя Дамаска. Керзон не видел возможности примирить французские требования с «хашимитской» политикой Великобритании и советовал «оставить дела так, как они есть»³. Таким образом, с английской точки зрения французы недостаточно «широко толковали» свое обещание по поводу Мосула и Палестины.

Французский проект был представлен Ллойд Джорджу в первой половине февраля⁴. После неофициальной встречи глав двух делегаций (Клемансо, Пишона, Ллойд Джорджа и Бальфура) секретарь британской делегации М. Хенки передал Пишону от-

¹ RS. Vol. 1. Comments by the Foreign Office section on the French memorandum. 6/02/1919. P. 344–346.

² См. выше, гл. I. С. 82–83.

³ RS. Vol. 1. Minute by Lord Curzon. P. 347–350.

⁴ С. Пишон впоследствии называл дату 15 февраля, но она, вероятно, ошибочна. Комментарий британской делегации на эту ноту датирован 6 февраля.

ветный британский план. Несколько позже Милнер передал Клемансо карту с другим вариантом плана. Оба варианта предусматривали значительное урезание французской зоны. По плану Милнера, в соответствии с проектом Восточного комитета (январский меморандум Э. Ричардса¹), французам предоставлялись две изолированные зоны на побережье — Ливан и район Латакии. В добавление к этому во внутренних районах для них выделялась сфера влияния, значительно урезанная на севере (исключались Киликия и Диарбекир), на востоке (граница на Евфрате переносилась от г. Абу-Кемаль к г. Дейр-Зор) и на юге (исключалась область Хауран к югу от Дамаска). Французы без колебаний отвергли эти предложения².

После этого англичане на некоторое время оставили идею «перекройки» оккупационных зон. Ближневосточные проблемы теперь то и дело всплывали в кулуарных беседах. Одна из них состоялась 7 марта между Ллойд Джорджем, Клемансо и полковником Хаузом. На вопрос Ллойд Джорджа о предложенных США мандатах Хауз ответил, что Америка готова «разделить общее бремя», хотя и «не желает» этого, и, кроме того, согласна «осуществлять своего рода общее наблюдение над Анатолией». Ллойд Джордж предложил Клемансо «взять на себя Сирию», а по поводу Киликии посоветовал договариваться с американцами. По мнению Клемансо, этот вопрос скорее следовало обсуждать с англичанами, но Ллойд Джордж ответил, что английские притязания ограничиваются Мосулом. Британский премьер стал снова уговаривать французского премьер-министра договориться с Фейсалом и получил ответ, что такие переговоры бесполезны и с эмиром скорее всего придется драться. Ллойд Джордж предостерег от этого и предложил помощь Алленби в качестве посредника³. В этой беседе видно явное желание Ллойд Джорджа стравить французов с американцами с целью еще больше урезать будущую французскую зону, на этот раз в Киликии. Возможно,

¹ См. выше. С. 97—98.

² История этих переговоров излагается со слов С. Пишона на совещании по сирийскому вопросу 20 марта. См. FRUS PPC, Vol. 5. Council of Four Meeting. 20/03/1919. P. 3—7; Hurewitz J.C. (ed.), *Op. cit.* P. 52—53. См. также du Hays, *le général. Op. cit.* T. 1. P. 46—47.

³ Ллойд Джордж Д. Указ. соч. Т. 1. С. 252—253.

это в некоторой степени удалось, так как впоследствии Клемансо вспоминал, что соглашался присоединить Киликию к «армянскому мандату»¹.

В это же время происходили переговоры по нефтяным вопросам между французским представителем А. Беранже и британскими уполномоченными Дж. Кадмэном и У. Лонгом. Никто из них не был осведомлен о декабрьской беседе Клемансо и Ллойд Джорджа по поводу Мосула. Выработанное к 8 апреля соглашение (Лонга—Беранже) предусматривало право Франции на покупку бывшей германской доли в компании по добыче месопотамской нефти. Акции будущей нефтяной компании делились следующим образом: Великобритания — 70%, Франция — 20%, «местное правительство» (будущее правительство Ирака) — 10%. Если местное правительство отказывалось от своей доли, она поровну делилась между Великобританией и Францией. Франция обязывалась оказать содействие Великобритании в строительстве двух нефтепроводов из Месопотамии к Средиземному морю через территорию своего мандата. Соглашение также регулировало совместную добычу нефти в России, Румынии и в колониях двух стран. По мнению американского историка М. Кента, Кадмэн и Лонг действовали «на свой страх и риск», не согласовывая свои действия ни с Ллойд Джорджем, ни с Бальфуrom, ни с Керзоном, который особенно сильно возражал против таких переговоров до решения вопроса о мандатах и их границах².

20 марта на квартире Ллойд Джорджа состоялось совещание глав делегаций по турецкому вопросу, на котором речь шла в основном о Сирии. Это совещание стало своеобразной кульминацией обсуждения сирийского вопроса в Париже. Пишон, изложив условия соглашения Сайкса—Пико, напомнил присутствующим всю историю переговоров по этому вопросу с момента перемирия и потребовал замены британских военных контингентов в Сирии французскими. По его словам, граница, предложенная во французской февральской ноте, отражала минимальные

¹ Mantoux P. Les deliberations du Conseil des Quatre. 24 Mars—24 Juin. T. 2. P., 1954. P. 160.

² Kent M. Op. cit. P. 144—147. Текст соглашения Лонга—Беранже см.: Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. Ser. 1, Vol. 4. P. 1089—1092 (далее — DBFP).

требования Парижа. Ллойд Джордж, явно подыгрывая настроениям Вильсона, заявил, что позиция Великобритании определяется не своекорыстными интересами, а «общими принципами, принятыми Конференцией». Далее он заявил, что передача Сирии под французский мандат противоречит соглашению Англии с королем Хусейном. Пишон отвечал, что обещания Англии арабам Францию не волнуют, и требовал соблюдения соглашения Сайкса—Пико в части, касающейся Сирии. Тогда Ллойд Джордж стал доказывать, что переписка Хусейна и Мак-Магона не противоречит соглашению 1916 года, а Пишон отвечал, что Франция обязалась поддерживать «Арабское государство или конфедерацию таких государств», а не короля Хиджаза. Вильсон по своему обыкновению отвергал все тайные договоры и предлагал реализовать идею доктора Блисса о посылке в Сирию межсоюзнической комиссии. Относительно воли местного населения приглашенный на заседание генерал Алленби заявил, что утверждение Франции в Сирии приведет к волнениям и даже к войне. В итоге Клемансо и Пишон «с известной неохотой» согласились на предложение Вильсона о комиссии. Так же поступил и Ллойд Джордж¹. Вечером того же дня на вопрос Хауза и Тардые о результатах совещания Клемансо ответил: «Блестяще! Мы разошлись по всем вопросам»².

Было очевидно, что предполагаемая комиссия могла нанести гораздо больший ущерб интересам Франции, чем Великобритании, притязания которой после 20 марта только увеличились. Уже 26 марта состоялось совещание членов британской делегации, так или иначе связанных с арабским вопросом. В нем приняли участие виднейшие колониальные деятели: А. Хитцрель, У. Хогарт, полковник А. Вильсон, полковник Лоуренс, полковник Гриббон, Гертруда Белл и Э. Форбс Адам. Таким образом, были представлены лондонский Форин Оффис, каирское Арабское бюро и багдадская администрация Месопотамии, подчиненная Министерству по делам Индии. Цель совещания состояла в выработке предложений по ближневосточным границам на тот случай,

¹ FRUS PPC, Vol. 5. Council of Four Meeting. 20/03/1919. P. 1—14; Ллойд Джордж Д. Указ. соч. Т. 2. С. 241—254; Никольсон Г. Указ. соч. С. 123.

² Архив полковника Хауза. Т. 4. М., 1937. С. 305.

если мандат на Сирию все же получит Франция. После недолгих дискуссий по предложению Хогарта было принято решение отодвинуть северную и западную границы Месопотамии до линии Диарбекир—Бирижик—река Евфрат—Ракка. Из всех присутствовавших только «гражданский комиссар» в Месопотамии А. Вильсон высказал сомнение в целесообразности такого шага. В британской зоне должен был также остаться оазис Тадмор (Пальмира). Границы Палестины должны были быть проведены в соответствии с «максимальными сионистскими требованиями», то есть на севере у самых ворот города Сайда (Сидон) на ливанском побережье, а на востоке — в промежутке между Иорданом и Хиджасской железной дорогой. Было также рекомендовано, чтобы территория Южной Сирии к востоку от указанных границ Палестины и к юго-востоку от «французской» Сирии стала бы особым образованием под британским мандатом, отдельным от мандатов на Палестину и Месопотамию. Таким образом, от «французской» Сирии оставался лишь небольшой обрезок территории, граница которого проходила бы менее чем в 300 километрах от моря.

План Хогарта, выработанный на этом совещании, был гораздо беспощаднее к Франции, чем февральские предложения Милнера, уже отвергнутые французами. Британские колониальные деятели требовали больше, чем предполагала «линия де Бансена», намеченная еще в 1915 году, до начала переговоров между Сайксом и Пико, которая также исходила из необходимости обеспечить «чисто британский» транспортный коридор из Месопотамии к Средиземноморью. Интересны их замечания о перспективах этого плана. Они прекрасно осознавали, что французов трудно будет убедить принять его, но «сейчас уже чувствуется и еще больше будет чувствоваться после отчета межсоюзнической комиссии, что французы оказываются в более слабой позиции и не смогут уже торговаться, опираясь на соглашение Сайкса—Пико». Эксперт британской делегации А.Дж. Тойнби (впоследствии знаменитый историк) в своей заметке к протоколу этого совещания выразил уверенность, что «французы категорически отвергнут» предложенный план¹. Это, однако, не смутило его коллег, и на

---

¹ RS, Vol. 1. Territorial arrangements in Mesopotamia and Syria. Report of Meeting on March 25. P. 450—455.

несколько месяцев идея закрепить за Англией Тадмор и Хауран, если уж не получается вовсе вытеснить французов из Сирии с помощью Фейсала, стала определяющей в британской политике. Ллойд Джордж, однако, имел собственные представления о будущем Ближнего Востока. Тот же Тойнби однажды был свидетелем такой сцены: премьер-министр, склонившись в своем кабинете над грудой бумаг, размышлял вслух: «Месопотамия... так... нефть, ирригация... Месопотамия должна быть наша. Палестина... так... Священная Земля... сионизм... Палестина должна быть наша. Сирия... хм, что там в Сирии? Пусть ее Франция забирает»¹. Для главы британского кабинета вопрос состоял не в том, получит ли Франция Сирию, а в том, по какой цене она ее получит.

Итак, англичане быстро определили, какую пользу может им принести предполагаемая межсоюзническая комиссия на Ближнем Востоке. Для французов это тоже не было тайной, и Ллойд Джордж попытался использовать данное обстоятельство для ловкой дипломатической интриги с элементом шантажа. 27 марта вопрос о комиссии обсуждался в «Совете четырех». Ллойд Джордж пробовал возражать против ее отправки, мотивируя это тем, что она вызовет только лишнюю задержку в принятии решения, создаст новые проблемы и окажется неспособной дать адекватную информацию из-за скрытного характера мусульман. Вильсон, тем не менее, настаивал на посылке комиссии. Клемансо согласился с президентом и поспешил перевести дискуссию на вопрос о Рейне². Все это происходило на фоне резкого обострения споров вокруг Германии после «Меморандума из Фонтенбло» от 26 марта. В своей записке, адресованной Клемансо, (в ответ на возражения последнего против «Меморандума»), Ллойд Джордж почти прямо указывал, что судьба Сирии зависит от принятия Францией британских условий мира с Германией, но при этом не дал никаких конкретных разъяснений³.

В следующий раз вопрос о формировании комиссии снова поднимался на «Совете четырех» 11 апреля. Ллойд Джордж и Клемансо заявили Вильсону, что хотят согласовать свои позиции

¹ Цит. по Мучник В.В. В поисках утраченного смысла истории. Генезис и эволюция исторических взглядов А. Дж. Тойнби. Томск, 1986. С. 43—44.

² Mantoux P. Op. cit. Т. 1. Р. 50—51.

³ Ллойд Джордж Д. Указ. соч. Т. 1. С. 361—362.

друг с другом, прежде чем посылать комиссию. Вынудив Клемансо согласиться на комиссию, Ллойд Джордж, очевидно, затем намекнул ему, что есть еще возможность решить все вопросы на двусторонних переговорах. Клемансо понимал, что посылка комиссии в страну, фактически подконтрольную Фейсалу, может похоронить все надежды на французский мандат, и действительно предпочитал согласовать позиции с британским коллегой. Но согласование позиций свелось к посредничеству Ллойда Джорджа между Клемансо и Фейсалом. Последний пытался установить прямой контакт с Клемансо, но делал это явно лишь для зондажа ситуации и демонстрации доброй воли перед своими британскими покровителями. Клемансо отказывался встречаться с эмиром один на один и требовал присутствия английских и американских представителей¹. Разговор Фейсала с Клемансо состоялся только 14 апреля. Французский премьер-министр сообщил эмиру, что французские войска якобы должны вскоре заменить британский контингент в Сирии. Эмир стал категорически возражать против этого, но Клемансо заявил, что отказ от посылки войск в Сирию был бы «национальным унижением для Франции»². Но, несмотря на столь очевидное различие во мнениях с Фейсалом, Клемансо счел нужным продемонстрировать англичанам свою «добрую волю». Оба лидера договорились зафиксировать свое благожелательное отношение друг к другу в форме обмена официальными письмами.

Обмен действительно состоялся, но в несколько странном виде. Тон писем вполне доброжелателен, но их авторы говорили о совершенно разных вещах. 17 апреля Клемансо писал Фейсалу о готовности Франции «признать право Сирии на независимость в форме федерации местных автономий в соответствии с традициями и желаниями ее жителей». Франция готова была оказать в этом Сирии «моральную и материальную помощь», главным образом путем отправки советников. 21 апреля Фейсал в ответ поблагодарил Клемансо за его согласие отправить в Сирию межсоюзническую комиссию, призванную выявить пожелания местного населения. Он закончил письмо словами: «Я уверен, что народ

¹ Cambon P. Correspondence. 1870—1924. Т. 3. P., 1946. P. 320.

² Zeine Zeine N., Op. cit. P. 80.

Сирии будет знать, как выразить Вам свою благодарность», и ни словом не упомянул, что ждет от Франции какой-либо помощи¹. Характерно, что, говоря о населении Сирии, Клемансо применял форму множественного числа (*les populations*), а Фейсал — единственного (*the people of Syria*). Уже этот грамматический нюанс показывает всю разницу во взглядах двух политиков на страну, о которой шла речь. Эти письма можно отнести к наиболее курьезным дипломатическим документам того периода. Согласно разъяснениям, которые П. Камбон дал Керзону в середине мая, переписка происходила следующим образом. Клемансо написал свое письмо и, не оформляя его официально, направил Фейсалу с запросом, каков будет ответ. Фейсал также неофициально направил Клемансо ответ, где открыто излагались его политические требования. Этот документ попал к советнику Пишона и руководителю комитета «Французская Азия» Роберу де Кэ (ему, очевидно, было поручено вести контакты с эмиром). Де Кэ отверг предложенный эмиром текст и потребовал, чтобы тот написал новый. Фейсал написал письмо, содержание которого изложено выше. Оно, очевидно, дошло до Клемансо, но не устроило его², и Клемансо так и не отправил официально свое письмо эмиру. Таким образом, оба письма были написаны и прочитаны адресатами, но официально зарегистрированы не были и никого ни к чему не обязывали. При этом Клемансо в разгар спора с Ллойд Джорджем о Сирии (о чем речь ниже) представлял эти письма как свое полноценное соглашение с Фейсалом.

В изложении Фейсала история его переговоров с Клемансо выглядит не менее туманно. По возвращении в Дамаск в беседе с политическим советником Алленби генералом Клейтоном он подтвердил, что «по совету Лоуренса» заключил с Клемансо устное соглашение, в котором признавал французский мандат при условии «независимости» Сирии (очевидно, речь шла о самоуправлении)³. Об условиях этого «устного соглашения» мы можем судить только по рекомендациям, составленным при участии Лоуренса для переговоров Фейсала с Клемансо. Предполагалось

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 4, Correspondence Feisal — Clemenceau, April—May, 1919. P. 251—253.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 4. Unnumbered. Curzon to Balfour. 26/05/1919. P. 253.

³ Zeine Zeine N. Op. cit. P. 86—87.

установление в Сирии французского мандата на условиях, похожих на положение Египта по отношению к Великобритании. Ливан и, возможно, область друзов должны были получить автономию¹. Но Фейсал признался, что никогда не хотел выполнять это соглашение и выступал против любого вмешательства Франции в сирийские дела. Он предпочел бы британский мандат, если бы знал, что англичане пойдут на это².

К 25 апреля Клемансо и Ллойд Джордж так и не договорились между собой по сирийской проблеме, но в этот день Ллойд Джордж заявил, что английское правительство твердо решило не принимать мандата на Сирию, что Фейсала в Сирии поддерживают «не все» и что для Англии «дружба Франции стоит десяти Сирий». Ллойд Джордж явно давал понять Клемансо, что он не возражает, чтобы Франция «забрала» Сирию в обмен на какие-то уступки. Вильсон заметил, что он тоже не хочет этого мандата для США, но что комиссию следует послать, чтобы не отступать от принципов Лиги Наций. Клемансо заявил, что он не хотел бы отправлять комиссию до прибытия в Париж германской делегации³. Очевидно, он хотел заморозить сирийский вопрос до окончания выработки мирного договора с Германией, чтобы не дать Ллойд Джорджу играть на заинтересованности Франции в обеих проблемах. К этому времени уже несколько утихли страсти вокруг «Меморандума из Фонтенбло» и началась выработка условий мира с Германией на основе отказа Франции от границ на Рейне в обмен на англо-американские гарантии. На заседаниях «Совета четырех» Клемансо старался не поднимать ближневосточных проблем, чтобы не помешать очень деликатным (и чаще всего неофициальным) переговорам вокруг Германии. И вместе с тем он сознательно держал открытым вопрос о посылке комиссии, чтобы превратить свое согласие на ее отправку в рычаг воздействия на Ллойд Джорджа и Вильсона. Так продолжалось вплоть до вручения текста договора немцам 7 мая.

Долгие англо-французские препирательства из-за Сирии могут показаться странными, если учитывать, что англичане понимали

¹ Nevakivi J., *Op. cit.* P. 142.

² Zeine Zeine N. *Op. cit.* P. 86—87.

³ *Ibid.* P. 228—229; 378—379.

невозможность полностью вытеснить оттуда французов, как бы сильно им этого ни хотелось. Заявление Ллойд Джорджа о бесповоротном отказе Лондона от сирийского мандата наносило сильнейший удар по позициям британского протектора — эмира Фейсала. Возникает вопрос, чего именно англичане хотели добиться от Франции? Как показало наше исследование, в это время в британском руководстве созрел план урезания предполагаемой французской зоны в Сирии для обеспечения коммуникаций между Месопотамией и Палестиной по «чисто британской» территории, пригодной для строительства железной дороги и нефтепровода из Мосула в Хайфу. Для этого к британской зоне планировалось присоединить Пальмирский оазис с городом Тадмор и часть области Хауран, населенной в основном друзами¹. Именно поэтому, как можно предположить, Керзон возражал против переговоров с Францией по нефтяным вопросам до решения территориальных проблем. Ведь «транзитное» положение Сирии было для Франции главным козырем. Возможно, ради французского согласия на изменение границ англичане готовы были пожертвовать Фейсалом и передать оставшуюся часть Сирии под прямое французское управление, но определенных сведений об этом нет. Лишь отказ французов от предложенного разграничения заставил британцев вновь сделать ставку на Фейсала. Англичане предвидели возражения Франции против нового урезания ее будущих владений и постарались подготовить почву и выбрать подходящий момент, тем более что их интересы не ограничивались арабскими землями.

---

¹ Указание на такой план содержится в процитированном выше отчете Милнера о беседе с Клемансо 11 февраля. Об этом плане впоследствии при разных обстоятельствах говорили и писали: Пишон (в на совещании глав делегаций 20 марта — см.: FRUS PPC, Vol. 5. P. 4—7); Клемансо (в споре с Ллойд Джорджем 22 мая — см.: Mantoux P. Op. cit. T. 2. P., 1954. P. 160); Пико, французский верховный комиссар в Сирии (в разговоре с Фейсалом 18 июня — см.: Khoury G. La France et l'Orient Arabe. Naissance du Liban moderne., P., 1993. P. 239—242; и Бальфур (в меморандуме кабинету министров от 11 августа — см.: DBFP, Ser. 1, Vol. 4. P. 341).

*Комбинация Ллойд Джорджа:
греки в Смирне, французы еще не в Сирии*

Великобритания тем временем укрепляла свои позиции в Турции. К этому времени англичане полностью контролировали турецкую полицию и жандармерию¹. 4 марта турецкий султан, ставший после перемирия фактически марионеткой англичан, назначил великим визирем своего зятя Дамад Ферид-пашу — одного из руководителей партии «Свобода и согласие» и «Общества друзей Англии», выпускника Оксфорда. Новый визирь откровенно признавался британскому верховному комиссару С. Кальтропу, что цель турецкого правительства и султана состоит в полном подчинении Османской империи Великобритании. Схожие мысли высказал в разговоре с Кальтропом издатель газеты *Sedesti* Саид Мола, активный деятель того же общества, ставший в новом кабинете заместителем министра юстиции². Тот же Саид Мола рассылал телеграммы руководителям местных администраций с призывами присоединиться к «обществу друзей Англии», чтобы просить покровительства этой державы³. Вообще мысль о сопротивлении великим державам, сокрушившим Германию и Австро-Венгрию, была в тот момент абсолютно чужда большинству турецких политиков. Среди них были сторонники установления над страной американского или британского мандата. Как признавал впоследствии Мустафа Кемаль (Ататюрк), «активными сторонниками этих двух течений были люди, которые имели в виду сохранение целостности Османской империи и которые предполагали поставить ее целиком под протекторат одной державы, чем допустить ее раздел между различными государствами»⁴.

Подобные настроения части турецкой верхушки плохо вязались с намерениями Лондона беспощадно расчленив Османскую империю, в связи с чем Кальтроп пришел к мысли о том, что для Великобритании гораздо выгоднее будет установление своего мандата над всей страной. Турецкий султан при этом стал бы похож на последних Великих Моголов и выполнял бы в Константинополе

¹ Шамсутдинов А.М. Указ. соч. С. 25.

² BDFA, Ser. B., Vol. 1. № 16, Calthrope to Curzon. 3/04/1919. P. 29—31

³ Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. 1919—1927. Т. 1. М., 1927. С. 28.

⁴ Там же. С. 13—14.

ту же роль, которую Хусейн выполнял в Хиджазе¹. Однако из Лондона по-прежнему приходили распоряжения поддерживать у турок убеждение, что «наказание», которое они понесут, будет чрезвычайно суровым. По мнению Кальтропа, от такой политики выигрывали только французы, которые всячески старались создать у турок впечатление, что только Франция заботится о защите мусульманских интересов и о сохранении султана в Константинополе. Кальтроп прямо обвинял французского верховного комиссара в контактах с младотурецкими деятелями². Несмотря на эти предупреждения, британская политика продолжала оставаться резко антитурецкой. В апреле англичане вместе с дашнаками заняли Карс и передали этот город Армении. 14 апреля в Диарбекир, центр турецкого Курдистана, отправился полковник Ноэль³. В его намерения, помимо сбора информации, входило разжигание среди курдов антитурецких настроений, подобно тому, как это ранее делал в Аравии полковник Лоуренс. Опережая решение мирной конференции, Ноэль убеждал курдов, что турецкая власть над ними скоро прекратится.

В апреле—мае 1919 года Ллойд Джордж сумел воспользоваться ситуацией, чтобы путем новой хитроумной интриги добиться удовлетворения своих (и одновременно греческих) пожеланий в Малой Азии и попытаться сделать это в Сирии. Толчок к быстрому развитию событий дало поведение Италии, ловко использованное Ллойд Джорджем. После долгих дипломатических баталий (17—24 апреля) из-за адриатического порта Фиуме, на который помимо Италии претендовало и Сербо-Хорвато-Словенское королевство, Орландо и Соннино так и не смогли добиться своего. В знак протеста они 24 апреля покинули конференцию и через два дня уехали в Рим. В вопросе о Фиуме Ллойд Джордж искусно разжигал конфликт между итальянцами с одной стороны, Клемансо и Вильсоном — с другой. В результате у американского и французского лидеров выработалась стойкая антипатия к итальянским политикам, а последние, в свою очередь, стали считать

¹ BDFA, Ser. B. Vol. 1. № 16. Calthrope to Curzon. 3/04/1919. P. 29—31; Ibid. № 24. Report by Military Attaché in Constantinople. 1/05/1919. P. 46—48.

² BDFA, Ser. B. Vol. 1. № 24. Report by Military Attaché in Constantinople. 1/05/1919. P. 46—47.

³ Лазарев М.С. Указ. соч. С. 106.

себя свободными от всяких обязательств и были готовы к безрас- судным сепаратным действиям. Отъезд итальянцев из Парижа разрубал гордиев узел, препятствовавший удовлетворению тер- риториальных претензий Греции оставшимися лидерами Антанты, и вместе с тем развязывал руки самим итальянцам в Малой Азии.

Итальянское правительство спешило установить свой конт- роль над той частью турецкой территории, которую рассматри- вало как собственную долю «Османского наследства». В первую очередь речь шла о городе Адалия (Анталья) и прилегающей об- ласти. Из стран Антанты Италия, пожалуй, хуже всего приспособи- ла свои территориальные аппетиты к новомодным «принци- пам Вильсона», которые требовали «согласия управляемых» на установление над ними иностранного господства. Итальянский подход к этой ситуации хорошо иллюстрируется приказом, кото- рый верховный комиссар в Константинополе Сфорца отдал ко- мандующему итальянскими войсками на Родосе генералу Элия: «Королевское правительство желает оккупировать Адалию, но союзникам нужны причины стратегические или связанные с обще- ственным порядком. В наших интересах получить запрос о на- шем вмешательстве для охраны нарушенного общественного по- рядка. Королевское правительство желает, чтобы Вы, если есть возможность, поскорее спровоцировали такой запрос. Если для этого не хватает необходимых инструментов, я мог бы послать в Адалию албанского бея, вызывающего мое доверие, который отправляется сегодня в Смирну на борту эсминца»¹.

29 марта итальянский военный корабль высадил десант в Ада- лии «для поддержания общественного порядка, серьезно нарушен- ного последними событиями» (взрыв бомбы вызвал незадолго до этого много жертв в христианском квартале города). Местные жители приветствовали итальянцев «с чувством облегчения»². В апреле и начале мая итальянские солдаты появились также в Мармарисе, Макри (Фетхие) и Бодруме³, а затем, продвинувшись во внутренние районы страны, заняли Конью. Было очевидно, что Италия пытается явочным порядком обеспечить выполнение

¹ DDI, Ser. 6, Vol. 3. № 33. Sforza a Sonnino. 26/03/1919. P. 39.

² DDI, Ser. 6, Vol. 3. № 64. Elia a Sonnino. 29/03/1919. P. 68.

³ DDI, Ser. 6, Vol. 3. № 418. Sonnino a de Martino. 6/05/1919. P. 432.

договора в Сен-Жан-де-Мориенн, уже отвергнутого англичанами и французами ввиду отсутствия под ним подписи России. Очевидно было, что появление итальянских войск в турецких городах было предпринято в пику грекам, также давно готовившимся к территориальным захватам на побережье Турции. Греческие газеты, в частности, выражали надежду, что оккупация Адалии будет способствовать отказу итальянцев от претензий на Смирну¹. Самовольные действия итальянцев вызвали возмущение Клемансо и Вильсона, чем и не преминул воспользоваться Ллойд Джордж.

1 мая на заседании «тройки» Ллойд Джордж предложил направить английские, французские и американские корабли в Смирну, чтобы защитить местных греков и опередить итальянцев, которые, по сведениям Венизелоса, якобы вступили в сговор с турками, готовившими расправу над греческим населением. Вильсон согласился на такое благородное предприятие, а Клемансо только воскликнул: «Какой дебют для Лиги Наций!» — и тут же спросил: «А что же делать по отношению к немцам?»². 5 мая Ллойд Джордж нарисовал своим коллегам грандиозную картину возможной итальянской экспансии по обе стороны Проливов с участием Болгарии, где якобы находилось 30 тысяч итальянских солдат. Единственную возможность противостоять этому Ллойд Джордж видел в скорейшем решении вопроса о мандатах и зонах оккупации следующим образом: англичане перебросят войска с Кавказа в Болгарию, американцы оккупируют Константинополь, французы — Сирию, а греки, с позволения Антанты — Смирну. Таким образом, первоначальный план совместной военно-морской демонстрации в Смирне был ловко заменен планом греческого десанта. Ллойд Джордж торопил коллег, надеясь принять решение до скорого возвращения итальянцев в Париж. У Вильсона и Клемансо возражений не возникло³.

7 и 10 мая на совещаниях с участием Венизелоса и военных экспертов греческая экспедиция в Смирне выглядела уже делом решенным — обсуждались только детали. Больше всего «Совет

¹ DDI, Ser. 6, Vol. 3. № 132. Avezzana a Sonnino. 6/04/1919. P. 140.

² Mantoux P. Op. cit. T. 1. P. 455—456.

³ Ibid. P. 485—488.

трех» беспокоило ее сохранение в секрете от итальянцев. Клемансо молчаливо соглашался с планами Ллойд Джорджа и Венизелоса¹. Но 11 мая на совещании с Бальфуrom, Венизелосом и Вильсоном он забеспокоился и попросил отложить операцию на сутки, чтобы предупредить итальянцев, чьи представители уже вернулись в Париж. Не возражая против передачи Смирны грекам, он не хотел об этом объявлять открыто, пока не будут приняты общие решения по территориям Османской империи. Такая постановка вопроса обеспокоила Венизелоса, но Клемансо резко оборвал его, заявив, что не хочет брать на себя ответственность за неоправданный риск². Очевидно, Клемансо понял, кому будет выгодно утверждение греков в Малой Азии, и решил обусловить свое согласие скорейшим решением сирийского вопроса. В частности, именно в этот момент французы попытались значительно увеличить свой военный контингент в Сирии. 5 мая Камбон направил в Форин Оффис план переброски в Левант четырех полков французских войск (один из которых уже высадился в Бейруте) и батальона алжирских зуавов³. В личной беседе Керзон не возражал в принципе против французского плана, но отметил, что эта операция не должна заранее определять решение конференции о мандатах. Весь вопрос представлялся ему военным, а не политическим. Французские войска должны были прежде всего заменить собой Армянский легион, который показал себя «абсолютно неудовлетворительно». Он также посоветовал Франции не подавать дурной пример малым странам, которым конференция запретила подкреплять свои территориальные претензии захватом спорных территорий. Камбон возразил, что то, что позволено Италии в чисто турецких землях, должно быть позволено и Франции в Сирии⁴. Очевидно, Камбон сообщил в Париж о принципиальной готовности Керзона согласиться на замену британских войск в Сирии и Киликии, так что у Клемансо не было оснований возражать против греческого (а фактически английского) плана в отношении Смирны. 12 мая

¹ Ibid. Т. 1. P. 511—512; Т. 2. P. 33—34.

² Ibid. Т. 2. P. 39—44.

³ RS, Vol. 1. Cambon to Curzon. 5/05/1919. P. 479.

⁴ RS, Vol. 1. Curzon to Earl of Derby. 8/05/1919. P. 480—481.

Клемансо, Ллойд Джордж и Вильсон в полном согласии друг с другом буквально заставили Орландо и Соннино согласиться на акцию в Смирне, хотя те пытались настоять на высадке объединенного десанта всех стран Антанты¹.

Ллойд Джордж не присутствовал на заседании 11 мая, но, очевидно, был ознакомлен с его ходом и решил перехватить инициативу. Он резко изменил свое отношение к итальянцам и утром 13 мая предложил им мандат на Южную Анатолию². На встрече с Клемансо и Вильсоном вечером того же дня он развил целую теорию о том, какое благодатное воздействие может оказать на Южную Анатолию итальянская колонизация. По мнению Ллойда Джорджа, это сделало бы итальянцев более сговорчивыми в вопросе о Фиуме. Вильсон продолжил мысль Ллойда Джорджа и предложил, дав Италии такой мандат, передать Греции «в полную собственность» Смирну с прилегающим районом и мандат на остальной Айдынский вилайет. Тогда Ллойд Джордж высказал неожиданное предложение: если США примут мандат на Армению, предоставить Франции мандат на Северную Анатолию; если же конгресс США отвергнет мандат, «я отдам всю Анатолию Италии, а Франция получит армянский мандат»³. О Сирии не было сказано ни слова, но Клемансо не обратил на это внимания⁴. Английскому эксперту Г. Никольсону поручили составить карту раздела Малой Азии между Италией (юг), Францией (север), Грецией (запад) и США (восток и Проливы). В тот же день Ллойд Джордж предложил выслушать делегацию мусульман Индии⁵. На следующий день «тройка» собралась вокруг готовой карты и быстро договорилась о распределении мандатов в Малой Азии. Правда, для Константинополя и Армении предлагался неопределенный «мандат Лиги Наций», а вопрос об американском участии оставался открытым. После этого Ллойд Джордж сказал, что «остается лишь урегулировать сферы военной оккупации в Азии». Этот вопрос было решено передать на рассмотрение

¹ Mantoux P. Op. cit. T. 1. P. 51—52.

² Никольсон Г. Указ. соч. С. 255—256.

³ Франция никогда не выдвигала серьезных территориальных претензий ни на Северную Анатолию, ни на Армению.

⁴ Mantoux P. Op. cit. T. 2. P. 56—63.

⁵ Никольсон Г. Указ. соч. С. 256—257.

личных представителей двух премьер-министров — А. Тардые и Г. Вильсона, при этом Клемансо сказал, что его уже «обвиняют в слишком больших уступках» англичанам. Затем началось обсуждение характера будущих мандатов Италии и Франции соответственно на юге и севере Анатолии¹.

Все эти переговоры Ллойд Джордж вел единолично, без всякого согласования с другими членами британской делегации. 15 мая он уехал из Парижа «осмотреть места недавних боев», и в тот же день греческий десант высадился в Смирне. Хотя высадка сопровождалась беспорядками и столкновениями, которые привели к гибели около 300 человек, Ллойд Джордж и Венизелос были довольны. В тот момент они вряд ли отдавали себе отчет, какое огромное значение будет иметь эта десантная операция для дальнейшей судьбы всего Восточного вопроса.

Правда, самовольные действия Ллойда Джорджа вызвали возмущение других членов правительства. 16 мая появились сведения о возможной отставке Монтегю, Керзона и даже Бальфура². Бальфур был недоволен разделом Малой Азии, совершенным «тремя невеждами», Керзон — решением о Смирне, а Монтегю — судьбой Константинополя (он считал, что изгнание султана-халифа из Константинополя вызовет возмущение в мусульманском мире, в особенности среди мусульман Индии). 17 мая Ллойд Джордж вернулся из поездки, принялся «всех успокаивать»³, а затем приступил к новому акту своей дипломатической игры.

Как раз в этот момент поступили сведения о высадке итальянских войск в городе Скаланова (Кушадасы), в 100 км к югу от Смирны. Как и прежде, эта высадка не была согласована с остальными державами, хотя и была спланирована еще в апреле как ответ на возможную греческую акцию в Смирне⁴. В начале заседания 17 мая Ллойд Джордж дал волю своему гневу на итальянцев, сказав, что с ними «невозможно иметь дело», и тут же попросил Клемансо и Вильсона обратить внимание на меморандум Бальфура, считавшего «непрактичным» делить Малую Азию на

¹ Mantoux P. Op. cit. T. 2. P. 73—77.

² Никольсон Г. Указ. соч. С. 263.

³ Там же. С. 261.

⁴ DDI, Ser. 6, Vol. 3. № 316, Sonnino a Thacon di Revel. 27/04/1919; Ibid. № 501, Sonnino a Bonin Longare 15/05/1919. P. 521.

несколько мандатов. К тому же, по мнению английского премьера, такой раздел «восстановит против нас весь мусульманский мир». Поэтому он предложил все собственно турецкие земли передать под один мандат (какой именно, он не уточнил). Затем в кабинет вошел Орландо, и Клемансо тут же перевел разговор на другую тему¹. На вечернем заседании Ллойд Джордж до прихода Орландо заявил, что «итальянцы потеряли голову», а когда итальянский премьер вошел, Ллойд Джордж вместе с Клемансо принялись буквально отчитывать его за самоуправство. После невнятных объяснений Орландо был разыгран новый спектакль: в кабинет была приглашена «делегация индийских мусульман» в составе Монтегю, Ага Хана, лорда Синха (представитель Индии в Лондоне) и еще двух деятелей. Все они стали убеждать «Совет четырех» в необходимости справедливого отношения к Турции, султан которой одновременно был халифом всех мусульман. Особенно они настаивали на том, чтобы Константинополь оставался турецкой столицей. Сразу после ухода делегации Ллойд Джордж сказал, что раздел собственно турецких земель невозможен и что, вероятно, следует оставить султана в Константинополе². Таким образом, схема раздела Турции, выработанная главным образом Ллойд Джорджем 13—14 мая, была 17 мая аннулирована им самим. Но в промежутке между этими событиями греки высадились в Смирне.

На следующем заседании 19 мая в отсутствие Орландо Ллойд Джордж продолжил выражать свое раздражение поведением итальянцев. Британский премьер был теперь абсолютно убежден, что допустить итальянцев в Малую Азию — значит создать повод для беспокойства не только там, но и во всем мусульманском мире. Вильсон же заявил, что, поскольку мусульмане придают такое большое значение суверенитету турецкого государства, иностранный контроль над ним должен ограничиваться направлением советников по вопросам финансов, экономики, и, возможно, внешней политики. Президент предложил, чтобы советников туркам поставляла Франция. Ллойд Джордж фактически согласился с этим, лишь оговорив, что французские советники не

¹ Mantoux P. Op. cit. Т. 2. P. 88.

² Ibid. P. 97—104.

должны вмешиваться в управление страной. Клемансо только заметил, что условия такого рода мандата должны быть разработаны очень тщательно, а Вильсон предложил даже не употреблять слово «мандат», чтобы не связывать Францию ответственностью перед Лигой Наций. После этого Ллойд Джордж сказал, что, если Франция получит мандат на всю Анатолию, это непременно потребует пересмотра вопроса о мандатах на всей территории бывшей Османской империи¹. В тот же день состоялось заседание с участием Соннино и Венизелоса, на котором первый был вынужден оправдываться за действия Италии в Малой Азии, а второй, при поддержке Ллойд Джорджа и молчаливом согласии Клемансо, фактически получил карт-бланш на продвижение греческих войск из Смирны в глубь страны². Тогда же на квартире Ллойд Джорджа состоялось совещание британского кабинета по вопросу о Турции. Каждый из присутствовавших министров (Бальфур, Керзон, Монтегю, Милнер, Черчилль) выдвигал свой проект (правда, все были против раздела «собственно турецких» земель). Только Ллойд Джордж не раскрывал своих планов, вероятно, желая и дальше сохранять полную свободу рук³.

После этого драма в нескольких действиях, которую Ллойд Джордж разыгрывал начиная с 1 мая, приблизилась к развязке. На заседании 21 мая он произнес длинную речь, посвященную пагубным последствиям возможного раздела Анатолии между Италией и Францией. Затем он предложил мандат на всю Анатолию США. Он объяснил это тем, что их репутация в глазах мусульман (в отличие от Франции и Великобритании) еще не испорчена колониальным прошлым. Французский мандат нежелателен также потому, что он вызовет неизбежную зависть Италии, превратив Францию в единственную великую державу Средиземного моря. К тому же Франции не хватит капиталов для инвестиций в Анатолии. «Франция получит для развития своей коммерческой активности почти весь Камерун, Того, и я предлагаю предоставить ей временный (sic!) мандат на Сирию до того момента, когда мы получим отчет комиссии, согласно которому

¹ Mantoux P. Op. cit. Т. 2. P. 110—113.

² Ibid. P. 115—123; Альдрованди Марескотти. Дипломатическая война. М., 1944. С. 285—294.

³ Никольсон Г. Указ. соч. С. 263.

будет произведено окончательное распределение мандатов в Западной Азии». Ллойд Джордж предложил США мандат и на «кавказские регионы». Вильсон несколько опешил от такого «подарка» и заявил, что необходимо оставить управление Анатолией за турками. Нет ничего страшного в том, что султан будет находиться в Константинополе, мандат на который будут иметь США, а мандат на Анатолию получит другая держава. Вообще же он сомневался в целесообразности предоставления кому-либо мандата на Анатолию. Потом он вспомнил о комиссии, которая должна отправиться на Восток. Ее американские члены были давно уже назначены, а британские и французские — еще нет¹.

Только теперь Клемансо понял всю интригу Ллойд Джорджа, который сначала предложил ему Северную Анатолию, затем всю Анатолию (чего он никогда не просил), а теперь отказывал не только в этом, но и ставил под сомнение права Франции на Сирию. Клемансо дал волю своим чувствам и произнес гневную отповедь своему английскому коллеге. Его особенное возмущение вызвали результаты переговоров между Тардьё и Г. Вильсоном о зонах оккупации, на которых английский представитель предложил урезать французскую зону оккупации в Сирии так, чтобы англичане смогли провести железную дорогу из Месопотамии к Средиземному морю исключительно через свои владения (то есть реализовать тот план, о котором мы говорили выше)². Клемансо напомнил всю историю переговоров на эту тему, начиная с декабрьского разговора о Мосуле, которая в его изложении выглядела как история французских уступок и английских обманов. Клемансо приписывал это влиянию лорда Керзона, враждебно настроенного к Франции. Сам Клемансо, по его словам, выступал за союз с США и Великобританией, но отказывался делать ради этого дальнейшие уступки. Несколько цитат из диалога Клемансо с Ллойд Джорджем говорят сами за себя:

---

¹ На самом деле британские члены тоже были назначены (Д.Г. Хогарт и Г. Мак-Магон), но они не получали никаких инструкций от своего правительства.

² Г. Вильсон представил карту будущих зон оккупации, заявив, что «не имеет инструкций» для любого ее пересмотра. К сожалению, эта карта нигде не опубликована, и о ее содержании мы можем судить только по косвенным свидетельствам. Очевидно, что она содержала предложения, близкие к февральскому плану Милнера или мартговскому плану Хогарта.

«Клемансо. ... Если у нашего народа возникнет мысль, что англичане утвердили американцев в Азии, чтобы изгнать оттуда французов, это создаст такое состояние духа, которого я, со своей стороны, опасуюсь. ... Если это решение будет принято, я не стану поступать, как наши итальянские коллеги. Я не покину конференцию. Но я покину правительство. ... У меня нет намерения составлять против вас заговор вместе с итальянцами, но я не смогу помешать нашему общественному мнению присоединиться к итальянскому и обратиться против вас. Это может создать большие затруднения в мире. ... Если Азия от нас ускользнет, я не забуду из-за этого то прошлое, которое нас связывало. Я буду выполнять мой долг во имя мира во всем мире и перед моей страной. Но подумайте о том, что вы хотите нам навязать, и подумайте об этом дважды.

Ллойд Джордж. ... Если г. Клемансо и соглашался на уступки в некоторых вопросах, он делал это потому, что Англия пообещала прийти на помощь Франции, если она будет атакована¹.

Клемансо. Разве я намекал на это?

Ллойд Джордж. Британское общественное мнение готово предоставить все силы Великобритании в распоряжение Франции, если она окажется в опасности. Обвинения против нас в нарушении слова лишены всяких оснований, а такая манера говорить делает невозможной любую дискуссию».

Далее Ллойд Джордж изложил свою версию истории переговоров. Он заострил внимание на том, что Франция в отличие от США и Великобритании еще не назначила своих представителей в межсоюзную комиссию. Следовательно, именно она нарушила данное слово. Далее Ллойд Джордж перевел разговор на Анатолию, вспомнив, что Франция никогда не имела на нее притязаний и, следовательно, не может жаловаться на решения относительно нее. В Сирии же она всем обязана Великобритании, так как ее собственные усилия в войне с Турцией были ничтожны.

Вильсон выступил в качестве примирителя и посоветовал отложить принятие решения. Со своей стороны он заявил, что США смогут принять мандат только на Армению, но не на Анатолию.

---

¹ Очевидно, речь идет о Гарантийном пакте, по которому Великобритания и США обязывались оказать Франции военную помощь в случае новой германской атаки.

Он снова предположил, что именно Франция лучше всего справится с направлением советников турецкому правительству, поскольку уже имеет опыт управления Оттоманским долгом. Однако необходимо было принять решение о комиссии, чтобы ее американские члены могли отправиться либо в Сирию, либо домой. Клемансо заявил, что он «готов направить своих представителей в Сирию в тот момент, когда начнется замена британских войск на французские. Но бесполезно направлять комиссию в Сирию для проведения обследования под диктовку генерала Алленби». Ллойд Джордж фактически предъявил ультиматум: либо французы соглашаются с предложенными границами оккупационных зон, либо все переговоры на эту тему прерываются. Клемансо ответил, что он всегда готов обсуждать (sic!) границы оккупационных зон¹.

На следующий день на заседание был приглашен начальник британского Генштаба Г. Вильсон. Клемансо теперь более уверенно говорил о территориальных вопросах, отвергая английское предложение разделить пополам область друзов (Хауран), и требовал, «чтобы французские войска заняли всю Сирию», а до этих пор возражал против посылки комиссии. Тогда Ллойд Джордж сначала вспомнил, что по соглашению Сайкса—Пико внутренние районы Сирии не должны были входить в зону прямого французского контроля; затем снова сравнил военные усилия Великобритании и Франции на Востоке; заявил, что отказывается утверждать соглашение Лонга—Беранже по нефтяным вопросам²; и закончил заявлением, что «не будет ничего делать, пока не получит отчета комиссии». Клемансо лишь еще раз упрекнул Ллойда Джорджа в нарушении данного им слова и отказался принять представленную Г. Вильсоном карту, «в которой не осталось ничего от соглашения Сайкса—Пико». Завершил он свою речь так: «Я думаю, что Вы не правы. Вы можете думать, что не прав я. Есть более высокая цель, о которой мы должны помнить, — это общий интерес Антанты. Я скажу Вам откровенно, что не буду сотрудничать с Вами в этой части света, если взаимные обязательства не выполняются. Вы высказались против соглашения

¹ Mantoux P. Op. cit. T. 2. P. 131—143.

² Он заявил: «Я не хочу помогать сделкам между нефтяными трестами».

по нефти. Я знаю о нем не больше, чем Вы. Великобритания может сама решать, что ей делать. Мне больше сказать нечего». Президент Вильсон робко напомнил о комиссии, и Ллойд Джордж заявил, что не пошлет своих представителей в Сирию, если этого не сделает Франция. Он готов был согласиться с решениями американских комиссаров. До этого Франция не должна направлять войска в Сирию, и оккупационный режим останется прежним¹. Вопрос о комиссии был снова поднят Ллойд Джорджем 31 мая в связи с тревожной телеграммой Алленби, сообщавшей, что среди арабов распространяются слухи о том, что вместо комиссии в Сирию направляется огромная французская армия. Клемансо опроверг эти сведения, но своей позиции не изменил². После этого вопросы Ближнего Востока на конференции не поднимались в течение нескольких недель. В конце июня в Париже появилась делегация Высокой Порты, но об этом речь пойдет ниже.

Анализируя события апреля—мая 1919 года, можно сказать, что к этому времени Ллойд Джордж выработал собственный план действий в ближневосточном вопросе. Он преследовал две основные цели: фактическое утверждение Греции, которую он считал своей главной союзницей, на западе Малой Азии; а также сокращение будущей французской сферы влияния в Сирии таким образом, чтобы обеспечить «чисто британское» сообщение между Палестиной и Месопотамией. Этот план нигде не был четко сформулирован, но именно его в отличие от множества других проектов, появлявшихся и исчезающих в Париже с калейдоскопической быстротой, Ллойд Джордж последовательно проводил в жизнь практически в одиночку. Другие члены британского правительства могли иметь собственные планы, но премьер-министру они нужны были лишь как дополнительные аргументы в его игре. Ллойд Джордж прекрасно понимал, что его намерения встретят сопротивление Клемансо, и поэтому пустил в ход все свое дипломатическое искусство. Он добился одобрения греческой высадки в Смирне, воспользовавшись скандальным поведением Италии. В самый ответственный момент он усыпил бдительность Клемансо щедрыми посулами мандатов на поло-

¹ Mantoux P. Op. cit. T. 2. P. 158—164.

² Idid. P. 262—264.

вину или даже на всю Анатолию. Намекнув Клемансо на возможность договориться между собой по сирийскому вопросу до отправки комиссии, он затем фактически поставил его перед выбором между британской линией разграничения оккупационных зон и неизбежно неблагоприятным для Франции отчетом комиссии. Таким образом, Ллойд Джордж надеялся окончательно похоронить соглашение Сайкса—Пико. Но здесь он просчитался. Клемансо предпочел открытую конфронтацию (правда, лишь за стеной кабинета) дальнейшим уступкам.

Но Ллойд Джордж не растерялся. В наказание он аннулировал выгодное для Франции соглашение Лонга—Беранже по вопросам нефти и заявил о своей готовности решить сирийский вопрос в соответствии с мнением американских членов комиссии. Эмир Фейсал, вернувшийся в Дамаск в апреле, готов был приложить все усилия к тому, чтобы не допустить Францию в Сирию. Фактически он стал орудием Ллойда Джорджа в борьбе против Франции. Другим таким орудием был Венизелос. Если англо-французские противоречия вокруг Сирии вполне очевидны, то роль Греции в своих планах лучше всего объяснил сам Ллойд Джордж в разговоре с лордом Ридделом спустя год после описанных здесь событий: «Греки — наши друзья, и они — молодая нация. Мы хотим быть в хороших отношениях с греками и итальянцами. Нельзя абсолютно доверять французам. Кто знает, быть может, однажды они станут нашими противниками. Я провел в палате общин тридцать лет, и за это время французы часто находились на волосок от объявления нам войны»¹.

В отличие от тщательно замаскированных планов Ллойд Джорджа позиция Клемансо была предельно ясна: «Сирия любой ценой». Ради этого он готов был закрывать глаза на то, что происходит в других районах Османской империи. Как и большинство французских политиков, он считал Фейсала английским наемником, предпочитая прямое объяснение с «нанимателем». Но его единственной опорой было соглашение Сайкса—Пико, которое англичане всеми силами старались саботировать.

Несколько в тени сирийского вопроса в это время находился палестинский. Но и он давал достаточно поводов для все большего

---

¹ Riddell G. The Riddell diaries. L., 1986. P. 316.

отчуждения между союзниками по Антанте. Французы хотели так или иначе обозначить свое присутствие в этой стране, англичане же не хотели позволять им этого. Вопреки английскому противодействию в январе — феврале 1919 года в Иерусалиме собрался конгресс палестинских католиков всех обрядов, проголосовавший за присоединение Палестины к французской Сирии¹. В мае англичане без объяснения причин арестовали в Наблусе французского офицера (личного представителя Пико), когда тот вручил знаки ордена Почетного легиона семье местного нотабля, казненного во время войны турками за сочувствие к Франции². В июне англичане не допустили вовремя французский почетный караул к монастырю на горе Кармель — месту открытия восстановленного памятника наполеоновским солдатам, умершим здесь от ран и болезней в 1799 году³. Англичане шесть месяцев затягивали возобновление работы отделения банка *Credit Lyonnais* в Иерусалиме и вообще всячески препятствовали любой коммерческой деятельности французов не только в Палестине, но и на всем Ближнем Востоке⁴. Неудивительно, что французы, поглощенные борьбой против проанглийского правительства Фейсала в Дамаске, стали воспринимать деятельность сионистов в Палестине лишь как еще один антифранцузский инструмент своих союзников⁵.

Итак, к лету 1919 года территория Османской империи стала полем борьбы между Великобританией и Францией за земли, полезные ископаемые, экономическое и политическое влияние, тесно связанной с дипломатическими баталиями вокруг различных проблем Европы. И если в первой половине года основные столкновения происходили в тиши парижских кабинетов, то теперь свое слово должны были сказать сами жители многонациональной империи.

¹ Gontaut-Biron R. *Op. cit.* P. 179.

² *Ibid.* P. 182.

³ *Ibid.* P. 182—184.

⁴ *Ibid.* P. 136.

⁵ *Ibid.* P. 160—161.

2. Второй этап Парижской мирной конференции и американские комиссии (июнь—август 1919 года)

К началу лета 1919 года вопрос о будущем Германии, казалось, был решен. Некоторое время еще оставались сомнения, подпишут ли немцы договор, но, так как выбора у них не было, вероятность отказа была очень мала, и подписание договора в Версале 28 июня хоть и принесло многим облегчение, все же не было неожиданностью. Правда, договор оставлял решение некоторых проблем на более поздний срок. Неясность проблемы репараций заставляла сильно беспокоиться Францию, а вопрос о Верхней Силезии — ее ближайшую союзницу Польшу.

Шла подготовка мирных договоров с Австрией, Болгарией и Венгрией. Из всех великих держав только Италия была непосредственно заинтересована в договоре с Австрией, но подготовка этих договоров требовала значительных усилий из-за огромного числа территориальных претензий малых стран. Как уже говорилось, разрешение таких споров было для стран Антанты способом вербовки союзников в Южной и Восточной Европе. Предстояло определить границы Австрии, Венгрии, Болгарии, Греции, Югославии, Румынии, Чехословакии, Польши. Продолжался итало-югославский спор из-за Фиуме. На всех спорных территориях не прекращались всевозможные инциденты и столкновения. Выработка мирного договора с Венгрией осложнялась тем, что с марта 1919 года там существовало советское правительство, которое открыто воевало против Чехословакии и Румынии — союзников Антанты. Гражданская война в России подошла к своей кульминации, но Верховный Совет Антанты еще в марте принял решение о выводе войск из России, предпочитая полагаться на военные таланты белых генералов. Англичане решили покинуть и Закавказье, что имело непосредственное отношение к Восточному вопросу, так как требовало принятия скорейшего решения о судьбе Армении.

Первые последствия высадки в Смирне для стран Антанты

На этом фоне турецкий вопрос казался руководителям стран Антанты не самым важным, хотя уже первые тревожные известия из Смирны заставили обратить на себя внимание. Стало понятно, что греческая экспедиция, предпринятая под предлогом поддер-

жания порядка, привела к обратному результату. Уже 26 мая английскому правительству пришлось отвечать на неприятные вопросы в палате общин относительно его роли в этих событиях и их возможного воздействия на мусульманских подданных Британской империи¹. Однако в тех же парламентских дебатах вопросы Египта, Ирландии, Индии занимали гораздо больше места, чем обсуждение новостей из Турции. Все попытки некоторых депутатов начать открытые дебаты на турецкую тему успеха не имели. В Англии еще мало кто всерьез предполагал, что к уже имеющимся проблемам в колониях и в России скоро добавятся не менее серьезные проблемы в побежденной Турции.

Что же касается Франции, то после составления и подписания Версальского договора Клемансо предстояло еще у себя дома выдержать ультрашовинистическую атаку со стороны его критиков и оправдывать каждую уступку, сделанную им в Германском вопросе. Оправданием могли служить только гарантийные договоры с Англией и США, подписанные одновременно с Версальским миром. Но их вступление в силу фактически ставилось в зависимость от ратификации американским сенатом Версальского мира, что уже тогда вызывало сильные сомнения. Многие не могли простить Клемансо и уступку Мосула. Во Франции приближались президентские выборы, в которых Клемансо пожелал принять участие и объявил, что оставит пост премьер-министра в случае поражения. Ему не хотелось ввязываться во внешнеполитические авантюры, в которых не был гарантирован успех. Но, чтобы оправдать уступку Мосула, необходимо было добиться успеха в Сирии и Киликии, все еще занятых англичанами. Тот факт, что для турецких националистов удержание Киликии было непременным условием любого мирного урегулирования, его не заботил. Он, как и Ллойд Джордж, и большинство политиков в Лондоне и Париже, не придавал еще большого значения поднимавшемуся в Анатолии национальному движению.

Такая беспечность была совершенно неоправданной. Греческая оккупация Смирны и прилегающего района вызвала стихийное возмущение местного турецкого населения, которое быстро

---

¹ Great Britain. Parliament. Parliamentary debates. House of Commons. Ser. 5. Vol. 116. L., 1919. Col. 812—813.

переросло в настоящую партизанскую войну. Вскоре возник центр организованного сопротивления в глубине Анатолии, вдали от всех оккупированных территорий. Генерал Мустафа Кемаль-паша, широко известный со времен Галлиполийской кампании 1915—1916 годов, посланный султаном в Анатолию наблюдать за демобилизацией остатков турецкой армии, вместо этого занялся установлением связей с начальниками гарнизонов и местными властями, недовольными существующим положением вещей. Кроме событий в Смирне и арестов многих политиков в Константинополе особое беспокойство в Турции вызывали сведения о возможной передаче восточных вилайетов новому армянскому государству. На совещании Кемаля с турецкими генералами в городе Амасии 12 июля 1919 года было принято решение начать организованное вооруженное сопротивление иностранной интервенции на границе с Арменией (реально она примерно соответствовала русско-турецкой границе 1914 года), в Смирне и в Киликии. Началась подготовка к созыву конгресса представителей восточных вилайетов в Эрзуруме. Деятельность Кемаля имела большой успех. Ранее разрозненные турецкие «общества защиты прав», существовавшие со времени перемирия, обрели теперь единый центр, а правительство в Константинополе постепенно теряло реальную власть над страной.

Тем временем 24 июня перед «Советом четырех» выступила турецкая делегация во главе с великим визирем Дамад Ферид-пашой. Еще 6 июня Кальтроп писал в Лондон, что трудно было бы подобрать делегацию, лучше расположенную к Великобритании, чем эта. И все же его французский коллега Дефранс попытался извлечь выгоду из самого согласия Верховного Совета Антанты принять турецких представителей. В разговоре с визирем он представил это решение как результат исключительно французских усилий¹. Дамад Ферид представил в Париже меморандум с предложением сохранить Османскую империю в довоенных границах с предоставлением автономии арабским областям. В официальном ответе, написанном Бальфуrom, после описания ужасов турецкого ига для подвластных народов следовало заявить, что, «с тех пор, как Турция без малейших оснований преднамеренно

---

¹ B DFA, Ser. B. Vol. 1. № 30. Calthrope to Curzon. 6/06/1919. P. 59—61.

атаковала страны Согласия и была разбита, она возложила на победителей тяжелую обязанность определять судьбу различных групп населения (*populations*) в своей разнородной империи. Эту обязанность Совет союзных и присоединившихся держав хочет исполнить в соответствии с желаниями и постоянными интересами самих этих групп»¹. Иными словами, турок откровенно ставили в известность, что их стране придется расстаться с большей частью своих территорий, дальнейшую судьбу которых союзники определяют по своему усмотрению. Какая-либо возможность сопротивления турок такой перспективе вовсе не предусматривалась.

Европейские политики и дипломаты зачастую плохо отдавали себе отчет в том, что действительно происходит в странах, судьбу которых они решают. Они часто не видели или не хотели видеть факты, противоречившие их кабинетным построениям. Английские представители в Константинополе довольно быстро обратили внимание на новую ситуацию в Анатолии и почти сразу же потребовали от турецкого правительства отзыва Кемалья. В Лондон же первые сведения о его деятельности поступили 23 июня в донесении верховного комиссара в Константинополе адмирала Кальтропа². Форин Оффис проигнорировал эти тревожные сообщения, понадеявшись, что дело можно будет уладить на месте.

Изменение позиций Великобритании в Турции после событий в Смирне хорошо описано заместителем Кальтропа адмиралом Уэббом в письме к секретарю Форин Оффиса Р. Грэму от 28 июня 1919 года: «Вплоть до высадки в Смирне мы чувствовали себя вполне хорошо. Турки были, конечно же, несколько беспокойны, но мы постепенно удаляли плохих вали, муттешарифов³ и т. п., и я думаю, что мы могли бы хорошо продолжать в том же духе до заключения мира. Нужно было только сидеть крепко и заставлять турецкое правительство делать то, что мы желали. Но теперь положение совершенно изменилось. Греки и турки убивают друг друга массами (*are killing one another wholesale*) в Айдынском вилайете. Мустафа Кемаль действует в районе Самсуна и пока что

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 426. Meeting of Allies Supreme Council. 25/06/1919. P. 645.

² BDFA, Ser. B, Vol. 1. № 30. Calthrope to Curzon. 6/06/1919. P. 61.

³ Руководители местных администраций в Турции.

отказывается утихомириться (*to come to heel*). ... Есть один момент, который близко касается нашего престижа. Обе враждующие стороны — греки и турки — прекрасно понимают, что, когда принималось решение о Смирне и доводилось нами до сведения турецкого правительства, мы бросали яблоко раздора между двумя сторонами. ... Вы с готовностью признаете, что наши постоянные советы обеим сторонам жить в дружбе и согласии рассматриваются как довольно лицемерные в то время, когда мы делаем все возможное, чтобы создать ситуацию, которая сейчас делает их готовыми перерезать друг другу глотки и сеет вражду на неопределенное будущее»¹.

Для нормализации ситуации Кальтроп и его преемник адмирал Р. де Робек, а также их заместитель Уэбб настойчиво рекомендовали как можно скорее заключить мир с Турцией. Кальтроп предлагал определить в районе Смирны четкую линию максимального продвижения греков и их размежевания с итальянцами. Уэбб и де Робек настаивали на полном и скорейшем выводе из Малой Азии как итальянских, так и греческих войск. Они считали, что именно их присутствие стало причиной возникновения национального движения². Английские представители подчеркивали свое полное единодушие с французским коллегой Дефрансом³.

После подписания Версальского мира Ллойд Джордж и Вильсон покинули Париж. Интересы Великобритании на конференции теперь представлял Бальфур, а интересы США — несколько чиновников Государственного департамента, которые были лишь наблюдателями на встречах глав делегаций. Неудача с Фиуме стоила Орландо его поста, и новым премьер-министром стал Ф.С. Нитти. Министерство иностранных дел возглавил Т. Титтони, который и представлял интересы Италии на конференции. Французскую делегацию по-прежнему возглавлял Клемансо. Такая ситуация позволила французскому премьер-министру фактически руководить работой конференции, что он попытался использовать для некоторого реванша за сделанные ранее уступки, стараясь перехватить инициативу у англичан. Но ближневосточные

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 433. Webb to Graham. 28/06/1919. P. 655.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 486. Webb to Curzon. 17/08/1919. P. 732.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 487. Webb to Curzon. 17/08/1919. P. 733—734.

вопросы теперь поднимались на заседаниях сравнительно редко, а наиболее важные события происходили за тысячи километров от набережной Орсе — в горах и долинах Сирии и Анатолии. На эти события также накладывало свой отпечаток жесткое, но не всегда хорошо заметное англо-французское соперничество.

Наибольшего внимания заслуживает, безусловно, деятельность двух американских комиссий, посетивших регион. Первая из них — комиссия Кинга—Крейна представляла собой «Американскую секцию межсоюзнической комиссии по мандатам в Турции» — то, что осталось от комиссии, предложенной доктором Блиссом. От имени Парижской конференции она должна была определить пожелания населения Сирии и соседних с ней стран относительно будущего мандатария. Вторая — комиссия Харборда — была направлена по личному распоряжению президента Вильсона для выяснения перспектив американского мандата на Армению. Комиссия Кинга—Крейна в июне—июле объездила Палестину, Ливан, Сирию и Киликию. Комиссия Харборда в сентябре—октябре совершила путешествие из Константинополя в Киликию, оттуда в Центральную Анатолию, затем в Восточную Анатолию («Турецкую Армению»), потом в Закавказье и на обратном пути посетила причерноморские города Турции. Обе комиссии уделили большое внимание армянской проблеме, причем Киликия удостоилась посещения обеих групп. Отчеты комиссий могут служить хорошим источником как по обстановке на Ближнем Востоке и в Закавказье в 1919 году, так и по настроениям части американских политических кругов.

Ситуация в Сирии, Палестине и в Ливане. Комиссия Кинга—Крейна

Когда президент Вильсон распорядился отправить на Восток первую из названных комиссий, эмир Фейсал возлагал на нее большие надежды. Контролируя большую часть Сирии, он рассчитывал так организовать прием комиссии, чтобы убедить ее в полной поддержке своих планов местным населением. По возвращении из Европы Фейсал 30 апреля выступил на митинге в Дамаске, где объявил о решении конференции прислать комиссию, призывал сирийцев отстаивать перед ней «полную и

абсолютную» независимость своей страны и объявил о намерении созвать Всеобщий сирийский конгресс, который имел бы законное право говорить от имени народа¹. Подполковник Корнуоллис, британский представитель в Дамаске, считал, что Фейсалу не дадут пойти на сближение с французами, даже если бы он этого и захотел. Фейсал понял из донесений хиджазского представителя в Париже, что державы не допустят полной независимости Сирии и уже решили установить мандатный режим, поэтому он всячески подчеркивал свое желание принять британский мандат². Глава французской администрации в Бейруте Пико также старался обеспечить себе поддержку местного населения, но если Фейсал мог опереться на мусульманское большинство страны, то Пико мог рассчитывать только на религиозные меньшинства, главным образом на католиков-униатов.

Сирийский конгресс был созван в Дамаске в конце июня. Его членами стали арабские выборщики, избравшие некогда депутатов османского меджлиса последнего созыва. Он считал себя правомочным действовать от имени населения всех трех оккупационных зон, представители которых участвовали в его работе. Уже 2 июля конгресс выработал единую программу для вручения ее американской комиссии. Этот документ стал известен как «Дамасская программа». Согласно ей Сирия должна была стать «полностью и абсолютно независимой» федеративной конституционной монархией во главе с Фейсалом и включать всю территорию от Тавра до пустынь Аравии и от Средиземного моря до рек Евфрат и Хабур. Выражалось согласие на мандат только как на техническую и финансовую помощь, которую смогут оказать США или Великобритания, но не Франция. Также выражалось требование аннулирования всех договоров и обязательств великих держав по разделу арабских земель, в том числе Декларации Бальфура, протест против планов сионистов в отношении Палестины и вообще любых попыток отделить Палестину или Ливан от Сирии. Отвергалась статья 22 Устава Лиги Наций, в которой арабы рассматривались как недостаточно развитый для полной

¹ Луцкий В.Б. Арабский вопрос и державы-победительницы в период Парижской мирной конференции (1918—1919). // Арабские страны. История. Экономика. М., 1966.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 182, Appendix. Cornwallis to Clayton. 05/06/1919. P. 265.

независимости народ. В программе также содержалось требование независимости Месопотамии и ее таможенного союза с Сирией¹.

Отношение Великобритании к ситуации в Сирии и к приезду комиссии определялось несколькими факторами. Англичанам удалось исключить из маршрута комиссии Месопотамию, но посещение Палестины оставалось первым пунктом в ее расписании. Следовательно, в отчет комиссии могли попасть свидетельства о сильнейшем противодействии местного населения планам «еврейского национального очага», что поставило бы под сомнение способность Великобритании к мирному управлению Палестиной. В то же время англичане были заинтересованы в сохранении в Сирии дружественного правительства Фейсала. Англичане не собирались устанавливать в Сирии свой мандат, но многие офицеры на местах не могли смириться с необходимостью оставить страну, занятую английскими войсками и в военном отношении подконтрольную британскому Генеральному штабу. К тому же Фейсал рассматривал присутствие британских войск как главную гарантию против французской экспансии.

По мнению американского историка П. Хелмрейча, англичане понимали, что, хотя почти везде комиссия может встретиться с антибританскими настроениями, враждебность населения к Франции все равно будет сильнее. Англичане были убеждены, что арабы (кроме ливанцев), оказавшись перед выбором, предпочтут британский мандат французскому. Возможно, многие выскажутся за американский мандат, но Вильсон ясно отверг любую возможность активной роли США в арабском мире. Поэтому, хотя выводы комиссии могли быть несколько неблагоприятны для Великобритании, для Франции они были бы намного хуже. Поэтому в долгосрочной перспективе они могли послужить для давления на Францию с целью заключения с ней соглашения на выгодных условиях. Отсутствие подписей британских представителей под таким отчетом только прибавило бы ему убедительности².

Британское правительство пыталось лавировать и заверяло в поддержке и Францию, и арабов³. Ни те, ни другие не хотели

¹ Hurewitz J.C. (ed.). Op. cit. P. 63—64.

² Helmreich P.C. Op. cit. P. 77—78.

³ Zeine Zeine N. Op. cit. P. 95.

мириться с двойственной политикой своего союзника. Фейсал в начале июля заявлял британскому офицеру связи в Алеппо, что «Франция, как всем известно, целиком полагается на Англию и Америку в своем дальнейшем существовании, и об этом эмир прекрасно знает. Он не может понять, почему Англия так боится огорчить страну, которая, по логике вещей, должна быть готова почти на любые жертвы, чтобы избежать отчуждения Англии. В результате у эмира возникает скрытое подозрение, что арабов продают»¹.

К этому моменту, помимо простого желания извлечь наибольшую выгоду из соперничества между Францией и Фейсалом, у англичан появились новые причины для обеспокоенности событиями на Ближнем Востоке. Начиная с весны 1919 года резко обострилась обстановка в Египте, считавшемся главной британской цитаделью в регионе. Англичане были вынуждены направлять туда дополнительные войска и вместе с тем стараться умиротворить арабов некоторыми уступками. В этой ситуации большую тревогу британских властей вызывала перспектива объединения национального движения Египта, Палестины и Сирии под пан-арабистскими лозунгами. На опасность того, что Фейсал может поднять арабов как против англичан, так и против французов, если комиссия так и не приедет, Алленби указывал в письме в Форин Оффис еще 30 мая². Его главный политический советник генерал Клейтон 1 июня предупреждал Керзона, что произвольный раздел Сирии без учета доклада комиссии вызовет возмущение в стране³. Особое беспокойство высших британских офицеров вызывало подчеркнуто пренебрежительное отношение французов к приезду комиссии. Клейтон запрашивал в Лондоне позволения сделать публичное заявление, что не только британское правительство, но и Верховный Совет Антанты в целом придаст самое серьезное значение рекомендациям комиссии. Керзон переадресовал этот запрос Бальфуру, от которого получил четкий ответ, что французы скорее всего не согласятся на

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 199. Clayton to Curzon. 23/06/1919. P. 291.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 174. Allenby to Balfour. 30/05/1919. P. 256—257.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 182. Clayton to Curzon. 5/06/1919. P. 263.

такую декларацию¹. 24 июня Клейтон снова предупреждал Керзона, что из-за огромного значения, которое придается в Сирии и Палестине американской комиссии, нельзя до публикации ее отчета принимать никаких решений относительно будущей судьбы этих стран².

Итак, англичане, хотя и не испытывали восторга по поводу прибытия комиссии, смотрели на нее как на необходимую меру, которая поможет избежать всеобщего возмущения на Ближнем Востоке, а также оттянуть окончательное решение о статусе оккупированных арабских территорий. Французы не ждали от комиссии ничего хорошего и готовы были полностью проигнорировать ее выводы³. В то же время арабы, в особенности мусульмане, видели в комиссии единственную и последнюю возможность добиться самостоятельности мирным путем.

На этом фоне весьма интересны сведения об американской пропаганде в Сирии. Главную роль в ней играли американский Красный Крест и Сирийский протестантский колледж. Непосредственным инструментом была Национальная лига новой Сирии. Эти организации агитировали сирийцев добиваться полной независимости и вместе с тем «помощи» со стороны США. Главными преимуществами США перед европейскими державами выставлялись их «незаинтересованность» в ближневосточных делах и неучастие в тайных договорах⁴. Англичане не только не пытались препятствовать этой пропаганде, но и поощряли ее. Британские офицеры заявляли сирийским нотаблям, что «Англия и Франция имеют слишком много колоний, чтобы брать на себя ответственность еще и за сирийский мандат, который лучше предложить Соединенным Штатам»⁵. Вполне возможно, что многие британские офицеры и политики понимали, что идея американского мандата практически неосуществима. Несомненная польза для Великобритании от американской пропаганды

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 183. Clayton to Curzon. 8/06/1919 P. 272; Ibid. № 188. Balfour to Clayton. 16/06/1919. P. 277.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 201. Clayton to Curzon. 24/06/1919. P. 295.

³ Об этом, в частности, говорил Пико во время безуспешных переговоров с Фейсалом. См.: Khoury G. Op. cit., P., 1993. P. 239—242.

⁴ Gontaut-Biron R. Op. cit. P. 247—251.

⁵ Ibid. P. 256—257.

состояла в ослаблении и без того минимального французского влияния в стране. Есть любопытные сведения, что французы пытались отплатить англичанам той же монетой, убеждая палестинских арабов, что Франция в отличие от Великобритании не связана с сионистскими планами и потому больше подходит в качестве мандатария для Палестины¹.

Американская комиссия высадилась в палестинском порту Яффе 10 июня. Ее возглавляли доктор Генри Кинг — президент Оберлин-колледжа и специалист по теологии, педагогике и философии, а также Чарльз Крейн — чикагский фабрикант и бывший член Специальной дипломатической миссии президента Вильсона, побывавшей в 1917 году в России. По их именам комиссия вошла в историю как комиссия Кинга—Крейна. Сохранилась интересная запись высказывания Вильсона об этих людях, что они «очень хорошо подготовлены к поездке в Сирию, поскольку не знают о ней ничего»². Правда, их сопровождали пять советников, считавшихся экспертами по Ближнему Востоку и работавших ранее в составе американской делегации в Париже. Среди них следует отметить капитана Уильяма Йейла, который долгое время был представителем треста Standard Oil на Ближнем Востоке.

Комиссия начала работу с обследования Палестины. В Дамаске она впервые появилась 26 июня, потом направилась на юг, в Амман и Дераа и вернулась в Дамаск 2 июля. Затем комиссия посетила Ливан, внутренние районы Сирии и Киликию, включая такие города, как Бейрут, Бкирки, Сидон, Тир, Баабда, Триполи, Александретта, Латакия, Хомс, Хама, Алеппо, Адана, Тарсус, Мерсин. Из Мерсина комиссия 21 июля отправилась в Константинополь. Таким образом, были обследованы все четыре оккупационные зоны³. Методика работы комиссии состояла в получении как можно большего числа устных и письменных пожеланий от местного населения (главным образом от лиц, которые

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 183. Clayton to Curzon. 8/06/1919 P. 271—272 (note).

² Zeine Zeine N. Op. cit. P. 94.

³ Доклад комиссии Кинга Крейна (далее KCR — King—Crane Report) см. по адресу: <http://www.atour.com/government/un/20040205g.html>. или <http://www.hri.org/docs/king-crane>. Конфиденциальное приложение (Confidential Appendix) к докладу, предназначенное только для американцев (далее KCR CA), — по адресу: <http://www.hri.org/docs/king-crane/appendix.html>

могли говорить от имени какой-то политической, религиозной, национальной, племенной или клановой группы) относительно судьбы своей страны. Члены комиссии признавали влияние активной пропаганды и сомнительность многих петиций, но считали, что подобные проявления с разных сторон должны будут уравновесить друг друга, и, следовательно, общие выводы будут верными.

Работа комиссии проходила в обстановке крайнего политического возбуждения по всей стране. Заинтересованные стороны пытались повлиять на выводы комиссии с помощью массовой пропаганды и «административного ресурса», пытаясь предварительно контролировать и инструктировать прибывавшие для общения с комиссией делегации. Подобным образом действовали и британские, и французские, и арабские власти в своих зонах. Правда, при этом британская пропаганда не выходила за рамки южной зоны (Палестины), в то время как сторонники Фейсала активно агитировали за «Дамасскую программу» в британской и французской зонах. Британские власти им не мешали, но французы всячески старались их нейтрализовать. Сам Фейсал говорил перед комиссией, что для него одинаково приемлем британский или американский мандат, хотя комиссионеры отлично знали о его англофильстве¹.

Наибольшее давление на жителей оказывали французы. Согласно «Конфиденциальному приложению» к докладу комиссии, помимо устной и печатной пропаганды они не брезговали запугиванием, шантажом, подкупом местных лидеров, не допускали к комиссии лиц, чьи взгляды их не устраивали, произвольно заменяли нелояльных членов делегаций сторонниками Франции и даже арестовывали противников французского мандата². В свою очередь, агенты Фейсала, если верить Гонтто-Бирону, часто заставляли местных жителей подписывать чистые листы бумаги, на которых потом писался текст петиции. Английский офицер, сопровождавший комиссию в Южной оккупационной зоне, обычно давал петиционерам инструкции, прежде чем они могли предстать перед комиссией³. В арабской (Восточной) зоне, и

¹ KCR CA.

² KCR CA.

³ Gontaut-Biron R. Op. cit. P. 266—267.

в особенности в Дамаске, на петиционеров оказывалось грубое давление путем запугивания и шантажа¹. Попытка арабских и английских властей в Алеппо не допустить до комиссии делегацию местных бедуинских племен Анезе — сторонников Франции — и их арест англичанами по пути из Алеппо в Бейрут вылились в крупный скандал, сведения о котором дошли до Лондона и Парижа.

Во всех четырех зонах комиссия собрала 1863 петиции. Они касались самых разных политических проблем. 80% всех петиций требовали единства Великой Сирии и 73% — ее абсолютной независимости. 59% петиционеров хотели видеть Сирию демократическим королевством с Фейсалом во главе. Иностранного мандата требовали совсем немногие петиции: британского — 4,5%, французского — 14,5%, американского — 3%. В то же время 57% петиций было подано за американскую «помощь». В случае отказа США 55% петиционеров полагались на «помощь» Великобритании (т. н. «второй выбор»). 60% петиций содержали антифранцузские заявления². Пристрастия респондентов, разумеется, различались в зависимости от места их проживания, религиозной и этнической принадлежности. Единственной надежной опорой Франции оказалась ее давняя клиентела — католики-униаты, прежде всего марониты. Главными противниками французской экспансии были мусульмане-сунниты, которые активнее всего поддерживали Дамасскую программу. Православная община разделилась: часть ее поддержала Францию, часть — Фейсала и Великобританию. Шиитские общины друзов, алавитов и матавиллов беспокоились прежде всего о собственной автономии, причем друзья сохранили традиционные связи с Великобританией³.

Рекомендации комиссии сводились к нескольким простым положениям. Вся Сирия (в том числе Ливан и Палестина) должна

¹ Ibid. P. 273—275.

² KCR.

³ Подробнее об отношениях религиозных общин в великих державах см.: Фомин А.М. Конфессиональный фактор в политике великих держав в Сирии и Ливане в 1918—1920 годах. // Путь Востока. Материалы IV Молодежной научной конференции по проблемам философии, культуры, религии Востока. Серия «Symposium». Вып. 10. Спб., 2001.

быть передана под мандатное управление одной державы, а именно США. В случае если они не смогут принять мандат, он должен быть передан Великобритании, но ни в коем случае не Франции. Если сирийский вопрос поставит под серьезную угрозу отношения Франции с союзниками, ей можно будет предоставить мандат на Ливан (в довоенных границах), хотя это было и нежелательно. Кинг и Крейн не удержались от соблазна высказать в отчете свое мнение и о перспективах американского мандата на Армению, хотя они и не посещали ее. Красочно описав все ужасы турецкого обращения с армянами в ходе войны, авторы отчета согласились с необходимостью полного отделения Армении от Турции. Не вызвало у них сомнения и то, что это возможно лишь при помощи «сильного мандатария», то есть США. Границу будущей Армении они предполагали провести примерно по линии русско-турецкого фронта 1916—1917 годов, отвергнув, таким образом, крайние притязания армянских представителей, высказанные на Парижской конференции. Не следует, однако, думать, что отказ от «Великой Армении» был со стороны американцев актом самоограничения. В других частях отчета они привели массу самых весомых аргументов в пользу того, что США должны получить мандаты также на Константинополь и (отдельно) на оставшуюся часть Турции. В сочетании с планами относительно Сирии получалась довольно занятная картина¹.

Капитан Йейл, один из советников комиссии, составил собственный доклад. Его мнение сильно отличалось от точки зрения Кинга и Крейна. Он так характеризовал ситуацию: «Британцы хотят сохранить Палестину и были бы не прочь контролировать Сирию. Они не хотят видеть французов даже в Горном Ливане. Но, понимая, что без открытого разрыва с Францией они не смогут заставить ее отказаться от своих притязаний, они были бы рады, если бы Соединенные Штаты пришли сюда и взяли Сирию. Британцы позволяли и поощряли пропаганду младоарабов (*the Young Arabs*) в пользу объединенной Сирии (хотя это могло стоить им Палестины), чтобы создать ситуацию, которая заставила бы Соединенные Штаты принять мандат на Сирию»².

¹ KCR. См. также Hurewitz J.C. Op. cit. Vol. 2. P. 66—74.

² Цит. по Zeine Zeine N. Op. cit. P. 103.

*Армянский вопрос в поле зрения держав Антанты.
Комиссия Харборда*

Тем временем приближалось время давно уже объявленной эвакуации британских войск из Закавказья. С точки зрения чисто «империалистических» интересов эта мера не несла Великобритании ничего хорошего. Но внутривнутриполитические обстоятельства требовали спешного сокращения военных расходов и демобилизации армии. Существовало распространенное мнение, что за эвакуацией немедленно последует хаос и новая резня, теперь уже в «русской» Армении. В июле 1919 года американский полковник У. Хаскелл был назначен верховным комиссаром союзных и присоединившихся держав в «русской» Армении (в добавление к британскому главному комиссару в Закавказье Уордропу). В задачу Хаскелла входило главным образом распределение продовольственной помощи местному населению, которое доставлялось американской благотворительной организацией Near East Relief. Союзники были довольны работой Хаскелла, его очень хвалил через несколько месяцев генерал Харборд. Историки, правда, впоследствии выяснили, что Хаскелл продавал часть продовольствия, предназначенного для армянских беженцев, правительству Азербайджана¹. Но как бы то ни было, едва прибыв на место, Хаскелл начал слать в Париж тревожные телеграммы с описаниями бедствий Армении и просьбами прислать войска взамен уходящих англичан.

Первоначально планировалось, что англичан в Закавказье заменят итальянцы. В Грузию даже прибыла итальянская военная миссия. Но после смены правительства они отказались от этого намерения, заявив, что имеют в Закавказье лишь «коммерческий» интерес². В поисках решения англичане обратились к американцам. По неофициальным каналам постоянно приходили сведения об обеспокоенности американского общественного мнения судьбой армян в случае британской эвакуации. В связи с этим Бальфур 9 августа в письме к Ллойд Джорджу выдвинул идею предложить американцам заменить британские войска своими, если они действительно беспокоились об армянах. Копию письма

¹ Walker C.J. Op. cit. P. 287.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 3. № 284, Curzon to Balfour. 28/06/1919. P. 406; Ibid. № 330. Curzon to Balfour. 23/07/1919. P. 452—453.

получил лорд Керзон, который фактически руководил Форин Оффисом, пока Бальфур вел переговоры в Париже. Уже через три дня он сообщил Бальфур, что, по мнению Генерального штаба, даже небольшая задержка эвакуации в ожидании американцев невозможна (солдаты уже получили приказ о демобилизации), а по мнению американского посла Дэвиса, сенат США ни за что не согласится послать американские войска на Кавказ, так как это опережало бы еще не принятое решение о мандате на Армению. Америка вернулась к Доктрине Монро и политике неучастия в делах Старого Света. Керзон писал, что не видит подходящего решения этой проблемы, как и реального способа избежать ожидаемых бед на Кавказе. Сам он был за продолжение британского присутствия в регионе, но не нашел поддержки у кабинета¹.

18 августа Керзон напомнил Дэвису, что «жизнь Армении нельзя сохранить только долларами», для этого требуются еще и солдаты. Была ли Америка готова к этому? Дэвис не мог дать определенного ответа². На следующий день Керзон направил Дэвису письмо с оригинальным предложением: если США желали сохранения британского присутствия в Закавказье, то они, как будущий мандатарий Армении, должны взять на себя соответствующие расходы, проще говоря, оплачивать британскую операцию. Дэвис сообщил Керзону американский ответ в конце августа: США не могут выделить ни солдат для замены англичан, ни денег, чтобы они остались в Закавказье. Любая попытка заговорить об этом в сенате поставит под угрозу мирный договор с Германией, перспектива ратификации которого уже тогда вызывала сомнения³. По общему мнению британских дипломатов, США хотели, чтобы Великобритания и дальше поддерживала относительный порядок в Закавказье за свой счет, сами же они не желали делать для этого ничего.

Итак, Великобритания уходила из Армении. Италия и США отказались занять ее место. Оставалась Франция. Но в это время англо-французские отношения были сильно испорчены из-за

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 3. № 364. Balfour to Lloyd George. 9/08/1919. P. 478—479; Ibid. № 366. Curzon to Lindsay. 11/08/1919. P. 480—481; Ibid. № 367. Curzon to Balfour. 12/08/1919. P. 484.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 3. № 388. Curzon to Lindsay. 18/08/1919. P. 511—512.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 3. № 407. Curzon to Lindsay. 29/08/1919. P. 531—532; Ibid. Enclosure to № 407. Curzon to Polk. 19/08/1919. P. 532—533.

Сирии. Французам не терпелось оккупировать Сирию и Киликию, «предназначенные» им по соглашению 1916 года. Англичане всячески затягивали этот вопрос, ссылаясь на необходимость дождаться отчета комиссии Кинга—Крейна. В такой обстановке 11 августа перед конференцией встал вопрос, кто сможет послать войска в Армению. Итальянский и американский представители, а также сам Клемансо отказались это сделать¹. 25 августа Клемансо пояснил, что французов не пускали в Малую Азию англичане (намек на затяжку вопроса о Киликии). На вопрос Бальфура, пошлет ли Франция войска в Армению в случае английского согласия, Клемансо ответил, что, хотя это и не входило в его намерения, он «вынужден» изучить этот вопрос². Еще через 4 дня Клемансо сказал, что он сможет направить в Армению 12 000 человек при условии английской помощи и поддержки. Войска должны будут высадиться в Адане и Мерсине и направиться в Армению через Анатолию. Бальфур обещал всяческое содействие со стороны Великобритании³. Никто из присутствующих не обратил внимание Клемансо на то, что гораздо удобнее было высадить войска в Батуме или Трабзоне, если он действительно хотел их направить на Кавказ. Бальфур поспешил направить в Лондон несколько депеш с просьбой к различным ведомствам оказать содействие французскому плану, но британский кабинет воспринял эту идею без энтузиазма. Намерения французов были шиты белыми нитками — высадиться в Киликии и остаться там, забыв о бедствиях армян в Закавказье. Керзон указывал на это Бальфуру, но тот возражал, что Англия должна приветствовать любую попытку помочь армянам, даже если она имеет чисто эгоистические мотивы⁴. Неизвестно, чем бы кончился этот обмен мнениями, если бы не удачный для французов поворот сирийского вопроса, которому весьма способствовала крепнущая убежденность англичан, что Восточный вопрос придется решать без участия США.

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 1. № 32. Meeting in Paris. 11/08/1919. P. 389—390.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 1. № 42. Meeting in Paris. 25/08/1919. P. 508—509.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 1. № 46. Meeting in Paris. 29/08/1919. P. 569; Ibid. Appendix A. to № 46. Haskell to Clemenceau. Undated. P. 574; Ibid. Appendix B to № 46. Note de la delegation française. 08/1919. P. 574.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 499. Balfour to Curzon. 29/08/1919. P. 743—748; Ibid. № 501. Balfour to Curzon. 31/08/1919. P. 745—746; Ibid. № 502. Balfour to Curzon. 2/09/1919. P. 746—747; Ibid. № 503. Curzon to Balfour. 2/09/1919. P. 747; Ibid. № 504. Balfour to Curzon. 3/09/1919. P. 748.

Уже 20 июля Бальфур получил от президента Вильсона уведомление, что решение об участии США в распределении ближневосточных мандатов откладывается на неопределенное будущее¹. 19 августа Бальфур уже писал Керзону, что США скорее всего не примут мандатов на Ближнем Востоке². Идея ближневосточных мандатов была действительно крайне непопулярна в США, где даже Версальский договор был принят в штыки. Американские эксперты на своих совещаниях в Париже высказывались против дорогостоящих ближневосточных мандатов. Госсекретарь Лансинг заявлял, что предлагать Америке истощенную Армению все равно что предлагать ей Сахару³. Запланированная еще в начале августа военная комиссия во главе с генералом Дж. Харбордом все же отправилась в Турцию и Закавказье.

Комиссия Харборда занималась преимущественно армянскими и собственно турецкими делами. В ходе путешествия ее члены имели возможность ознакомиться с положением на месте, а также с мнениями всех заинтересованных сторон, включая руководителей трех «независимых» закавказских правительств, армянского католикоса и самого Мустафы Кемалю, с которым Харборд беседовал в Сивасе. В своем отчете Харборд еще более красноречиво, чем Кинг и Крейн, описывает турецкие преступления против армян в военное время. Он не сомневается, что резня происходила по прямому указанию из Константинополя. Тем более примечательно его следующее замечание: «На территории, не затронутой военными действиями, разрушенные деревни, несомненно, являются следствием дьявольской турецкой злобы (*Turkish deviltry*), но там, где армяне наступали и отступали вместе с русскими, их ответные жестокости, очевидно, соперничали с турецкими по своей бесчеловечности». Харборд рисует печальную картину разорения, голода и бедности, которую члены его комиссии увидели как в Закавказье, так и в Турции. Правда, он не видит явных препятствий для возвращения уцелевших армян на свою землю или прямой угрозы для их жизни. Но «вывод иностранных войск из некото-

¹ Архив внешней политики Российской империи. Фонд «Национальный архив Индии». Серия А. Сер. А. Ед. хр. 124, Л. 79 (далее — АВПРИ, Ф. НАИ).

² DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 490. Balfour to Curzon. 19/08/1919. P. 734—735.

³ FRUS PPC, Vol. 11. Meeting of Comissioners and technical experts of the American delegation. 8/07/1919. P. 283—284.

рых регионов» (то есть англичан из Закавказья), а также греческая высадка в Смирне «заметно удешевили любую христианскую жизнь в Турции». «Моральная ответственность за современные беспорядки (*unrest*) по всей Турции лежит по большей части на иностранных державах». В Закавказье к тому же самую неблагоприятную роль сыграло разделение некогда единой территории между тремя враждебными государствами. Практические рекомендации Харборда не отличаются оригинальностью: Закавказье, Армения, Турция и Константинополь нуждаются в помощи сильного мандатария (одного для всех), и Соединенные Штаты наилучшим образом подходят на эту роль. В отличие от Кинга и Крейна он предлагал не несколько мандатов в одних руках, а один мандат, разделенный на административные единицы: федеральный округ Константинополя, Румелию, Анатолию, Армению, Закавказье. К тому же Харборд не распространял своих претензий на арабские земли (наверное, потому, что не был там). Как военный специалист Харборд подсчитал, что для этого потребуются 2 усиленные американские дивизии (59 тысяч человек) с последующим сокращением до одной, а также сумма в 756 014 000 долл. в течение 5 лет. Далее он привел 14 аргументов в пользу мандата (в вильсонистском духе) и 13 аргументов против него (в изоляционистском). Но весь контекст отчета свидетельствует, что его составитель был горячим сторонником американского мандата, но не только на Армению, а на все земли от Эгейского моря до Каспия¹. Не менее очевидно и то, что позиция Харборда была прямо противоположна преобладающим настроениям политиков и общественного мнения США.

Англичане тщательно следили за работой американских комиссий. Краткое изложение основных тезисов будущего доклада Харборда легло на стол Керзона уже 20 октября, когда комиссия еще не покинула Турцию. Суть этого документа, в общем, та же, что и в пространной версии, опубликованной спустя полгода, но некоторые акценты поставлены более четко. Подчеркивалась возможность возвращения домой турецких армян, но давалась уничтожающая характеристика трем закавказским правительствам: «Все они коррумпированы и существуют только за счет того,

---

¹ James G. Harbord. Conditions in the Near East: Report of The American Military Mission to Armenia. <http://armenianhouse.org/harbord/conditions-near-east.htm>

что осталось после развала России. Все они испытывают большевистское влияние, в особенности Грузия». Также на столе у Керзона оказались отчеты о мнениях других членов американской комиссии, высказанных в разговорах с британскими офицерами и должностными лицами. Как выяснилось, на американцев большое впечатление произвел Мустафа Кемаль, и они высоко оценили его патриотизм. Ссылки Кемалья на желательность иностранной помощи они расценили как приглашение принять мандат над всей Турцией и на этом основании даже свысока обращались к англичанам, которые «стались крайне непопулярными по всему Востоку, включая Закавказье». На турок особенно неприятное впечатление произвела антитурецкая агитация британского майора Ноэля среди курдов. Генерал Мак-Кой, второй человек в комиссии Харборда, утверждал, что турки пострадали во время войны не меньше, если не больше, чем христиане¹.

Для Керзона, который теперь возглавил Форин Оффис, все эти американские откровения уже представляли лишь познавательный интерес. Он даже поиронизировал над не оправдавшимися прогнозами новой резни армян: «Палачи и жертвы общаются и братаются»². Необходимость готовить «турецкий договор» без американского участия была теперь очевидна. После отказа США от ратификации Версальского договора только безнадежный оптимист мог по-прежнему верить в их согласие на ближневосточные мандаты. Великобритания и Франция вовсе не отказались после этого от идеи отторжения «Западной Армении» от Турции. Но все разговоры на эту тему носили теперь несколько умозрительный характер, поскольку было непонятно, кто будет осуществлять такое решение.

В нашу задачу не входит анализ отчетов комиссий с точки зрения внешней политики США. Очевидно лишь, что нельзя приписывать США планы «захвата» огромных территорий на Ближнем Востоке, как это делали советские историки в 1950-х годах³.

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 549. De Robeck to Curzon. 18/10/1919. P. 816—825.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 4. Enclosure 2 to № 548. Memo by Harbord. Notes by Har- dinge and Curzon. P. 819.

³ См., напр.: Шпилькова В.И. Турецкий вопрос на Парижской мирной конференции 1919 года. // Московский педагогический институт имени Ленина. Ученые записки. Т. 109, вып. 6. М., 1957; Поцхверия Б.М. Американские комиссии в Турции в 1919 года. // Ученые записки Института Востоковедения АН СССР. Вып. 17, М., 1959.

Кинг, Крейн и Харборд, конечно, оказались в плену некоторых империалистических миражей, чему способствовал прием, оказанный им местными лидерами. Но их выводы находились в резком противоречии с политическими тенденциями внутри США, где росли изоляционистские настроения, в том числе и в сенате. Руководители комиссий не могли не знать об этом, и, очевидно, поэтому в отчете Кинга и Крейна указывалось на Великобританию как на «второй выбор».

В протоколах заседаний Парижской конференции с участием Клемансо и Бальфура нет ни одного упоминания об отчетах американских комиссий. Их просто тихо положили под сукно. Единственными практическими результатами работы комиссий стали затяжка на несколько месяцев решения вопроса о статусе арабских владений Турции и дальнейшее разжигание там антифранцузских настроений. Возможно, этого и хотели британские политики. В отношении Армении сохранялась полная неопределенность по поводу окончательного решения США.

Обострение англо-французских противоречий. Анатолия и Сирия

Мирная конференция в июле и августе 1919 года сравнительно редко обращалась к турецкому вопросу, уделяя основное внимание проблемам Центральной и Восточной Европы. Лишь постоянные раздоры между греками и итальянцами привлекали внимание к Малой Азии. Итальянцы уличали греков в неподчинении распоряжениям верховного союзного командования, а греки утверждали, что оккупированная Италией территория служит базой для турецких партизан, действующих против греков¹. 16 июля Бальфур предложил, чтобы греки и итальянцы договорились между собой об определенной демаркационной линии. 18 июля такое соглашение между Титтони и Венизелосом было достигнуто. Демаркационная линия должна была проходить в основном по долине реки Меандр (Мендерес)². В дальнейшем это соглашение переросло в секретный договор, известный как пакт

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 1. № 11. Meeting in Paris. 15/07/1919. P. 95.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 1. № 12. Meeting in Paris. 16/07/1919. P. 106—109; Ibid. № 14. Meeting in Paris. 18/07/1919. P. 130—136.

Титтони—Венизелоса от 29 июля 1919 года, где помимо турецких проблем затрагивались также и балканские¹. Бальфур предпочел заставить итальянцев договориться с греками, чем настаивать на их уходе из Малой Азии, рассчитывая, очевидно, что они выгоднее Англии в качестве союзника, а не озлобленного, хоть и слабого, соперника. Ведь если бы пришлось уступить требованиям Франции в отношении Киликии, она оказалась бы полной хозяйкой в Южной Анатолии, не имея даже такого соперника, как Италия.

Между тем из района Смирны продолжали поступать сведения о столкновениях греческих войск с турецкими партизанами. Английские представители в Константинополе были единодушны в том, что беспорядки вызваны действиями греков. Постоянно звучали предложения направить в Смирну британских офицеров, которые смогли бы на месте разобраться в ситуации. Бальфур на это отвечал, что не может этого сделать, так как подобная акция создала бы впечатление, что высадка греков в Смирне была результатом британского, а не общесоюзнического решения². Но ситуация все же требовала вмешательства конференции, хотя Венизелос неоднократно утверждал, что греческие войска ведут себя наилучшим образом, а все проблемы вызваны турецкими партизанскими бандами, уничтожающими христианское население³. 18 июля Бальфур предложил направить в Смирну межсоюзническую комиссию, состоящую из представителей Англии, Франции, США и Италии. Это предложение было поддержано другими делегатами, но Клемансо и Титтони высказались против предложения Бальфура включить в состав комиссии греческого офицера, мотивируя это тем, что Греция является заинтересованной стороной. В итоге было решено, что греческий офицер не будет присутствовать на заседаниях комиссии, но будет регулярно получать информацию о ее работе⁴. Возглавить комиссию должен был французский генерал Бюнус. Возможно, Клемансо рассчитывал ответить «комиссией на комиссию», предполагая, что отчет комиссии Бюнуса будет столь же неблагоприятен для Греции

¹ См.: Международная политика... Ч. 2. М., 1926. С. 337—339.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 449. Balfour to Calthrope, 9/08/1919. P. 669.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 1. № 28. Meeting in Paris. 5/08/1919. P. 330—333. Ibid. Appendix D to № 28. Gen. Paraskevopoulos á Veniselos (traduction). 2/08/1919. P. 334—335.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 1. № 35. Meeting in Paris. 14/08/1919. P. 413.

(а значит, и для Великобритании), как и отчет комиссии Кинга—Крейна для Франции.

Эмир Фейсал, не увидев реальных результатов деятельности американской комиссии, стал проявлять беспокойство и в середине июля заявил о своем желании немедленно выехать в Париж, угрожая в случае отказа начать военные приготовления. Это, в свою очередь, встревожило английских военных и дипломатов. Только Алленби хотел поддержать просьбу Фейсала «для противодействия французам». Но Бальфур, Керзон, Клейтон и полковник Корнуоллис были абсолютно убеждены в «несвоевременности» предполагаемого визита Фейсала в Париж. 21 июля Керзон предложил Бальфурю «оставить пока это дело и переложить на французов бремя ответственности за отказ»¹. Итак, англичане, как и французы, хотели решить сирийскую проблему за спиной Фейсала, но, не желая терять лицо, собирались переложить ответственность за столь циничное поведение на своих союзников.

С конца июля 1919 года во французской прессе началась активная антибританская кампания, связанная главным образом с сирийским вопросом. Начало ей положила статья Робера де Кэ в журнале *Bulletin d'Asie Française* от 26 июля. Де Кэ обвинял англичан в поддержке «шерифских» властей, которые раздувают антифранцузскую истерию и преследуют сторонников Франции. Английские и «шерифские» агенты в своей пропаганде среди мусульман представляют французов покровителями католиков, а среди христиан — безбожниками. Британские власти стремятся создать себе экономические преимущества, не допуская в Сирию французских коммерсантов при помощи многочисленных паспортных формальностей. Англичане направляют все силы на развитие порта в Хайфе и вместе с тем стараются изолировать Бейрут от торговых потоков. Те же обвинения были повторены вскоре влиятельной газетой *Le Temps*². Французская пресса требовала направить в Сирию французские войска взамен британских. При этом акцент делался на то, что в антифранцузских действиях виновато не английское правительство, а английские офицеры на Востоке.

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 225. Curzon to Balfour. 21/07/1919. P. 315—316.

² См. отзыв на эти статьи в письме английского посланника в Париже Дж. Грем-ма Керзону: DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 228. G. Grahame to Curzon. 26/07/1919. P. 319.

В то же самое время в Форин Оффис стали поступать ноты и заявления от французского МИД с жалобами на британскую политику в Сирии. Содержание этих жалоб практически повторяло антианглийские выпады французской прессы. 28 июля Бальфур получил такую ноту от Пишона, а 1 августа Керзон переслал Бальфуру полученное им письмо П. Камбона аналогичного содержания. Глава французского МИД и посол Республики в Лондоне помимо повторения старых обвинений также жаловались на аресты британскими властями арабов — сторонников Франции, а также вооружение ими новых «шерифских» подразделений в Хиджазе¹.

Британская реакция на эту кампанию была довольно жесткой. По поручению Керзона один из его помощников, Р. Грэм вызвал в Форин Оффис секретаря французского посольства де Флерио, который замещал отсутствовавшего Камбона. Грэм заявил ему, что Великобритания всегда поддерживала французские требования в Сирии и неоднократно отказывалась от мандата на эту страну. Если ситуация там складывалась для Франции плохо, французы должны были винить в этом только себя. Фельдмаршал Алленби противится замене французских войск британскими только для избежания возможного столкновения с арабами. Возможно, некоторые британские офицеры на месте и имели антифранцузские предубеждения, но это было не доказано. Антибританская кампания во французской прессе проводилась столь систематично, что возникали подозрения, что она инспирирована правительством Франции. Де Флерио выслушал все это спокойно и ответил, что ни Пишон, ни правительство не имеют отношения к кампании. Если в Сирии могут быть подчиненные британские агенты, которые не следуют пожеланиям и намерениям своего правительства, то в Париже тоже есть французские деятели, которые пишут статьи, не считаясь с рекомендациями руководства своей страны².

Через четыре дня британский посол в Париже Дж. Грэм был принят Пишоном и повторил ему все, что де Флерио уже выслушал

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 230. Balfour to Curzon. 28/07/1919. P. 321—322; Ibid. № 235, Balfour to Curzon. 1/08/1919. P. 327—328.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 239. Curzon to G. Grahame. 8/08/1919. P. 335—337.

в Лондоне. Пишон ответил, что «его досье полны донесениями об антифранцузской пропаганде, которую ведут англо-сирийские агенты. Он получает их почти ежедневно, и из них сформировалась внушительная масса свидетельств. Эти донесения настолько подробны и согласованы между собой, что для французского правительства совершенно невозможно им не верить». Грэм ответил, что британское командование беспокоится только о том, чтобы предотвратить всякую пропаганду, которая может привести к беспорядкам. Грэм обратил внимание Пишона на антибританскую кампанию во французской прессе, в частности на две новые статьи в *Figaro* и *Journal des Debats*. Автор последней прямо упрекал британское правительство в создании «панарабизма». Пишон ответил, что французское правительство не может контролировать прессу, которая всего лишь отражает общественное мнение. Сирийский вопрос приобрел во Франции такую важность, что если правительство будет его игнорировать, то оно будет «сметено». Поэтому если Великобритании не нравится настроение французской прессы, то она должна пойти навстречу французским требованиям в Сирии. В своем отчете Керзону Грэм писал, что Пишон искренне убежден в правдивости донесений своих агентов из Сирии и статей в прессе¹.

Итак, к концу лета 1919 года французы начали терять терпение из-за затяжки решения сирийского вопроса. Великобритания же оказалась перед жестким выбором: Фейсал или Франция. Затягивать вопрос далее было невозможно, примирить Париж и Дамаск было нереально. Французы продолжали видеть в эмире только английского агента, а сам он слышать не хотел о любом французском присутствии, продолжал настаивать на британском мандате над всей Сирией от Тавра до Аравии, совершенно игнорируя ясно выраженный отказ Лондона от такого мандата. В этой ситуации в британском руководстве наметились разногласия. Керзон, похоже, не спешил идти навстречу французам, но Бальфур был готов на это ради сохранения Антанты. Еще 26 июня, в самый разгар деятельности американской комиссии, он представил кабинету небольшой меморандум с готовой схемой распределения мандатов: Франции — Сирию, Великобритании — Месопотамию

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 243. G. Grahame to Curzon. 12/08/1919. P. 349—351.

и Палестину, США — Армению, Италии, возможно, Кавказ. Французский мандат не должен распространяться на Киликию дальше Александретты, чтобы не вызывать зависть итальянцев. Керзон согласился с основными положениями меморандума, но предложил подождать с их оглашением, пока конгресс США не определится относительно мандатов на Востоке. Сам Керзон сомневался в положительном решении¹.

После этого Бальфур запросил у экспертов Форин Оффиса подробные сведения о положении в Сирии и Киликии, а также предложения по выходу из создавшегося тупика. Ответом стали два меморандума Э. Форбс Адама от 8 и 9 августа. Первый был целиком посвящен истории вопроса². Второй начинается с заявления, что «в создавшейся ситуации ничто не может предотвратить переход мандата на Сирию к французам». Автор фактически признал, что главная суть англо-французских разногласий по Сирии заключается в территориальных спорах, которые происходили из желания англичан обеспечить кратчайшую транспортную связь между нефтеносными районами Месопотамии и средиземноморским побережьем по «чисто британской» территории, что было важно как по экономическим, так и по военно-стратегическим соображениям. Различные варианты границы, которые англичане предлагали в связи с этим, категорически не устраивали французам, что и было причиной срыва всех переговоров. Главным камнем преткновения стал оазис Тадмор. Э. Форбс Адам предложил наконец отказаться от притязаний на этот район, поскольку «было бы неразумно основывать нашу политику в этой части мира на опасности войны между Францией и Великобританией». Нефтепровод и железную дорогу от Мосула к Средиземному морю можно было проложить и по территории французского мандата, как первоначально и предполагалось в соглашении Сайкса—Пико, решив все вопросы в особом договоре с Францией. Форбс Адам предложил собственный вариант разграничительной линии между британской и французской мандатными зонами. Эта граница, по его мнению, должна была основываться на экономических, а не на стратегических соображе-

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 211. Memo by Balfour. 26/06/1919. P. 301—303.

² RS, Vol. 1. Memo by E.Q. Forbes Adam. 8/08/1919. P. 578—584.

ниях. Это означало, в первую очередь, что в пределы Палестины должна была войти часть долины реки Литани, воды которой представлялись сионистам необходимыми для ирригации будущего «национального очага». Поскольку это означало дальнейшее урезание французской зоны, Форбс Адам предложил предоставить французам «компенсацию» к востоку от реки Иордан, включив во французский мандат всю «восточную» оккупационную зону, подконтрольную Фейсалу до станции Калат эль Хаса, то есть почти до северной границы Хиджаза, которая тогда включала город Маан. Одно из преимуществ такого решения виделось автору в том, что оно поставит «всех сирийских арабов» под один мандат — французский. От французов, помимо уступок на палестинской границе, можно было требовать также признания абсолютного преобладания британских интересов на Аравийском полуострове¹. Характерно, что о «пожеланиях населения», как и о мнении эмира Фейсала, в этот раз ничего не говорилось. Р. Ванситтарт, другой эксперт Форин Оффиса, пользовавшийся репутацией франкофила, в своих комментариях одобрил идеи коллеги, но нашел и более четкую роль для Фейсала: «Нам останется только договориться с Фейсалом, связав французов достаточно крепко, чтобы он был доволен (*to suit him*), а именно тактично посредничая между ними». Ванситтарт указывал, что придется пойти на определенные уступки французам, «если мы хотим получить какой-либо шанс добиться наших арабских пожеланий (*desiderata*)». «Эти пожелания простираются гораздо дальше, чем что-либо уже обсуждавшееся с французами или что даже подозревается ими. Я придаю этому огромное значение, и необходимо признать раз и навсегда, что мы не можем получить все в обмен на ничего»².

Очевидно, аргументы коллег убедили Бальфура в правильности выбранного пути, и 11 августа он представил новый, гораздо более подробный меморандум по проблемам арабских территорий Османской империи. О ситуации вокруг Сирии Бальфур писал с впечатляющей откровенностью: «Согласно общепринятому мнению, есть только три возможных мандатария — Англия, Америка и Франция. Собираемся ли мы "руководствоваться в основном

¹ RS, Vol. 1. Memo by E.Q. Forbes Adam. 9/08/1919. P. 585—594.

² RS, Vol. 1. Minute by R. Vansittart. 9/08/1919. P. 586.

пожеланиями населения", решая, кого из них выбрать? Мы не собираемся делать ничего подобного. Англия отказалась. Америка откажется. Итак, чего бы ни пожелали жители, они непременно получат Францию. Они могут свободно выбирать, но на самом деле никакого выбора у них нет (*They may freely choose; but it is Hobson's choice¹ after all*). В этой ситуации Бальфур предлагал следующую схему: главный принцип соглашения Сайкса—Пико должен быть сохранен — французская сфера вокруг Сирии и британская сфера вокруг Евфрата и Тигра, «национальный» очаг для евреев в Палестине. Должна быть ликвидирована разница между «красной» и «синей» зонами с одной стороны, и зонами «А» и «В» — с другой. Вместо абсолютного контроля держав, предусмотренного для «цветных» зон, на всей подмандатной территории должны существовать арабские государства, подконтрольные мандатариям. В этих странах, в соответствии с Уставом Лиги Наций, не должно быть экономической монополии мандатария. Вопрос о Киликии должен решаться в зависимости от судьбы мандата на Армению и притязаний Италии по Лондонскому договору. Британская зона в Месопотамии должна включать Мосул. Вопросы о точных линиях разграничения он не касался².

Меморандум Бальфура оказал большое влияние на позицию британского правительства. В течение месяца он неизменно воспроизводился в качестве приложения ко всем документам Форин Оффиса по сирийской проблеме. Можно сказать, что с этого момента англичане стали мириться с мыслью о неизбежности передачи Франции мандата на Сирию и отказа от территориальных претензий на ее южные районы. Проблема транзита из Месопотамии к Средиземному морю теперь должна была решаться путем соглашения с Францией. Это решение, очевидно, далось нелегко. 20 августа Военный кабинет после долгих дискуссий поручил лорду Керзону лично обсудить эту проблему с Бальфуром (находившемся тогда в Париже), а военному министерству — изучить вопрос о том, в какой степени оазис Тадмор (Пальмира)

¹ Выражение «Hobson's choice» буквально означает «выбор из одного-единственного варианта».

² DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 242. Memo by Balfour. 11/08/1919. P. 340—346.

необходим для сооружения нефтепровода и железной дороги от Мосула к Средиземному морю¹.

Демобилизация армии, фактическое самоустранение США с политической арены Старого Света и необходимость сохранения Антанты заставили наконец английское руководство пересмотреть свое отношение к сирийскому вопросу. Острая конфронтация с Францией в тот момент в английские планы никак не входила. Французская инициатива по армянскому вопросу² делала еще более необходимым определение будущего Сирии и Киликии. Перед принятием неизбежного решения были даны соответствующие сигналы общественному мнению и, очевидно, самим французам. 4 сентября *The Times* поместила небольшую статью по сирийскому вопросу в очень доброжелательном и примирительном духе по отношению к Франции. «Мы готовы к тому, чтобы подготовить наше будущее положение как мандатария Месопотамии. Мы также честью обязаны (*bound in honour*) подготовить дорогу для Франции как мандатария в Сирии. Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы облегчить задачу для ее гарнизонов и ее администраторов, когда они получают контроль. Мы также должны напрячь все свои силы, чтобы способствовать, прямо или косвенно, наилучшему возможному взаимопониманию между Францией и эмиром Фейсалом, которого, очевидно, огромное большинство сирийцев хочет видеть своим государем». Скорейшее решение сирийского вопроса было необходимо, поскольку, «если к нему подходить в духе зависти и интриг, он не только окажется неразрешимым, но и разрушит более значимые вещи, чем проблемы Сирии и Палестины, сколь бы важными они ни были»³. О смысле этого намека остается только гадать. Французская пресса, однако, не платила англичанам взаимностью, и широкая кампания с обвинениями в адрес англичан в разных мелких кознях по отношению к французам в Сирии продолжалась. Особенно выделялся уже известный нам Пертинакс из *Echo de Paris*⁴.

¹ NA, Cab. 23/12. War Cabinet Meeting. 20/08/1919. P. 5—6.

² См. выше, с. 158.

³ *The Times*. September 4, 1919.

⁴ RS, Vol. 1. G. Grahame to Curzon. 5/09/1919. P. 618—621.

3. Уход англичан из Сирии и Киликии (сентябрь—ноябрь 1919 года)

Судьба Сирии решается

В сентябре Ллойд Джордж приехал во Францию для подписания Сен-Жерменского договора с Австрией. Туда же из Иерусалима прибыл фельдмаршал Алленби. 9 сентября он передал премьер-министру длинное письмо от Фейсала, которое было настоящим криком отчаяния. Эмир напоминал о помощи, оказанной англичанам арабами, поднявшими восстание против своих единоверцев — турок, и предупреждал, что раздел арабских провинций между разными мандатариями вопреки ясно выраженной воле населения вызовет всеобщее возмущение и полную потерю доверия к союзникам вообще и к Великобритании в частности. Более того, такое решение вызовет «всеобщее восстание» в мусульманском мире, что подорвет основы Британской империи. Великобритания не должна так рисковать ради того, чтобы угодить «мнению экстремистской коммерческой партии в некоторых других странах». Фейсал настаивал на своем немедленном приезде в Лондон для участия в принятии окончательного решения. По его словам, перед ним стоял выбор — гарантировать своему народу единство страны или умыть руки, оставив страну в состоянии анархии¹. Однако мнение Фейсала уже мало интересовало англичан. 9 сентября политический агент при штабе Алленби полковник Мейнерцхаген предпринял в Дамаске последнюю попытку примирить эмира с Францией, которую представлял его коллега Лафоркад. Это была попытка того самого посредничества, которое надеялись осуществить англичане. Она закончилась полным провалом. Эмир заявил Лафоркаду, что французский мандат означает для сирийцев «рабство», а Мейнерцхагена лично заверил, что подобное решение вызовет взрыв религиозного фанатизма и резню, а британское влияние на арабов просто исчезнет². Но, очевидно, к этому времени принципиальное решение о передаче Сирии и Киликии

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 278. Memo by M. Hankey. 17/09/1919. Appendix: Feisal to Lloyd George. 12/09/1919. P. 383—388.

² RS, Vol. 1. Meinertzhagen to Curzon. 11, 12/09/1919. P. 641—643.

французам было уже принято. Открытым оставался лишь вопрос о цене.

Этот вопрос решался на совещаниях импровизированного совета, включавшего, помимо самого премьер-министра, также фельдмаршала Алленби, Э. Бонар Лоу (лорда хранителя печати и спикера палаты общин), Ф. Блека (исполнительного директора компании Anglo-Persian Oil), нескольких офицеров Генерального штаба и экспертов. Совещания проходили в апартаментах Ллойд Джорджа в нормандском курортном городке Довиле (Трувиль-сюр-Мер). Важнейшее из них состоялось 11 сентября. Разговор велся с предельной откровенностью, которую Ллойд Джордж редко проявлял даже в общении с коллегами. Материалом для обсуждения служил очередной проект «англо-французской» границы на Востоке, подготовленный полковником Гриббоном. Проект оставлял в британской зоне все Тивериадское озеро, долину реки Ярмук, область Хауран и город Дераа, но дальше на восток следовал по «линии Сайкса—Пико», отдавая Тадмор французам. Главный вопрос, который волновал собравшихся, заключался в возможности транспортировки мосульской нефти к Средиземному морю по «чисто британской» территории. Прочертить соответствующую линию на карте было легко, но было очевидно, что прокладка нефтепровода и железной дороги по безводной пустыне вызвала бы большие сложности. Выяснилось, что, хотя разведывательные работы на месте уже начались, они еще не дали определенных результатов, поэтому никто не знал, возможно ли будет такое строительство. Полковник Гриббон заявил, что для этой цели необходимо будет сохранить в британской зоне город Дейр Зор, на который претендовали французы, но Алленби возразил, что он готов отказаться от этого места ради более выгодной границы в Палестине. В итоге было решено продолжить изыскания в британской зоне, но на случай отрицательного результата заранее потребовать от французов права на строительство железной дороги и нефтепровода через их зону¹. О Фейсале в ходе всего совещания даже не вспоминали. Уход британских войск из французской зоны также представлялся делом решенным.

---

¹ RS, Vol. 1. Notes of a Meeting held at Prime Minister's house. 11/09/1919. P. 632—640; DBFP, Ser. 1, Vol. 4. P. 384.

В тот же день Ллойд Джордж послал короткую телеграмму Фейсалу с приглашением прибыть в Париж (цель приезда не называлась)¹ и письмо Клемансо, в котором сообщал, что, поскольку выработка мирного договора с Турцией затягивается, Великобритания вынуждена будет вывести войска с ряда территорий Османской империи для сокращения военных расходов. Ллойд Джордж предлагал Клемансо обсудить британские предложения по этому поводу и сообщал о приглашении Фейсала в Париж, так как оба правительства обещали позволить ему присутствовать при принятии решений относительно Сирии. «Поскольку он может не успеть приехать в Париж до вторника (16 сентября — день отъезда Ллойд Джорджа в Лондон — А.Ф), то я надеюсь, что Вы не будете возражать, если он нанесет мне визит в Лондоне»². Клемансо ответил ему, что сирийский вопрос должен рассматриваться Верховным советом только вместе с другими вопросами, связанными с ликвидацией Османской империи (Константинополь, Малая Азия, Месопотамия). Клемансо напомнил о своем решении послать 12 тысяч солдат в Армению через Киликию, о согласии на это Бальфура и выражал надежду на официальное согласие Великобритании. Клемансо считал, что вопрос о замене британских войск в Сирии должен решаться между двумя правительствами без посредников (то есть без Фейсала). Поскольку он являлся чисто военным и не предreshал будущего распределения мандатов, приезд Фейсала был лишен всякого смысла³.

13 сентября Ллойд Джордж представил Клемансо «памятную записку» (*aidé-memoire*), подготовленную в ходе совещаний в Довиле. Британское правительство соглашалось на высадку французских войск в Мерсине и Александретте для помощи «армянскому народу». О том, какие именно армяне имелись в виду (килийские или кавказские), в документе не говорилось. В том же меморандуме говорилось о готовящейся немедленной эвакуации британских войск из Киликии и, начиная с 1 ноября 1919 года, из Сирии. Территорию к западу от линии, намеченной в соглашении Сайкса—Пико (Ливан и средиземноморское побережье

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 269. Lloyd George to Feisal. 11/09/1919. P. 379.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 270. Lloyd George to Clemenceau. 11/09/1919. P. 379—380.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 271. Clemenceau to Lloyd George. 11/09/1919. P. 380.

Сирии), предполагалось передать под полный контроль французских войск, а земли к востоку от нее с городами Хама, Хомс, Дамаск, Алеппо — под контроль арабских отрядов эмира Фейсала. Англичане выражали готовность в любой момент приступить к обсуждению с французами вопроса о границах, а в случае, если согласие не будет достигнуто, передать его на арбитраж президента США В. Вильсона. До определения постоянных границ британский главнокомандующий получал право выставлять сторожевые посты в соответствии с британскими пожеланиями. Французскому правительству предлагалось согласиться, что британское правительство получит право построить железную дорогу и нефтепровод из Хайфы в Месопотамию через подмандатную Франции территорию арабского государства «в соответствии с принципами соглашения Сайкса—Пико», управлять этими магистралями и быть их единственным собственником. Также было заявлено, что после эвакуации британских войск ни британское правительство, ни британский главнокомандующий не будут нести никакой ответственности за оставленные территории¹.

15 сентября состоялись переговоры Ллойд Джорджа и Клемансо. В начале дня пришло сообщение, что завтра ожидается прибытие Фейсала в Марсель. Клемансо заявил, что ему не о чем разговаривать с эмиром, и распорядился отправить его прямо в Кале, где он должен был сесть на пароход до Англии. Британский премьер несколько не возражал². Вопрос о распределении мандатов, по мнению Ллойд Джорджа, еще не мог обсуждаться из-за неясности позиции США. Можно было говорить только о военной оккупации тех или иных территорий на основе представленного им меморандума. Будущее арабских территорий должно решаться на основе обещаний, данных союзниками арабам, а также соглашения Сайкса—Пико, которое, по мнению Ллойд Джорджа, вовсе не противоречило этим обещаниям.

Клемансо ответил, что турецкую проблему необходимо рассматривать в целом и что, поскольку решение американцев по вопросу о мандатах будет скорее всего объявлено в конце сентября

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 1. Appendix B. to № 57 Aide-memoire in regard to Occupation of Syria, Palestine and Mesopotamia in regard to Mandates. 13/09/1919. P. 701; RS, Vol. 1. P. 644.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 1. № 57. Meeting in Paris. 15/09/1919. P. 685—686.

или в октябре, шесть недель ничего не изменят. Создание же Арабского государства может столкнуться с большими трудностями, на преодоление которых может потребоваться время. Клемансо готов был направить свои войска в Сирию и Киликию, если это не будет означать принятия всех предложений Ллойд Джорджа. Предложение о походе на помощь армянам было выдвинуто Францией против ее воли, с единственной целью оказать услугу Мирной конференции. Но оно не может рассматриваться как обязательство, равносильное договору. Иными словами, получив шанс оккупировать Сирию и Киликию без дополнительных обязательств, Клемансо готов был отказаться от своего плана помощи армянам, который теперь ему был более не нужен. Ллойд Джордж заверил своего французского коллегу, что оккупация Киликии и части Сирии не накладывает на Францию никаких обязательств. На этой основе было заключено «временное соглашение о военной оккупации» французами Киликии и части Сирии «в ожидании решения относительно мандатов». Оно было оформлено в виде простого протокола, где значилось, что Клемансо от имени французского правительства принимает предложение о замене британских войск французскими, но это не означает его согласия на прочие условия британского меморандума. Иными словами, соглашение не накладывало на Францию никаких обязательств, и такие важные вопросы, как строительство англичанами железной дороги и нефтепровода через Сирию, а также проведение окончательной «англо-французской» границы, оставались открытыми¹.

Развернутый официальный ответ на британскую «памятную записку» Клемансо направил британскому правительству только 10 октября. В этом ответе единственной законной основой англо-французских отношений объявлялось соглашение 1916 года, воспроизводились все старые французские аргументы по сирийскому вопросу. Еще раз повторялся тезис, что замена британских войск на французские в Киликии и прибрежной Сирии не накладывает на Францию никаких дополнительных обязательств в соответствии с «памятной запиской». По существу «записки» во французском ответе выражалась уверенность, что Великобритания и Франция вольны сами определять, какую форму арабского

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 1. № 57. Meeting in Paris. 15/09/1919. P. 690—693.

правительства они будут «поддерживать» в своих зонах, поэтому англичане не могут навязывать Франции своего «клиента» Фейсала. Границы между мандатными зонами двух держав должны были остаться такими же, как в соглашении Сайкса—Пико, с единственным исключением — передачей Мосула в британскую зону. Восточная граница Сирии должна была проходить «по бассейну реки Хабур и ее притоков». Французы соглашались на строительство британской железной дороги и нефтепровода из Месопотамии к Хайфе через свои «владения», но требовали «абсолютного равенства» в эксплуатации нефтяных месторождений Мосула¹. Все это означало, что хотя судьба сирийского мандата была уже решена, сирийский вопрос в более широком смысле слова оставался предметом переговоров. В британском Форин Оффисе практически все пункты французского документа подверглись резкой критике², а Ллойд Джордж ответил длинным посланием с изложением британской точки зрения, суть которой сводилась к необходимости достичь соглашения между Францией и Фейсалом³.

Англо-французское соглашение сентября 1919 года так и не обрело законченной формы, но при этом стало поворотным пунктом в решении сирийского вопроса и в то же время оказало глубокое воздействие на события в собственно турецких землях. Клемансо за несколько дней добился того, к чему стремился не менее полугода, — вывода британских войск из Сирии и Киликии и замены их французскими. Киликия и прибрежная Сирия наконец-то *de facto* переходили под французский контроль. Франция должна была теперь «защищать» армян не в Карсе и Карабахе, а в Александретте, Урфе и Мараше вместе с христианами Ливана и Сирии. Великобритания умывала руки во всем, что касалось этих территорий. Только теперь английские декларации о нежелании принимать сирийский мандат подкреплялись реальными действиями. Вопрос о распределении мандатов на Ближнем Востоке (но не о границах между ними) был фактически решен, хотя официально это решение было оформлено лишь полгода спустя.

---

¹ RS, Vol. 1. Reply to English memorandum of September 13, 1919, respecting Syria. 10/10/1919. P. 724—725; PB, Vol. 2. P. 305—306.

² PB, Vol. 2. Minute by G. Kidston. 17/10/1919. P. 307—308.

³ PB, Vol. 2. Lloyd George to Clemenceau. 18/10/1919. P. 312—320.

В уступчивости англичан, конечно же, сыграло роль и сильнейшее французское давление на британское правительство, выразившееся в ожесточенной кампании в прессе, в дипломатических демаршах (ноты Камбона и Пишона), в ловком маневре Клемансо с посылкой войск на Кавказ через Киликию (истинная цель такой экспедиции была очевидна). Безусловно, существовала и объективная необходимость сокращения английского военного присутствия за рубежом и продолжения демобилизации. Но главное было в другом. К сентябрю 1919 года англичане после долгих попыток играть роль «честного маклера» между Фейсалом и французами оказались перед необходимостью сделать наконец четкий выбор. И они выбрали Францию. Союз с ней был слишком важен, чтобы жертвовать им ради арабского эмира и его сторонников. Фейсал был нужен им, чтобы держать французов в напряжении, оттягивать решение важных для них вопросов, пока решаются главнейшие проблемы Европы. Пока сирийский вопрос оставался в подвешенном состоянии, на конференции были выработаны и подписаны главные договоры версальской системы — с Германией и Австрией. Увлеченность французов сирийской проблемой и деятельностью Фейсала, безусловно, ослабляла их внимание к европейской ситуации. Неопределенность положения в Сирии заставила французов быстро забыть о своих «правах» на Мосул и Палестину. Но в определенный момент Фейсал в качестве сирийского правителя оказался больше не нужен англичанам, которые готовили новые козыри для дипломатической игры с Францией. И они просто поставили его перед фактом соглашения с французами, заключенного без его участия.

Фейсал получил текст британской «памятной записки» только в Лондоне, когда англо-французские переговоры уже завершились. Получил ли он итоговый протокол переговоров, нам не известно, но и британского документа оказалось достаточно. В письме на имя Ллойд Джорджа эмир открыто выразил свое возмущение этой сделкой, совершенной за его спиной. «Временный» характер англо-французской договоренности не мог его обмануть. В очередной раз вспоминая все английские обещания, данные Хашимитской династии и арабам вообще, он требовал полной отмены этого соглашения¹. Однако и это, и многочисленные

---

¹ RS, Vol. 1. Feisal to Lloyd George. 21/09/1919. P. 645—646.

другие письма Фейсала не имели практических результатов. Фейсал оставался в Лондоне еще более месяца, вел переговоры с официальными лицами разных уровней, пытаясь спасти положение. Он то напоминал англичанам о данных в 1915 и 1918 годах обещаниях, то грозил всеобщим восстанием в случае прихода французов, то уверял в своих дружеских чувствах к Великобритании, то, наконец, предлагал созвать специальную международную конференцию по Сирии, отделив эту проблему от турецкого вопроса. Все усилия были напрасны. Он получал один ответ: англичане твердо решили покинуть Сирию. Фейсалу давали понять, что Англия более не хочет иметь с ним ничего общего, помимо вопросов, касающихся территории к востоку от Иордана в английской зоне. В остальных делах он должен будет иметь дело только с французами¹. У англичан, правда, возникла идея пригласить в Лондон генерала Гуро, нового французского верховного комиссара в Бейруте, для обсуждения ситуации с Фейсалом, но она встретила резкий отпор с французской стороны².

Во Франции решение о замене британских контингентов на французские не вызвало большого восторга. Оно воспринималось как должное. Многие журналисты, в частности Р. де Кэ, видели в сохранении «шерифского» режима в Дамаске инструмент для изоляции внутренней Сирии от французского влияния. По мнению де Кэ, Франция могла отказаться от прямого контроля над внутренними районами Сирии только при условии наличия там дружественного правительства. Режим Фейсала таковым, безусловно, не был. Следовательно, сентябрьские соглашения были нарушением соглашения Сайкса—Пико. В то же время газета *Le Temps* видела в английском решении шаг навстречу Франции и начало выполнения этого соглашения³. Впоследствии во французской прессе не раз появлялись новые антибританские выпады. Само длительное пребывание Фейсала в Лондоне вызывало во Франции беспокойство. Именно поэтому Клемансо, поняв, что лучше использовать возмож-

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 283. Hankey to Crowe. 19/09/1919. P. 396—404; Ibid. № 318. Anglo-Arab Meeting. 13/10/1919. P. 458—463, 467—469.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 319. Lloyd George to Clemenceau. 13/10/1919. P. 463; Ibid. № 467. Clemenceau to Lloyd George. 14/10/1919. P. 467.

³ См. обзор французской прессы: DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 282. G. Grahame to Curzon. 18/09/1919. P. 392—395.

ность прямого давления на эмира, чем снова предоставлять англичанам посредническую роль, согласился на прямые переговоры с Фейсалом и потребовал его приезда во Францию¹. Потеряв надежду на поддержку в Лондоне, тот приехал в Париж в конце октября.

Первые результаты соглашения

Сирийским вопросом англо-французские противоречия, разумеется, не ограничивались. К этому же времени относится любопытный эпизод, прекрасно характеризующий состояние Восточного вопроса и обстановку взаимной подозрительности и недоверия между двумя державами. В исторической литературе часто упоминается о тайном соглашении, якобы подписанном 12 сентября британскими представителями с Дамад Ферид-пашой². Согласно этому договору Англия обязалась «гарантировать территориальную целостность Турции» при условии создания независимого Курдистана, а также вооружить специальные силы, предназначенные для подавления мятежей против султана. Константинополь оставался местопребыванием халифата, а Проливы оказывались под «наблюдением» Англии. Султан же обязывался «предоставить в распоряжение Англии духовную и моральную силу халифата, чтобы поддержать авторитет Англии в Сирии (sic!), Месопотамии и на других территориях под английским влиянием». Англия также обещала поддержать требования Турции на мирной конференции.

Упомянув этот договор, большинство историков, как правило, оговариваются, что сам факт его заключения вызывает сомнения, так как он был опровергнут обеими сторонами. Французский и итальянский верховные комиссары в Константинополе получили текст этого соглашения в декабре 1919 года, а 11 февраля 1920 года французская газета *Eclair* опубликовала его. Спустя еще несколько месяцев его воспроизвел в своей откровенно антианглийской книге «Гибель нашей дорогой Франции на Востоке» известный французский писатель Пьер Лоти (он оговорился, что

¹ BDFA, Ser B, Vol. 1. № 64. Clemenceau to Lloyd George. 11/10/1919. P. 116—117.

² См. напр.: Шамсутдинов А.М. Указ. соч. С.41; Cumming H.H. Op. cit. P. 91; Howard H.W. The Partition of Turkey, a Diplomatic History, 1913—1923. Norman, Oklahoma, 1931. P. 241—245.

факт его существования был официально опровергнут¹. Иначе говоря, мы имеем полный текст соглашения, которого, возможно, и не было. Имеется точное свидетельство, что Дамад Ферид 8 сентября сделал предложение о заключении подобного договора адмиралу Уэббу, но получил отказ². Вероятнее всего, мы имеем дело с газетной «уткой», основанной на утечке непроверенной информации. Условия этого договора находятся в противоречии с позицией Керзона и Ллойд Джорджа, которые в декабре 1919 года все еще выступали за неременное изгнание турок из Константинополя. В подлинности этого документа заставляет усомниться и сама его форма. В тексте используется слово «Англия» вместо «Великобритания», что противоречит обычной официальной практике. П. Хелмрейч считает, что такая провокация могла быть организована константинопольским правительством с целью разжигания противоречий между Великобританией и Францией (ведь упоминание Сирии придает договору очевидный антифранцузский характер³). Отчасти это удалось, поскольку тот факт, что сообщение о договоре появилось именно во французских газетах (сам Кемаль узнал о нем именно из этого источника)⁴, указывает на рост протурецких (и антианглийских) настроений во Франции.

Тем временем сентябрьское соглашение по Сирии начало приводиться в исполнение. Англичане покинули Киликию, и их место стали занимать французы, что вызвало крайнее недовольство турецких националистов. 9 октября верховным комиссаром Франции в Сирии вместо Пико стал генерал А. Гуро — ревностный католик, известный своим участием в колониальных войнах в Северной Африке⁵ и прошедший школу колониального управления в Марокко под руководством Ю. Лиотэ. Его главным секретарем был назначен Робер де Кэ, главный вдохновитель недавней антибританской кампании в прессе и один из лидеров «колониальной партии»⁶. С ноября началась эвакуация Сирии, и англичане уведомили французскую сторону, что теперь на нее

¹ Loti Pierre. *La mort de notre chère France en Orient*. P., 1920. P. 153—155.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 507. Webb to Curzon. 8/09/1919. P. 753—754.

³ Helmreich P.C. *Op. cit.* P. 181—182.

⁴ Аралов С.И. *Воспоминания советского дипломата, 1922—1923*. М., 1960. С. 108.

⁵ Луцкий В.Б. *Указ. соч.* С. 31.

⁶ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 323. Earl of Derby to Curzon. 14/10/1919. P. 464.

возлагается выплата половины ежемесячной субсидии эмиру Фейсалу и его правительству (то есть 75 000 ф. ст.)¹. В соответствии с принятым в Довиле решением британские войска отводились на линию, которая соответствовала английским территориальным притязаниям. Эта линия оставляла за англичанами низовья реки Литани, долину реки Ярмук, город Дераа, область Джебель-Друз, город Дейр-Зор, то есть проходила значительно севернее линии Сайкса—Пико².

Франция, начиная с сентября, стала быстро наращивать свое военное присутствие в Сирии. Если в сентябре ее контингент составлял всего 7000 человек, то уже в октябре — 13 000, в ноябре — 17 000, в декабре — 27 000. Забегая вперед, скажем, что и в 1920 году французы продолжали присылать в Сирию новые войска. В январе там находилось уже 32 000 солдат, в марте — 40 000, в мае — 50 000³.

Уход британских войск из Сирии, Киликии и Ливана болезненно воспринимался многими британскими офицерами. Пример такого отношения можно видеть во взглядах помощника Алленби полковника Мейнерцхагена, который в последний день 1919 года писал в своем дневнике: «Политика нашего Форин Оффиса состоит в том, чтобы уступать французам во всем. В результате французское влияние в Сирии и на Ближнем Востоке получает открытое поле для роста за счет нашего быстро исчезающего превосходства в престиже и популярности. И с какой целью? Вероятно, для того, чтобы сохранить хорошие отношения с Францией. Но это может вызвать только обратный эффект в долгосрочной перспективе. Эта жалкая (*wretched*) Антанта, созданная для одной-единственной цели — войны с Германией, теперь, когда мы полностью разбили «гуннов», потеряла всякую важность, и чем скорее мы бросим ее, тем лучше. Наша дружба с Францией, или с любой латинской нацией, является ненатуральной и искусственной. Она никогда не сможет быть постоянной. ... Я думаю, что дома (в Англии — А.Ф.) люди уже начинают уставать от Франции, и спустя немного времени общественное

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 354. Curzon to Earl of Derby. 7/11/1919. P. 509.

² PB, Vol. 2. War Office to Allenby. 28/10/1919. P. 334.; Ibid. Allenby to War Office. 4/11/1919. P. 348—350.

³ Луцкий В.Б. Указ. соч. С. 30, 35.

мнение увидит ее мелочную и неискреннюю политику и ее закоренелую ненависть к нам»¹.

Рост французского военного присутствия вызывал также недовольство местного населения, и британские офицеры на месте (в частности, тот же Мейнерцхаген) постоянно посылали в Лондон предупреждения о возможности арабского восстания под панисламистскими лозунгами и даже соглашения между арабскими и турецкими националистами². Отдельные стычки между французами и арабами действительно происходили, но не превращались в широкомасштабные боевые действия. Так, зоной пограничного конфликта стала долина Бекаа, которая относилась к «синей» (чисто французской) зоне соглашения Сайкса—Пико, но после перемирия оказалась в Восточной (арабской) оккупационной зоне. Когда в ноябре французы заняли эту территорию, начались столкновения с «шерифскими» отрядами. Вопрос пришлось решать Клемансо и Фейсалу, находившемуся в Париже. В итоге долина временно стала своеобразной буферной зоной, свободной как от арабских, так и от французских войск³. Другой спор, на сей раз напрямую с англичанами, возник на северных границах Палестины. Первоначально англичане вопреки французским протестам хотели удержать за собой окрестности города Тир, входившего в «синюю» зону, чтобы таким образом иметь доступ к реке Литани. Однако в конце ноября Алленби получил указание из Лондона передать Тир французам⁴, сохранив за собой округ города Сафед (Цфат), также лежавший к северу от линии 1916 года. Генерал Гуро согласился с таким разграничением⁵.

В Анатолии уход англичан был воспринят как освобождение занятых ими территорий, и приход новых захватчиков вызвал бурю возмущения. Мустафа Кемаль направил верховным комиссарам союзников телеграмму протеста по поводу действий стран

¹ Meinertzhagen R. *Middle East Diary. 1917—1956*. L., 1956. P. 65—66.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 339. Meinerzhagen to Curzon. 21/10/1919. P. 495; Ibid. № 358. Meinerzhagen to Curzon. 10/11/1919. P. 522; Ibid. № 365. Meinerzhagen to Curzon. 17/11/1919. P. 533.

³ PB, Vol. 2. Clemenceau á Gouraud. 27/11/1919. P. 371—374.

⁴ Мотивы такой уступчивости не вполне ясны, поскольку англичане таким путем лишали себя важного козыря — фактического обладания спорной территорией, на которую они, судя по всему, сохраняли претензии.

⁵ PB, Vol. 2. Gouraud á Clemenceau. 28/11/1919. P. 375—378.

Антанты с обещанием от имени турецкой нации всеми силами бороться против этого решения. В конце октября—начале ноября де Робек получил подобного рода телеграммы из 90 городов Турции¹. Таким образом, Франция была поставлена на грань открытого конфликта с националистами. Английское же Военное министерство всячески старалось избежать подобного столкновения и, невзирая на многочисленные возражения, отдало приказ вывести английские войска из зоны, прилегающей к Анатолийской железной дороге, таким образом, фактически передав эту магистраль, которая связывала Киликию с внутренними районами страны, националистам². По свидетельству американской медсестры М.Е. Эллиотт, работавшей в это время в Мараше, вывод британских войск осуществлялся столь поспешно, что французы не могли спокойно занять их позиции. Британские офицеры в Алеппо предостерегали ее от возвращения в Мараш из деловой поездки, предвидя грядущую опасность, а сразу после прихода в Киликию французов на них начались вооруженные нападения турецких партизан. Среди французских военных ходили упорные слухи, что англичане преднамеренно вооружили турок перед уходом из Киликии³.

Турецкий национализм и его восприятие в странах Антанты

В сентябре в Сивасе завершился общетурецкий конгресс, организованный Кемаль-пашой и его сторонниками. В своей резолюции участники конгресса поклялись «всеми своими силами до последней капли крови защищать совместно свою родину от всяких вторжений и в особенности от поползновений создать на ее территории греческое или армянское государство». Границами этой «родины» объявлялась демаркационная линия мудросского перемирия (то есть фактическое положение сторон к моменту его заключения), что означало, что в ее пределы входили Киликия и Мосул. На том же конгрессе была создана политическая организация — Общество защиты прав Анатолии и Румелии,

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 367. De Robeck to Curzon. 19/11/1919. P. 535—538.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 590. De Robeck to Curzon. 13/11/1919. P. 881.

³ Elliott M.E. Beginning again in Ararat. L; Edinburgh; N.Y., 1924. P. 83—86.

призванная бороться за осуществление этих идей¹. Эта организация прервала все сношения с кабинетом Дамад Ферид-паши, считая его предателем национальных интересов, и постепенно стала превращаться в самостоятельный центр власти в Анатолии. По решению Сивасского конгресса националистами были захвачены телеграфные станции, и таким образом была прервана телеграфная связь азиатских городов с константинопольским правительством². Оно утратило контроль над азиатской частью страны и было парализовано с одной стороны ростом популярности национального движения, с другой — крайне противоречивыми распоряжениями победителей. Дамад Ферид опасался за жизнь султана и за свою собственную³. 2 октября его кабинет подал в отставку. Новый кабинет Али Риза-паши пытался усидеть на двух стульях, лавируя между националистами и странами-победительницами. Он, например, выразил готовность провести выборы в меджлис, что в планы Англии и Франции никак не входило. Новый военный министр Джемаль-паша вступил в переписку с националистами и заявил о своей солидарности с ними. Такое отношение резко контрастировало с намерением Дамад Фериды разгромить Кемалья военной силой. Кемаль выражал готовность к сотрудничеству с правительством с целью достижения полной независимости Турции. У англичан все это поначалу вызвало опасения. 3 октября де Робек писал в Лондон, что новый кабинет почти полностью состоял из сторонников «младотурок»⁴. Но уже через три дня новый министр иностранных дел сообщил ему, что турецкое правительство ждет от Великобритании «помощи и совета» и указывал на возможность договориться с Кемалем⁵. В свою очередь, генерал Мильн в донесении в Лондон подчеркивал «политический, а не революционный» характер кемалистского движения и указывал, что в подконтрольной кема-

¹ Кемаль Мустафа. Указ. соч. Т. 1. С. 414—420 (примечания).

² NA, Cab. 24/93. Gen. Milner to Churchill. 20/10/1919. P. 229—230.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 521. De Robeck to Curzon. 23/09/1919. P. 780—781; Ibid. № 529. De Robeck to Curzon. 10/09/1919. P. 785—786.

⁴ В 1919 году англичане еще не видели разницы между М. Кемаль-пашой и обанкротившейся младотурецкой верхушкой.

⁵ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. №№ 530—532. De Robeck to Curzon. 2, 3/10/1919. P. 787—794.

листам Анатолии «общественный порядок строго соблюдается», и даже британские офицеры пользуются полной свободой действий¹. Таким образом, для стран Антанты еще не был упущен шанс найти общий язык с Кемалем, но для этого пришлось бы отказаться от поддержки греков и настоять на их уходе из страны. Политические лидеры решили иначе. Не считая возможным и необходимым полный вывод греческих войск из Малой Азии, на чем настаивали верховные комиссары в Константинополе, мирная конференция поручила тому же генералу Мильну определить линию максимального продвижения греческих войск. «Линия Мильна» была представлена конференции и одобрена ею 7 октября. Она в основном совпадала с административными границами санджака Смирны и соседней с ним казы Айвали. Правда, сам Мильн считал, что продолжение военных действий неизбежно, если греки собираются оставаться в Малой Азии.

Губительные последствия затяжки решения турецкого вопроса становились между тем все более очевидными. Верховные комиссары в Константинополе настоятельно требовали скорейшего заключения мира. Главным поводом для задержки была неясность позиции США относительно предложенных им мандатов. Официальный Вашингтон хранил молчание. От английских представителей в США еще в августе стали поступать известия, что принятие Америкой мандатов представляется маловероятным. Государственный секретарь Лансинг выступал против этой идеи. Отношение лидеров республиканской оппозиции вообще не вызывало никаких сомнений. Кроме самого президента благосклонно к идее мандатов относились лишь некоторые представители торгового капитала и протестантские миссионеры². Участие США в ближневосточном урегулировании казалось тем более сомнительным, что под вопросом была даже ратификация Версальского договора, а вместе с ним и Устава Лиги Наций, которая должна была распределять мандаты. Единственного ее сильного защитника — президента Вильсона 22 сентября постиг сердечный удар. Немногие его сторонники в турецком вопросе (например, бывший посол в Константинополе Моргентав) еще надеялись

¹ NA, Cab. 24/93. Gen. Milne to Churchill. 20/10/1919. P. 229—230.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 485. Lindsay to Curzon. P. 730.

«создать волну идеализма» вокруг мандатов, но такие более реалистичные политики, как Лансинг, уже смело утверждали, что «нет никаких шансов на одобрение конгрессом мандатов на Константинополь & с». Сведения о таких настроениях регулярно направлялись в Форин Оффис британским послом в США¹. 18 октября лорд Гардинг написал на донесении о результатах работы комиссии Харборда: «Сейчас уже очевидно, что правительство США не примет мандата ни на одну страну на Ближнем Востоке. Следовательно, какая-нибудь другая схема должна быть найдена для мира с Турцией. В любом случае активность французских капиталистов приводит к выводу о важности перенесения из Парижа переговоров о мире с Турцией». Керзон добавил: «Французы хотят получить мандат на Турцию под подозрительным и опасным прикрытием международных финансов»².

Эти предположения не были лишены оснований. Французская пресса (в частности, тот же Пертинакс из *Echo de Paris*) начала кампанию в пользу решения турецкого вопроса без участия американцев. Предлагалось признать независимость Турции в составе Восточной Фракии и Анатолии под международным надзором от имени Лиги Наций. Эйр Кроу, постоянный заместитель министра иностранных дел, комментируя эту кампанию, писал Керзону: «Без сомнения, французские интересы (*the French interests*), которыми эта кампания инспирирована (и, однако, нет никаких причин предполагать, что она прямо вдохновляется французским правительством), надеются получить при таком режиме политическое и экономическое влияние, которое имели немцы перед войной. Фактически такой режим может привести не только к возрождению деятельности и влияния комитета «Единение и прогресс», но также и к чему-то вроде предвоенного международного соперничества — в особенности потому, что он подразумевает оставление Султана и его правительства в Константинополе»³. Как видим, Англия и Франция уже начали строить планы решения турецкого вопроса без участия США. Франция приступила к этому раньше Англии, что вызвало в Лондоне опасения по поводу

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 563. Grey to Curzon. 23/10/1919. P. 843.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 549. De Robeck to Curzon. 18/10/1919. P. 819.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 547. Crowe to Curzon. 13/10/1919. P. 816—817.

возможного установления французского контроля над Турцией при помощи финансовых рычагов. Поэтому, осознавая неизбежность прямых англо-французских переговоров, Форин Оффис счел нужным выждать наиболее подходящий для этого момент.

В октябре 1919 года лорд Керзон окончательно занял кресло министра иностранных дел. От Бальфура он всегда отличался большей решительностью во внешнеполитических делах. В Лондоне знали, что Клемансо в ближайшее время должен был оставить пост премьер-министра и стать либо президентом Республики, либо частным лицом. Предсказать исход французских выборов, зависевший от случайного большинства в палате депутатов, было очень сложно. Поэтому нужно было договориться хотя бы об основных условиях мира с Турцией до смены власти во Франции. Ллойд Джордж, наиболее горячий сторонник греческих притязаний в Малой Азии, был склонен разделять мнение Венизелоса о ситуации во Франции, которое тот высказал в письме к нему: «Некоторые финансовые круги во Франции покровительствуют Турции за счет Греции. Присутствие господина Клемансо во главе французского правительства — это великолепное препятствие влиянию этих групп, но г-н Клемансо уже объявил, что после выборов он оставит власть»¹.

В самой Англии задержка выработки условий мира вызывала растущее недовольство. Многие депутаты парламента были всерьез озабочены слишком большими расходами на содержание воинских контингентов. Еще в августе Ллойд Джордж, отвечая на подобные настроения, говорил, что только Великобритания может во имя блага Европы оккупировать турецкие территории до окончательного решения США. Он также сказал, что «нет ни одного вопроса, в котором Британия была бы больше заинтересована, чем в вопросе о Турции. Будущее Европы зависит от урегулирования в Турции»². В конце октября он уже не упоминал открыто США, а лишь говорил: «Мы не можем быть жандармами всего мира, но мы честно думали, что существовали другие державы, которые могли бы принять участие»³. Фраза о невозможности «быть жандармами мира» говорит о намерении Ллойд Джорджа частично переложить

¹ Duroselle J.B. Clemenceau. P. 1974. P. 778—779.

² Great Britain. Parliament. Parliamentary Debates. House of Commons. Ser. 5. Vol. 119. L., 1919. Col. 2015—2017.

³ Ibid. Vol. 120. L., 1919. Col. 977—978.

эту функцию на другие страны. В Анатолии эту роль должна была играть Греция, а затем (после занятия Киликии) и Франция.

11 ноября межсоюзная комиссия, посланная в Смирну, представила свой отчет. Согласно ему греческая оккупация, главной целью которой было поддержание порядка, была «далека от исполнения цивилизаторской миссии» и сразу же приняла «характер завоевания и крестового похода»¹. В связи с этим комиссия рекомендовала заменить греческие войска подразделениями союзников. Продолжение греческой оккупации было возможно лишь в том случае, если конференция собиралась передать оккупированные территории Греции. Тогда Греция должна была получить полную свободу рук, а союзники — забыть о принципе национальности, так как, за исключением городов Смирны и Айвали, турецкое население, безусловно, преобладало в регионе. Турецкое национальное движение, по мнению комиссии, потеряет всякий смысл после ухода греков из Малой Азии².

Обсуждение отчета комиссии превратилось в словесную дуэль между Венизелосом и главой комиссии французским генералом Бюнусом, в ходе которой Клемансо в основном поддерживал генерала, а Э. Кроу, известный своим филэллинством, почти безоговорочно поддерживал Венизелоса. Благодаря стараниям Кроу конференция так ничего и не решила. Замена греческих войск союзническими оказалась практически невозможной, так как никто не хотел выделять для этого войска. Грекам посоветовали оставаться на «линии Мильна», а там, где они ее еще не достигли, даже продвинуться вперед³. Вскоре Клемансо письменно напомнил Венизелосу о временном характере оккупации Смирны. Греческий премьер не мог скрыть своего возмущения такой постановкой вопроса. По его мнению, «оккупируя Смирну, Греция была уверена, что она имела на это если не юридическое, то по крайней мере моральное право»⁴. Но Клемансо был непреклонен.

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 2. № 17. Appendix A. Commission Interalliée sur l'occupation greque de Smyrne et des territoires adjacents. Doc. 6. Etablissement des Responsabilités. P. 256.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 2. № 17. Appendix A. Doc. 8. Conclusions présentées par la Commission. P. 258.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 2. № 18. Meeting in Paris. 10/11/1919. P. 289.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 2. Veniselos to Clemenceau. 15/11/1919. P. 352—353.

Поскольку Вензелос пользовался неограниченной поддержкой Ллойд Джорджа, можно предположить, что жесткая позиция Клемансо по отношению к авантюрам греческого премьера, резко контрастировавшая с молчаливым согласием, с которым он их воспринимал в апреле—мае, была направлена не только против самого Вензелоса, но и против его лондонского покровителя.

В то же время Франция развила активную закулисную деятельность на турецком направлении. В октябре штаб-квартиру Мустафы Кемалея в Сивасе посетили известная журналистка Берта Жорж-Голи и сотрудник французского верховного комиссариата в Стамбуле М. Пейяр¹. 12 ноября британский агент сообщал о масштабной французской пропаганде в Брусском вилайете, примыкавшем с юга к Проливам². В начале декабря в Форин Оффис стали поступать сведения, что бывший французский верховный комиссар в Сирии Пико отправился из Бейрута домой во Францию через Сивас. «Это проливает свет на сообщения, что французская политика на Ближнем Востоке сейчас состоит в том, чтобы расположить к себе арабов и турок и использовать эту комбинацию против британского влияния и интересов»³. Пико посетил Анатолию и встречался с Кемалем и его ближайшим сподвижником Али Фуад-пашой. Он говорил им, что скоро во Франции к власти придет Аристид Бриан, после чего «все изменится». По словам Пико, «как политика Бриана, так и политика французской нации заключается в том, чтобы на Среднем Востоке, на той части, где имеется турецкое большинство, возникло бы сильное и независимое турецкое государство». Новое правительство Бриана «будет полностью поддерживать турецкую национальную политику». В итоге был выработан проект соглашения, по которому Франция возвращала Киликию Турции, но брала под свое покровительство меньшинства, а также «гарантировала неделимость Турции в противовес Англии, Греции и Италии»⁴. Пико, однако, не был официально уполномочен на ведение

¹ Філіпенко Д.М. Указ. соч. С. 65—69.

² BDFA, Ser. B., Vol. 1. № 94. Report by Capitain P. Hadkinson. 12/11/1919. P. 160.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 385. Meinerzhagen to Curzon. 29/11/1919. P. 560.

⁴ Саакян Р.Г. Франко-турецкие отношения и Киликия в 1918—1923 гг. Ереван, 1986. С. 54—55.

подобных переговоров, на что указывает его «нелояльность» по отношению к действующему правительству Клемансо.

Миссия Пико не была единственным в своем роде случаем. Пастор Фру, английский агент в Константинополе и один из руководителей Общества друзей Англии, имевший большое влияние на султана, получил от редактора проанглийской газеты «Стамбул» и одновременно сотрудника турецкого Министерства юстиции следующую информацию: «С некоторого времени вожди национального движения проявляют заметную склонность к Франции, и, вызывая восстание в Ираке, они одновременно хотят принести ущерб вашему (английскому — *А.Ф.*) господству в Сирии...»¹. Нет сомнений в том, что пастор направил эту информацию в Лондон. О том, что некоторые деятели национального движения действительно симпатизировали Франции и рассчитывали сыграть на ее противоречиях с Англией, говорит письмо, направленное Кемалю генералом Махмудом. Он советует «поддерживать всегда дружеские отношения с Францией и открыть ей источники наших богатств, благодаря чему мы приобретем защитника, готового поддержать наши интересы перед лицом мирового общественного мнения всякий раз, когда это последнее обратится против нас. ... Добровольная эвакуация Аданы французами в обмен на экономические преимущества была бы хорошим способом воспрепятствовать англичанам обосноваться в Мосуле, итальянцам — в Адалии и грекам — в Смирне»².

Все это показывает, что определенные круги во Франции, стремясь найти себе союзника в Анатолии в противовес английскому сателлиту Греции, всерьез обращали внимание на кемалистов. Но намечавшееся сближение между Францией и кемалистами было похоронено событиями в Киликии. Франция, в соответствии с сентябрьским соглашением, в ноябре ввела туда свои войска, что немедленно вызвало конфликт с турецким населением (возможно, в известной степени спровоцированный уходящими англичанами). Таким образом, «киликийская ловушка» сработала на руку англичанам, предотвратив возможное сближение французов с кемалистами. Отказ американского сената от

¹ Кемаль Мустафа. Указ. соч., Т. 2. С. 111—112.

² Там же. Т. 2. С. 223.

ратификации Версальского договора (19 ноября 1919 года) окончательно развязал руки англичанам. Теперь участие США в ближневосточных делах представлялось практически невероятным, что еще раз подтвердилось 29 ноября во время беседы Ллойд Джорджа с Полком, заместителем Лансинга¹. Отказ Великобритании от гарантийного пакта, вызванный отклонением США Версальского договора, делал Францию в известном смысле заложницей британской политики в Европе. В этих условиях лорд Керзон предложил французскому послу начать немедленные переговоры о мире с Турцией², и Франция вскоре совместно с Англией приступила к выработке поистине драконовских условий мирного договора.

Во второй половине 1919 года Клемансо пытался перехватить у англичан инициативу в Восточном вопросе, воспользовавшись своим председательством на продолжавшейся Мирной конференции. Это выразилось в изменении его отношения к греческой экспедиции в Малую Азию, в идее направить французские войска на Кавказ через Киликию, а также в ожесточенной антианглийской кампании во французской прессе вокруг сирийского вопроса. Достигнув своей первоначальной цели — свободы рук в Сирии и Киликии, Франция не только заметно изменила свое отношение к греческому присутствию в Малой Азии, но и начала (пусть неофициально) проявлять интерес к набирающему силу турецкому национальному движению. Одним словом, Франция искала точку опоры в побежденной Османской империи. Эта тенденция серьезно обеспокоила англичан, которые, образно говоря, переиграли Клемансо, сначала мастерски используя в своих целях комиссию Кинга—Крейна (по сравнению с ее отчетом любые английские предложения казались большой уступкой французам), а затем используя свой уход из Киликии как ловушку для них. Таким образом, Великобритания сохранила «стратегическую инициативу» в ближневосточных делах.

* * *

С точки зрения практического решения ближневосточных проблем весь 1919 год прошел практически бесплодно. За это время не было написано ни одного параграфа будущего мирного

¹ FRUS PPC, Vol. 11. Polk to Lansing. 29/11/1919. P. 675—676.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 589. Note by Curzon. 12/11/1919. P. 878—881.

договора с Турцией, несмотря на обилие предлагавшихся вариантов и проектов. Значение этого периода в другом. В 1919 году определилось место ближневосточных проблем в общем комплексе вопросов, связанных с формированием новой системы международных отношений, а также среди приоритетов внешней политики Великобритании и Франции.

Восточный вопрос как дипломатическая проблема, казалось бы, был отчасти оттеснен в это время на второй план. Великие державы дожидались решения Америки по предложенным ей мандатам, используя это время для укрепления своих позиций в Османской империи, а также занимаясь другими важными международными проблемами — определением границ между государствами Центральной и Южной Европы и борьбой с революционным движением. Именно на 1919 год пришлась наивысшая точка революционного подъема в Европе, что при наложении на общее состояние послевоенной разрухи и многочисленные этнические конфликты, связанные с неопределенностью новых границ (в Македонии, в Верхней Силезии, в Тешене, в Галиции и т. п.), создавало картину всеобщего «европейского хаоса». 1919 год стал решающим этапом гражданской войны в России. На фоне всего этого национальное движение в Турции еще не казалось руководителям стран Антанты проблемой первостепенной важности. Летом 1919 года оно только начинало привлекать к себе внимание, вначале, правда, как партизанская война против греков. Вместе с тем, еще не выявились основные факторы, ставшие главной причиной англо-французских противоречий в послеверсальский период. Еще не встал во всей своей остроте репарационный вопрос. Борьба с революцией требовала общих усилий союзников. Одним словом, преобладали факторы, способствовавшие скорее англо-французскому сотрудничеству, а не углублению разногласий между двумя державами. Однако уже в это время обе державы-победительницы предпринимают определенные шаги к укреплению своих позиций на будущее.

Если ситуация в Анатолии пока еще мало беспокоила Париж и Лондон (хотя французы к концу года начали присматриваться к Кемалю как к возможному партнеру), то сирийский вопрос в 1919 году, безусловно, занимал первое место среди всех ближневосточных проблем. К началу мирной конференции англичане

испытывали большое искушение или вовсе выдворить французов из страны, или свести их присутствие к минимуму, ограничив некоторыми прибрежными территориями. Мысль о необходимости избавиться от соглашения Сайкса—Пико рефреном звучала в британских дипломатических документах. Вскоре, однако, выяснилось, что французы не намерены так легко сдавать своих позиций, пусть даже основанных лишь на «клочке бумаги». Тогда англичане сосредоточились на территориальном вопросе, поскольку действительно ключевое значение для них имела проблема транспортировки мосульской нефти к Средиземному морю. Комиссия Кинга—Крейна была использована ими как средство давления на французскую сторону. Большие надежды возлагались также на «посредничество» между арабами и французами. Но жесткая позиция эмира Фейсала, вообще не желавшего иметь дело с Парижем, а также французов, считавших эмира британским агентом, потребовали четкого выбора, который был сделан в пользу Франции.

В 1919 году политические решения по ближневосточным делам были очень слабо связаны с реальной ситуацией на месте. К советам людей, знакомых с обстановкой, прислушивались только тогда, когда эти советы соответствовали общей политической линии, определенной в кабинетной тиши (как произошло, например, с установлением «линии Мильна»). Аналогичная картина наблюдалась и в арабских землях. Ноябрьская декларация 1918 года громогласно объявила, что «пожелания населения» будут учитываться при решении судьбы арабских земель. Однако когда выяснилось, что население в первую очередь не желает видеть французов в Сирии, а сионистов — в Палестине, это мнение было проигнорировано, несмотря на предупреждения с мест об опасности произвольных решений.

Во Франции ближневосточные проблемы играли явно периферийную роль по отношению к германским, несмотря на все старания «колониальной партии». Клемансо легко соглашался на пересмотр многих положений соглашения Сайкса—Пико и в то же время вел упорную борьбу за каждое слово в будущем Версальском договоре. Но в вопросе о Сирии — главной цели французской экспансии — голос «колониальной партии» был достаточно силен, чтобы даже Клемансо твердо защищал французские позиции, иногда рискуя публичным разрывом с англи-

чанами. Французская политическая система делала руководство страны в сильной степени зависимым от общественного мнения, то есть от лоббистской деятельности экономически заинтересованных группировок, проводником влияния которых в значительной степени был министр иностранных дел С. Пишон. Даже Клемансо прекрасно понимал, что он сможет оставаться у власти только пока сумеет доказать общественному мнению, что он достаточно усердно и эффективно защищает интересы Франции как в германском, так и в сирийском вопросах. И на этом поприще ему удалось добиться определенных успехов — в частности, вынудить Великобританию покинуть Сирию и Киликию без всяких дополнительных условий.

Английская политическая система обеспечивала правительству большую свободу во внешней политике, чем французская, поскольку британское правительство всегда опирается на большинство в законодательном органе. Гораздо большее значение имели разногласия внутри самого кабинета. Например, в мае 1919 года практически каждый из важнейших министров имел свою программу по турецкому вопросу. Но именно эта разногласица позволила Ллойд Джорджу фактически монополизировать внешнюю политику в конце 1918 — начале 1919 года. Поэтому после отъезда Ллойд Джорджа в Лондон Клемансо, используя профранцузские настроения Бальфура, стал фактически руководить работой конференции. К осени, однако, значительно усиливается роль лорда Керзона во внешнеполитических делах, что в перспективе не раз будет приводить к определенному раздвоению английской политической линии.

Из всех проблем, связанных с нетурецкими частями Османской империи, наибольшее значение для Великобритании имел безраздельный контроль над Палестиной (по возможности расширенной), где проводником британской политики должны были стать сионисты, а также доступ к нефтяным богатствам Мосульского района, что ставило вопрос об удобных транспортных маршрутах от Мосула к Средиземному морю. Эти маршруты первоначально предполагалось проложить по чисто британской зоне (с чем связаны территориальные споры вокруг Тадмора и ряда других мест), но затем было решено достичь договоренности с французами о транзите через их подмандатную территорию.

В собственно турецких землях ключевое значение для англичан имел вопрос о контроле над Константинополем, Проливами и соседними территориями. Великобритания, однако, не могла требовать для себя исключительных прав на такой контроль. Ей нужно было найти такую форму иностранного присутствия в Турции, при которой англичане, будучи формально равными среди равных, на деле имели бы преобладающее влияние. В вопросе о форме такого иностранного присутствия в английском кабинете не было единства, но в 1919 году верх одержала точка зрения Ллойд Джорджа, считавшего, что наилучшим союзником Великобритании в западной части Малой Азии могла быть Греция. О плане, который старался реализовать Ллойд Джордж в первые месяцы конференции, уже говорилось выше. Его «греческая» часть (высадка в Смирне) с дипломатической точки зрения блестяще удалась, но именно эта высадка стала той искрой, которая разожгла тлевший огонь турецкого национализма. После того, как «сирийская» его часть (связанная с перекройкой границ) потерпела неудачу, Ллойд Джордж попытался максимально ухудшить положение Франции в Сирии, используя для этого как Фейсала, так и американскую комиссию. Делалось это для того, чтобы, образно говоря, указать французам на их место, продемонстрировав все преимущества, которые имела Великобритания. После этого соглашение от 15 сентября выглядело уже не как результат французского давления, а как английский жест доброй воли. В дальнейшем же это соглашение сработало как ловушка — французы втянулись в конфликт с турецкими националистами и их успехи на Ближнем Востоке вновь оказались зависимы от благосклонности англичан. Великобритания принудила Италию и Грецию к соглашению между собой в надежде использовать обе эти страны как противовес французскому влиянию в Анатолии, но сама необходимость пользоваться поддержкой третьих стран указывала и на слабость позиций Великобритании, которая вынуждена была экономить на военных расходах и проводить спешную демобилизацию. Ей катастрофически не хватало собственных сил, которые были задействованы повсюду — от Афганистана до Ирландии.

Глава III

ПОДГОТОВКА СЕВРСКОГО ДОГОВОРА

1. Предварительные переговоры (декабрь 1919 — январь 1920 года)

Начало консультаций. Соглашение Гринвуда—Беранже

Переговоры между Ллойд Джорджем и Клемансо по основным параметрам будущего «турецкого» договора начались 11 декабря в Лондоне. К этому моменту Франция в значительной степени была лишена свободы маневра. В Киликии она приобрела общего с Англией врага в лице турецкого национализма. В Европе позиции Франции были сильно ослаблены отказом США ратифицировать Версальский договор и произошедшим из-за этого аннулированием гарантийного пакта. Для проведения в жизнь других положений Версаля, в частности разоружения Германии, Клемансо нуждался в поддержке Англии. Но в то же время твердая позиция по Германскому вопросу после победы на парламентских выборах в ноябре 1919 года правого Национального блока стала необходимым условием выживания любого французского правительства. Германия медлила с ратификацией договора, и лондонские переговоры были изначально организованы для согласования текста ноты союзников германскому правительству по этому поводу. Но на первый план быстро вышел Восточный вопрос.

Основные предложения Клемансо сводились к следующему: сохранение султана в Константинополе для управления Турцией через него, отказ от системы мандатов в Анатолии, вывод греческих войск из Малой Азии с целью побудить итальянцев также покинуть Турцию. Осуществление этого плана сделало бы французские войска в Киликии единственной иностранной военной силой в анатолийской Турции. При сохранении султана в Константинополе контроль над его правительством осуществлялся бы главным образом с помощью финансовых рычагов, которые также в основном находились во французских руках.

Ллойд Джордж и Керзон без возражений согласились на отказ от мандатов в Анатолии. Таким образом, союзники договори-

лись о том, что судьба Анатолии будет решаться непосредственно на переговорах между странами Антанты без участия Лиги Наций. Но англичане твердо выступили за то, чтобы лишить Турцию Константинополя. По выражению Керзона, «кто контролирует Константинополь, контролирует Проливы», что особенно важно ввиду того, что будущая политика Турции станет националистической, в духе политики Мустафы Кемалю. Сохранение за турками Константинополя «приведет к неприятностям в Тунисе и Алжире, так же как и в Индии» (это было единственное упоминание о Кемале на протяжении переговоров). Ллойд Джордж добавил, что не забыл выступления индийской делегации в Париже, но, поскольку его главной целью остается спокойствие в Европе, он настаивает, чтобы она была избавлена от присутствия турок. В качестве компромисса со сторонниками халифата Ллойд Джордж предложил устроить в Константинополе нечто вроде мусульманского Ватикана, предоставив халифу небольшую резиденцию в городе (дворец Йилдыз), в то время как его основной столицей должна была стать Конья или Бруса. Сам же Константинополь вместе с зоной Проливов должен быть превращен в новое свободное государство под международным контролем.

Клемансо, бывший убежденным атеистом и антиклерикалом, заявил, что «с него хватит и одного Папы на Западе, чтобы заводить еще одного на Востоке». В остальном же он готов был согласиться с британским планом только для того, чтобы «избежать трений между союзниками», хотя он и не был убежден в его правоте. Константинополь вместе с Проливами должен был быть поставлен под контроль «межсоюзного европейского органа». Таким образом, Клемансо почти без борьбы отказался от предложения оставить султана в Константинополе. Он объяснил свою уступчивость: «При условии, что оба правительства договорятся об общей политике в Европе, вопросы Константинополя и Брусы будет решить легче. В противном случае трудности могут принять такой оборот, который может привести к ссоре между двумя странами, чего он хотел бы избежать любой ценой». Под «общей политикой в Европе» Клемансо, без сомнения, понимал в первую очередь Германский вопрос. Турецкое правительство, по мнению Клемансо, где бы оно ни находилось, должно было быть поставлено под европейский контроль, в первую очередь финансовый,

что к тому же помогло бы предупреждать акты насилия против христианского населения. На отзыве греков из Смирны Клемансо также не настаивал, а лишь предложил, чтобы им был предоставлен некий официальный статус. В конечном итоге было решено поручить выработку основных положений договора Керзону от имени Великобритании и политическому секретарю МИД Ф. Бертело от имени Франции¹.

Одновременно в Париже были возобновлены переговоры по нефтяной проблеме. Как и в начале года, Великобритании на них представлял Джон Кадмэн, а Францию — Анри Беранже. Проблема транспортной связи между Месопотамией и Средиземным морем по-прежнему оставалась важнейшей для обеспечения британских «имперских коммуникаций», но после соглашения по Сирии эти коммуникации неизбежно должны были пересекать территорию французского мандата. Поэтому англо-французское соглашение в этой области было крайне необходимо для обеих сторон. Переговоры завершились 21 декабря, когда был согласован текст нового соглашения (Гринвуда—Беранже), которое должно было заменить отмененное после «сирийской» ссоры Клемансо и Ллойд Джорджа соглашение Лонга—Беранже. Согласно новому документу, Великобритания предоставляла Франции 25% акций будущей нефтедобывающей компании. Франция же обязывалась оказать Великобритании помощь в строительстве не только двух нефтепроводов, но и двух железных дорог из Месопотамии к Средиземному морю. Кадмэн рассматривал включение в договор пункта о железных дорогах (чего не было в первом соглашении) как свой большой успех. Другое его достижение заключалось в отказе Франции от притязаний на долю в разработке персидской нефти².

После того как был принципиально решен вопрос о Сирии, в повестку дня англо-французских отношений снова вернулась палестинская проблема. Для Франции она четко разделялась на две части — будущее ее традиционного «католического протектората» и определение границ между английской и французской

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 2. № 55. Meeting in London. 11/12/1919. P. 727—735.

² Kent M. Oil and Empire. British Policy and Mesopotamian Oil. 1900—1920. N.Y., 1976. P. 150—152. Текст соглашения Гринвуда—Беранже и корреспонденцию, связанную с его подготовкой, см. в DBFP, Ser. 1, Vol. 4. P. 1111—1117.

подмандатными территориями, иными словами, между Сирией и Ливаном, с одной стороны, и Палестиной — с другой. Последний вопрос был тесно связан с отношением Франции к сионистскому движению. Французское «общественное мнение» давно беспокоилось из-за возможного ущемления «старинных прав» Франции в Палестине в условиях британского мандата и активной деятельности сионистов.

По вопросу о границе существовало три точки зрения. Французы хотели провести ее по линии соглашения Сайкса—Пико, начинавшейся севернее Акры, затем поворачивавшей на юг до Тивериадского озера и далее следовавшей по течению реки Ярмук (левый приток Иордана с устьем южнее Тивериадского озера). Сионистская «программа максимум», представленная Вейцманом на Парижской конференции, доводила северную границу Палестины почти до Сидона (Сайды), а восточную проводила так, что долина реки Ярмук (включавшая и Голанские высоты)¹, оказывалась в Палестине вместе с широкой полосой восточного берега Иордана. Англичан совершенно не устраивала «линия Сайкса—Пико», но определиться с собственными требованиями они смогли не сразу. Ллойд Джордж, чьи познания в географии были предметом многочисленных анекдотов, всякий раз повторял по этому поводу, что Палестина должна занимать свою «историческую» («библейскую») территорию — «от Дана до Беершебы»². Именно так он обозначил ее в сентябрьской «памятной записке»³. Но в начале XX века на Ближнем Востоке не было населенного пункта под названием Дан. Местонахождение древнееврейского городка с таким названием, упомянутого в Библии, точно известно не было. Приблизительно его местонахождением считали окрестности города Банияс в верховьях Иордана. Но Банияс

¹ В документах того времени название «Голанские высоты» не используется. Но так как речь часто идет именно об этой территории, мы используем данное название, поскольку оно широко известно в связи с событиями 1967 года.

² Эта «локализация» границ Палестины основана на следующем библейском тексте: «И вышли все сыны Израилевы, и собралось все общество, как один человек, от Дана до Вирсавии, и земля Галадская пред Господа в Массифу» (Суд. 20, 1). Цит. по синодальному переводу.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 1. Appendix B. to № 57. Aide-memoire in regard to Occupation of Syria, Palestine and Mesopotamia in regard to Mandates. 13/09/1919. P. 701; RS, Vol. 1. P. 644.

расположен довольно далеко от моря, и поэтому формула «от Дана до Беершебы» никак не облегчала определение границы, даже если бы французы на нее согласились. А они поначалу отказались и от этого. Клемансо в сентябре специально оговорил, что замена английских войск на французские в северной и западной оккупационных зонах вовсе не означает принятие им сопутствующих английских требований, в том числе и территориальных.

В итоге в основу британских предложений по вопросу о границах был положен меморандум, подготовленный 17 ноября полковником Р. Майнерцхагеном — главным политическим офицером Генерального штаба британских войск в Сирии и Палестине. Мейнерцхаген был горячим сторонником сионизма, поэтому его предложения основаны почти исключительно на экономических потребностях еврейского «национального очага» в плане обеспечения водой для ирригации и производства электроэнергии. «Линия Мейнерцхагена», по сути, мало отличалась от требований самих сионистов: граница должна была проходить по северному берегу реки Литани, затем вместе с рекой поворачивать на север до широты Сайды и Дамаска, затем пересекать хребет Антиливан и спускаться на юг по восточному берегу Иордана в 25—30 километрах от Хиджасской магистрали¹. Палестина должна была включать города Сафед (Цфат) и Тир (Сур) с округой, южную часть долины Бекаа, большую часть области Хауран (долина реки Ярмук, в том числе Голанские высоты) и широкую полосу к востоку от Иордана. «Линия Мейнерцхагена» проходила значительно севернее древнего Дана, но в дальнейшем именно она была использована англичанами как основа для переговоров. По сути, это был еще один пересмотр условий соглашения Сайкса—Пико в пользу Великобритании.

Согласование первого проекта договора

Переговоры между Керзоном и Бертело по турецкой проблеме происходили в Лондоне в конце декабря. Основой для дискуссии послужила нота, составленная Бертело, и письменные замечания к ней, составленные британской делегацией. Основные

---

¹ Meinerzhagen R. Middle East Diary. 1917—1956. L., 1956. P. 61—65; DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 366. Meinerzhagen to Curzon. 17/11/1919. P. 533—535.

положения французского документа состояли в следующем: на допускать принципа мандатов или сфер влияния в неарабской Турции (англичане предлагали предоставить такую сферу Италии, чтобы добиться вывода ее войск из Анатолии); международная охрана Проливов, освобождение армян, «арабского и сирийского населения» от турецкого господства (с этим англичане соглашались); контроль над Проливами со стороны Франции, Великобритании и Италии с возможным участием Греции и Румынии (англичане не исключали участия США и России, а также Германии, Болгарии и Турции, когда последние войдут в Лигу Наций); председательство в Наблюдательном совете должно принадлежать поочередно Франции и Англии (англичане добавляли еще и США); Проливы должны быть нейтрализованы, и на их берегах должно быть создано небольшое новое государство «под гарантией» великих держав (англичане соглашались с этим, но предлагали ограничить территорию нового государства в Азии Исмидским полуостровом и демилитаризовать остальной азиатский берег). Новое государство, находясь под контролем Великобритании и Франции, должно было пользоваться внутренней автономией (на это британская делегация соглашалась, внося некоторые уточнения), турецкое правительство должно было покинуть Константинополь и переехать в Конью или Брусу. В Азии должно существовать турецкое государство под строгим финансовым и политическим контролем великих держав через реформированную Администрацию Оттоманского долга (англичане высказывались за еще более полный контроль над всеми турецкими министерствами). Французы предлагали вывести греческие войска из Малой Азии и сохранить Смирну за Турцией, обязав ее уважать права греков. Это объяснялось тем, что Малая Азия представляет собой для тех же греков обширное поле деятельности. Англичане настойчиво возражали против этого, так как «Верховный Совет в определенной степени связан с продолжением греческой оккупации. В любом случае оккупация уже продолжается в течение такого периода, что эвакуация греческих войск на данной стадии не может рассматриваться в отрыве от ее возможных политических последствий не только для теперешнего греческого правительства, но и для турецкого националистического движения». Зона Смирны, по мнению англичан, должна быть либо передана Греции,

либо объявлена автономной при фактическом управлении администрации из местных греков. В последнем случае аналогичная система *mutatis mutandis* должна быть установлена в Адрианополе, переходящем под власть Греции¹. Англичане и французы соглашались с тем, что права меньшинств должны быть защищены особым соглашением. В вопросе о границах единой Армении между союзниками не было единодушия. Французы предлагали не включать в ее пределы Эрзурум и Трабзон, но присоединить к ней все спорные территории с Азербайджаном (Нагорный Карабах и Зангезур). С последними пунктами англичане соглашались, но настаивали на включение Эрзурума в армянское государство по стратегическим соображениям. Выход к морю для Армении они предлагали обеспечить, создав в Батуме некое новое свободное государство².

На трех заседаниях 22 и 23 декабря Керзон и Бертело составили предварительные условия мира с Турцией, причем во всех спорных вопросах Бертело без долгих колебаний соглашался с британской точкой зрения. На территории бывшей Османской империи помимо подмандатных арабских государств должны были возникнуть: новое государство в Константинополе и Проливах, управляемое великими державами; автономная греческая зона в Смирне; независимое армянское государство, включавшее Эрзурум; и, наконец, небольшое турецкое государство в Азии, подконтрольное великим державам. Керзон, однако, возражал против предложения Бертело осуществлять этот контроль через финансовую комиссию, в ведении которой должен был находиться весь турецкий бюджет. Вопрос о Курдистане был отложен до разрешения проблем, связанных с арабскими странами и Мосулом³. Характерно, что, когда возник вопрос о том, кто же заставит турок принять подобные условия, Бертело заявил, что турецкое национальное движение во главе с Кемалем — не что иное, как «блеф», и что простой демонстрации силы будет достаточно, чтобы доказать это. Керзон не разделял его оптимизма, но счел,

¹ Эта схема «Смирна—Адрианополь» была излюбленной идеей Керзона. В дальнейшем он многократно выдвигал ее вплоть до 1922 года.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 631. Meeting in London. 22/12/1919. P. 942—956.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № № 631, 632, 633. Meetings in London. 22—23/12/1919. P. 938—969.

что заставить турок принять мир вполне возможно при условии единства союзников между собой¹.

На заседании 23 декабря обсуждался вопрос о границах английских и французских подмандатных владений. Англичане требовали низовья рек Литани и Ярмук, французы не хотели отступать от «линии Сайкса—Пико». Англичане вслед за сионистами настаивали на необходимости использования для нужд Палестины водных ресурсов названных рек, на стороне французов были юридические аргументы — соглашение 1916 года. «Линия Мейнерцхагена» была представлена англичанами как «более или менее идеальная с экономической и сионистской точки зрения», но в виде уступки был предложен компромиссный вариант — почти та же линия, но проходящая по течению, а не по правому берегу Литани и слегка сокращенная на северо-востоке (теперь она проходила к югу от города Хасбейя). Французов и это не устроило. Англичане предлагали передать вопрос на арбитраж президента США В.Вильсона, но французы и здесь отказали. Выявились фундаментальное расхождение в британском и французском отношении к сионизму: Бертело соглашался снабжать сирийской и ливанской водой только уже существующие еврейские поселения, а Керзон говорил о будущей широкой еврейской иммиграции. Обсуждение пограничного вопроса было отложено до конференции глав правительств².

Одновременно в Париже шли и другие переговоры — между эмиром Фейсалом и французским МИД, который представлял тот же Бертело. Эмиру приходилось шаг за шагом сдавать свои позиции и соглашаться на французские условия, поскольку единственной альтернативой была война с Францией без всякой внешней поддержки. Однако, по признанию самого Клемансо, соглашение с эмиром было важно и для Франции, даже если бы оно не соблюдалось. Только такой документ мог дать Франции формальные основания для силового вмешательства во внутренних районах Сирии, прежде всего в Дамаске³. В результате переговоров

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 632. Meeting in London. 22/12/1919. P. 965.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 4. №№ 404, 405. Meetings in London. 22—23/12/1919. P. 597—602.

³ PB, Vol. 2. Clemenceau á Gouraud. 30/12/1919. P. 379—380.

было выработано предварительное соглашение об основах отношений Франции и Сирии в рамках мандата, подписи под которым Фейсал и Клемансо поставили 6 января 1920 года.

По этому соглашению Франция признавала право «жителей, говорящих на арабском языке, проживающих на сирийской территории», на самоуправление в качестве «независимой нации» и гарантировала независимость Сирии от внешней агрессии. Взамен сирийское правительство обещало обращаться только к Франции за советниками, инструкторами и техническими специалистами. При этом финансовый советник должен был участвовать в составлении бюджета и управлять сирийской долей Оттоманского долга, а советник по общественным работам — управлять железными дорогами страны. Франция имела приоритет на получение концессий и размещение займов, а также обязалась помочь Сирии в организации армии, жандармерии и полиции. Сирия могла иметь дипломатического представителя только во Франции, в других странах ее интересы представляли французские посольства. Сирия признавала независимость и территориальную целостность Ливана под французским мандатом. Столицей Сирии объявлялся Дамаск, официальным языком — арабский. Резиденцией французского верховного комиссара становился Алеппо. Французский язык должен был изучаться как «обязательный и привилегированный». Ввиду предварительного характера соглашения его условия должны были держаться в секрете¹. Очевидно, что они были полностью продиктованы Францией. Договор фактически превращал Сирию во французский протекторат и открывал огромные возможности для вмешательства в ее внутренние дела. Поставив свою подпись, эмир отбыл в Дамаск. Стоит отметить, что генералу Гуро даже такое соглашение показалось слишком либеральным, поскольку «молодцы» («gaillards») из Дамаска, окружавшие Фейсала, могли интерпретировать его «в пользу арабской независимости против французского влияния»².

---

¹ Khoury G. La France et l'Orient Arabe. Naissance du Liban moderne. P., 1993. P. 313—318.

² Documents diplomatiques français. 1920. T. 1. P. 1997. № 11. Gouraud á de Caix. 13/01/1920. P. 15—16. (Далее — DDF).

Новые обстоятельства

С таким багажом пришли союзники к началу непосредственных переговоров между главами правительств по выработке условий мира с Турцией. Однако ряд обстоятельств существенно осложнил эту процедуру. В этот момент в самих странах Антанты не было единства во мнении относительно дальнейших действий.

Разногласия в английском правительстве по турецкому вопросу проявлялись, в первую очередь, в соперничестве между министерствами. Наиболее воинственную позицию занимал Форин Оффис во главе с Керзоном. В начале января 1920 года он выступил с меморандумом по вопросу о Константинополе, где настаивал на изгнании турецкого султана из Константинополя, который, будучи столицей Османской империи, являлся центром интриг и коррупции¹. Главным оппонентом Керзона был Эдвин Монтегю, министр по делам Индии, чье ведомство всегда занимало последовательно туркофильскую позицию, ссылаясь на сочувствие индийских мусульман судьбе турецкого султана-халифа. По мнению Монтегю и его сторонников в англо-индийском правительстве, «халифатское движение» могло привести к сближению на антианглийской платформе индуистских и мусульманских политиков в Индии, раскол между которыми был одним из необходимых условий британского господства в стране². В Индии еще с 1918 года действовал Халифатский комитет³. Британские власти опасались, что лидеры этого движения могут перейти от слов к действиям вплоть до открытого восстания под лозунгами джихада. В свою очередь, Военное министерство в рамках политики демобилизации больше всего заботилось о сокращении английского военного присутствия на Востоке. Именно по его инициативе английские войска покинули Закавказье и оставили Анатолийскую железную дорогу. Эти разногласия в известной мере отражали и различные настроения в английском обществе, в котором были сильны как сочувствие к грекам и армянам, так

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 4. № 646. Memo by Curzon. 4/01/1920. P. 992—1000.

² NA, Cab. 24/95 Memo by Montagu. 1/01/1920. P. 310; NA, Cab. 24/96. Memo by Montagu. 6/01/1919. P. 100—102.

³ Ганковский Ю.З., Гордон-Полонская А.Р. История Пакистана. М., 1961. С. 50.

и опасения за лояльность огромного числа мусульманских подданных империи (особенно в Индии), а также желание скорейшей демобилизации и сокращения военных расходов. 6 января британский кабинет, к великому раздражению Керзона и Ллойд Джорджа, внял аргументам Монтегю и Черчилля и высказался за сохранение султана в Константинополе¹, поставив Керзона и Ллойд Джорджа в весьма неловкое положение перед французами, которых они сами едва убедили изгнать турок из Европы. Впрочем, Керзона и Монтегю разделяли не цели, а выбранные средства. Оба министра по-своему заботились о престиже Британской империи в мусульманском мире, который один из них намеревался поддерживать демонстрацией силы, а другой — путем «умиротворения» мусульманского общественного мнения. Оба опасались распространения большевистского влияния на Востоке и оба не желали, чтобы другая держава, в частности Франция, использовала в своих интересах затруднения Великобритании.

23 января британский кабинет отказался утвердить соглашение Гринвуда—Беранже по нефтяным вопросам, аргументируя это тем, что «прибыль от эксплуатации нефтяных месторождений Месопотамии должна идти на пользу государства, а не акционерных компаний»². Такая постановка вопроса устранила от участия в нефтедобыче компанию Royal Dutch Shell, в лояльности голландских акционеров которой британское правительство, вероятно, не было абсолютно уверено, а также создавала препятствие для проникновения в Месопотамию американских нефтяных трестов. Урегулирование этого вопроса с Францией, таким образом, вновь откладывалось.

17—20 января 1920 года в Париже сменилось правительство, и на смену Клемансо пришел бывший социалист Мильеран, взявший на себя и обязанности министра иностранных дел. Мильеран в значительно большей степени, чем его предшественник, склонен был прислушиваться к мнению французской «колониальной партии». Правда, во Франции наибольшие страсти возбуждала по-прежнему германская проблема, и передовицы газет почти каждый день пестрели гневными статьями по поводу

¹ Черчилль У. Указ. соч. С. 256.

² Kent M. Op. cit. P. 152.

неисполнения немцами условий мира (речь шла о невыполненных поставках угля, разоружении и т. п.). Восточный вопрос занимал подчиненное положение, но Мильеран, говоря о Турции, заявлял 5 февраля в палате депутатов: «Наши моральные и материальные интересы в этой части света значительны. Они восходят к временам крестовых походов. Французское правительство не имеет права их забывать»¹. Он не конкретизировал, как именно он собирается защищать эти интересы. Общественное мнение Франции в этот период еще следовало антитурецкой риторике, порожденной войной. В книге «Англия, Франция и проблема Константинополя» публицист С.Ж. Белло писал: «Турок никогда не собирался подчиняться какому-нибудь закону, а его единственное удовольствие состоит в том, чтобы составлять новые законы (*legiferer*) только для удовлетворения своей огромной жажды власти. Именно по этой причине подчинение законам и сохранение законов суть вещи невозможные в турецкой стране. ... Изгнание турок с европейских территорий (то есть из Константинополя и Западной Фракии — *А.Ф.*) находится в очевидной гармонии с интересами западных народов и человечества в целом»². Но и туркофильские настроения уже пробивали себе дорогу. Влиятельнейшая газета *Le Temps* уверяла своих читателей, что единодушное желание французского общества состоит в том, чтобы оставить турок в Константинополе и сохранить «независимую и жизнеспособную» Турцию. Уже в середине января на ее страницах прозвучала мысль о возможности использовать турецких националистов в интересах Франции: «Не может ли этот турецкий национализм с его армией послужить для восстановления нормальной жизни в Турции, страны, кредиторами которой мы являемся? Не сможет ли это мусульманское чувство (*ce sentiment musulman*), которое является традиционалистским, стать нашим союзником против большевизма, врага как традиций, так и патриотизма?»³. В этой короткой цитате хорошо отражены основные задачи правящего класса Франции на Востоке: гарантировать

¹ Цит. по Bonnefous E. Histoire politique de la Troisieme republique. Т. 3. P., 1959. P. 130.

² Bello C.G. L'Angleterre, la France et le probleme de Constantinople. Notes et reflection sur la Turquie. P. 1920. P. 101, 116.

³ Le Temps. 14 janvier 1920.

получение доходов на вложенные капиталы и не допустить усиления там влияния Советской России и «большевизма». В дальнейшем борьба за влияние на кемалистов между Советской Россией и Францией, отношения между которыми были тогда крайне напряженными¹, стала одной из важнейших составляющих Восточного вопроса. Кемалисты же получили возможность использовать эту борьбу к своей выгоде.

В Константинополе тем временем собрался турецкий парламент (меджлис), который оказался под полным контролем сторонников Кемали. В конце января меджлис принял составленный на основе резолюций Эрзурумского и Сивасского конгрессов так называемый Национальный обет, ставший основным программным документом турецкого освободительного движения. Согласно ему, судьба арабских земель, оккупированных союзниками до 30 октября 1918 года, должна была определяться «соответственно свободной воле местного населения». Судьба Карса, Ардагана и Батума, в конце войны присоединенных к Турции и занятых затем англичанами, должна была определяться путем плебисцита. То же касалось и Западной Фракии, еще в 1913 году уступленной Болгарии и теперь оккупированной Грецией. Безопасность Стамбула объявлялась неприкосновенной. Эти три условия позднее было принято истолковывать как «принцип этнических границ», хотя такого выражения в Национальном обете нет. В документе провозглашалась готовность заключить соглашение об открытии Проливов «для мировой торговли и международных отношений». Права меньшинств гарантировались на тех же основаниях, что и в странах Европы. Отвергалась возможность любых юридических и финансовых ограничений независимости Турции, и только при этом условии возможно было урегулирование проблемы внешнего долга². Таким образом, первостепенную роль для кемалистов играли территориальные вопросы и обеспечение неограниченного национального суверенитета. Пункт о Проливах был сформулирован достаточно туманно, чтобы допускать различные толкования. В Национальном

¹ Характеристику советско-французских отношений см.: Документы внешней политики СССР. Т. 2. Приложение 6. Доклад Г.В. Чичерина перед ВЦИК. 17/06/1920. С. 646—647 (далее — ДВП СССР).

² Кемаль Мустафа. Указ. соч., Т. 3. С. 252—254 (примечания).

обете, как и в других документах кемалистского движения, не была четко обозначена линия южной границы будущей Турции. Как мы уже отмечали, демаркационная линия не была оговорена и в Мудросском перемирии, на которое турецкие националисты обычно ссылались. Пожалуй, наиболее четко эта линия была обозначена М. Кемаль-пашой в речи перед нотаблями города Анкары еще 31 декабря 1919 года. Она определялась следующим образом: «Граница эта включает в свои пределы те территории, которые действительно находились во власти нашей армии в день заключения перемирия. Она начинается с пункта побережья к югу от залива Александретта, проходит затем через Антиохию, потом через Алеппо и через железнодорожную станцию Катма и доходит до Евфрата к югу от пункта Джераблус. Оттуда она спускается к Дейр Зор, затем идет на восток, включая в наши пределы Мосул, Киркук и Сулейманию. Эта граница не только фактически отстаивалась нашими вооруженными силами, но также включает в пределы нашей территории области, населенные турками или курдами. К югу от этой линии находятся наши единоверцы, говорящие на арабском языке. Мы признаем все части нашей территории, находящиеся внутри этой границы, единым целым, ни одна часть которого не может быть отчуждена»¹. Хотя Национальный обет был опубликован и по-французски, страны Антанты предпочли его просто не замечать. Донесения из Константинополя сообщали, что уже не союзники, а националисты контролируют правительство (что было явным преувеличением), но в европейских столицах все еще мало беспокоились по этому поводу.

Как уже отмечалось, замена британских оккупационных войск на французские в «синей» зоне создала особенно сложное положение на севере этой зоны — в Киликии и Южной Анатолии, которые были ареной затяжного этнического конфликта между местными армянами, с одной стороны, и мусульманами (турками и курдами) — с другой. Армянские притязания на Киликию не были секретом для местных мусульман, и Франция, старавшаяся демонстрировать свой нейтралитет, даже вопреки собственному желанию воспринималась ими как сторонница армян. В Адане — административном центре Киликии — скопилось

¹ Кемаль Мустафа. Указ. соч. Т. 3. С. 83—84; Лазарев М.С. Указ. соч. С. 126.

большое количество армянских беженцев, часть из которых постепенно возвращалась во внутренние районы страны. Армянские политические деятели поддерживали контакт с французским верховным комиссаром полковником Э. Бремоном, а Армянский легион был хоть и сильно сокращен, но все же не распущен¹. Наиболее взрывоопасная ситуация сложилась на востоке оккупированной территории, вокруг городов Мараш, Урфа и Айнтаб. До осени 1919 года эти места не входили во французскую Северную зону, а напрямую контролировались английскими войсками. Приход французов на смену англичанам здесь воспринимался особенно болезненно. В конце января в Мараше вспыхнуло восстание, которое носило одновременно антифранцузский и антиармянский характер². Восстание было поддержано турецкими националистами и сопровождалось значительными жертвами среди местных армян. Таким образом, начавшиеся еще в ноябре стычки французов с турками переросли в полномасштабную партизанскую войну, на которую Франции пришлось тратить значительные средства. Поскольку местные армяне воспринимались турками как главная опора французов, восстание сопровождалось турецко-армянским межэтническим конфликтом. После трех недель боев французы 10 февраля оставили Мараш, бросив на произвол судьбы большую часть армянского населения города. После этого даже армяне перестали считать их своими заступниками³. Унизительное поражение под Марашем серьезно поколебало престиж Франции на Востоке и вместе с тем способствовало росту авторитета турецких националистов во главе с Кемалем.

Одна из причин тяжелого положения, в которое попали французы в Киликии, заключалась в нерешенности сирийского вопроса. Большая часть французских войск была сконцентрирована на сирийском побережье, а железная дорога в сторону Киликии (линия Райяк—Алеппо) контролировалась отрядами Фейсала. В самой Сирии также было неспокойно. Вернувшись в Дамаск, Фейсал застал Сирию в состоянии крайнего националистического

¹ Moumjian G.K. Cilicia Under French Mandate, 1918—1921. http://www.armenian-history.com/Nyuter/HISTORY/G_Moumdjian/Garabet_M_Cilicia_under_French_mandater_1918_1921.htm

² BDFA, Ser. B, Vol. 1. № 150, Military Intelligence Report. 3/02/1920. P. 258—259.

³ BDFA, Ser. B, Vol. 1. № 159, Report by S.S. Butler, 24/02/1920. P. 277—280.

возбуждения, вызванного уходом англичан и прибытием все новых и новых французских подкреплений. Радикально настроенные арабские лидеры готовы были сражаться против французского нашествия. Арабские отряды уже совершали нападения на французские войска на границе оккупационных зон. Чтобы не утратить окончательно своего авторитета, Фейсал должен был «плыть по течению». В этой ситуации не могло быть и речи о принятии заключенного в Париже соглашения. Даже намека на договоренность Фейсала с французами оказалось достаточно, чтобы некоторые националисты стали обвинять эмира или в предательстве, или в слабости¹. Таким образом, внутренние районы Сирии по-прежнему оставались вне французского контроля.

Итак, в начале 1920 года Франция оказалась втянутой в затяжную и дорогостоящую, по большей части партизанскую войну в Киликии, что не могло не отразиться на принятии решений в Париже. Правда, поначалу там еще недооценивали опасность. 1 февраля Мильеран, заверяя генерала Гуро в скором прибытии подкреплений, не склонен был принимать всерьез турецкую угрозу в Киликии, считая, что цель Кемаля ограничивается оказанием давления на Антанту ради смягчения условий будущего мира². Но уже 9 февраля Дефранс, верховный комиссар Франции в Константинополе, четко обозначил перед своим правительством альтернативные варианты «турецкой» политики: или курс на раздел Анатолии между Францией, Италией и Грецией и тогда — беспощадная борьба с турками (*une lutte sans merci*) с опорой на христианские, особенно армянские батальоны; или «более рациональная» политика — «оставить турецкие земли туркам», сохранив, однако, за собой контроль над их администрацией и обеспечив экономические привилегии для французского капитала в определенных районах. Во втором случае также возможны были две линии поведения: отыскать среди кемалистов «умеренные» элементы, убедить их «восстановить авторитет» константинопольского правительства и уже от него требовать «поддержания порядка» в ожидании условий мира; или же сделать ставку на открытых противников национализма во главе с самим султаном и

¹ Tanenbaum J.K. Op. cit. P. 36.

² DDF, 1920, T. 1. № 69. Millerand á Gouraud. 1/02/1920. P. 105—106.

организовать в стране широкое антикемалистское движение. В любом случае условия мира должны быть достаточно жесткими, чтобы значительно ослабить турецкое государство ввиду того влияния, которое оно традиционно имело на другие мусульманские страны и народы¹. Мильеран, однако, понимал, что Кемаль представляет собой гораздо большую угрозу, чем арабские националисты из Дамаска, для которых у генерала Гуро имелись «способы заставить уважать наши права». В отношении Кемаля он рекомендовал другую линию поведения: дать ему понять, что «французское правительство решило в целом поддержать сохранение за турками Константинополя и целостность Османской империи» за исключением арабских стран и Армении, которая должна была быть ограничена, помимо своей «русской» части, «историческими регионами на берегах озера Ван». В Киликии предполагалось сохранить «номинальный турецкий сюзеренитет» под французским контролем. Генералу Гуро поручалось установить контакт с Кемалем и довести до него эти предложения². Очевидно, французы, сохраняя установку на жесткие условия мира с Турцией, рассчитывали откупиться от Кемаля и его сторонников за счет незначительных уступок, что свидетельствует об их плохой осведомленности о подлинных целях кемалистского движения. Сам Гуро, следуя этой политике, направил в «неспокойные» районы своего подчиненного генерала де Ламота с особой миссией — найти такой *modus vivendi* с местным населением, который позволил бы французам поддерживать свое влияние с минимальным использованием военной силы. Для этой цели предполагалось сохранять в неприкосновенности османскую администрацию, проводить «лояльную, ясную и твердую» политику по отношению к туркам, не давая поводов для обвинений в религиозной нетерпимости и «экспансионизме». В армянском вопросе нужно было «воздержаться от политики возмездия, если бы армяне захотели нас в нее втянуть». Помощь армянскому населению нужно было продолжать, не придавая ей, по возможности, политического характера³.

¹ DDF, 1920, Т. 1. № 92. Defrance á Millerand. 9/02/1920. P. 142—143.

² DDF, 1920, Т. 1. № 98. Millerand á Gouraud. 10/02/1920. P. 153—155.

³ DDF, 1920, Т. 1. № 133. Gouraud á Millerand. 18/02/1920. P. 206—207.

После Мараши в Англии стали раздаваться голоса сожаления по поводу преждевременной передачи Киликии французам, которая якобы находилась в полном спокойствии во время английской оккупации. Антитурецки настроенные «заднескамеечники» в парламенте не упустили случая покритиковать правительство по этому поводу¹. Турецкое национальное движение стало восприниматься в Англии как часть и, возможно, центр панисламистского движения на всем Ближнем Востоке, чрезвычайно опасного для Британской империи². Де Робек видел в киликийских событиях «начало осуществления согласованного плана, составленного руководителями, которые находятся в контакте со всеми элементами, открыто враждебными или потенциально изменческими по отношению к союзникам». В частности, он указывал на взаимодействие кемалистов с большевиками в попытках использовать против Англии «мусульманский фанатизм» по обе стороны Каспия, а также на сведения о попытках арабо-турецкого сближения при участии, возможно, самого Фейсала³. Все это указывало на невозможность дальнейшего игнорирования турецкого национального движения, вопрос об отношении к которому неизбежно должен был возникнуть при обсуждении условий мирного договора с Турцией.

2. Лондонская конференция (февраль—март 1920 года)

12 февраля 1920 года открылась Лондонская конференция стран Антанты, которой предстояло выработать условия мирного договора с Турцией, а также обсудить некоторые текущие европейские проблемы (в частности, невыполнение Германией обязательств по поставкам угля во Францию, а также по разоружению). Конференция была естественным продолжением Парижской мирной конференции, завершившей свою работу в декабре

¹ Great Britain. Parliament. Parliamentary Debates. House of Commons. Ser. 5. Vol. 125. L., 1919. Col. 503—504, 718—719.

² BDFA, Ser. B. Vol. 1. № 116. De Robeck to Curzon. 26/12/1919. P. 210.

³ DBFP, Ser. 1. Vol. 4. № 681. De Robeck to Curzon. 6/02/1920. P. 1085—1086.

1919 года¹. Перенос ее заседаний из Парижа в Лондон произошел по настоятельному требованию англичан вопреки французским возражениям. Европейские державы представляли премьер-министры и министры иностранных дел: Ллойд Джордж, Керзон, Мильеран, Нитти. В отсутствие Мильерана интересы Франции защищали П. Камбон и Ф. Бертело. Японию представлял посол в Лондоне виконт Чинда, что, впрочем, было чистой формальностью. США на конференции представлены не были.

Границы и статус турецкого государства

Турецкие проблемы стали обсуждаться лишь 14 февраля. При этом результаты декабрьских переговоров Бертело и Керзона остались невостребованными, главным образом из-за пересмотра британским правительством решения о Константинополе. Именно этот вопрос встал на конференции в первую очередь. Мильеран заявил, что выступает за сохранение султана в Константинополе для избежания нежелательных осложнений с мусульманами Французской колониальной империи, и добавил, что то, что было возможно 15 месяцев назад, уже невозможно теперь. Мильеран, очевидно, имел в виду фактически сепаратное заключение англичанами перемирия с Турцией, поскольку, по распространенному во Франции мнению, именно недостаточное внимание англичан к разоружению турецкой армии в тот период и сделало возможным возникновение кемалистского движения². Нитти поддержал Мильерана, вспомнив о проблеме халифата, и выступил против создания второго Ватикана (Италии также хватало проблем с первым). Как видим, Мильеран и Нитти прямо позаимствовали аргументы у Монтегю. Ллойд Джордж прочел длинную речь о желательности изгнания турок из Константинополя (в основном он повторял аргументы Керзона), но в итоге заявил, что вынужден против воли согласиться со своими союзниками. Он присоединился к их мнению «с большой неохотой», но оста-

¹ Одновременно начала свою работу постоянная Конференция послов, которая должна была наблюдать за исполнением уже вступивших в силу договоров. Поскольку договор с Турцией только предстояло выработать, ближневосточные проблемы в ее компетенцию не входили.

² Le Temps. 14 janvier 1920.

вался убежденным, что власть султана на европейском берегу должна быть ограничена «так жестко, как только возможно»¹. Ллойд Джордж не стал упоминать о решении британского кабинета и, таким образом, превратил свое поражение в споре с собственными министрами в уступку пожеланиям союзников. 26 февраля в палате общин состоялись бурные дебаты по проблеме Константинополя. Выступавшие четко разделились на протурецкую и антитурецкую фракции. Во главе последней встал лишившийся министерского портфеля Роберт Сесиль, который резко выступал за изгнание турецкого правительства из Константинополя. Аргументы сторон во многом повторяли доводы, соответственно, Монтегю и Керзона. Ллойд Джорджу пришлось защищать принятое вопреки его воле решение, указывая на то, что в Константинополе турецкое правительство будет легче контролировать, чем в любом из городов Анатолии².

Керзон распорядился довести до сведения турецкого правительства решение о сохранении за ним Константинополя, предупредив, что нападения на армян или на союзные войска могут повлечь за собой изменение этого решения³. Опубликование решения конференции вызвало новые трения между союзниками. В Константинополе де Робек сообщил правительству эту новость от имени британского верховного комиссара, не дожидаясь, пока Дефранс получит соответствующие инструкции от своего правительства⁴, а Франше д'Эспре объявил в местных газетах, что «Лондонская конференция приняла французскую точку зрения». Вести об этом достигли Лондона и послужили причиной напряженного спора между Керзоном и Мильераном⁵. Поведение Франше д'Эспре вполне укладывалось в общую политическую линию Парижа в этот момент: пытаться представить самые незначительные и притом своекорыстные нюансы своего подхода

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 7. № 5. Meeting in London. 14/02/1920. P. 42—45.

² Great Britain. Parliament. Parliamentary Debates. House of Commons. Ser. 5. Vol. 125. L., 1920. Col. 1949—2060.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 3. Curzon to de Robeck. 13/02/1920. P. 2.

⁴ DDF, 1920, T. 1. № 140. Defrance á Millerand. 19/02/1920. P. 218—219; Ibid. № 152 Defrance á Millerand. 21/02/1920. P. 232. DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 3. De Robeck to Curzon. 23/02/1920. P. 4—8.

⁵ DBFP, Ser. 1, Vol. 7. №26. Meeting in London. 25/02/1920. P. 239—243.

к турецким делам как защиту турецких интересов. Война в Киликии не только была по французскому престижу, она спутала карты в дипломатической игре Мильерана и Камбона в Лондоне, заставляла их следовать в фарватере жесткой английской политики. Желая подчеркнуть мнимое французское туркофильство, Мильеран дал указание Дефрансу сообщить и стамбульским министрам, и национальным лидерам, что «французские интересы более, чем какие-либо другие, согласуются с интересами Турции», а враждебные акции против Франции лишь мешают ей «защищать в Лондоне точку зрения, благоприятную как для турецких, так и для французских интересов»¹.

Французский подход к турецкой проблеме действительно отличался от британского, но эти разногласия касались лишь вопроса о степени и форме контроля над турецким правительством. П. Камбон, выступавший на конференции от имени Франции, предложил целую программу руководства Турцией под прикрытием финансового контроля: «Турок можно легко направлять и контролировать, если делать это в деликатной манере. Наилучшим средством было бы сказать, что комиссия будет контролировать турецкие финансы, хотя реально ее полномочия будут предусматривать гораздо больший контроль». Основой для такой комиссии могла послужить Администрация Оттоманского долга. Ллойд Джордж категорически возражал против этого плана, заявляя, что он может потребовать военного вмешательства в случае неисполнения решений комиссии, а лишних сил на это союзники не имели. К тому же, потеряв так много, Турция должна была сохранить хотя бы право на самоуправление. По его мнению, наилучший контроль над Константинополем был возможен при помощи пушек мощного флота. Понятно, что «государство-рантье» Франция и «владычица морей» Британия предлагали способы контроля, удобные для каждой из них. Нитти, сначала поддерживавший Камбона, склонился затем к точке зрения Ллойда Джорджа². Французам пришлось уступить и в ноте, составленной Бертело, сообщить союзникам, что они лишь имели в виду несколько расширить полномочия комиссии Оттоманского долга, поручив ей

¹ DDF, 1920, T. 1. № 151. Millerand á Defrance. 21/02/1920. P. 231.

² DBFP, Ser. 1. Vol. 7. № 6. Meeting in London. 14/02/1920. P. 46—47.

взимание некоторых дополнительных налогов и сборов, а также создать небольшую межсоюзную комиссию, которая будет «изнутри» контролировать работу турецкого Министерства финансов.

Поскольку Франции не удалось сохранить свой главный (финансовый) рычаг влияния на турецкие дела, ее представители попытались сократить число таких рычагов и у Великобритании. При обсуждении вопроса о Смирне Мильеран «с сожалением» признал, что грекам скорее всего придется уйти оттуда, так как их присутствие порождает слишком много проблем и неблагоприятно сказывается на отношении турецкого общества к союзникам. Ллойд Джордж взял Венизелоса под защиту со всей присущей ему энергией. Перечислив его заслуги за время войны и вспомнив лишний раз, что высадка греков в Смирне произошла с разрешения союзников, он сказал, что нельзя «бросать друга, чтобы умиловить врага». В качестве крайнего компромисса он предложил сохранить номинальную власть султана над Смирной при полной местной автономии¹. Через два дня на конференцию был приглашен Венизелос. Он обещал уступки любым пожеланиям союзников, лишь бы ему позволили закрепить за Грецией Смирну. От идей номинального турецкого суверенитета он был не в восторге, указывая, что это затруднит связи жителей региона с Грецией. О турецких националистах Венизелос говорил, что они не представляют большой угрозы. Греческая армия с успехом сможет и далее отражать их атаки, которые после подписания мира должны прекратиться².

Подобное легкомысленное отношение к националистам было свойственно не только Венизелосу. Когда речь зашла об Армении, определить границы которой было практически невозможно, не ставя под ее власть большие массивы мусульманского населения, Бертело упомянул о военных действиях, которые Франция вела в тот момент в Киликии против националистов. Он сообщил, что, по мнению французских военных экспертов, вся активность Кемаля — не более чем «блеф», который не представляет большой опасности³. Ллойд Джордж так впоследствии писал об отношении конференции к Кемалю: «Мы ничего не знали

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 7. № 7. Meeting in London. 14/02/1920. P. 54—55.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 7. № 8. Meeting in London. 16/02/1920. P. 63—68.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 7. № 10. Meeting in London. 16/03/1920. P. 81.

о деятельности Мустафы Кемалю в Малой Азии, где он занялся организацией разбитых и истощенных турецких армий. Наша военная разведка еще никогда не была так плохо осведомлена. Мы впервые узнали о том, что Мустафе Кемалю удалось собрать грозные боевые силы, когда Совету в Лондоне стало известно о тяжелом поражении французов при Мараше в бою с тридцатитысячной регулярной армией турок. Французы, которым лорд Алленби передал охрану этой территории, были захвачены врасплох и оказались совершенно не подготовленными»¹. Однако он, мягко говоря, лукавил. В Лондон сведения о деятельности Кемалю стали регулярно поступать еще в июле 1919 года.

Как бы то ни было, после событий в Мараше французское руководство начало понимать, что прямой контроль над всей Киликией для него будет невозможен, но по-прежнему хотело сохранить свое влияние в этой области. Это обстоятельство и привело к появлению документа, известного как Трехстороннее соглашение. 17 февраля Бертело выступил на конференции с заявлением о намерении Франции вывести войска из Киликии (имелась в виду ее северная часть), оставив там французских советников по финансовым и административным делам, а также местную жандармерию, организованную под контролем французских офицеров. Франция также рассматривала Киликию как сферу своей экономической активности. Керзон и Ллойд Джордж заметили, что это похоже на мандат, от чего союзники решили отказаться. Такое решение будет похоже на раздел Анатолии, который вызовет возражения США. Турки получают возможность играть на противоречиях США с европейскими державами. Бертело возразил, что предлагаемая им схема будет только частью союзного контроля над всей Турцией: иностранные советники и иностранные концессии будут по всей стране, но в Киликии они будут исключительно французскими². Тогда Керзон предположил, что единственной возможностью оформить французское экономическое и политическое влияние в Киликии, не вступая в противоречие с буквой Устава Лиги Наций, было заключение соглашения, подобного англо-русскому договору 1907 года по Персии.

¹ Ллойд Джордж Д. Указ. соч. Т. 2. С. 411.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 7. № 11. Meeting in London. 17/02/1920. P. 94–96.

Проблемы Палестины

Ллойд Джордж, очевидно, решил воспользоваться ситуацией, чтобы добиться от Франции уступок в некоторых спорных проблемах. По его предложению конференция перешла от обсуждения частного вопроса о ситуации в Киликии к разговору о судьбе всех нетурецких владений Османской империи, в том числе и Палестины. Бертело не дал Ллойд Джорджу вновь поднять сирийский вопрос, заявив о достигнутом соглашении с Фейсалом. По поводу Палестины он заявил, что эта страна должна быть «открыта для всех народов», а вопрос о Мосуле, по его мнению, оставался открытым, так как требовал согласования с арабами. Он также потребовал сохранения за Францией довоенных прав на защиту «Святых мест» в Палестине. Если Великобритания желала получить право на мандатное управление Палестиной, то Франция просит уважать ее традиционные права и принимать во внимание интересы местных католиков и католических миссий. Франция же готова была на основе четкого договора предоставить в распоряжение сионистов «излишки» водных ресурсов своей зоны. О границах Бертело не сказал ничего определенного, таким образом, отделив водный вопрос от территориального.

После этого Ллойд Джордж сразу согласился вынести вопрос о распределении мандатов за рамки мирного договора и перешел к обороне, отстаивая монопольные права Великобритании на Мосул и Палестину. После очередной тирады о необходимости дополнительной ирригации Палестины и напоминания о том, что Великобритания завоевала Палестину практически в одиночку, поставил под сомнение особые права Франции в отношении «Святых мест». По его словам, он получал множество протестов против возможной передачи Франции контроля над ними. Великобритания не католическая держава, но она всегда выступала за взвешенный и беспристрастный подход к религиозным вопросам. Ллойд Джорджа поддержал итальянский премьер-министр Нитти. Он потребовал «полного равенства» всех стран в отношении использования и охраны «Святых мест». В ответ П. Камбон, французский посол в Лондоне, заявил, что «Святые места находятся в руках Франции с XV века. Ватикан всегда признавал этот факт, и каждое французское правительство, даже если оно ссорилось с Римом, принимало на себя эту ответственность. Даже во время

войны Ватикан признавал право Франции на протекторат над Святыми местами. Этот вопрос чрезвычайно важен для французских католиков. Следовательно, если мандат на Палестину будет предоставлен Великобритании, Франция будет обязана внести некоторые оговорки в отношении Святых мест. Иначе трудно будет убедить французский сенат принять такие условия».

Это заявление Камбона содержало квинтэссенцию взглядов французских католических и колониалистских кругов на роль Франции в палестинском вопросе. Но Нитти, представлявший другую католическую страну, возразил, что Италия никогда не признавала особых прав Франции на «Святые места» и в любом случае все французские привилегии в Палестине были оправданы лишь при мусульманском правлении. При британском мандате никакой физической защиты «Святых мест» не потребуется, и отныне «ни одна страна не должна иметь каких-либо привилегий в отношении «Святых мест» или религиозных сообществ и каждая страна должна защищать своих граждан независимо от их отношения к религии». Ллойд Джордж завершил разговор, фактически поддержав Нитти. Если Великобритания признавалась способной управлять всей Палестиной, не было смысла не доверять ей в деле охраны «Святых мест». Попытка поставить какую-либо религиозную организацию под защиту другой страны приведет к созданию «империи внутри империи», что для Великобритании недопустимо¹.

На следующий день Бертело представил своим коллегам текст французского соглашения с Фейсалом, что помогло ему окончательно исключить возможность использования сирийского вопроса для давления на Францию. Он также заверил англичан, что Франция не возражает против строительства англичанами железной дороги и нефтепровода из Месопотамии через Сирию. После 18 февраля сирийский вопрос более не поднимался, что говорит о том, что в принципе он давно был решен², однако проблема границ вновь дала о себе знать. В качестве последней уступки Бертело 18 февраля предложил закрепить в виде постоянной границы линию фактической дислокации английских войск, которая тогда

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 7. № 12. Meeting in London. 17/02/1920. P. 100—111.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 7. № 13. Meeting in London. 18/02/1920. P. 116—118.

проходила к северу от города Сафед (Цфат). Керзон отказался, повторив старую формулу Ллойд Джорджа — «от Дана до Беершебы». Ллойд Джордж посоветовал всем присутствующим ознакомиться с книгой шотландского профессора А. Смита «Историческая география Святой земли», с тем чтобы Бертело и Керзон смогли снова встретиться для обсуждения вопроса о границе, вооруженные историческими познаниями¹. Если такая встреча состоялась, то она имела незначительный успех. Бертело, очевидно, согласился на «библейскую» формулу Ллойд Джорджа, но никак ее не конкретизировал. Вопрос о принадлежности низовьев реки Литани оставался открытым. В то же время англичане, вероятно, согласились «отделить воду от земли» и решать ирригационные вопросы независимо от пограничных. Когда 20 февраля конференция рассматривала первый план мирного договора с Турцией, там снова говорилось о Палестине «от Дана до Беершебы» под британским мандатом. Ллойд Джордж еще раз подтвердил свое нежелание требовать любые земли севернее Дана, причем «жители Палестины» должны были решать ирригационные вопросы с Францией как мандатарием для Сирии. Чтобы окончательно убедить Бертело в справедливости «библейской» границы, британский премьер огласил адресованное ему послание от американского судьи Л. Брандейса, личного друга президента Вильсона и главы американских сионистов. Брандейс в резкой, почти ультимативной форме требовал включения в Палестину не только долины Литани, но и горного хребта Хермон, и Хауранской равнины к востоку от него (то есть Голанских высот). Это практически совпадало с «линией Мейнерцхагена», и на таком фоне «библейская» формула казалась вполне умеренной. Тон послания Брандейса, который «сильно преувеличил свою собственную значимость», возмутил Бертело, но он вполне готов был «либерально» подойти к вопросу о снабжении сирийской и ливанской водой Северной Палестины. Официальное обсуждение точных границ, как и вопроса с «католическим протекторатом», снова было отложено². 9 марта Керзон пригласил Камбона, чтобы обсудить пограничный вопрос один на один. Он снова вернулся к идее границы

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 7. № 13. Meeting in London. 18/02/1920. P. 113—116.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 7. № 21. Meeting in London. 21/02/1920. P. 182—185.

по реке Литани, то есть к «линии Мейнерцхагена». Камбон категорически отказался обсуждать это предложение. Когда Керзон упрекнул его, что французы вступают в препирательства из-за крохотных клочков земли, Камбон ответил: «Я не понимаю, почему мы должны все время уступать и сокращать свою часть мандата то для англичан, то для арабов, то для турок, то для сионистов»¹.

Выработка Трехстороннего соглашения

После этого Ллойд Джордж снова поднял вопрос об экономических интересах Франции и Италии в Анатолии, но преподнес его так, чтобы увязать с условиями мандатов в арабских странах. По его словам, заинтересованность трех европейских держав в концессиях на Ближнем Востоке находилась в противоречии с Уставом Лиги Наций, а в случае с Сирией и Месопотамией — с условиями мандатов группы «А», предполагавшими принцип «открытых дверей». Поэтому он предложил прийти к «определенной договоренности» между собой. Тогда Бертело вспомнил об идее лорда Керзона о межсоюзном соглашении о сферах экономического влияния в Турции за рамками мирного договора. По словам Бертело, «одна из главных трудностей состоит в объяснении их (европейских союзников — А.Ф.) намерений Соединенным Штатам». Ему вторил Нитти: «К сожалению, союзники подписали текст Устава и вряд ли смогут от него отступить». Тогда Керзон вызвался конкретизировать свою идею. Он предложил оформить Трехстороннее соглашение как «обязательство самоограничения» (*self-denying ordinance*), по которому каждая из держав обязывалась не искать концессий и не посылать советников на территории, признанные сферой влияния другой державы. Соглашение должно было охватить район Адалии, Киликию, Сирию, Месопотамию, то есть как подмандатные страны, так и районы, остававшиеся в составе Турции. На возражение Нитти о том, что такая схема не защитит указанные зоны от «внешнего проникновения» со стороны, например, США, Германии или России, Ллойд Джордж ответил, что от этого не смогут защитить никакие договоры. Включение же данных условий в текст мирного

¹ DDF, 1920. Т. 1. № 225. P. Cambon á Millerand. 9/03/1920. P. 337—339.

договора вызовет такое противодействие США, что турки смогут использовать его для обоснования своего отказа от подписания. В итоге предложенная Керзоном схема Трехстороннего соглашения была принята всеми союзниками¹. Выгоды Франции и Италии от нее вполне очевидны, но и мотивы Великобритании были не бескорыстны. Она старалась обезопасить себя от иностранной конкуренции в Месопотамии, чего условия мандата обеспечить не могли.

20 февраля условия Трехстороннего соглашения обсуждались на основе проекта, подготовленного Нитти с комментариями Бертело. Проект Нитти предусматривал выделение «экономических зон» для Франции и Италии на условиях добровольного отказа каждой из сторон от экономической деятельности в «чужих» зонах. «Вражеские» (то есть германские) концессии должны были быть переданы тем странам, в чьей зоне они находились. Турция обязывалась признать все эти договоренности. Бертело возражал только против желания Италии получить исключительное право на разработку всех новых угольных месторождений на Гераклейском полуострове, а в остальном французская и итальянская позиции совпадали. Но Ллойд Джордж и Керзон подвергли план резкой критике. Британская позиция заключалась в следующем: необходима полная свобода торговли на всей территории Турции, независимо от границ «сфер влияния»; Трехстороннее соглашение должно быть заключено исключительно между самими союзниками — турецкая подпись под ним не нужна; Франция и Италия должны взять обязательство защищать христианские меньшинства в своих зонах; все германские предприятия и акции должны поступить «в общий котел» и уж потом распределяться между союзниками. Англичане выступали против того, чтобы соглашение было похоже на прямой раздел, и предупреждали о возможном противодействии США. Керзона особенно беспокоила судьба Багдадской железной дороги, почти все действующие участки которой проходили через итальянскую и французскую зоны. В ответ П. Камбон предложил сделать Багдадскую магистраль «международной дорогой с разделением интересов, но с единым международным управлением»². Беспокойство

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 7. № 15. Meeting in London. 18/02/1920. P. 128—133.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 7. № 19. Meeting in London. 20/02/1920. P. 164—173.

Керзона по этому поводу объяснялось желанием обеспечить надежность коммуникаций между фактически контролировавшимся англичанами Константинополем и британской Месопотамией. Желание англичан заставить французов защищать христиан в Киликии объяснялось опасениями франко-турецкого сговора в результате вывода французских войск из этой провинции.

К 26 февраля англичане подготовили собственный проект соглашения, который полностью учитывал их пожелания, изложенные выше. Англичане также заявили о своем желании получить небольшую сферу влияния к востоку от французской зоны в турецком Курдистане, к северу от границ Ирака. В ответ Бертело потребовал расширения французской зоны на северо-восток вплоть до озера Ван и армянской границы. Керзон выступил резко против этого, и никакого решения в итоге принято не было. Нитти снова выдвинул претензии на гераклеийский уголь, что вызвало новый спор с Бертело¹. 3 марта Керзон опять поднял вопрос о Багдадской железной дороге, а Ллойд Джордж — о распространении принципа «самоограничения» на подмандатные территории. Бертело и Нитти благосклонно отнеслись к этим пожеланиям². После этого обсуждение Трехстороннего соглашения было надолго прервано из-за ситуации вокруг Константинополя и Киликии.

Оккупация Константинополя и ее первые последствия

События в Мараше заставили конференцию всерьез задуматься о положении дел на месте. В поисках выхода из трудного положения Гуро сразу после этого поражения предложил «ответить энергичной акцией союзников в Константинополе». Речь, очевидно, шла о какой-то форме ультиматума (*mise en demeure*) турецкому правительству. Но межсоюзный военный комитет, заседавший в Версале под председательством маршала Фоша, отверг эту идею, так как счел ее несвоевременной в момент подготовки условий будущего договора³. Гуро продолжал искать дипломатические

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 7. № 29. Meeting in London. 26/02/1920. P. 256—257.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 7. № 34. Meeting in London. 27/02/1920. P. 381—384.

³ DDF, 1920, T. 1. № 143. Foch á Millerand. 19/02/1920. P. 222—224.

пути разрешения конфликта с Кемалем и добился от Парижа разрешения вступить с ним в прямые переговоры. Дефранс, получивший копию этих инструкций, высказался резко против. Такие переговоры означали бы квазиофициальное признание Кемалю и осложнили бы отношения с англичанами¹. Переговоры так и не состоялись. Англичане же нашли способ использовать тяжелое положение французов в собственных целях. Их действительно беспокоило усиление Кемалю, и они действительно подозревали правительство Али Риза-паши в связях с ним и даже настояли на отставке военного министра Джемаль-паши, чьи контакты с националистами были несомненны. Хотя англичане и не располагали такой степенью влияния на правительство, как во времена Дамад Ферид-паши, но османские министры по-прежнему вынуждены были раскланиваться перед английским верховным комиссаром и униженно уверять его, что они не имеют враждебных намерений по отношению к Англии и не отвечают за действия Кемалю². Лондону, однако, нужно было гарантировать свой единоличный контроль над Турцией, подавить всякую попытку недовольства и связать Париж участием в непопулярных мерах, взвалив на него самые тяжелые их последствия.

На заседании 28 февраля представители великих держав обсудили новости из Киликии. Бертелло был вынужден признать неспособность французских войск в районе Мараша противостоять силам восставших турок. Он не сомневался в связях М. Кемалю с киликийскими повстанцами и «с Константинополем»³. После этого он предложил, чтобы верховные комиссары сделали совместное «представление» турецкому правительству. Керзон ответил, что этого будет недостаточно: «Турецкое правительство должно понести ответственность за резню. Мустафа Кемаль, несомненно, поддерживает близкие отношения с правительством в Константинополе и действует с его одобрения и при его поддержке. Следовательно, должна быть предпринята самая сильная акция в Константинополе. Союзники должны либо пригрозить удалить

¹ DDF, 1920, T. 1. № 165. *Paleologue á Defrance*. 24/02/1920. P. 247—248.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 6. *De Robeck to Curzon*. 23/02/1920. P. 4—7.

³ На самом деле это было верно в отношении меджлиса, в котором заседали многие сторонники Кемалю, но неверно в отношении правительства, из которого они к тому времени уже были удалены.

турок из Константинополя, либо предпринять другие действия, характер которых может быть определен премьер-министрами». Керзон также предложил послать французские корабли к берегам Киликии. Французы долго колебались и не соглашались с предложением Керзона. Бертело считал, что такая угроза не подействует на турок, а в случае активного сопротивления с их стороны, союзники окажутся перед угрозой новой войны, для которой они не располагали достаточными силами. Камбон вопреки общему мнению даже предположил, что Кемаль действовал независимо от правительства¹. Одним словом, французы не хотели усугублять свое и без того тяжелое положение в Турции участием в новых авантюрах. На вечернем заседании Керзон заявил, что Кемаль, как только что стало известно, назначен губернатором Эрзурума. Это была, как стало ясно позже, несомненная ложь. После этого Ллойд Джордж, упрекнув французов в неспособности защитить киликийских армян, заявил: «Что же касается Константинополя, то соображения, из которых исходил Верховный совет, решив оставить там турок, сводятся к тому, что, пока султан и его правительство находятся в Константинополе под дулами орудий союзников, последние до известной степени держат их в руках на случай каких-либо неожиданностей. Такая неожиданность произошла сейчас. Совет знает, что Мустафа Кемаль, отвечающий за ужасы в Киликии, является высшим должностным лицом константинопольского правительства и недавно назначен губернатором Эрзурума. Неужели союзники не примут мер? Предостерегать турок недостаточно»². После таких аргументов было нетрудно убедить Камбона и Бертело «принять меры». В тот же день Керзоном была составлена нота, в которой союзники объявляли о намерении занять своими войсками какое-либо важное учреждение Константинополя (например, Военное министерство) и превратить Визиря или военного министра во временного заключенного (...and placing them in confinement). Также планировалось провести морскую демонстрацию у берегов Киликии³.

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 7. № 35. Meeting in London. 28/02/1920. P. 291—296.

² Ллойд Джордж Д. Указ. соч. Т. 2. С. 413—414.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 7. № 38. Meeting in London. 28/02/1920. P. 306.

П. Камбон прекрасно понимал, кому будет выгодна силовая акция в Константинополе, но не видел разумного выхода из положения. В частном письме к брату он писал: «Пятнадцать месяцев назад мы могли сделать все, что хотели, сейчас же слишком хорошо видно как союзникам, так и туркам, что мы не можем сделать ничего». Турецкие войска в Киликии в несколько раз превышали по численности силы генерала Гуро. Репрессивные меры в турецкой столице нанесли бы Франции непоправимый урон. «Но англичане уже там, у них есть силы, их мальтийская эскадра нацелена на Золотой Рог, и у них все еще есть люди в Малой Азии. Для турок они значат больше, чем мы. Нужно было создавать Турцию в Малой Азии, жизнеспособную Турцию, мы же приняли участие в ее растерзании на куски, которое подняло националистов. Мы дали Смирну грекам, Адалию итальянцам и, не говоря уже о Месопотамии, очень большую часть Курдистана под более или менее замаскированным прикрытием — англичанам. И все это для того, чтобы получить зону влияния в Киликии, откуда нас вышвырнут, если мы не пошлем никого на помощь Гуро. Это абсурд. Но нужно идти дальше еще более срочно, посылать людей Гуро, посылать один или два крейсера в Мерсину, куда англичане уже послали свои. Потом посмотрим»¹. Камбон был не одинок в своих сомнениях. Секретарь французского МИД М. Палеолог, сообщая Дефрансу о принятом решении, выразил сомнение, должны ли такие меры применяться немедленно или же их нужно приберечь на будущее как крайнее средство давления².

Когда верховные комиссары в Константинополе получили депешу Керзона, они были удивлены полным незнанием ее авторами местной ситуации. Дефранс предостерег свое руководство от «объявления войны» всей националистической «партии». Он рекомендовал сколотить блок из «умеренных» националистов и их «умеренных» противников, чтобы нейтрализовать влияние экстремистских партий с обеих сторон. Дефранс подозревал, что англичане собираются сделать ставку на непримиримых противников Кемаля во главе с Дамад Феридом³. Де Робек, в свою оче-

¹ DDF, 1920, Т. 1. № 185. P. Cambon á J. Camdon. 29/02/1920. P. 267.

² DDF, 1920, Т. 1. № 184. Paleologue á Defrance. 29/02/1920. P. 266—267.

³ DDF, 1920, Т. 1. № 194. Defrance á Millerand. 2/03/1920. P. 280—281.

редь, писал в Лондон, что предполагаемые акции не принесут ничего, кроме нового раздражения для турок, а суровые условия мира обязательно придется подкреплять силой, так как сопротивление им неизбежно. Если же союзники готовы к этому, то начать нужно было с оккупации Константинополя, то есть с занятия союзными войсками зданий министерств, почт, телеграфа и других важных учреждений¹. Де Робек получил инструкции действовать именно в этом духе².

В последний момент французы снова начали колебаться. Дефранс долго не получал инструкций от своего правительства. Хотя конкретный план действий был, по иронии судьбы, предложен самим Дефрансом и затем передан другим верховным комиссарам³, во французском МИД стали опасаться последствий такой акции⁴. Однако после совещания верховных комиссаров, на котором представитель Италии отказался присоединиться к своим союзникам, после прибытия генерала Франше д'Эспрэ в Константинополь, после нескольких поторапливающих телеграмм Керзона с инструкциями приступить к оккупации при необходимости, не дожидаясь согласия союзников, решено было действовать.

Утром 16 марта в Константинополе английские войска генерала Мильна заняли здания Военного министерства и Адмиралтейства, все телеграфные станции города. Были произведены аресты националистов⁵, многие из которых были затем сосланы на Мальту. Меджлис был вынужден прекратить работу. В специальной ноте союзников было объявлено, что оккупация продлится до подписания и вступления в силу мирного договора⁶. Против правительства репрессий не применялось, так как кабинет Али Риза-паши под давлением союзников ушел в отставку еще 3 марта, а новое министерство Салих-паши рассматривалось как временное.

Так страны Антанты, и в первую очередь Великобритания, совершили второй после захвата Смирны шаг, оказавший определяющее воздействие на все последующие события. Оккупацией

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 10. De Robeck to Curzon. 5/03/1920. P. 9.

² BDFA, Ser. B, Vol. 1. № 148. Curzon to de Robeck. 10/03/1920. P. 258.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. De Robeck to Curzon. 7/10/1920. P. 14.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 11. Earl of Derby to Curzon. 5/03/1920. P. 10.

⁵ BDFA, Ser. B, Vol. 1. № 158. De Robeck to Curzon. 16/03/1920. P.270—271.

⁶ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 24. De Robeck to Curzon. 16/03/1920. P. 38—40.

Константинополя, осуществленной исключительно английскими войсками, Англия надеялась укрепить свои позиции на Босфоре. Эта акция была также рассчитана на то, чтобы нанести удар по кемалистскому движению. Как и в случае со Смирной, дипломатическое одобрение этого шага со стороны Франции и Италии было получено путем ловкой интриги, причем англичане не постеснялись и откровенной лжи. Хотя непосредственным поводом для оккупации послужили нападения националистов на французские войска и христианское население в Киликии, сама Франция не выиграла от этой акции ровным счетом ничего. Ее участие в этой акции, пусть даже пассивное, лишь продемонстрировало, как сильно ее политика теперь зависела от союзника.

Силовая акция в Константинополе, формально предпринятая для того, чтобы облегчить положение Франции в Киликии, на деле поставила Францию в весьма двусмысленное положение. Французские войска не приняли в ней участия во многом из-за того, что именно в этот момент до крайности обострился англо-французский конфликт вокруг командования союзными войсками в Константинополе, начавшийся более года назад. Дополнительную остроту этому спору придавала личная неприязнь генералов Мильна и Франше д'Эспре. Ситуация многократно обсуждалась на дипломатическом уровне, но положительных результатов это не дало. События 16 марта перевели эту проблему в более практическую плоскость. Теперь при всех важнейших турецких министерствах были созданы особые контрольные комиссии держав-победительниц, но на деле эти комиссии оказались почти везде (за исключением морского министерства) только английскими¹. Французы и итальянцы восприняли это очень болезненно — как попытку установления британской гегемонии на Босфоре — и предприняли ряд дипломатических демаршей с целью добиться «равноправия» в степени контроля над султанским правительством, которые, однако, не дали результата. В Париже этому вопросу придавалось очень большое значение. По словам Мильерана, «если мы позволим англичанам действовать в одиночку, мы, возможно, будем способствовать их тайным намерениям (*desirs secrets*), которые, кажется, состоят в том, чтобы обеспечить за собой

¹ DDF, 1920, Т. 1. № 258. Millerand á Cambon. 17/03/1920. P. 258.

военное руководство в Константинополе, чтобы создать там себе привилегированное положение. Неудобства в таком случае будут гораздо более серьезными, чем преимущества в глазах турок, которые нам могло бы принести невмешательство»¹. Здесь, как и в Киликии, предельно обнажилось главное противоречие турецкой политики Франции — стремление не упустить своего при территориальном разделе Османской империи и окончательном подчинении ее остатков и желание выглядеть «другом Турции», чтобы обеспечить надежность своих концессий и финансовых вложений. Англичане были заинтересованы, чтобы Франция придерживалась первой линии поведения, несмотря на возникавшие при этом трения. Правительство Мильерана было вынуждено следовать в кильватере английской политики.

Вопрос о возможной оккупации Константинополя привлек большое внимание общественного мнения как в Англии и Франции, так и в Турции, еще до самой этой акции. Газета *Le Temps* 2 марта призывала союзников сделать все, чтобы восстановить авторитет султанского правительства по всей Турции. В отличие от заседавших в Лондоне политиков газета проводила четкую грань между Высокой Портой и националистами. Предполагаемая союзническая акция в турецкой столице рассматривалась как безусловно вредная для интересов Франции. «Пока не будет восстановлен авторитет центрального правительства во всей азиатской Турции, демонстрации, которые производятся на Босфоре, часто рискуют развить в Анатолии дух мятежа и насилия. На кого тогда обрушатся ответные удары? На французские войска, которые охраняют Киликию»². 8 марта газета констатировала: «Константинопольское правительство потеряло все, что у него оставалось от доверия. Патриотичные и энергичные турки теперь находят себе место только в националистическом лагере»³. В английской прессе наблюдалась разногласица. Газета *Observer* писала «Теория "залога"⁴, предложенная г. Ллойд Джорджем, должна быть

¹ DDF, 1920, Т. 1. № 297. Millerand á Lefèvre, ministre de la Guerre. 27/03/1920. P. 431; см. также: *ibid.* № 338. Millerand á Cambon. 5/04/1920. P. 481—483.

² *Le Temps*. 2 mars 1920.

³ *Le Temps*. 8 mars 1920.

⁴ Имеется в виду британская идея использовать арестованных турецких националистов как заложников за киликийских армян.

подвергнута серьезному испытанию. Мы будем чрезвычайно счастливы, если сможем констатировать, что энергичная мера, которая скоро будет принята, заставила Мустафу Кемалья прислушаться к голосу разума». Газета *Daily Telegraph* сообщала: «Кажется, на этот раз наши союзники слегка изменили свои взгляды. Официальная Франция колеблется, общее мнение полностью изменилось, и туркофильские настроения подают признаки упадка. Если Франция хочет сохранить свой престиж на Востоке, нужно, чтобы она приняла активное участие в любой политической, морской или военной акции, которую предложит Великобритания». В то же время консервативная *The Times* сама проявляла сочувствие к «туркофильским настроениям»: «Мы не можем себе представить, чтобы наиболее рьяные любители политических трудностей в Европе когда-либо помышляли оккупировать Константинополь, послав туда исключительно британские силы, или чтобы такое решение могло бы быть принято без предварительной консультации с союзниками. ...Союзные страны не хотят приносить новые жертвы в золоте или в человеческих жизнях, если их честь не поставлена на карту. Они не согласятся сражаться, чтобы защитить интересы некоторых международных финансистов, которые намереваются расчленив азиатскую Турцию»¹. В то же время поступали сообщения о сочувствии Турции из французского Туниса² и английской Бенгалии, где в знак протеста был объявлен бойкот британских товаров³.

Сразу после оккупации столицы турецкие националисты приступили к организации независимого центра власти в Анкаре, которая с конца осени была резиденцией Кемаль-паши. Депутаты разогнанного меджлиса, избежавшие ареста, приглашались прибыть в Анкару для того, чтобы войти во вновь создаваемое Великое национальное собрание Турции (ВНСТ). В регионах, чьи депутаты прибыть не могли, проводились довыборы. Стамбульский меджлис окончательно прекратил работу 12 апреля, а Национальное собрание в Анкаре открылось уже через 9 дней и сразу же

---

¹ Английские газеты здесь цитируются по обзорам иностранной прессы в *Le Temps*. 8 mars 1920, 9 mars 1920.

² *Le Temps*. 12 mars 1920.

³ *Le Temps*. 10 mars 1920.

сформировало новое правительство — Исполнительный комитет во главе с самим М. Кемаль-пашой. Теперь в Турции окончательно оформилось двоевластие. С одной стороны — марионеточное и бессильное, но официально признанное правительство великого визиря в Константинополе, с другой — никем пока не признанное, но независимое и достаточно эффективное правительство Кемаля в Анкаре. Полный разрыв отношений националистов с Константинополем был теперь несомненным.

Итак, военная акция в турецкой столице не привела к ожидаемым результатам. Война в Киликии продолжалась, но теперь турецкие националисты обрели более четко оформленный политический центр. Поскольку этот центр находился далеко от расположения войск Антанты, не могло быть и речи о его ликвидации их собственными силами, что ставило под угрозу не только французские, но и английские планы в отношении Малой Азии, Фракии и Проливов. В частности, под угрозой оказался проект Ллойд Джорджа по утверждению Греции в районе Смирны в качестве британского оплота в непосредственной близости от Проливов. Французы не прочь были смягчить те статьи будущего мирного договора, которые не затрагивали их интересов. В частности, как уже отмечалось, Мильеран всерьез рассматривал возможность эвакуации греческих войск из Смирны. Такая перспектива не могла не беспокоить греческое руководство, задача которого состояла в том, чтобы как можно прочнее привязать политику Антанты в отношении Турции к собственным территориальным амбициям. Понимая, что наибольшая угроза этим амбициям исходит со стороны Франции, греческий премьер-министр Э. Венизелос предпринял попытку привлечь французов на свою сторону, воспользовавшись их слабым местом — неудачами в Киликии. В разговоре с Ф. Бертело 19 марта Венизелос пожаловался на изменение французской позиции по вопросу о Смирне и указал, что он имеет первостепенное значение для греческого общественного мнения. Бертело, в свою очередь, сослался на французское общественное мнение, для которого неприемлема затяжная война с Турцией. Венизелос ответил, что Франции самой невыгодно препятствовать утверждению Греции в Смирне, поскольку «греческая поддержка на Востоке, и в частности в Турции, в будущем будет гарантирована Франции, и это представ-

ляет большую важность, поскольку уже сейчас греческая армия может предоставить в наше распоряжение против турецких националистов более 100 000 человек, хорошо организованных и обученных нами самими (французами А.Ф.)». Иными словами, Венизелос откровенно предлагал свои услуги для расправы с кемалистским движением¹. В результате Венизелосу удалось добиться от Мильерана обещания не препятствовать закреплению Смирны за Грецией².

У нас нет сведений, был ли демарш Венизелоса предпринят по его собственной инициативе или же был инспирирован Ллойд Джорджем (что вполне вероятно). Но, во всяком случае, британский МИД решил использовать против кемалистов другое оружие. До Константинополя стали доходить сведения, что условия мирного договора будут крайне тяжелыми для Турции. Де Робек писал в Лондон, что добиться их выполнения можно будет только силой, которой у Антанты не было, и что ни один Великий визирь таких условий не примет³, но если смягчение условий невозможно, лучше иметь визиря, открыто враждебного националистам. Очевидно, эта идея получила одобрение, тем более что у англичан была уже подходящая кандидатура. Под их давлением 5 апреля великим визирем вновь стал Дамад Ферид-паша. После своего вступления в должность он однозначно заявил де Робеку о готовности правительства бороться с кемалистами не только силой морального авторитета халифата, но и силой оружия, используя для этого как регулярные турецкие части, так и нерегулярные отряды повстанцев, поднявшихся против произвола националистов в Анатолии⁴. Керзон дал согласие на этот план, но распорядился не обнадеживать Ферид-пашу смягчением условий мира⁵. Подобного рода восстания действительно имели место, и Дамад Ферид просил у англичан поддержки для них. Де Робек и Мильн обещали всяческую поддержку оружием и боеприпасами. Де Робек предложил даже специальный план, который предполагал при

¹ DDF, 1920, Т. 1. № 265. Berthelot á Millerand. 19/03/1920. P. 390 — 393. См. также: *ibid.* № 332. Millerand á Cambon. 3/04/1920. P. 475.

² DDF, 1920, Т. 1. № 344, Millerand á Cambon. 6/04/1920. P. 490.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 37. De Robeck to Curzon. 30/03/1920. P. 52—53.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 48 De Robeck to Curzon. 11/04/1920 P. 61—62.

⁵ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 52. Curzon to de Robeck. 20/04/1920. P. 63—64.

помощи подобных движений отбросить националистов от южного берега Мраморного моря, изолировав их в Центральной Анатолии и на побережье Черного моря, которое можно было бы контролировать с помощью флота. Об этих операциях французов предполагалось только ставить в известность, не спрашивая их согласия. Таким образом, англичане теперь готовы были развязать гражданскую войну, лишь бы избавиться от кемалистов. Желая подтвердить свою преданность англичанам и вдохновить антикемалистские движения, шейх-уль-ислам (главный мусульманский законовед) нового правительства издал фетву, проклиная националистическое движение¹. Однако эффективность таких действий была невелика. Уже 23 апреля заместитель де Робека адмирал Уэбб сообщил о разгроме под Пандермой крупнейшего антикемалистского движения во главе с черкесом Анзавуром и тут же предостерег от попыток использовать греческую армию, чтобы навязать туркам условия мира².

Завершение Лондонской конференции

Одновременно в Лондоне продолжала работу конференция. Уступчивость французского правительства во многих вопросах объяснялась обострением ситуации вокруг Германии. После Капповского путча, подавленного с помощью левых сил, во всей Германии начались выступления, организованные «спартакистами». Некоторые из них происходили в демилитаризованной прирейнской зоне (в Руре). Германское правительство обратилось к странам Антанты с просьбой разрешить ввести в эту зону войска для подавления волнений. Французское правительство несколько не сочувствовало «спартакистам», но оно не могло допустить отступления от буквы Версаля, чтобы не создать прецедента. Мильеран, отсутствовавший в это время на конференции, предложил выход: разрешить немцам войти в Рур, одновременно введя франко-бельгийские войска во Франкфурт и Дармштадт в качестве гарантии своевременного вывода немецких войск из Рура. Бри-

¹ Это было аналогично христианской анафеме. В ответ улемы Анкары издали свою фетву, проклинавшую правительство и его пособников.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 54. Webb to Curzon. 23/04/1920. P. 64—65.

танское правительство отвергло это предложение. Его обсуждение на конференции по времени совпало с обсуждением финансовых условий договора с Турцией. Франция к тому времени уже отказалась от планов полного контроля над экономической жизнью Турции, но многие финансовые статьи в первоначальном проекте договора казались ей неприемлемыми. Это касалось турецкой собственности, рассматриваемой как «залог» турецкого долга, на территориях, которые Турция теряла по договору, руководства финансовой комиссией при турецком Министерстве финансов (англичане старались не допустить французского контроля над ней), распределения доходов Администрации Османского долга (французы считали, что все они могут уйти на оплату административных и оккупационных издержек, а на выплату процентов по долгу денег просто не хватит). На заседании 24 марта Керзон сначала противостоял требованиям Камбона по германской проблеме, а затем с таким же упорством спорил с Бертело по поводу турецких финансов, так и не уступив ни в одном из этих вопросов¹. Англия не была заинтересована ни в том, чтобы французская военная машина держала под прицелом еще не окрепшую Германию, ни чтобы французская финансовая удавка держала под контролем обанкротившуюся Турцию.

В итоге французское предложение по германскому вопросу принято не было, но французские войска вошли во Франкфурт и другие города на Рейне, невзирая на неодобрение англичан². Вместе с тем обсуждение финансовых проблем турецкого мирного договора было отложено. Газета *Le Temps* 16 апреля, вспоминая об оккупации Константинополя, писала, что оно было чисто английской акцией, поскольку многие действия англичан во время и после оккупации предпринимались единолично, без консультации с союзниками. Обращаясь к последним новостям, газета писала, что, оккупировав Константинополь, «британское правительство, как мы видели, отделило себя от своих союзников, в то время как французское правительство этого не делало, оккупируя города на Майне. Прежде чем послать свои войска во Франкфурт, Франция потребовала «эффективного содействия» (*concours*

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 7. № 70. Meeting in London. 24/03/1920. P. 606—622.

² История Дипломатии. М., 1965. Т. 3. С. 210.

effectif) своих союзников. Требуя председательства и контроля в комиссиях, которые должны заседать в Константинополе, Англия, напротив, отказалась разделить со своими союзниками прерогативы, являющиеся результатом совместных действий»¹. Последние недели работы конференции прошли в отсутствие глав правительств за обсуждением второстепенных вопросов турецкого мирного договора и ситуации вокруг Рейнской зоны. Конференция завершила свою работу 10 апреля 1920 года.

Фейсал — король Сирии

В последний месяц работы Лондонской конференции все более тревожные сведения приходили из Сирии. По требованию националистов Фейсал в марте вторично созвал Сирийский конгресс в прежнем составе. Еще 7 марта эмир в особой телеграмме к Алленби сообщал об обстановке и спрашивал совета². 8 марта из Лондона пришло приглашение для Фейсала на конференцию с предупреждением против любых «безответственных действий»³. Однако в этот же день конгресс провозгласил полную независимость Сирии, включая Палестину, а Фейсала — королем нового государства. Претензии сионистов в отношении Палестины полностью отвергались⁴. Одновременно заседавший в Дамаске эмигрантский Иракский конгресс провозгласил независимость Месопотамии во главе с братом Фейсала Абдаллой и в союзе с Сирией⁵. Это был уже прямой вызов Великобритании. Теперь Фейсал, возможно против своей воли, сжигал все мосты, связывавшие его правительство с Антантой.

И англичане, и французы предполагали такое развитие событий и неоднократно напоминали Фейсалу, что судьбу Сирии решает мирная конференция. И все же решение Сирийского конгресса вызвало некоторое замешательство, поскольку оно шло вразрез с планами как Лондона, так и Парижа. В каирском штабе британских войск поначалу заподозрили, что за этим скрывается

¹ Le Temps. 16 avril., 1920

² DBFP, Ser. 1, Vol. 13, № 214. Allenby to Curzon. 7/03/1920. P. 221.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 13, № 215. Curzon to Allenby. 8/03/1920. P. 222.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 13, № 219. Allenby to Curzon. 13/03/1920. P. 224—225.

⁵ DBFP, Ser. 1, Vol. 13, № 230. Meinerzhagen to Curzon. 26/03/1920. P. 236.

французская интрига, направленная на установление мандата над «Единой Сирией» (включая Палестину и Заиорданье) под вывеской королевства Фейсала¹. Французы, однако, быстро дали понять, что для них такой поворот событий был еще большей неожиданностью. П. Камбон сначала в письме к Керзону², а затем и при личной встрече предложил считать решение Сирийского конгресса «совершенно ничтожным» (*null and void*). Керзон проявил здесь редкое единодушие с французами и без колебаний согласился направить Алленби и Гуро соответствующие телеграммы от имени двух правительств. Он, однако, не упустил случая напомнить о том, что англичане заранее предупреждали Францию о подобном развитии событий. По его словам, «нынешняя ситуация возникла не из-за какой-либо акции британского правительства, а исключительно из-за действий французского правительства и его чиновников». «Пока британцы оккупировали Киликию и Сирию, никаких неприятностей не происходило ... Я убежден, что, если бы они там остались, последние события не случились бы». Не без злорадства Керзон указал Камбону, что появление французов вызывало серьезные проблемы практически везде — в Киликии, в долине Бекаа, в Сирии. Это явно опровергало их настойчивые утверждения, что население этих районов встретит французских солдат и чиновников с радостью³.

Относительно дальнейшей линии поведения среди англичан существовали разные точки зрения. Алленби предлагал признать новый статус эмира Фейсала, поскольку альтернативой, по его мнению, была бы война с ним, в которую Великобритания была бы втянута французами, будучи абсолютно неподготовленной⁴. Он предлагал признать новый режим и создать конфедерацию Сирии, Палестины и Месопотамии с сохранением британской и французской администрации⁵. Эту точку зрения поддержал полковник Мейнерцхаген, указав, что непризнание Фейсала будет на руку только французам. Он предложил признать за эмиром новый титул

¹ RS, Vol. 2. GHQ Egypt to War Office. 10/03/1920. P. 88.

² RS, Vol. 2. Cambon á Curzon. 11/03/1920. P. 92.

³ RS, Vol. 2. Curzon to Lord Derby. 13/03/1920. P. 93—100; BDFA, Ser. B, Vol. 1. P. 265—266.

⁴ RS, Vol. 2. Allenby to Curzon. 18/03/1920. P. 122.

⁵ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 223. Allenby to Curzon. 18/03/1920. P. 231.

короля объединенной Сирии при условии, что Фейсал не будет вмешиваться в дела британской администрации в Палестине и французской — на побережье¹. Керзон, однако, решительно отверг подобные предложения. По его словам, британское руководство, разумеется, не допускало и мысли о возможности войны против Фейсала. Но оно не могло позволить, чтобы его ставили перед фактом свершившихся событий. Это было узурпацией полномочий мирной конференции, и признание такого решения создало бы опасный прецедент. Главный аргумент против признания заключался в том, что Сирийский конгресс, по мнению Керзона, был «самозванным» (*self-appointed*) органом, не имевшим никаких полномочий². В результате правительства Франции и Великобритании заявили Фейсалу решительный протест, отказались признать его новый титул, но повторили приглашение на конференцию³.

Со временем, однако, акценты в британской позиции начали меняться. В самом начале апреля Керзон в беседе с Камбоном допустил возможность пообещать Фейсалу признание королевского титула, если его избрание произойдет «в более правильной форме»⁴. Желая перехватить инициативу, Мильеран предложил издать от имени французского правительства декларацию о будущем Сирии, в которой парадоксальным образом сочетались возвышенные фразы об «общих принципах освобождения народов», «самоуправлении» сирийских арабов с утверждением, что на французское правительство «история возложила долг принять мандат» на Сирию. Теперь Франция будет помогать сирийскому населению своей «помощью и советом» «организовать себя как нацию» (*s'organiser en nation*)⁵. Эта декларация, впрочем, так и не была опубликована, скорее всего из-за возражений Гуро, не любившего вильсонистской фразеологии.

Сам Фейсал в общении и переписке с английскими представителями и официальными лицами постоянно подчеркивал «вынужденный» характер решения от 8 марта, которое было вызвано

¹ RS, Vol. 2. Meinertzhagen to Curzon. 17/03/1920. P. 121.

² RS, Vol. 2. Curzon to Allenby. 19/03/1920. P. 123—125; DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 224. P. 231.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 220, Allenby to Curzon. 13/03/1920. P. 225.

⁴ DDF, 1920, T. 1. № 324. Cambon á Millerand. 1/04/1920. P. 462—463.

⁵ DDF, 1920, T. 1. № 343. Millerand á Cambon. 6/04/1920. P. 488—490.

несоблюдением союзниками ими же провозглашенных принципов¹. Такие же объяснения давали представители Фейсала в Париже². В Европу Фейсал соглашался приехать только после признания Антантой независимости Сирии³, а также признания Палестины ее неотъемлемой частью. В последующие несколько месяцев продолжалась активная переписка между Дамаском и Лондоном, которая лишь повторяла прежние аргументы. Фейсала приглашали приехать в Лондон, а он требовал предварительного признания сирийской независимости. Фейсал, очевидно, рассчитывал, что рано или поздно Великобритания и Франция признают свершившийся факт. Англичане старались не допустить ситуации, при которой «хвост вертит собакой», и не дать Фейсалу диктовать им свои условия. Французы, со своей стороны, почувствовали, что, в связи с открытым нарушением Фейсалом январского соглашения, у них были полностью развязаны руки. Нужно было лишь подождать официального решения по вопросу о мандатах.

3. Конференция в Сан-Ремо (апрель 1920 года)

После Парижа и Лондона заседания Верховного Совета Антанты переместились в Сан-Ремо, где с 18 по 26 апреля проходила новая конференция. На ней почти в одинаковой мере внимание уделялось как Германскому, так и Восточному вопросам. Наиболее важными из турецких проблем были вопросы, связанные с распределением мандатов на арабские земли, будущим Курдистана, определением границ Армении и уточнением финансовых условий договора.

Гераклея, Палестина и нефть

Вопрос о мандатах не вызвал сколько-нибудь серьезных разногласий, поскольку был фактически давно решен. Споры возникли только по поводу статуса Палестины. Франция отстаивала права нееврейского населения этой страны, имея в виду местную

¹ См. напр. RS, Vol. 2. Feisal to Allenby. 20/03/1920. P. 131—133.

² RS, Vol. 2. Minute by major H.Young. 1/04/1920. P. 157—160.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 13, № 236. Feisal to Curzon. 4/04/1920. P. 246.

католическую общину, которая с давних времен находилась под французской защитой. Одновременно шло обсуждение Трехстороннего англо-франко-итальянского соглашения о разделе сфер влияния в Азиатской Турции. Англия уже не требовала для себя никаких сфер влияния в Анатолии, довольствуясь мандатом на Месопотамию и Мосул. Французские и итальянские представители согласились на английскую формулу соглашения. Его условия распространялись и на подмандатные территории, а в управлении бывшими германскими железными дорогами признавалось равенство прав между союзниками. Однако сохранялись франко-итальянские противоречия по гераклеюскому вопросу. Ллойд Джордж, ранее хранивший молчание по этому поводу, 23 апреля предложил передать все шахты Италии за соответствующую компенсацию французским акционерам¹. Возможно, так он хотел обеспечить уступчивость французских представителей при новом обсуждении вопроса о мосульской нефти. 24—25 мая было утверждено новое (уже третье по счету) англо-французское нефтяное соглашение (Бертело—Кадмэна). Франция отказалась от выдвинутого ею после денонсации соглашения Гринвуда—Беранже требования 50% от добытой нефти и согласилась на 25%. Эта доля должна была выражаться либо в сырой нефти (если месторождения будут разрабатываться за счет государства), либо в акциях (если дело будет поручено частным компаниям). При этом любая частная компания, занимающаяся месопотамской нефтью, должна была быть под полным британским контролем². Несмотря на эту уступку, французская пресса комментировала нефтяное соглашение как победу Франции, так как она получила долю в предприятии, в котором до войны участвовали только англичане и немцы. Обоснованием французских прав была только необходимость компенсации за пересмотр соглашения Сайкса—Пико³.

Нерешенность гераклеюского вопроса, очевидно, вынудила Мильерана и Бертело к уступчивой позиции по вопросу о Палестине, который обсуждался 24 апреля. Традиционно считается, что именно в этот день было принято решение о распределении

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 8, № 13. Meeting in San Remo. 23/04/1920. P. 134—137.

² Kent M. Op. cit. P. 153—155.

³ Le Temps. 25 mai 1920.

мандатов на Ближнем Востоке. На самом же деле вопрос о том, кому что достанется, был принципиально решен еще в сентябре 1919 года, а в Сан-Ремо дискуссии шли только вокруг деталей палестинского вопроса. Спор начался с возражений Бертело против включения декларации Бальфура в текст договора. По его мнению, это могло бы указывать на некий особый статус Палестины по сравнению с другими мандатными странами и вызвало бы «большие затруднения как в мусульманском, так и в христианском мире». К тому же, по его словам, союзники Великобритании по Антанте никогда официально не принимали эту декларацию. Напоминание Керзона о письме Пишона к Соколову не возымело действия: французы сочли этот документ слишком «неопределенным». Бертело даже назвал декларацию Бальфура «мертвой буквой» (*dead letter* в английском протоколе). Из выступления Мильерана стала понятна причина французской обеспокоенности: речь шла о сохранении в той или иной форме «католического протектората». Дальнейшая дискуссия во многом оказалась повторением февральских споров по этому поводу. Французы настаивали на соблюдении своих «традиционных прав», англичане и итальянцы возражали: то, что было уместно при турецком правлении, совершенно недопустимо при британском. Нитти предложил включить в договор следующий параграф: «Все привилегии и прерогативы по отношению к религиозным общинам упраздняются. Держава-мандатарий обязуется назначить в кратчайшие сроки специальную комиссию для изучения и урегулирования всех вопросов и всех претензий различных религиозных общин. При формировании этой комиссии будут учтены все существующие религиозные интересы. Председатель комиссии будет назначен Советом Лиги Наций».

Мильеран считал такую формулу неприемлемой и сослался на важность данного вопроса для общественного мнения его страны. Но все его усилия сохранить хоть какие-то следы французского политического присутствия в Палестине наталкивались на упорное сопротивление Ллойд Джорджа и Керзона. Они снова и снова указывали на невозможность существования двух мандатариев в одной стране. Ллойд Джордж применил и такой аргумент: «Необходимо помнить, что Православная церковь тоже имеет значительные интересы в Палестине. Сейчас Россия может быть на мели, но

она может возродиться в недалеком будущем». Ллойд Джордж предвидел, «какие трагические последствия могут возникнуть, если Православную церковь не будут принимать во внимание».

Понимая бесполезность борьбы, Мильеран попытался сделать свое отступление не столь явным. Сначала он предложил сделать палестинскую комиссию по религиозным вопросам межсоюзной, включив туда и представителей всех заинтересованных религиозных общин. Ему возразили, что такой орган будет недееспособен. Столкнувшись с объединенным англо-итальянским фронтом, Мильеран снова уступил. Ему удалось добиться лишь изъятия первого предложения из предложенного Нитти текста. В итоге в статье 95 Севрского договора оговаривалось, что в Палестине будет установлено мандатное управление, мандатарий должен будет действовать в соответствии с Декларацией Бальфура (которая, по настоянию англичан, дословно воспроизводилась), а все религиозные вопросы решит специальная комиссия, главу которой назначит Совет Лиги Наций. Отказ Франции от традиционных привилегий был зафиксирован в отдельной резолюции, принятой в тот же день¹. Так французский «католический протекторат» в Палестине ушел в историю 24 апреля 1920 года.

Вопрос о границах был поднят на следующий день. По словам Бертело, здесь уже не было затруднений. Формула «от Дана до Беершебы» предполагала уступку в пользу Палестины Сафедского округа (*казы*), в остальном же граница должна была следовать «линии Сайкса—Пико». Керзон ответил, что судьба восточного участка палестино-сирийской границы (то есть Голанских высот) еще не была решена. Кроме того, вопрос о границах Сирии нельзя было решать без участия Фейсала, который, несмотря на нелояльное поведение, оставался фактическим главой сирийского правительства. Такая перспектива вовсе не устраивала Бертело, который подчеркивал важность единой позиции держав по отношению к Фейсалу. В отношении границ Бертело заметил, что, принимая «библейскую» формулу, французы рассчитывали, что англичане не будут выдвигать дальнейших претензий. Ллойд Джордж поддержал Керзона, но облек это в многословную и малопонятную тираду. Французы решили не продолжать пограничный спор и

---

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 8. № 15. Meeting in San Remo. 24/04/1920. P. 159—171.

лишь настояли на том, чтобы в этот день было принято лишь формальное решение о распределении ближневосточных мандатов¹. Проблемы Палестины и соседних территорий на конференции не поднимались. Можно предположить, что французским представителям пришлось уступить перед давлением Керзона и Ллойд Джорджа, поскольку англичане могли применить свою излюбленную тактику «баланса сил», поддержать итальянские требования в Гераклею, и тогда французы могли лишиться своих прав в этом регионе. Когда гераклеийский вопрос был вынесен на обсуждение уже после решения палестинского, англичане предпочли сохранить нейтралитет. В итоге была найдена компромиссная формула совместной разработки угольных копей Гераклеи².

Курдистан и границы Армении

В Сан-Ремо также обсуждался ряд вопросов, связанных с восточными вилайетами Турции. Их важность определялась тем обстоятельством, что они лежали между Месопотамией и Закавказьем, то есть напрямую затрагивали и арабский, и русский вопросы. Будущее турецкого Курдистана было тесно связано с Мосульским вопросом, так как курды составляли значительную часть населения Мосульского вилайета. Ллойд Джордж был заинтересован в создании автономного Курдистана как буфера между Мосулом и собственно Турцией³. Французы же в основном беспокоились о своих экономических правах в курдских районах, граничивших с Сирией. Финансовые круги Франции, чья последовательно туркофильская позиция не всегда полностью совпадала с мнением правительства, возражали против отделения Курдистана от Турции, так как это еще более ослабило бы их главного должника, но в случае неизбежности такого отделения требовали для себя доли во влиянии на курдские дела на основании соглашения Сайкса — Пико⁴. В итоге было решено предоставить региону широкую автономию с правом отделения

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 8. № 16. Meeting in San Remo. 25/04/1920. P. 172—177.

² Helmreich P.C. From Paris to Sevres. The Partition of the Ottoman Empire at the Peace Conference of 1919—1920. Columbus (Ohio), 1974. P. 292—293.

³ Cumming H.H, Op. cit. P. 71.

⁴ Le Temps. 2 mars 1920.

от Турции. Границы Курдистана должны были на западе проходить по Евфрату, на востоке — по границе с Персией, на юге — по границе с Сирией и Ираком, на севере они четко определены не были, так как одновременно являлись южными границами Армении.

22 и 23 апреля при обсуждении будущих границ Армении возникли большие споры. Французский премьер-министр А. Мильеран выступал за включение в них Эрзурума, в то время как Ллойд Джордж считал это нереальным. Хотя приглашенные на заседание армянские представители (все те же Богос Нубар-паша и А. Агаронян) уверяли, что армяне сами смогут завоевать эту крепость, у главного военного эксперта маршала Фоша это вызвало только недоумение. По мнению военных, у армян не было никаких шансов самостоятельно овладеть городом. Явный раскол наблюдался и внутри делегаций. Мильеран и Бертело не соглашались с Фошем, а Керзон присоединился к ним, возражая Ллойд Джорджу. Бертело был убежден, что кемалистское движение, в руках сторонников которого находился Эрзурум, рано или поздно исчезнет. Ллойд Джордж, аргументируя свою позицию, заявил, что, если конференция решит передать Армении Эрзурум, это решение останется лишь на бумаге, поскольку некому будет его выполнять. К тому же «территория вокруг Эрзурума — мусульманская земля. Жители будут считать, что ведут священную войну против христианских завоевателей, и любое армянское предприятие будет совершенно безнадежным. Если бы существовал американский мандат на Армению, все было бы возможно, поскольку такое сильное государство, как Америка, смогло бы защитить права мусульман. Без такого мандатария подчинение магометанского населения христианским соседям было бы большой ошибкой, которая отозвалась бы во всем мусульманском мире. Если нет армянских районов за пределами Ереванской республики, то Армения не должна иметь большей территории»¹. После долгих дискуссий Ллойд Джордж предложил «поскорей избавиться» от этого вопроса. Было решено предоставить определение границ Армении президенту Вильсону. Английский премьер даже предположил, что, если Вильсон откажется от мандата на Армению,

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 8, №№ 11, 12, 14, 15. Meetings in San Remo. 22—25/04/1920. P. 107—114, 123, 145, 156—158.

другой президент сможет его принять. Президенту США направили официальный запрос об отношении его страны к мандату.

Германский вопрос, обсуждавшийся одновременно, постоянно оказывал влияние на ход дискуссий по турецким проблемам. Если за год до этого Франции необходимо было сочувствие Англии при составлении Версальского договора, то теперь ей нужна была ее поддержка в том, чтобы заставить Германию его выполнять. И германский саботаж, и турецкий национализм показывали слабость еще недостроенного Версальского порядка. В Сан-Ремо к старому вопросу о разоружении Германии впервые после Версаля добавился репарационный вопрос. Но ни точная сумма репараций, ни их распределение между союзниками не были определены. Однако, пойдя навстречу пожеланиям Франции, Англия согласилась направить Германии грозную ноту с предупреждением о необходимости выполнять договор.

Как уже говорилось, именно в это время в Анкаре открылось Великое национальное собрание Турции (ВНСТ), которое избрало своим председателем Мустафу Кемаль. Кемаль в поисках внешней поддержки установил контакт с Советской Россией и обменялся дружественными письмами с Г.В. Чичериным¹. Как впоследствии признавался Чичерин, турецкие националисты значительно помогли в установлении советской власти в Азербайджане, где они пользовались большим влиянием². Но во французской печати сообщения подобного рода вызывали недоверие, так как предполагалось, что турецкий национализм не может быть союзником большевиков-интернационалистов. Например, известный публицист и востоковед Поль Гентинзон писал, что азербайджанцы более восприимчивы к идеям пантюркизма, чем большевизма, и что соперничество между Лениным и Кемалем на Кавказе неизбежно³. Подобный взгляд объясняется своеобразной «ревностью» Франции по отношению к Советской России. Французы сами, несмотря на события в Киликии, не оставляли надежд на сближение с кемалистами. Вместе с тем их положение становилось все

¹ ДВП СССР, Т. 2. № 372. Чичерин — М. Кемаль-паше. 3/06/1920. С. 554—555.

² ДВП СССР, Т. 2 Приложение 7. Годовой отчет Г.В. Чичерина VIII Съезду Советов. П. XVIII. 22—29/12/1920. С. 724.

³ Le Temps. 25 mai 1920.

тяжелее. Французские войска вынуждены были оставить город Урфу, причем французский гарнизон был на обратном пути уничтожен турецкими или курдскими иррегулярными отрядами¹.

Конференция закончила работу 26 апреля. 11 мая условия мира были вручены делегации Высокой Порты, которая должна была принять их полностью или отвергнуть. Последний вариант был почти невероятен, так как, по словам А.Ф. Миллера, «державы-победительницы "договаривались", в сущности, с собственной марионеткой»². В то же время картина послевоенного устройства Ближнего Востока была еще не полностью завершена даже на бумаге. Великобритании и Франции предстояло еще выработать юридические условия своих мандатов для последующего их утверждения Лигой Наций. Также необходимо было окончательно определить границы между британской и французской мандатными зонами.

Окончательную ясность в условия договора внес 30 мая отказ сената США от мандата на Армению. Американские сенаторы прекрасно понимали, что англичане предлагают им то, что самой Великобритании не нужно. Некоторые из них иронически предлагали «поменяться мандатами» — отдать Армению англичанам, а себе забрать Месопотамию³. Но позиция Соединенных Штатов не означала полного самоустранения этой державы с Ближнего Востока. Для американцев была неприемлема лишь та форма, в которой европейцы, эксплуатируя идеализм президента Вильсона, предлагали им такое участие. Принятие мандата на любую из ближневосточных территорий, в особенности на Армению, не сулило ничего, кроме огромных расходов. Американский изоляционизм, как известно, ограничивал лишь политическую активность Вашингтона за рубежом, но в то же время предполагал и даже поощрял широчайшую экспансию американского капитала. Именно поэтому решения конференции в Сан-Ремо вызвали в Вашингтоне резкую критику. Особенно не устраивало амери-

¹ DDF, 1920, Т. 1. № 398. Gouraud á Millerand. 24/04/1920. P. 556.

² Миллер А.Ф. Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983. С. 189.

³ Поцхверия Б.М. Турецкий вопрос в сенате США (конец 1919 — середина 1920 года). // Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. Т. 19, М., 1956. С. 62—63.

канцев «нефтяное» соглашение Бертело—Кадмена, поскольку оно прямо противоречило принципу «открытых дверей» — одному из краеугольных камней внешней политики США. Англо-французская сделка устраняла американские компании от участия в дележе месопотамской нефти. Неудивительно поэтому, что Вашингтон ее не признал, заложив, таким образом, основы нового международного спора, который продолжался более десятилетия.

4. От Сан-Ремо до Севра (май—август 1920 года)

Условия мирного договора с Турцией, выработанные в Лондоне и Сан-Ремо, были чрезвычайно суровыми к самой отсталой из побежденных стран. В этом договоре европейский империализм, то есть стремление великих держав к территориальной и экономической экспансии, предстал в самом циничном и откровенном виде. Как в Англии, так и во Франции любому непредвзятому наблюдателю было видно, что добиться исполнения такого договора можно было только силой — события в Анатолии ни для кого не были тайной. Поэтому уже весной 1920 года в обеих странах оформилось противостояние между сторонниками и противниками договора. Одни готовы были применить силу для его осуществления, другие же считали, что выгоднее всего будет отказаться от этого договора и выработать более приемлемый документ.

Перспективы реализации договора: взгляды из Лондона и Парижа

В Великобритании главными противниками договора стали те, кому непосредственно пришлось бы навязывать его условия туркам, — военные. Еще 1 апреля, когда в Лондоне были выработаны только базовые условия договора, британский Генеральный штаб направил в Форин Оффис специальный меморандум. По мнению британских генералов, жесткие условия мира сделают военное столкновение между союзниками и турецкими националистами неизбежным. «Тот факт, что мы не можем рекомендовать крупномасштабных военных акций при тех союзных силах, которые в настоящее время находятся на Ближнем Востоке, ... подтверждает наше мнение о том, что ... еще не слишком поздно пересмотреть условия, которое предлагается навязать Турции, если только

Правительство Его Величества не готово к проведению новой мобилизации. Сейчас нет никаких резервов, и наши военные ресурсы уже настолько напряжены, что это ставит под угрозу даже выполнение наших нынешних задач». Греческая армия не сможет бороться с турками без помощи союзников, но еще хуже было положение Армении. «Генеральный штаб не видит, как армянское государство, если оно будет включать какую-либо часть бывших турецких вилайетов, может быть создано без добровольного согласия Турции, которое вряд ли может быть получено, если следовать нынешним предложениям». Генштаб рекомендовал сохранение турецкого «сюзеренитета» в Смирне, во Фракии и в Армении¹. Однако Ллойд Джордж игнорировал подобные предостережения, истолковывая их в узкопартийном смысле. В июне 1920 года он говорил лорду Ридделу: «Конечно, военные против греков. Они всегда такими были. Военные являются убежденными тори, а поддержка турок — это торийская политика. Они ненавидят греков. Вот почему Генри Вильсон, который является самым закоренелым тори, настолько против того, что мы сделали»². Однако «закоренелые тори» из Генштаба были не единственными противниками договора. Э. Монтегю, добившийся сохранения за Турцией Константинополя, теперь от имени «мусульманского мнения» выражал недовольство передачей грекам Смирны и Восточной Фракии: «Плоды победы достанутся Греции, но обвинения и жгучая ненависть падут на Великобританию»³.

Возникновению кемалистского правительства в Анкаре в Лондоне не придали сколько-нибудь серьезного значения. Телеграмма М. Кемаль-паши, направленная Керзону, осталась без последствий. Но деятельность кемалистов все более раздражала англичан. Когда они начали переговоры с торговой делегацией Советской России во главе с Л.Б. Красиным (объясняя недовольным французам, что эти переговоры еще не являются юридическим признанием большевиков), одним из условий советско-английского сотрудничества они выдвинули отказ от поддержки кемалистов⁴.

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 40. Memo by General Staff. 1/04/1920. P. 54—56.

² Riddell G. The Riddell Diaries. L., 1986. P. 316.

³ NA, Cab. 24/103. Memo by Montagu. 9/04/1920. P. 194.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 8. № 24. Meeting in London of British Ministers and Russian Trade Delegation. 31/05/1920. P. 288.

Гораздо более сильную критику текст договора вызывал во Франции. Об остроте ситуации красноречиво свидетельствует короткая записка британского посланника в Париже Дж. Грема Керзону от 15 июня: «В ходе сегодняшнего разговора генеральный секретарь Министерства иностранных дел¹ выразил сильное сомнение в том, что турецкое правительство подпишет мирный договор. И он практически уверен, что французская палата не ратифицирует его в нынешнем виде»². Трудности ведения войны против Кемаля внушили французам несколько большее чувство реальности, чем их английским партнерам. И если Бертело в Сан-Ремо еще мог надеяться на чудесное «исчезновение» кемализма после подписания договора, то французская пресса писала, что «настоящим вопросом является не подписание договора с новым правительством в Константинополе, а то, как заставить его исполнять договор в тех частях Фракии и Анатолии, где это правительство не имеет эффективного контроля»³.

В мае французы сделали последнюю попытку возродить хотя бы внешние воспоминания о «католическом протекторате» в Палестине, потребовав от Ватикана сохранения «литургических почестей» за французскими консулами в Иерусалиме. Ватиканские кардиналы предусмотрительно поинтересовались мнением британского правительства и получили ответ, что отказ французов от «протектората» должен рассматриваться как окончательный и сохранение даже его внешних проявлений недопустимо. Такой же неудачей закончилась попытка французов предложить Ватикану свои услуги как посредника, представляющего католические интересы в Палестине. В ответе Керзона, переданном в Ватикан, говорилось, что о французском присутствии в Палестине теперь будут напоминать только многочисленные религиозные здания (*sanctuaries*), принадлежащие Франции, а также религиозные и благотворительные учреждения, которые «хоть и не принадлежат Французской Республике, но являются французскими по национальному характеру»⁴.

¹ М. Палеолог.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 82. G. Grahame to Curzon. 15/06/1920. P. 86.

³ Le Temps. 20 avril 1920.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 275. Count de Salis to Curzon. 3/07/1920. P. 307—308; Ibid. № 299. Curzon to Count de Salis. P. 331—332.

Силовые меры

Конференция в Сан-Ремо окончательно развязала руки Франции в отношении Сирии. Прошедшие месяцы показали, что существование «шерифского» правительства в Дамаске абсолютно несовместимо с французским мандатом. Однако, пока военные действия в Киликии отвлекали на север французские силы, нельзя было и думать о серьезной акции против Фейсала. С другой стороны, отправка подкреплений на север крайне затруднялась тем, что правительство эмира контролировало единственную железную дорогу. Выйти из этого замкнутого круга можно было, лишь сделав окончательный выбор между Сирией и Киликией, и этот выбор был сделан в пользу Сирии, поскольку подготовленное только что Трехстороннее соглашение все равно оставляло Киликию в сфере французского экономического влияния. Пока шла конференция в Сан-Ремо, Мильеран пытался развеять любые сомнения англичан в способности Франции удержать Киликию¹. Но уже с начала мая французы тайно начали искать контакты с кемалистами на предмет возможного соглашения. Мильеран снова советовал генералу Гуро дать понять Кемалю, что Франция не будет возражать против сохранения турецкого суверенитета в этой провинции². С этой целью Гуро в середине мая направил в Анкару своего заместителя Р. де Кэ, который, правда, не имел полномочий обсуждать условия мирного договора, а лишь должен был убедить Кемалю, что Турции нет смысла воевать из-за территории, которая останется за ней и без войны³.

Между тем объявление о передаче мандата на Сирию Франции вызвало бурю негодования в Дамаске. По указанию арабского правительства началась мобилизация. Фейсал отверг новое приглашение на конференцию, на сей раз потребовав гарантий единства Сирии и Палестины⁴. Свой формальный протест против решения о мандатах со ссылкой на попранные «принципы самоопределения» Фейсал выразил в ноте от имени хиджазской

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 8. № 16. Meeting in San Remo. 25/04/1920. P. 179.

² Farrar M.M. Principled pragmatist. The political career of Alexandre Millerand. N.Y., Oxford 1991. P. 300.

³ DDF, 1920, T. 1. № 474. Gouraud á Millerand. 15/05/1920. P. 644—645.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 248. Allenby to Curzon. 13/05/1920. P. 257—259.

делегации в Париже, которую он все еще «по совместительству» возглавлял. Между тем, поскольку нападения «шерифских» отрядов на французские войска не прекращались, а также ввиду тяжелого положения на северном фронте первоочередной задачей для французов в Сирии стало установление контроля над железной дорогой, которая находилась в «зоне ответственности» Фейсала. Однако планы Мильерана шли гораздо дальше. Железная дорога соединяла четыре важнейших города Сирии (Дамаск, Хаму, Хомс, Алеппо), к востоку от которых вплоть до Евфрата была лишь пустыня с редкими оазисами. Иными словами, контроль над дорогой означал контроль над всей Сирией. Мильеран дал поручение Камбону уведомить британский МИД о намерении французов занять дорогу, а заодно потребовать, чтобы все контакты между англичанами и эмиром впредь осуществлялись только через посредство французского Верховного комиссара. Кроме того, указывалось на аномальность ситуации, при которой Фейсал был одновременно правителем Сирии и представителем Хиджаза¹. Англичане оставили за собой право прямых контактов с Фейсалом до решения пограничных вопросов, но согласились с французским проектом ответа хиджазской делегации (то есть фактически Фейсалу), в котором решения, принятые в Сан-Ремо, оправдывались ссылкой на статью 22 Устава Лиги Наций. Керзон лишь попросил Мильерана отложить продвижение французских войск к железной дороге, чтобы послать Фейсалу последнее приглашение на конференцию, отказ от которого означал бы окончательный разрыв отношений². Французы согласились на такую небольшую уступку и одновременно стали готовить подкрепления для армии Гуро³. Таким образом, по отношению к Фейсалу Антанта теперь выступала единым фронтом, французы получили от Лондона долгожданный карт-бланш. Эмиру еще несколько раз посылали приглашение прибыть в Париж для обсуждения ситуации, но он всякий раз находил поводы для отказа. Наконец в начале июня британский кабинет решил прекратить выплату

¹ DDF 1920, T. 1. № 460. Millerand á Cambon. 11/05/1920. P. 626—628; RS, Vol. 2. Cambon á Curzon. 13/05/1920. P. 181—183.

² RS, Vol. 2. Minutes by H. Young. 13/05/1920. P. 176—180; DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 251, Curzon to Cambon. 18/05/1920. P. 270—273.

³ DDF, 1920, T. 2. № 20. Millerand á Gouraud. 26/05/1920. P. 30—32.

субсидий всему хашимитскому семейству¹. Единственным влиятельным защитником «арабского дела» оставался фельдмаршал Алленби, который предупреждал свое правительство о возможности грандиозного арабского восстания в случае французского наступления в Сирии².

К этому моменту судьба дамасского правительства была уже решена в Париже. Проще было избавиться от него, чем тратить время на дипломатическое давление. Свой план Мильеран изложил в длинном меморандуме, суть которого сводилась к следующему. Главная причина всех французских неудач на Востоке — распыление сил. Французы должны защищать 400-километровый фронт в Киликии против турок и еще один 400-километровый фронт против «шерифских банд» в Сирии. Поэтому следовало оставить некоторые пункты на севере и сосредоточиться там на обороне небольшого, но стратегически важного района по линии Мерсина—Килис. Затем следовало одним ударом захватить «линию четырех городов» в Сирии, ликвидировать правительство Фейсала и заняться обустройством страны по своему усмотрению. Впоследствии можно было подумать о повторной оккупации оставленных пунктов на севере. Окончательная развязка стала лишь вопросом времени³.

Осуществлению этого плана весьма способствовали хорошие новости из Анкары. 28 мая де Кэ подписал перемирие с кемалистами сроком на 20 дней, которое предусматривало эвакуацию французских войск из районов Урфы и Айнтаба. Как признавал сам Кемаль, его сторонники восприняли это как большой успех, так как впервые представитель великой державы вел с ними непосредственные переговоры, минуя Константинополь⁴. Это перемирие вызвало определенное недовольство в Лондоне. Французы оправдывались тем, что перемирие не означает юридического признания кемалистского правительства. Правда, сам Мильеран считал договоренность с кемалистами частью более широкой политической стратегии: «Части наших теперешних трудностей

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 258, Curzon to Allenby. 9/06/1920. P. 286.

² NA, Cab. 24/154. Foreign Countries Report. 28/07/1920. P. 122.

³ DDF, 1920, T. 2. № 30. Millerand á Gouraud. 27/05/1920. P. 35—38.

⁴ Кемаль Мустафа. Указ. соч., Т. 3. С. 87—88.

можно было бы избежать, если бы Мустафа Кефаль был своевременно информирован о доброжелательной политике французского правительства по отношению к Турции и о его намерении сохранить османский суверенитет в Киликии»¹.

Однако Мильеран ни на минуту не подвергал сомнению положения мирного договора с Турцией, словно его исполнение националистами было автоматически гарантировано. Такое благодушие было совершенно неоправданно. По выражению Дефранса, теперь «все турки стали националистами». Никто иной, как Р. де Кэ, в беседе с Дефрансом (который с ним полностью согласился) выразил убеждение, что любые переговоры с националистами «не могут иметь шанса на успех, если в договор не будут внесены существенные изменения». Правда, оказавшись в Париже, он был вынужден признать, что «общая политика более важна, чем местная»², но сути дела это не меняло. И во Франции, и в Великобритании люди, лучше всего знакомые с ситуацией на месте, видели неосуществимость договора еще до его подписания, но в столицах их не слышали. Когда срок перемирия стал подходить к концу, Мильеран распорядился направить в Анкару некоего майора Лабонна для переговоров о его продлении. В секретной депеше по этому поводу особо указывалось, что майор «ни в чем не должен затрагивать текста договора» и вообще должен понимать, что его главная задача — выиграть время для подготовки атаки на Сирию³. Этот маневр не удался, поскольку и цели, и средства французской политики в Турции оставались абсолютно несовместимы с задачами кемалистского движения. В оккупированной французами Адане (главный город Киликии) как раз в это время был арестован турецкий губернатор. В это же время французский десант был высажен в черноморском порту Зонгулдак — центре гераклеийского угольного бассейна. Кемалисты объявили о прекращении переговоров.

Если французы готовы были прибегнуть к открытому военному насилию, чтобы избавиться от Фейсала, то для англичан главным врагом оставался Кемаль. Некоторое время они надеялись

¹ DDF, 1920, Т. 2. № 61. Millerand á Gouraud. 1/06/1920. P. 73—75.

² DDF, 1920, Т. 2. № 78. Defrance á Millerand. 5/06/1920. P. 100.

³ DDF, 1920, Т. 2. № 87. Millerand á Defrance. 9/06/1920. P. 113—115.

расправиться с ним силами турок, верных султану. Генерал Мильн оказывал всяческое содействие Дамад Фериду в организации антинационалистических сил. Французская печать с неодобрением относилась к таким действиям: «Политика генерала Мильна, насколько ее вообще можно понять, состоит в том, чтобы создать турецкое правительство, которое было бы достаточно сильным, чтобы подавить националистов, и в то же время достаточно послушным (*docile*), чтобы подписать договор, который был подготовлен в Лондоне и в Сан-Ремо»¹. Но многочисленные восстания против националистов, прокатившиеся по Анатолии весной и летом 1920 года, были быстро подавлены силами Кемаля. Султанская армия, охранявшая Исмидский полуостров, отказалась сражаться против кемалистов. Это ставило под угрозу азиатский берег Босфора напротив Константинополя².

В Лондоне вскоре поняли, что справиться с Кемалем не смогут ни сами союзники, ни марионеточное правительство в Константинополе. Особое беспокойство возникло после того, как в середине июня британские войска в районе Исмида были вовлечены в прямое военное столкновение с турецкими националистами, и де Робек уже запрашивал в Лондоне подкрепления³. 21 июня Керзон через своих послов стал добиваться содействия французских и итальянских войск в обороне Исмидского полуострова и призывать союзников «не показывать слабость» перед лицом националистов. Де Робек в этом вопросе добился поддержки двух других верховных комиссаров. В то же время он получал сведения о постоянных контактах французских и итальянских офицеров с кемалистами⁴. Таким образом, если англичане не могли рассчитывать на поддержку союзников даже в обороне крохотного клочка земли в Азиатской Турции, любое их содействие в более широкомасштабных операциях было тем более сомнительным. Чтобы не вовлечь Великобританию в войну, необходимо было найти новое решение накануне подписания мира с Портой. Такое решение было принято на конференции в Хите 20 июня

¹ Le Temps. 25 mai, 1920.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 79. De Robeck to Curzon. 10/06/1920. P. 83—84.

³ BDFA, Ser. B, Vol. 1. № 210. De Robeck to Curzon. 15/06/1920. P. 350—351.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 88. De Robeck to Curzon. 23/06/1920. P. 89—90.

1920 года и подтверждено на последовавшей за ней конференции в Булони. Свои «добрые услуги» опять предложил союзникам Э. Венизелос, и на сей раз у них не было выбора. Греческим войскам было разрешено начать наступление за «линию Мильна» для того, чтобы разгромить кемалистов. Мильеран, которому не удалось ценой небольших уступок договориться с Кемалем, сам заговорил об этом. Ллойд Джордж без колебаний согласился¹. Это был один из редких примеров англо-французского единодушия в ближневосточных делах. Вскоре греческая армия перешла в наступление в Малой Азии, одновременно осуществив высадку в Родосто (Текирдаге) и оккупировав всю Восточную Фракию, кроме Константинополя и Галлиполи, занятых союзниками.

С этого момента цели греческого присутствия в Малой Азии радикально изменились. Если раньше греческая армия использовалась лишь для подтверждения территориальных претензий самой Греции, то теперь она превратилась в орудие Антанты (в первую очередь Великобритании) против турецких националистов. Так как поначалу греческое наступление было успешным, союзники несколько успокоились и стали ждать, когда правительство Дамад Фериды, поначалу пытавшееся тянуть время², подпишет мирный договор.

Тем временем генерал Гуро закончил военные приготовления, доведя численность французских войск в Сирии до 50 000 человек (2/3 из них составляли колониальные войска). Но еще в течение месяца ситуация оставалась неопределенной. Фейсал предупреждал Алленби об опасности сговора французов с турецкими националистами³, а англичане опасались «взаимопонимания» между Фейсалом и Мустафой Кемалем⁴. Военные приготовления Гуро в британском военном ведомстве вызывали подозрения, что, изгнав Фейсала, французы начнут «создавать трудности» в англо-арабских отношениях, а арабы направят свою враждебность против

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 8. №№ 26, 27. Meetings in Hythe. 20/06/1920. P. 307, 313; Ibid. № 33, Meeting in Boulogne. 21/06/1920. P. 346.

² Условия договора показались неприемлемыми даже большинству членов султанского правительства. На этой почве, по наблюдению Дефранса, намечилось сближение между Константинополем и Анкарой, но эта тенденция не получила развития. См.: DDF, T. 2. № 135. Defrance á Millerand. 23/06/1920. P. 170—172.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 265. Feisal to Allenby. 19/06/1920. P. 289—290.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 266. Hardinge to Curzon. 21/06/1920. P. 289—291.

сионистов в Палестине¹. В то же время прекращение перемирия с турецкими националистами заставляло французов торопиться с решительными действиями в Сирии. Правда, как указывал Мильеран, некоторые гарантии от возобновления активных боевых действий давали успехи греческого наступления. Но он уже начал торопить Гуро, указав, что дамаскское правительство необходимо было ликвидировать независимо от того, приедет ли Фейсал на конференцию². Взаимосвязь различных проблем Ближнего Востока здесь проявилась как нельзя более четко. «Международные обстоятельства не позволили нам отказаться от предложенного г. Венизелосом использования греческих войск, чтобы дать Мустафе Кемалю урок, которого он заслуживает и который должен вынудить его быть более сговорчивым в отношениях с нами», — писал Мильеран в Бейрут³. Догадываясь о французских планах, Фейсал выразил готовность поехать в Париж для разрешения спорных вопросов, но на Кэ д'Орсэ его посланцам заявили, что эмир должен общаться теперь только с генералом Гуро⁴.

Вскоре Гуро счел момент подходящим для окончательной развязки. 14 июля он предъявил правительству Фейсала ультиматум с требованием признать французский мандат, передать французам железную дорогу, допустить хождение в Сирии выпущенных французами бумажных денег, распустить арабские вооруженные отряды и наказать виновных в нападениях на французов⁵. Фейсалу эти условия показались неприемлемыми, и он в отчаянии слал в Лондон и в Каир одно послание за другим с просьбами вмешаться. Аналогичные письма слал из Мекки его отец король Хусейн. От англичан ответа не было. В последний момент, когда французская колонна уже двинулась на Дамаск, Фейсал принял все условия, но Гуро якобы не получил вовремя его ответа и отдал приказ о наступлении. 24 июля возле деревни Хан Майсалун под Дамаском произошло сражение между французскими войсками и арабскими силами (в основном плохо вооруженные добровольцы).

¹ NA, Cab.24/107 Memo by War Office. 8/06/1920. P. 186.

² DDF, 1920, T. 2. № 147. Millerand á Gouraud. 26/06/1920. P. 183—184

³ DDF, 1920, T. 2. № 166. Millerand á Gouraud. 1/07/1920. P. 214—215.

⁴ DDF, 1920, T. 2. № 197. Paleologue á Millerand. 12/07/1920. P. 254—255.

⁵ RS, Vol. 2. Gouraud to Feysal. 14/02/1920. P. 274—282.

К вечеру все было кончено. Несколько тысяч арабов погибли, остальные в беспорядке отступили. Французы потеряли чуть более 30 человек и на следующий день торжественно вступили в Дамаск. Фейсал бежал сначала в Дераа, потом в Хайфу. Французы сформировали в Дамаске новое, послушное себе правительство, и Сирия окончательно попала под французский мандат¹. Мильеран, поздравляя Гуро с победой, писал, что «все следы режима, импровизированного Фейсалом без всякого на то права, должны исчезнуть, и никакой законной силы не может быть признано за постановлениями этого псевдо-правительства, все органы которого вы должны распустить»².

Реакция англичан была на удивление спокойной. Керзон лишь попросил Камбона, чтобы французы не заменяли Фейсала на сирийском троне каким-нибудь откровенным врагом Великобритании, на что тут же получил самые успокаивающие заверения³. Такая «корректность» англичан, видимо, объяснялась тем, что как раз в это время поднялось широкомасштабное восстание против британского господства в Месопотамии, которое англичанам приходилось подавлять силой. Керзон, очевидно, не хотел неприятных сравнений. Распределение мандатов не обошлось без кровопролития как для Великобритании, так и для Франции.

Получив контроль над Сирией, французы приступили к организации управления на свой манер. Страна была разделена на несколько автономных провинций с чисто декоративными местными органами власти, а единственная связь между ними заключалась в персоне французского верховного комиссара⁴. Спустя полтора месяца Гуро торжественно провозгласил в Бейруте создание независимого от Сирии государства Великий Ливан под французским мандатом в расширенных границах, которые можно видеть на карте и поныне. Сирийский вопрос был теперь исчерпан как международная проблема. Он стал внутренним делом Франции и в недалеком будущем причинил ей немало хлопот.

После окончания работы над текстом договора и англичанам, и французам было ясно, что его воплощение будет нелегким делом.

¹ Zeine Zeine N. Op. cit. P. 169—187.

² DDF, 1920, T. 2. № 263. Millerand á Gouraud. 29/07/1920. P. 338.

³ RS, Vol. 2. Curzon to G. Grahame. 28/07/1920. P. 295—296.

⁴ DDF, 1920, T. 2. № 310. Millerand á Gouraud. 7/08/1920. P. 395—396.

Обе страны заранее приняли меры, чтобы обеспечить выполнение выгодных для себя условий договора военным путем. Французы после короткого броска на Дамаск избавились от Фейсала, а англичане послали греческие войска в глубь Анатолии. Союзники по Антанте нисколько не мешали друг другу в проведении этих акций, но их результаты были различны. Если французы смогли быстро установить контроль над всей Сирией, то греческое наступление не избавило англичан от кемалистов. Вместе с тем недовольство условиями договора и неудачи на киликийском фронте заставляли французов искать контактов с Анкарой, что выразилось в заключении 20-дневного перемирия и в частых визитах французских офицеров из Константинополя к кемалистам. И хотя летом 1920 года эти попытки не дали ощутимых результатов, они ставили под серьезный удар еще не подписанный договор.

5. Характеристика Севрского договора

Договор о мире между Османской империей и Союзными и присоединившимися державами был подписан в Севре 10 августа 1920 года. Одновременно были подписаны Трехстороннее англо-франко-итальянское соглашение о сферах влияния в Анатолии и Итало-греческий договор о передаче Греции Додеканезских островов (за исключением о. Родос). Помимо подписей трех стран «согласия», Греции и Турции, под документом стояла подпись представителя дашнакского правительства Армении, признанного союзниками лишь де-факто, но отсутствовала подпись представителя Хиджаза — одного из учредителей Лиги Наций. После событий в Дамаске король Хусейн фактически прервал отношения с Антантой.

По условиям Севрского договора Турция теряла все арабские земли, а также Армению. Сирия, Палестина и Месопотамия переходили под мандаты великих держав (воспроизводились формулировки статьи 22 Устава Лиги Наций), Хиджаз и Армения получали полную независимость. Армяно-турецкую границу должен был определить президент США. Она должна была пройти через вилайеты Эрзурума, Трабзона, Вана и Битлиса, и Армения должна

была получить доступ к морю. Срок арбитража не оговаривался. Турция признавала британский протекторат над Египтом и аннексию Кипра. Восточная Фракия до линии Чаталджи передавалась Греции. Смирнский район в границах, близких к «линии Мильна», получал широкую автономию и оставался оккупированным греками до решения плебисцита через пять лет. Курдистан тоже получал широкую автономию с перспективой полной независимости в дальнейшем. Граница с Сирией проводилась таким образом, что в составе Сирии оказывалась и южная часть Киликии с городами Мардин, Урфа, Айнтаб. Вместе с тем за Турцией оставались Мараш, откуда французов к тому времени уже выбили кемалисты, и Адана. Северная граница Ирака мало отличалась от нынешней. Зона Проливов объявлялась демилитаризованной, а сами они — открытыми для торгового и военного судоходства и в мирное, и в военное время. Контроль над демилитаризацией поручался Англии, Франции и Италии. Они могли держать в зоне Проливов свои войска в любом количестве. Специальная комиссия назначалась для наблюдения за этим режимом. Она не зависела от местных властей и имела собственный флаг, бюджет и полицию. Султан оставался в Константинополе, но мог быть оттуда изгнан в случае невыполнения условий договора. Особая финансовая комиссия должна была контролировать все турецкие финансы за исключением доходов, находившихся в ведении Администрации долга. Финансовая комиссия утверждала бюджет и контролировала размещение займов. Турция лишалась права иметь военный флот и армию, которая заменялась небольшой жандармерией численностью не более 50 000 человек¹.

По Трехстороннему соглашению между Англией, Францией и Италией Франция получала экономическую сферу влияния в Южной и Центральной Анатолии, в границах бывшей «синей» зоны, обозначенной в соглашении Сайкса—Пико. Италия получала такую же сферу в юго-западной Анатолии. Багдадская железная дорога на всем протяжении переходила под совместный контроль союзников, но Франция могла выкупить права на монопольное управление ее киликийским участком за счет уменьшения своей доли в управлении остальными частями дороги.

¹ См. Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. М., 1927.

Севрский договор и Трехстороннее соглашение были, по существу, смертным приговором турецкому государству. Даже те из сохранных за ним территорий, которые не входили ни в какую автономию, сферу влияния или в зону Проливов, попадали под полный контроль держав-победительниц посредством долговой кабалы и контроля над финансами. Любое нарушение этого договора могло лишить турок единственной уступки со стороны союзников — Константинополя. Этот договор, который А.Ф. Миллер назвал «самым кабальным договором версальской системы»¹, не мог быть одобрен ни одним турецким правительством, хоть сколько-нибудь свободным в принятии решений.

Выше уже говорилось, что французская пресса выражала сомнения в практической осуществимости Севрского договора. Схожие настроения наблюдались и в Великобритании. Газета *The Times* писала о необходимости «заставить Кемаля подчиниться», но не уточняла, кто это сможет сделать. *Manchester Guardian* (орган либералов Асквита) критиковала договор, утверждая, что в случае его реализации более «не будет независимой Турции». Начавшееся в августе восстание в Месопотамии дало той же газете повод заявить о порочности системы «национальных мандатов» и предложить передачу всех мандатных территорий под управление Лиги Наций. Леволейбористская газета *Daily Herald* обращала внимание на антисоветскую направленность Севрского договора, который ставил Проливы под контроль враждебных России государств. Британскую политику в Турции газета называла «бесстыдным империализмом»².

Бесперспективность Севрского договора была очевидна многим внимательным наблюдателям в самих странах Антанты. Полковник Лоуренс, оказавшийся в этот момент не у дел и потому позволявший себе публичные высказывания, еще в мае 1920 года дал убийственную характеристику только что опубликованному тексту договора: «Условия Турецкого договора считаются неисполнимыми даже теми людьми, которые имели отношение к его подготовке. Абсолютно не принимались в расчет ни нынешнее

¹ Миллер А.Ф. Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983. С. 203.

² Аноп А.Ф. Указ. соч. С. 98—104.

состояние бывшей Турецкой империи, ни военные и финансовые возможности стран, которые стали ее наследниками. Каждая сторона, участвовавшая в выработке условий, учитывала только то, что она могла получить или, скорее, что ее соседям будет труднее всего у нее забрать или в чем труднее всего будет ей отказать. Сам документ это не план новой Азии, а выражение, почти что реклама алчности завоевателей. Ни одно из его положений не выдержит практического испытания за три года. Его судьба будет счастливее судьбы Версальского договора только в том, что он не будет пересмотрен, он будет забыт»¹.

Если рассматривать Севрский договор с точки зрения англо-французских отношений, то можно прийти к следующим выводам. С формально-юридической точки зрения договор основывался на тезисе о единстве и равноправии союзных держав — Англии, Франции и Италии. Однако фактическое положение вещей, которое создалось бы в случае его вступления в силу, никак нельзя назвать равноправием между союзными державами. Связано это с тем, что Англия и Франция располагали различными рычагами давления на турецкое правительство, на которых они строили свои политические расчеты. Сила Англии была основана прежде всего на британском флоте, стоявшем в Босфоре, и на британской армии, контролировавшей берега Проливов. Реализация постановлений договора о международном режиме Проливов привела бы к тому, что Проливы, по существу, превратились бы в новый Суэц, где французы, как известно, тоже имели некоторые формальные права, но заправляли всеми делами англичане. Константинополь постоянно находился бы под дулами пушек британских кораблей, а территории, непосредственно граничившие с зоной Проливов, оказались под контролем верного союзника Англии — Греции. Все эти соображения быстро получили распространение во французском общественном мнении, причем для некоторых наблюдателей «даже восстановление неограниченного турецкого суверенитета в Проливах казалось предпочтительнее, чем закрепление британского господства»². К этому

¹ The Sunday Times. May 30, 1920. Цит. по: Mears E.G. Modern Turkey. A Politico-economic Interpretation: 1908—1923 inclusive, with Selected Chapters by Representative Authorities. N.Y., 1924. P. 516.

² Temperley H.V. History of the Peace Conference of Paris. Vol. 6. L., 1924. P. 64—65.

следует добавить, что Трехстороннее соглашение также было выгодно англичанам. Оно обеспечило их участие в управлении турецкими железными дорогами и гарантировало от попыток Франции проникнуть в Месопотамию, что могло быть использовано основным конкурентом — США.

Сила Франции, с другой стороны, была основана на банках и ценных бумагах. Франция рассчитывала руководить действиями турецкого правительства, держа на его шее финансовую удавку. Однако в Севрском договоре эти планы не осуществились. Французы еще в декабре 1919 года в Париже, а затем на конференции в Лондоне предлагали, чтобы финансовая комиссия, призванная контролировать турецкие финансы, представляла собой реорганизованную Администрацию Оттоманского долга. В этом случае влияние каждой из держав в этой комиссии было бы пропорционально доле принадлежащих ей турецких облигаций, что дало бы неоспоримые преимущества французам. Но в Севрском договоре финансовая комиссия и Администрация долга представляли собой два разных учреждения. Администрация долга лишь сохраняла свои довоенные права. Реальная же власть была в руках финансовой комиссии, где союзные державы находились в равном положении. Таким образом, в финансовой сфере права Франции приравнивались к правам Англии, тогда как в военной сфере Англия имела несомненное преимущество. Но французская «программа минимум» была все-таки выполнена. Франция получила Сирию, часть Киликии и обширную сферу влияния в Анатолии. Выделив Франции эти куски «турецкого пирога», англичане добились того, что, несмотря на все противоречия, Франция в целом проводила согласованную с Англией политику.

В рассмотренный выше период (декабрь 1919 — август 1920 года) действия стран Антанты в разных частях света во все меньшей степени определялись их собственными долгосрочными планами и все больше диктовались внешними обстоятельствами. Именно в это время англичане ясно увидели, что, например, палестинские арабы не в восторге от идеи создания на их земле еврейского «национального очага», а французы столкнулись с открытым противодействием своим планам в Сирии, что выразилось в провозглашении независимого сирийского королевства. Саботаж Версальского договора со стороны Германии впервые показал,

что подписание мирного договора побежденной страной вовсе не обязательно влечет за собой его исполнение. Разгром основных сил белых армий в России показал безнадежность попыток свергнуть советскую власть силой. Одной из неожиданностей, с которыми пришлось столкнуться Антанте, стали первые военные успехи кемалистов в Киликии.

Острота англо-французских противоречий в этот период по сравнению с 1919 годом несколько ослабла. Это объяснялось тем, что старые противоречия вокруг границ на Рейне или Сирии были уже разрешены, а новые, связанные с воплощением в жизнь условий мирных договоров, еще не проявились достаточно явно. Вовлеченность Франции в открытый военный конфликт с турецкими националистами была очень выгодна англичанам, так как предотвращала возможное сближение между Парижем и Анкарой. Благодаря этому Мильеран и Бертело играли по одним правилам с Керзоном и Ллойд Джорджем, следуя установке на самые суровые условия мира. Противоречия, которые возникали между Францией и Великобританией в Лондоне и Сан-Ремо, не носили принципиального характера и легко разрешались (единственным исключением был вопрос о статусе финансовой комиссии). Во всяком случае, здесь не было таких столкновений между главами делегаций, которые случались в 1919 году в Париже. К тому же англичане умело использовали для давления на Францию третьего участника переговоров — Италию (как произошло, например, при обсуждении вопроса о Палестине и Гераклее). Но такое «сердечное согласие» между союзниками не ликвидировало фундаментального противоречия их интересов по отношению к Османской империи — военно-стратегического интереса Великобритании и финансово-экономического интереса Франции. Это противоречие неминуемо должно было проявиться, что и случилось еще до подписания договора. Критическое отношение к нему французской Палаты, новые попытки установления контактов с кемалистами на уровне офицеров и заключение перемирия в Киликии были первыми признаками той тенденции, которая в недалеком будущем станет определять французскую политику на Востоке.

Тяжелые поражения на киликийском фронте показали Франции всю ошибочность мнения Бертело о том, что кемалистское

движение — не более чем «блеф». Вместе с тем кемалисты в Национальном обете не отказывались платить по счетам предшествующих правительств, что для Франции было главным. Но возможное сближение Кемалю с Советской Россией ставило под сомнение получение вложенных денег. Поэтому в мае 1920 года предпринимается новая попытка сближения с Анкарой, однако жажда территориальных захватов взяла верх, и военные действия возобновились. Англичане же с самого начала не находили никакого иного языка для разговора с Кемалем, кроме языка силы. Оккупация Константинополя была фактически исключительно английским делом. Но взгляды на методы борьбы с Кемалем у Лондона со временем менялись. Если изначально предполагалось, что достаточно простого устрашения, затем было решено оказать поддержку Дамад Фериду в разжигании в Турции гражданской войны, то накануне подписания Севрского договора для подавления кемалистского движения были брошены греческие войска.

Процесс выработки условий Севрского договора представлял собой дипломатический торг между союзниками по Антанте без особой оглядки на события, происходившие в Турции. Недооценка силы и потенциальных возможностей кемалистов приводила руководителей стран Антанты к мысли о возможности решить данную проблему исключительно путем репрессий или самых незначительных уступок. Именно это глубокое заблуждение союзников и предопределило дальнейшую судьбу Севрского мирного договора.

Глава IV КРАХ СЕВРСКОГО ДОГОВОРА

1. Первое столкновение с реальностью (сентябрь—декабрь 1920 года)

Перспективы ратификации

Подписание мирного договора в Севре должно было завершить создание системы договоров, закреплявших победу Антанты в Первой мировой войне. С его вступлением в силу должно было прекратиться состояние войны между странами Антанты и Османской империей. Но уже ратификация договора вызывала большие трудности¹. Согласно турецкой конституции, сделать это мог только меджлис. Но его созыв полностью исключался, так как было ясно, что ни один турок, хоть сколько-нибудь привязанный к своей стране, не проголосует за такой договор. К тому же реакция националистов последовала незамедлительно: ВНСТ сразу объявило, что считает Севрский договор несуществующим². Но это не было неожиданностью для англичан. В течение многих месяцев британские представители в Константинополе, а также специалисты Военного министерства буквально засыпали свое руководство предупреждениями о том, что суровые условия мира можно будет навязать туркам только силой — фактически только путем новой войны. Но ни Ллойд Джордж, ни Керзон как будто не слышали этих предупреждений. Очевидно, им внушали некоторые надежды успеха греческих войск в Малой Азии, которые 29 августа заняли крупный город Ушак и продвигались дальше в направлении Анатолийской железной дороги. Ллойд Джордж

---

¹ В соответствии с принятой тогда практикой мирный договор должен был быть в первую очередь ратифицирован побежденной стороной, после чего следовали ратификации в парламентах стран Антанты. В нарушение этой практики Италия ратифицировала Севрский договор практически сразу после его подписания, но не через парламентскую процедуру, а королевским указом. Здесь и далее (кроме особо оговоренных случаев) под ратификацией Севрского договора понимается его ратификация Османской империей.

² Шамсутдинов А.М. Указ. соч. С. 230—231.

даже питал некоторые иллюзии, что с Кемалем скоро будет покончено. Во всяком случае, так он утверждал во время переговоров по разным международным проблемам с новым итальянским премьером Дж. Джолитти¹.

Появление и усиление в Анатолии независимого центра власти было опасно для англичан не только само по себе, но и ввиду возможности установления контактов между кемалистами и правительством Советской России². В Москве еще с середины июля находилась делегация ВНСТ, а 24 августа была завершена работа над текстом Советско-турецкого договора о дружбе³. Но англичане имели мало сведений о реальных возможностях кемалистов и поначалу надеялись, что ратификация договора распоряжением константинопольского правительства поставит их перед свершившимся фактом и заставит подчиниться верховной власти страны. К этому времени сторонники Кемаля контролировали почти всю Анатолию, за исключением территорий, оккупированных странами Антанты и греками. Константинопольское правительство не имело практически никакой власти за пределами своей резиденции. Оно само хорошо понимало это, если судить по предложению Дамад Фериды ратифицировать договор указом султана⁴. Де Робек писал по этому поводу в Лондон, что в случае отставки Дамад Фериды ни одно другое правительство на такую процедуру не согласится⁵.

Помимо всего прочего, Высокая Порта оказалась на грани финансового краха, и спасти ее могла только помощь стран Антанты. Но, по убеждению англичан, такая помощь могла быть оказана только через посредство финансовой комиссии, предусмотренной договором. Де Робек предлагал назначить представителей держав в эту комиссию, не дожидаясь ратификации договора⁶. Сам же турецкий султан готов был скорее отречься от престола,

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 8, № 87. Conversation of Lucerne between Mr. Lloyd George and Sig. Giolitti. 22/08/1920. P. 770—773.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 13, № 121. De Robeck to Curzon. 12/10/1920. P. 123—124.

³ Кузнецова С.И. Установление советско-турецких отношений. М., 1961. С. 19—23.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 13, № 136. De Robeck to Curzon. 10/09/1920. P. 139.

⁵ DBFP, Ser. 1, Vol. 13, № 150. De Robeck to Curzon. 4/10/1920. P. 154.

⁶ DBFP, Ser. 1, Vol. 13, № 130. De Robeck to Curzon. 28/08/1920. P. 132; Ibid. № 135. De Robeck to Curzon. 10/09/1920. P. 138.

чем работать с пронационалистическим правительством. Все это свидетельствовало о глубоком кризисе константинопольского правительства. Керзон написал на донесении де Робека: «Мне не нравится, как идут дела в Константинополе, где французы получают преимущество. Чем скорее мы будем иметь там посла, тем лучше»¹. Назначение посла было возможно только после ратификации договора. Нам трудно судить, в чем Керзон усмотрел «преимущества», которые получают французы от продления неопределенной ситуации. Однако уже к началу октября стали проявляться разногласия между англичанами и французами относительно дальнейшей линии поведения. Французский верховный комиссар Дефранс проявлял недовольство сохранением у власти проанглийского кабинета Дамад Ферид-паши², а французское правительство (как, впрочем, и итальянское) игнорировало просьбы англичан о назначении своего представителя в финансовую комиссию³. Одним словом, французы были явно не расположены как-либо содействовать скорейшему вступлению договора в силу.

Во Франции были все основания для недовольства ситуацией. Севрский договор лишал Францию многих рычагов экономического господства в Турции. И хотя французские требования в Германском вопросе были частично удовлетворены на конференции в Спа⁴, а события в Сирии избавили ее от давнего заклятого врага — Фейсала, даже эти успехи были весьма сомнительны. Обещание немцев, даже скрепленное подписями, не гарантировало от дальнейшего саботажа, а в Сирии англичане не дали Франции успокоиться. Уже 8 августа Керзон на короткой конференции в Хите заявил, что британское правительство собирается сделать Фейсала королем Месопотамии. Мильеран расценил это как желание Англии утвердить злейшего врага Франции рядом с ее владениями в Сирии⁵. Французы к тому же были по-прежнему втянуты в затяжной конфликт с кемалистами в Киликии, причем

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 150. De Robeck to Curzon. 4/10/1920. P. 154—155.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 148. De Robeck to Curzon. 1/10/1920. P. 152.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 151. De Robeck to Curzon. 4/10/1920. P. 155—158.

⁴ Франция получала 52% общей суммы репараций, а немцы обязывались поставлять во Францию уголь в требуемых количествах.

⁵ DBFP, Ser. 1, Vol. 8. № 83. Meeting in Hythe. 8/08/1920. P. 716—718, DDF, 1920, T. 2. № 335. Millerand á Curzon. 11/08/1920. P. 428—431.

положение на фронте складывалось не в их пользу. Французские войска оставили Айнтаб и вели тяжелые бои в окрестностях города. Линии коммуникаций французских войск во многих местах были перерезаны. Гуро запрашивал Мильерана о возможности полной эвакуации большей части Киликии с последующей передачей ее представителям султанского правительства в противовес националистам. Мильеран не одобрил этот план¹. Начинали раздаваться голоса, что французская политика на Ближнем Востоке не соответствует национальным интересам страны. Пьер Лоти — известный писатель, несколько раз побывавший в Турции, — убеждал соотечественников «не совершать такой глупости и такого преступления, как участие в уничтожении самого преданного нам народа (*la race*) Европы и нашего единственного друга (Турции — *А.Ф.*) в пользу нашего неизменного соперника (Англии — *А.Ф.*) и его презренной маленькой союзницы (Греции — *А.Ф.*)»².

Британское руководство в августе—сентябре еще колебалось в выборе средств для выполнения условий мирного договора. Логика подсказывала два возможных решения: новое греческое наступление в глубь Анатолии с целью полного разгрома Кемаля или попытка навести мосты между Константинополем и Анкарой, чтобы установить контакт с «умеренными националистами», дав им понять, что договор допускает «вольное толкование». Венизелос в письме к Ллойд Джорджу настаивал на первом варианте, предлагая в качестве наказания за неисполнение договора изгнать турецкое правительство из Константинополя и создать на черноморском побережье греческую республику Понта³. Французы устами Дефранса предлагали второй вариант, при этом оговариваясь, что его осуществление будет невозможно, если у власти в Константинополе останется Дамад Ферид-паша⁴. Несмотря на критику договора общественным мнением, Мильеран не хотел отказываться от документа, соавтором которого он был. Надежду на его осуществление он связывал с отставкой кабинета Ферид-паши, личность которого представлялась ему главным раздра-

¹ DDF, 1920, T. 2. № 434. Gouraud á Millerand. 5/09/1920. P. 559—562.

² Loti Pierre. La mort de notre chère France en Orient. P. 1920. P. II—III.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 152. Veniselos to Lloyd George. 5/10/1920. P. 157—158.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 148. De Robeck to Curzon. 1/10/1920. P. 152.

жающим фактором для националистов¹. Дефранс писал в Париж, что отставка Фериды — дело решенное, но перед этим следует добиться от него ратификации договора указом султана. На случай неудачи Дефранс даже договорился с де Робекком произвести негласный зондаж среди турецких политических деятелей и сделать великим визирем любого из них, кто согласится ратифицировать договор². Сам Ферид продолжал настаивать на уничтожении кемализма силами, верными центральному правительству, несмотря на неудачу всех предыдущих попыток. А так как в финансовом отношении его правительство было близко к банкротству, то он просил у союзников финансовой помощи в виде новых займов³. Особого энтузиазма эти предложения не вызывали ни в Лондоне, ни в Париже. Руководство британского Форин Оффиса склонялось к замене Фериды компромиссной фигурой и отправке от имени нового правительства в Анкару особой миссии, призванной убедить националистов в неизбежности принятия свершившегося факта⁴. Де Робек писал в Лондон, что великий визирь, удобный французам, смог бы косвенно пригодиться Англии, так как французские банкиры взяли бы на себя оказание ему помощи и избавили бы от этой головной боли британское правительство⁵.

Идея об отправке в Анатолию специальной миссии от константинопольского правительства была предложена верховными комиссарами союзных стран еще в начале августа, то есть до подписания договора⁶. Тогда Форин Оффис полностью поддержал эту инициативу. Но задачи миссии должны были быть чисто информационными — она должна была убедить кемалистов в неизбежности принятия Севрского договора как свершившегося факта, а также попытаться отколоть от кемалистского лагеря «умеренных» и противопоставить их «экстремистам». Большие споры вызвал вопрос о том, должны ли представители великих держав сопровождать миссию. Французскому верховному комиссару Дефрансу не нравилась идея превращения миссии в официальную

¹ DDF, 1920, T. 2. № 431. Millerand á Defrance. № 431, 4/09/1920. P. 557—558.

² Ibid. P. 558, note 1.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 135. De Robeck to Curzon. 10/09/1920. P. 138.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 145. Curzon to de Robeck. 30/09/1920. P. 146—150.

⁵ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 148. De Robeck to Curzon. 1/10/1920. P. 153.

⁶ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 113. Curzon to de Robeck. 3/08/1920. P. 116.

делегацию Антанты. Де Робек, напротив, считал, что присутствие союзных офицеров придаст миссии больший вес¹. Французское правительство к концу сентября согласилось с участием союзных офицеров в работе миссии, но настаивало на том, чтобы ее отправке предшествовала отставка англофильского кабинета Дамад Ферид². Сам Дамад Ферид-паша, ненавидевший кемалистов, настаивал на присутствии союзных офицеров с целью демонстрации силы и оказания давления на сторонников Кемалля³. Британский Форин Оффис высказывал другое пожелание: ратификация договора турецким правительством должна предшествовать отправке миссии⁴. Наконец, к 23 октября и британское правительство отказалось от посылки своих представителей с миссией, очевидно, не желая открыто участвовать в деле, успех которого был сомнителен⁵.

Тем временем у французской стороны исчезли и чисто персональные мотивы для сохранения Севрского договора. 23 сентября 1920 года А. Мильеран, подписавший от имени Франции договор, был избран президентом республики и, таким образом, оставил пост премьер-министра. Через два дня главой правительства и одновременно главой МИД стал бывший морской министр Жорж Лейг. Он был глубоко заинтересован в колониальных и в особенности ближневосточных делах. Лейг был активнейшим сторонником французской «колониальной партии». В 1906 году Лейг недолгое время занимал пост министра колоний, а в конце 1918 года как морской министр весьма способствовал высадке французских войск в Бейруте, что создало для Франции первый плацдарм для экспансии в Сирии и Ливане.

Первоначально Ж. Лейг придерживался той же позиции, что и его предшественник, и был убежден в возможности «силового» исполнения Севрского договора. В частности, он не позволил Гуро сократить французское военное присутствие в Киликии,

---

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 142. De Robeck to Curzon. 23/09/1920. P. 143; Ibid. № 148. De Robeck to Curzon. 1/10/1920. P. 153.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 149. Curzon to Earl of Derby. 1/10/1920. P. 153—154.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 142. De Robeck to Curzon. 23/09/1920. P. 142—144; Ibid. № 148. De Robeck to Curzon. 1/10/1920. P. 152—153.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 149. Curzon to Earl of Derby. 1/10/1920. P. 153—154.

⁵ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 160. Curzon to de Robeck. 23/10/1920. P. 162—163.

которая представлялась новому премьеру буферной зоной у сирийской границы: «Я ни в коей мере не допускаю возможности покинуть позиции, которые мы занимаем, и жителей, которых мы защищаем». Лейг надеялся, что Гуро сможет добиться успеха, комбинируя «военные и политические усилия», и сообщил ему, что «будет предпринята попытка убедить националистов Кемалья в бесполезности их сопротивления и необходимости принятия договора»¹. В циркулярном письме французским представителям в Лондоне, Риме и Константинополе Лейг подчеркивал необходимость скорейшей ратификации договора султанским указом. Его план был таков: сначала ратификация, потом отставка Дамад Фериды, потом отправка миссии в Анатолию с целью «убедить» кемалистов, одновременно финансовая помощь новому правительству в Константинополе и создание 15-тысячной вооруженной силы, подчиненной ему, формирование предусмотренных договором международных комиссий (финансовой, военной, морской, воздушной, по Проливам), «точная работа которых представляет одинаковый интерес как для союзников, так и для Турции»².

Ж. Лейг не терял надежду на скорую ратификацию договора до самого конца октября. Он заранее подготовил декларацию о принципах французской политики на Востоке после ратификации. В ней провозглашалось, что Севрский договор «завершает серию международных актов, которые увековечивают в мире триумф права». Он «определяет и усиливает нашу позицию в Леванте», которая имеет для Франции «капитальное значение», поскольку позволяет «восстановить наше положение в Средиземноморье». Отказ от договора был бы «отречением» (*abdication*). В самых возвышенных выражениях от лица «французского народа» в документе выражалось «горячее желание видеть, как народы откажутся от старинных споров и кровавых столкновений, которые их истощают, и посвятить свои усилия, в очерченных договорами рамками, возрождению своих руин и восстановлению их былого процветания». Помощь Франции обещалась в равной степени и

¹ DDF, 1920, T. 3. № 35. Leygues á Gouraud. 4/10/1920. P. 48—49.

² DDF, 1920, T. 3. № 54. Leygues á Defrance. P. Cambon, Barrère. 11/10/1920. P. 74—75.

Армении, и Турции, и другим странам, как подмандатным, так и независимым. Особое увещевание адресовалось «туркам, которые, вдохновленные искренними чувствами, были вовлечены в безнадежную авантюру и до сих пор продолжают борьбу, которая может только увеличить их невзгоды и страдания». Победоносная Франция, «чуждая любому духу завоевания и подчинения», преследует единственную цель — «излечить вред, нанесенный войной, и возродить порядок, доверие и труд»¹. Для нас в этой декларации интересно не столько ее безграничное лицемерие, сколько желание так примирить народы Османской империи, чтобы были «и волки сыты, и овцы целы». Франции, как известно, на собственном опыте в Киликии пришлось испытать всю сложность межнациональных отношений на Востоке. Впрочем, эта декларация так и осталась черновым проектом.

Дамад Ферид, очевидно, испугавшись ответственности, отказался ратифицировать договор в обход конституционных процедур. Это окончательно лишило смысла всякую его поддержку со стороны Антанты². 17 октября султан по рекомендации союзников отправил кабинет Дамад Фериды в отставку. Новый кабинет возглавил Тевфик-паша, большой авторитет которого в стране признавал даже Кемаль³. Де Робек во время первой беседы с новым главой правительства настаивал на ратификации договора решением правительства, начале работы финансовой комиссии и начале применения финансовых статей договора еще до его ратификации союзными державами⁴. Позиция правительства Тевфик-паши заключалась в необходимости соглашения с националистами, созыва меджлиса и ратификации договора конституционным путем⁵. Правительство Тевфик-паши, оказавшись между «молотом» Антанты и «наковальной» кемалистского движения, стало использовать планируемую миссию в Анатолию для того, чтобы попросту тянуть время, постоянно откладывая ратификацию⁶.

¹ DDF, 1920, T. 3. № 138. Leygues à DeFrance. 30/10/1920. P. 202—203.

² DDF, 1920, T. 3. № 72. Leygues à Bonin de Longare, Ambassadeur d'Italie à Paris. 14/10/1920. P. 99.

³ Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. Т. 3. С. 137.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 158. De Robeck to Curzon. 20/10/1920. P. 160—162.

⁵ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 166. De Robeck to Curzon. 28/10/1920. P. 165—167.

⁶ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 166. De Robeck to Curzon. 28/10/1920. P. 165—167.

Судьба Армении и великие державы

Время, как показали события, работало на Турцию. Первые признаки развала Севрского договора проявились на Кавказе. В конце сентября началась война между дашнакской Арменией и кемалистской Турцией. Поводом послужил конфликт из-за приграничного городка Олты, но истинная причина была в территориальных претензиях Армении по Севрскому договору, с которыми Турция не могла мириться. Турки начали наступление, перейдя старую русско-турецкую границу 1914 года. 29 сентября был взят Сарыкамыш. После месячной задержки турецкое наступление было возобновлено. Дефранс писал в Париж, что от результатов войны будет зависеть дальнейшая политика Кемалья, в первую очередь его «сговорчивость» в отношении Севрского договора¹. Результаты не заставили себя ждать. 30 октября был занят Карс, 7 ноября — Александрополь (Гюмри)². Наступление сопровождалось уже «традиционными» расправами с армянским населением. Британский представитель в Закавказье полковник Стокс в это время предлагал своему руководству в Лондоне самые фантастические планы «спасения» Армении: то высадить греческий или союзнический десант в Трабзоне, то спонсировать антибольшевистское восстание на Северном Кавказе³. Как это могло повлиять на ход армяно-турецкой войны, оставалось загадкой. В Лондоне и Париже такие идеи были отвергнуты. Маршал Фош, глава союзного военного комитета в Версале, оценил, что экспедиция в Трабзон потребовала бы от союзников как минимум четырех дивизий, что было абсолютно невыполнимо в тех условиях⁴. Агонизирующее дашнакское правительство металось между турками, большевиками и тем же Стоксом, который рекомендовал армянам договориться с турками, так как союз с большевиками «был бы хуже»⁵. Большевики требовали полного разрыва с Антантой и немедленной советизации Армении. Турки выдвинули

¹ DDF, 1920, Т. 3. № 119. Defrance á Leygues. 25/10/1920. P. 173—174.

² Кемаль Мустафа. Указ. соч. Т. 3. С. 117—119.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 12. №№ 601, 605, 606. Stokes to Curzon. 1, 8, 13/10/1920. P. 635—637; Ibid. № 608, 609. Curzon to Stokes. 21, 22/10/1920. P. 639—642.

⁴ DDF, 1920, Т. 3. № 63. Foch á Leygues. 12/10/1920. P. 88—89.

⁵ Walker C.J. Op. cit. P. 314.

крайне жесткие условия перемирия, но армяне 17 ноября были вынуждены их принять. Мирные переговоры начались в Александрополе 26 ноября. Через три дня со стороны уже советского (с апреля месяца) Азербайджана в Армению вступили большевистские отряды, и сопровождавший их ревком провозгласил в стране советскую власть. Дашнакское правительство в Ереване само смотрело на Советскую Россию не как на нового врага, как на «последнюю соломинку». Красная Армия представлялась единственной силой, способной остановить турок. Поэтому передача власти прошла мирно и была оформлена особым соглашением от 2 декабря. В новое правительство вошли пять большевиков и два левых дашнака.

Между тем переговоры в Александрополе завершились 2 декабря подписанием мирного договора, по которому Турции передавались Карс и Сарыкамыш, в Нахичевани устанавливался временный турецкий протекторат. Турция брала Армению под свою «защиту», то есть получала право вмешиваться в ее дела. От Армении оставался небольшой кусок территорий вокруг Еревана и озера Севан, граница проводилась в основном по рекам Аракс и Арпачай¹. Турецкая оккупация Александрополя продлевалась на неопределенное время. Поскольку дашнакское правительство самораспустилось до подписания договора, глава армянской делегации А. Хатисян подписал его на свой страх и риск, чтобы не допустить нового турецкого наступления. Но независимого армянского государства больше не было. Оставшаяся за Арменией территория контролировалась советским правительством в Ереване, подвластные ему земли были вскоре заняты Красной Армией.

В этой ситуации как настоящее издевательство выглядели объявленные в конце ноября результаты американского «арбитража» по границам Армении. Предложенные границы включали огромные территории на востоке Анатолии с городами Эрзурум, Трабзон, Эрзинджан, Муш, Битлис и Ван. Армянофильство Вильсона далеко превысило самые смелые предположения англичан и французов, которые за полгода до этого горячо спорили в Сан-Ремо о способности армян присоединить к своему государству Эрзурум, а речь о более удаленных городах даже не шла.

---

¹ Кемаль Мустафа. Указ. соч. Т. 3. С. 117—119, 317—320 (примечания); Международная политика... Ч. 3. Вып. 2 С. 71—72.

Нетрудно заметить, что Вильсон поступил в соответствии с рекомендацией комиссии Кинга—Крейна и провел границу примерно по линии русско-турецкого фронта 1916—1917 годов (добавив к ней еще и южный берег озера Ван). Но в конце 1920 года линия фронта проходила совсем в другом месте, и именно ее взял за основу турецкий генерал Кязым Карабекир-паша, диктуя армянам условия Александропольского мира. По выражению Лейга, вильсоновская граница «совершенно не принимала в расчет турок и реальное положение дел»¹.

Печальная судьба Армении не внушила руководителям стран Антанты особой тревоги. Руководители Великобритании, Франции и Италии остались глухи к просьбам правительства Армении о помощи². В этот самый момент они дружно высказались против принятия Армении в Лигу Наций, отвергнув идею армянофильских кругов из женевской штаб-квартиры Лиги. Отказ объяснялся тем, что «Севрский договор, который превратил Армению в независимое государство, еще не ратифицирован», а державы — члены Лиги не могут гарантировать уважение границ Армении, предложенных Вильсоном³. Заметным следствием поражения Армении было лишь письмо к Керзону от полковника Стокса от 6 ноября. Стокс предполагал возникновение конфликта между кемалистами и большевиками из-за контроля над Закавказьем и предлагал использовать это обстоятельство в интересах Великобритании, заручившись дружбой Кемалья ценой отказа от поддержки греков. «Это приведет на нашу сторону весь Ислам, а для дальнейшего существования нашей империи необходимо, чтобы Ислам был на нашей стороне». Стокс предлагал свои услуги в установлении контактов с Кемалем⁴. Керзон никак не отреагировал на предложения Стокса. Он не собирался резко менять британскую политику и даже советовал своему представителю в Константинополе припугнуть великого визиря ужесточением договора в ответ на действия кемалистов в Армении⁵.

¹ DDF, 1920, T. 3. № 282. Leygues á Viviani. 7/12/1920. P. 403—404.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 12. № 611. Curzon to Stokes. 29/10/1920. P. 643.

³ DDF, 1920, T. 3. № 268. Berthelot á Gout et Bourgeois. 3/12/1920. P. 387—388.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 171. Stokes to Curzon. 6/11/1920. P. 170.

⁵ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 175. Curzon to de Robeck. 17/11/1920. P. 175. Об армянском вопросе см. нашу статью: Фомин А.М. Армянский вопрос и дипломатия великих держав в 1918—1921 гг. // Кавказский сборник. № 5 (34). М., 2008. С. 201—224.

Британский Генеральный штаб смотрел на вещи более реалистично. 22 ноября он направил Керзону меморандум прямо противоположного содержания. В этом документе выражалось мнение, что: 1) поскольку Армения разгромлена, нет смысла настаивать на севрских условиях в отношении ее; 2) после падения Венизелоса¹ опора на греков более ненадежна; 3) прямое вмешательство союзников в широкомасштабный конфликт с кемалистами невозможно ввиду ограниченности сил союзников в Турции; 4) создается реальная угроза союза между большевиками и кемалистами, который будет угрожать всем британским владениям на Ближнем Востоке и в Индии; 5) наиболее разумно было бы попытаться договориться с кемалистами, уступив им Смирну, Карс и, возможно, Фракию. Это позволит использовать усилившуюся Турцию как буферное государство между владениями стран Антанты и Россией и ликвидировать одну из основных причин недовольства в Египте, Месопотамии и Индии². Последний пункт плана отводил кемалистской Турции ту же роль, которую раньше должна была выполнять Великая Армения. Несомненно, что на такую позицию английского Генштаба сильно повлиял окончательный разгром Красной Армией войск Врангеля (14 ноября) и заключение советско-польского перемирия (12 ноября). Англичане опасались, что Советская Россия использует освободившиеся силы для расширения своего влияния на Востоке. Таким образом, у определенной части британского руководства уже возникла мысль о необходимости пересмотра условий Севрского договора в пользу Турции и соглашения с кемалистами. Схожие идеи высказывал 27 ноября в своей телеграмме Керзону и новый верховный комиссар в Константинополе Г. Румбольд³. Вице-король Индии лорд Ридинг в телеграмме на имя Э. Монтегю от 23 ноября подчеркивал пагубное воздействие Севрского договора на отношении индийских мусульман к Великобритании⁴. Правда, такая точка зрения не находила поддержки в британском кабинете, пока сохранялась надежда на военную

¹ Об этом см. ниже.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 181. Memo by General Staff. 22/11/1920. P. 183—189.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. P. 193—194.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. P. 194 (note).

победу греков. Керзон и Ллойд Джордж оставались противниками любого изменения условий Севра, что наглядно подтвердилось в период кризиса в Греции.

Греция и Антанта: неугодный король и война в Малой Азии

Ставка на Грецию, сделанная союзниками накануне подписания Севрского договора, вызывала многочисленные сомнения как в Лондоне, так и в Париже. Греческая армия объективно была единственной силой, способной противостоять набирающему силу турецкому национализму. Вместе с тем было трудно предполагать, что она сможет добиться решительной победы в Анатолии (особенно после турецких побед над Арменией), учитывая значительные размеры театра военных действий и ограниченность греческих ресурсов. Как мы уже говорили, во Франции силен был голос сторонников решительной смены курса и поворота к союзу с турецким национализмом. Французское правительство колебалось. Де Флерио, временный поверенный Франции в Лондоне, в беседе с британским дипломатом Дж. Тилли прямо ставил вопрос: «Какую линию поведения два наших правительства выберут по отношению к националистам — жесткую манеру с использованием греческих войск или мягкую манеру с посылкой запланированной миссии?» Определенного ответа де Флерио не получил¹.

В самой Греции давно уже назревало недовольство политикой премьер-министра Э. Венизелоса, из-за которой страна все глубже втягивалась в войну, тогда как остальная Европа уже два года жила в мире. На следующий день после подписания Севрского договора на парижском вокзале на Венизелоса было совершено неудачное покушение, после чего в Греции начались репрессии против оппозиции². Большой популярностью в Греции пользовалась пропаганда роялистской партии, выступавшей за возвращение короля Константина, свергнутого Венизелосом при поддержке Антанты в 1917 году. Упорное нежелание Константина вступать в войну традиционно объяснялось его германофильством

¹ DDF, 1920, T. 3. № 100. De Fleuriau á Leygues. 22/10/1920. P. 143—144.

² Cosmin S.P. Dossiers secrets de la triple Entente. Grèce 1914—1922. P., 1969. P. 397.

(он был женат на сестре Вильгельма II). Лишив власти Константина (который отказался отречься), Венизелос втянул страну в мировую войну, поэтому в сознании многих греков имя Константина ассоциировалось с миром, а имя Венизелоса — с войной. По той же причине имя Константина было настоящей анафемой в столицах стран Антанты, особенно в Париже. Еще в начале октября французы по запросу из Афин предлагали своим союзникам совместно потребовать от Швейцарии, где проживал бывший король, принять к нему «ограничительные меры»¹. Однако события приняли неожиданный оборот.

25 октября в Афинах безвременно скончался молодой король Александр, возведенный некогда на престол Венизелосом². Сторонники Константина решили использовать этот момент для решительных действий. На парламентских выборах 14 ноября либеральная партия Венизелоса потерпела поражение, и сам он тут же ушел в отставку. В новый кабинет Д. Раллиса вошли многие «константинисты». 5 декабря должен был состояться референдум, на котором грекам предстояло сделать выбор между Константином и принцем Георгием. Последний вариант означал некоторую надежду для партии Венизелоса на возвращение к власти, но все наблюдатели предсказывали убедительную победу Константина. Перспектива возвращения бывшего короля не устраивала ни Англию, ни Францию. В Париже и Лондоне хорошо помнили о его прогерманской ориентации во время войны. К тому же личные заслуги Венизелоса перед союзниками были едва ли не самым важным аргументом Ллойд Джорджа для поддержки греческих притязаний в Малой Азии.

Падение Венизелоса оказало большое воздействие на политику великих держав на Ближнем Востоке. Можно сказать, что это событие заметно ускорило естественный процесс расхождения политических линий Великобритании и Франции и заставило их руководителей раскрыть истинные цели своей политики. Еще 13 ноября Лейг советовал Дефрансу продолжать требовать

¹ DDF, 1920, Т. 3. № 42. Berthelot á Cambon. 6/10/1920. P. 58.

² Причиной смерти было заражение крови в результате укуса ручной обезьянки. Последствия этой смерти были столь значительны, что Ллойд Джордж впоследствии писал, что «укус обезьянки изменил историю».

от Тевфик-паши скорейшей ратификации договора¹, еще 16 ноября, пока не были известны результаты выборов в Греции, он писал о невозможности сокращения греческого присутствия в Малой Азии². Все изменилось в считанные дни.

Политические круги Франции усмотрели в вероятном возвращении Константина на греческий трон удобный предлог для фактического отказа от базовых условий Севра. У. Черчилль, в то время военный министр Великобритании, впоследствии писал: «Возвращение к власти Константина уничтожило все симпатии союзников к Греции и свело на нет все обязательства этих последних, кроме тех, которые были юридически оформлены. В Англии событие это вызвало не раздражение, а полное исчезновение симпатий или даже простого интереса к Греции. Во Франции недовольство было более сильным ввиду целого ряда практических обстоятельств. Мы видели, что французы сражались с арабами в Сирии и с турками в Киликии. Ради Венизелоса они соглашались многое терпеть, но ради Константина не желали делать ничего. После того как прошел первый порыв изумления, правительственные сферы почувствовали даже некоторое облегчение. Теперь уже не было никакой нужды проводить антитурецкую политику; наоборот, хорошие отношения с Турцией более всего соответствовали бы французским интересам. Мир с Турцией облегчил бы положение французов в Леванте и сулил дать им целый ряд других положительных выгод»³.

Сразу по получении известий из Греции правительство Лейга заняло бескомпромиссную позицию. Уже 18 ноября Лейг заявил британскому послу лорду Дерби, что возвращение Константина совершенно неприемлемо для Франции, не забывшей враждебного поведения последнего во время войны⁴. На следующий день схожие мысли были повторены французским послом в Лондоне П. Камбоном в беседе с Э. Кроу — постоянным заместителем Керзона⁵. Французы предлагали издать от имени союзников

¹ DDF, 1920, T. 3. № 184. Leygues á Defrance. 13/11/1920. P. 270—271.

² DDF, 1920, T. 3. № 196. Leygues á François-Marsal, Ministre des finances. 16/11/1920. P. 285.

³ Черчилль У. Мировой кризис. М., 2003. С. 441.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 12. № 434. Earl of Derby to Curzon. 18/11/1920. P. 507.

⁵ DBFP, Ser. 1, Vol. 12. № 438. Crowe to Curzon. 18/11/1920. P. 512—513.

грозную декларацию, предостерегавшую греков от возвращения Константина, а также провести скорейшую встречу глав правительств двух стран для обсуждения создавшегося положения. 23 ноября Лейг заявил в палате депутатов о крайнем недовольстве Франции событиями в Греции¹.

Англичане должны были в срочном порядке выработать свою позицию. Для них падение Венизелоса было, конечно, неприятным обстоятельством, но оно не могло повлиять на общее направление их политики. Гарольд Никольсон, один из самых одаренных экспертов Форин Оффиса, составил 20 ноября подробный меморандум с изложением преимуществ и недостатков каждого из возможных решений: полного невмешательства, отказа от всякой поддержки Греции, дипломатического давления, компромисса на основе передачи трона принцу Георгию, военного вторжения с целью возвращения Венизелоса. Любой из этих вариантов имел больше недостатков, чем преимуществ. Меморандум Никольсона содержал очевидную мысль, не высказанную, правда, прямо, что Великобритания оказалась перед выбором между серьезной ссорой с Францией и разрушением Севрского договора, которое неминуемо последует за применением санкций против Греции. И все же Никольсон предлагал широкий выбор различных средств «морального» (то есть дипломатического), финансового, экономического и политического давления на Грецию с целью недопущения возвращения Константина или в качестве наказания за это. Э. Кроу добавил к меморандуму Никольсона собственную памятную записку, из которой следовало, что возвращение Константина неизбежно, но его правительство будет вынуждено продолжать внешнюю политику Венизелоса ввиду полной зависимости Греции от западных держав, а также ради сохранения преимуществ, полученных по Севрскому договору. Поэтому Кроу считал «опасным и бессмысленным» выдвигать априорные возражения против реставрации Константина. Угроза прекращения помощи Греции могла вдохновить Турцию и, возможно, Болгарию на нарушение мирных договоров, что не отвечало целям Великобритании. Кроу предлагал ограничиться заявлением,

---

¹ DDF, 1920, Т. 3. № 225. *Leygues aux representants français à Londres, Athenes, Constantinople et Rome. 23/11/1920. P. 319—320.*

что отношение стран Антанты к новому режиму в Греции будет всецело зависеть от его политики¹.

Керзон вполне разделял эти взгляды и повторил их во время новой беседы с П. Камбоном 22 ноября. Камбон от имени французского правительства предлагал сделать одновременное заявление в парламентах двух держав, что они не признают Константина королем, если он вернется в Грецию. Керзон заявил, что бесполезная ссора с новым греческим правительством покажет всему миру, что договор с Турцией отброшен и державы в нем более не заинтересованы. Камбон в ответ лишь указал на чрезвычайную сложность создавшегося положения².

Одновременно английское руководство начало готовиться к возвращению Константина. Британское посольство в Швейцарии, где бывший король жил в эмиграции, приложило немало усилий, чтобы убедить Константина и его окружение пойти на соглашение со сторонниками Венизелоса и, возможно, с ним самим. Такая постановка вопроса подразумевала и фактическое продолжение внешней политики Венизелоса³. 24 ноября представитель Константина Г. Стрейт посетил британского посла в Берне Рассела и официально уведомил его, что новое греческое правительство будет лояльно сотрудничать со странами Антанты и не изменит внешнюю политику страны. Англичане выяснили и мнение самого Венизелоса. Британский консул в Ницце (где проживал опальный премьер) сообщил в Лондон его взгляды: утверждение на троне принца Георгия предпочтительнее, но в случае возвращения Константина его следует признать при условии продолжения прежней политики, так как «Северский договор должен быть спасен любой ценой»⁴.

Таким образом, позиция Великобритании вполне прояснилась: важны не лица, а политика, которую они проводят. Пока Греция будет оставаться верным британским оплотом в регионе, она может рассчитывать на поддержку Лондона при любом правящем режиме. Оставалось уладить этот вопрос с Францией. Французы настаивали на скорейшей встрече глав двух правительств, не желая

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 12. № 439. Memo by H. Nicolson. 20/11/1920. P. 514—518; Ibid. Minute by E. Crowe, P. 518—519.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 12. № 440. Curzon to Lindsay. 22/11/1920. P. 520—522.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 12. № 441. Russell to Curzon. 22/11/1920. P. 522—524.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 12. № 448. Russell to Curzon. 24/11/1920. P. 527—529.

даже дожидаться прибытия представителя Италии — третьего участника всех межсоюзных конференций (Италия в отличие от Франции и Великобритании не входила в число официальных «держав-покровительниц» Греции)¹.

Переговоры в Лондоне: подготовка к неизбежному

26 ноября А. Франклен-Буйон, председатель комиссии по иностранным делам французской палаты депутатов, только что вернувшийся из поездки в Константинополь, представил свой доклад сначала этой комиссии, а затем и президенту А. Мильерану. Суть доклада сводилась к нескольким тезисам: сохранить Севрский договор абсолютно невозможно; необходимо немедленно вступить в прямые переговоры с кемалистами, единственными настоящими представителями Турции; эти переговоры Франция должна вести одна, поскольку в Турции «недоверие и озлобление против Англии распространены повсеместно». В качестве основы для переговоров Франклен-Буйон предложил следующие условия: эвакуация французами Киликии при условии «гарантий» армянскому населению, интернационализация Восточной Фракии и Смирны, отказ Турции от претензий на Батум и признание кавказских республик, отказ Турции от любого союза с большевиками, организация турецкой жандармерии под международным контролем, предложение будущего франко-турецкого союза. Опасность усиления большевистского влияния в Анкаре благодаря «золоту и офицерам из России» особенно подчеркивалась в докладе. Изложенные Франклен-Буйоном идеи были не только его личным мнением. Он утверждал, что «все французские деятели в Константинополе единодушны в этих пунктах»². Хотя на этом этапе радикальные предложения Франклен-Буйона были отвергнуты³, их значение трудно переоценить, учитывая огромную роль, которую этот человек сыграл в дальнейшем развитии франко-турецких

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 12. № 447. Lindsay to Curzon. 24/11/1920. P. 526—527. Статус «держав-покровительниц» Греции был определен международными договорами начиная с 1830 года.

² DDF, 1920, T. 3. № 237, Peretti de la Rocca, directeur des affaires politiques et commerciales, à P. Cambon. 26/11/1920. P. 341—342.

³ Ibid. P. 342, note 1.

отношений. Можно не сомневаться, что его аргументы оказали серьезное воздействие на позицию Ж. Лейга во время его переговоров с союзниками по поводу ситуации в Греции.

В тот же день, 26 ноября, в Лондоне открылась межсоюзническая конференция по этой проблеме. Лейг настаивал на жестких мерах по отношению к Греции в случае возвращения Константина: он предлагал отказ от признания нового короля, разрыв дипломатических отношений, прекращение финансовой помощи, лишение Греции прав на Фракию и Смирну. Главным аргументом французов была нежелательность передачи «ключей к Ближнему Востоку» недружественному государству, которое может в будущем попасть под германское влияние. Ллойд Джордж заявил, что пересмотр статуса Фракии и Смирны повлечет за собой уничтожение Севрского договора. Лейга такое предостережение не испугало, и он ответил, что передача стратегических территорий «врагу» (то есть Константину) — это еще большее зло, затрагивающее вопросы «международной морали». Ф. Бертелло, генеральный секретарь французского МИД, добавил, что французское общественное мнение не потерпит, если союзники молча согласятся с возвращением Константина без самых серьезных гарантий. В ответ Керзон откровенно заявил, что в сложившейся обстановке Константин был единственным человеком в Греции, способным сохранить Севрский договор. Столкнувшись с такой твердой позицией, Лейг счел аргументы Керзона «самыми убедительными», и дальнейшее обсуждение было отложено¹.

Глава итальянского МИД Сфорца присоединился к работе конференции только 2 декабря, после перерыва в ее работе. По дороге в Лондон Сфорца нанес в Париже визит А. Мильерану, который высказал ему французскую позицию: после падения Венизелоса Греция не может больше служить опорой для политики Антанты на Востоке, а поскольку заменить ее нечем, остается искать компромисс с кемалистами, прежде всего за счет изменения статуса Смирны. В противном случае неизбежен союз кемалистов с большевиками. Сфорца в целом поддержал Мильерана, но указал на то, что Константин пользуется поддержкой в Греции².

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 8. № 95. Meeting in London. 26/11/1920. P. 809—818.

² DDF, 1920, T. 3. № 245. Peretti de la Rocca á P. Cambon. 28/11/1920. P. 352—354.

За время перерыва в работе конференции Лейг и Керзон подготовили свои письменные предложения. Лейг предложил проект декларации от имени трех держав, в которой возможное возвращение Константина объявлялось «недружественным актом» и выдвигалась угроза прекращения политической и финансовой помощи Греции. Керзон представил обширный меморандум, в котором все предложения Лейга критиковались как непрактичные или ведущие к разрушению Севрского договора. Основная идея Керзона повторяла мысль Кроу: отношение союзников к новому греческому правительству будет зависеть от конкретных действий последнего. Но пересмотр территориальных статей Севрского договора (о Смирне и Фракии) абсолютно неприемлем, так как это повлечет за собой полный отказ от всего договора. Керзон предлагал ограничиться контролем за внешними сношениями Греции и над предоставлением ей иностранных займов. Он не исключал пересмотра договора (например, в случае военного поражения Греции), но не хотел, чтобы инициатива исходила от союзников, и предлагал, придерживаясь договора и требуя его скорейшей ратификации от турок, занять выжидательную позицию¹.

К обсуждению греческого вопроса союзники вернулись 2 декабря, за три дня до референдума в Греции. Сначала обсуждался проект декларации, подготовленной Лейгом. По его словам, в этом документе он постарался максимально учесть британскую точку зрения. Но Керзон и Ллойд Джордж, не возражая в принципе против такой декларации, приложили все усилия, чтобы смягчить ее формулировки. Из документа было исключено все, что, по мнению англичан, могло намекать на возможность ревизии Севра. Им удалось заручиться поддержкой Сфорца, считавшего, что «Константин — это не более чем эпизод». В ходе обсуждения Лейг, увлекшись полемикой, обронил фразу, что возвращение Константина и возможный пересмотр Севра — два разных вопроса. Тогда Ллойд Джордж настоял на вынесении вопроса о Севрском договоре на отдельное заседание и затем добился принятия конференцией измененного варианта декларации, предложенного Керзоном². В документе заявлялось, что реставрация

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 8. № 97. Appendix. Memo by Curzon. 27/11/1920. P. 837—841.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 8. № 97. Meeting in London. 2/12/1920. P. 830—837.

Константина будет рассматриваться как «оправдание Грецией его враждебных действий (во время войны — А.Ф.)», и в этом случае «три правительства оставляют за собой полную свободу действий в отношении создавшейся ситуации». Ни о каких конкретных санкциях не упоминалось¹.

Когда на следующий день союзники приступили к обсуждению возможных изменений в Севрском договоре, Лейг уже не мог использовать вопрос об отношении к Константину как прикрытие и вынужден был выложить все карты на стол. По его словам, «во влиятельных французских политических кругах существует сильное и растущее желание решительного пересмотра договора». Однако французское правительство не желает идти столь далеко и предлагает лишь «исправить» договор в некоторых отношениях, чтобы привести его в соответствие с «новой ситуацией, возникшей на Ближнем Востоке». По его мнению, «условия Севрского договора, который отнял у Турции некоторые из ее самых законных владений, глубоко ранили национальную гордость турок, и он был уверен, что, пока Смирна остается в руках греков, в Малой Азии не будет мира». Лейг предлагал восстановить над Смирной турецкий суверенитет, предоставив городу и прилегающему району права местной автономии. Подобные туркофильские заявления глубоко возмутили Ллойд Джорджа. Он настаивал, чтобы не предпринималось никаких действий по модификации договора, пока не прояснятся дальнейшие намерения Греции, а миссия константинопольского правительства не выяснит намерения Мустафы Кемала. Тогда Лейг предупредил об опасности сближения кемалистов с большевиками. Предотвратить это могло только заключение «достойного мира» с турецкими националистами. У Ллойд Джорджа нашлись и здесь возражения. По его сведениям, отношения между большевиками и кемалистами обострились из-за соперничества на Кавказе, поэтому воинственный потенциал кемалистов направлен скорее на Восток, а не на Запад: «Турки гораздо больше думают о Батуме, чем о Смирне». Лейг, смягчив свою позицию, заявил, что он лишь хотел, чтобы союзники «были готовы ко всем неожиданностям», и предложил обсудить возможные меры против Греции на случай

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 12. P. 533—534; DDF, 1920, T. 3. № 263. P. 382.

возвращения Константина. Ллойд Джордж ответил, что единственной мерой может быть отзыв послов из Афин¹.

В тот же день Керзон объявил конференции, что турецкое правительство обязалось ратифицировать договор в трехдневный срок после прибытия его миссии в Анкару. Такая новость несколько обескуражила Лейга, и он поинтересовался, что будет, если Турция ратифицирует договор, а Франция — нет. По его словам, ему будет трудно возвращаться во Францию, не добившись изменения договора, чего требовали общественное мнение, пресса и парламент страны. Он просил хотя бы оставить возможность для такого пересмотра в будущем. Ллойд Джордж напомнил ему, что договор являлся также и соглашением между союзниками, и если Франция его отвергнет, она окажется в очень затруднительном положении. Он не возражал против переговоров с М. Кемалем, но предложил дать ему возможность самому проявить инициативу. Лейг вынужден был согласиться, после чего был согласован проект новой декларации, из которой следовало, что союзники, прежде чем предпринимать какие-либо шаги на Востоке, предпочитают дождаться развития событий в Греции и Турции. После этого без особых затруднений был согласован план действий на случай возвращения Константина. Англичане, видимо удовлетворенные сохранением буквы Севрского договора, не стали возражать против угрозы оказания экономического давления на Грецию (ее финансовая система еще с 1897 года находилась под контролем западных держав) и прекращения всякой ее поддержки. Была выработана резолюция с протестом против новой эмиссии греческих бумажных денег. Ее нужно было передать греческому правительству в случае возвращения Константина. Все были согласны, что это вызовет разрушительные последствия для греческой экономики, но даже Ллойд Джордж здесь не возражал, вероятно, еще надеясь на благоприятный исход референдума². На последнем заседании было решено, что в случае возвращения Константина Греция будет лишена любой финансовой помощи со стороны союзников³.

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 8. № 98. Meeting in London. 3/12/1920. P. 841—847.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 8. № 99. Meeting in London. 3/12/1920. P. 849—856.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 8. P. 864; DDF, 1920, T. 3. № 269. P. 385.

Мы столь подробно остановились на ходе Лондонской конференции ноября—декабря 1920 года потому, что на ней впервые после Севра отчетливо проявились глубокие расхождения в подходах к Восточному вопросу между Великобританией и Францией. Проблема «греческого наследства» послужила не причиной, а лишь катализатором этих разногласий. Греция была важнейшим элементом системы иностранного господства над Ближневосточным регионом, закреплённой в Севрском договоре и сопутствующих документах. Особенно важна была роль Греции для Великобритании, поскольку при сильнейшей зависимости Греции от этой державы греческое господство в Смирне и Фракии удачно дополняло и прикрывало фактическое британское господство в зоне Проливов. Именно это обстоятельство чрезвычайно раздражало французов, измотанных войной в Киликии, обеспокоенных судьбой своих капиталовложений в Турции, напуганных перспективой советско-турецкого альянса и поэтому готовых к примирению с кемалистами. Любые изменения «греческих» статей договора влекли за собой его всесторонний пересмотр. Это прекрасно понимали и англичане, и французы. Но если первые старались ни в коем случае этого не допустить, то вторые только к этому и стремились. Англичанам удалось отвергнуть наиболее радикальные французские предложения о полном непризнании Константина и лишении греков прав на Фракию и Смирну, но им пришлось пойти на компромисс и согласиться на прекращение помощи Греции со стороны Антанты. В условиях греко-турецкой войны, развязанной при непосредственном участии Антанты (в первую очередь — Великобритании), такое решение могло стать роковым для Греции, превратившейся в заложника англо-французских политических комбинаций.

Угрозы Антанты не повлияли на греческих избирателей. 5 декабря подавляющее большинство греков проголосовало за возвращение на престол короля Константина I. Союзники, фактически в наказание за это, выдвинули протест против греческой денежной эмиссии¹, а их представители в Афинах получили инструкции воздержаться от любых действий, способных создать

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 12. № 463. Granville to Curzon. 5/12/1920. P. 536—537; Ibid. № 468. Granville to Curzon. 9/12/1920. P. 539—540; Ibid. № 472. Curzon to Granville. 10/12/1920. 542—543.

впечатление, что они признают Константина королем¹. В то же время англичане отвергли французское предложение об отзыве из Греции союзных военных и морских миссий².

Начало конца Севра

В этой ситуации французское руководство не видело больше необходимости в маскировке своих взглядов. 8 декабря Лейг заявил в сенатской комиссии по иностранным делам о необходимости пересмотреть Севрский договор и заключить мир, который будет вполне учитывать чувствительные для мусульман обстоятельства³. 12 декабря Лейг сказал британскому послу Гардингу, что «ничто не заставит французское правительство ратифицировать Севрский договор в нынешнем виде. Может смениться двадцать французских правительств, но ни одному из них Палата не позволит ратифицировать договор. ... Он против ревизии, но выступает за адаптацию и модификацию договора». Лейг также считал, что компромисс с Кемалем — единственный способ предотвратить распространение большевистского влияния в Малой Азии⁴. Схожие идеи весьма подробно развивал командующий французской эскадрой в Восточном Средиземноморье вице-адмирал де Бон. Сопоставив ряд недавних событий (падение Венизелоса, поражение Армении и ее советизация вслед за Азербайджаном, разгром Врангеля), вице-адмирал нарисовал пугающую картину распространения «германо-большевистского» влияния (большевики по уже устоявшейся традиции представлялись ему агентами Берлина). Поскольку при новом правительстве Греция тоже неизбежно попадет под немецкое влияние, могут реализоваться самые кошмарные предположения: «Зажатая между германской Грецией и столь же германским большевизмом, Турция неизбежно, и очень скоро, будет втянута в этот же огромный поток». Единственный

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 12. P. № 477. Curzon to Granville. 15/12/1920. P. 544; Ibid. № 482. Curzon to Granville. 17/12/1920. P. 546.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 12. № 484. Leygues to Cambon. 19/12/1920. P. 547; Ibid. № 493. Curzon to Hardinge. 28/12/1920. P. 556.

³ The Times, 10 dec. 1920; DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 196. Rumbold to Curzon. 16/12/1920. P. 203.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 194. Hardinge to Curzon. 12/12/1920. P. 202.

способ избежать этого — немедленные прямые переговоры с Кемалем при полном отказе от Севрского договора. Турки «невосприимчивы» к большевистским теориям, и наилучшим вариантом было бы превратить их в «заслон против большевизма и германизма»¹.

Одновременно заметно изменился тон публикаций французской прессы по ближневосточным проблемам. Так, если в первые месяцы после подписания договора влиятельнейшая газета *Le Temps* упорно воздерживалась от развернутых комментариев по этой проблеме, а немногочисленные сообщения с мест носили явно неприязненный характер по отношению к турецким националистам (в частности, обычным было выражение «кемалистские банды»), то в декабре одна за другой стали появляться редакционные статьи, направленные против реставрации Константина и агитирующие за пересмотр «греческих» статей договора². Одним словом, Франция взяла определенный курс на пересмотр Севрского договора, невзирая на все договоренности с англичанами. Очевидно, французы рассчитывали купить расположение кемалистов за счет греков.

Англичане между тем мучительно искали выход из создавшегося тупика. Они, очевидно, опасались, что французы попытаются договориться с Кемалем за их спиной. В начале декабря британская паспортная служба прямо на борту парохода арестовала ново-назначенного французского консула в Трабзоне (находившемся под контролем Кемаля) Леписье под предлогом отсутствия у него британской визы. После суток ареста неудавшегося консула вернули в Константинополь, что вызвало бурную реакцию Ж. Лейга³. Англичане упорно продолжали добиваться от константинопольского правительства ратификации Севрского договора. Правительство Тевфик-паши по-прежнему затягивало этот вопрос, ссылаясь на необходимость установить контакт с Анкарой через давно задуманную миссию. На такое поведение турок указывал еще де Робек 10 ноября. Понимая невозможность принятия договора

¹ DDF, 1920, Т. 3. № 368. Vice-amiral de Bon á Landry, ministre de marine. 16/12/1920. P. 518—524.

² Le Temps, 8, 17, 20, 21 decembre, 1920.

³ DDF, 1920, Т. 3. № 321. Leygues á Cambon et Defrance. 16/12/1920. P. 458—459.

националистами после событий в Греции и Армении, он предлагал поторопить константинопольское правительство с ратификацией, не увязывая этого вопроса с отправкой миссии¹. Это позволило бы выйти хотя бы из чисто юридического тупика, когда Османская империя и страны Антанты находились в состоянии «ни войны, ни мира». Турки продолжали настаивать на своем, одновременно жалуясь на бедственное финансовое положение. 24 ноября три верховных комиссара представили султанскому правительству ноту с требованием немедленной ратификации (которая, в частности, должна была означать формальное осуждение турецким правительством действий кемалистов на армянском фронте)². 27 ноября Румбольд писал, что события в Армении сделали, по крайней мере частичную, ревизию Севра неизбежной, и советовал своему правительству начать «долгий путь навстречу националистам»³, в то же время он старался использовать финансовый кризис в стране как рычаг для давления на стамбульское правительство, чтобы заставить его ратифицировать договор⁴.

Миссия во главе с министром внутренних дел Иззет-пашой отбыла наконец в Анкару 3 декабря. Румбольд писал по этому поводу, что ее шансы договориться с националистами практически равны нулю. Не верил он и обещаниям султанского правительства ратифицировать договор вскоре по прибытии миссии в Анкару⁵. Спустя две недели, когда миссия давно уже находилась в Анкаре (как выяснилось позже, фактически под арестом), Тевфик-паша ссылаясь на отсутствие информации от нее, а также на трудность ратификации после заявления Лейга в сенате⁶. 21 декабря глава турецкого МИД нашел новый повод для отсрочки: немедленная ратификация могла якобы бросить националистов в объятия большевиков. Между тем Румбольд заметил, что «его французский коллега стал несколько равнодушен к этому вопросу»⁷. Наконец, 26 декабря Румбольд получил от Керзона корот-

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 173. De Robeck to Curzon. 10/11/1920. P. 172—173.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 183. Rumbold to Curzon. 24/11/1920. P. 190—191.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 186. Rumbold to Curzon. 27/11/1920. P. 193—194.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 187. Rumbold to Curzon. 1/12/1920. P. 194—195.

⁵ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 189. Rumbold to Curzon. 6/12/1920. P. 196—198.

⁶ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 196. Rumbold to Curzon. 16/12/1920. P. 203—204.

⁷ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 198. Rumbold to Curzon. 21/12/1920. P. 206—207.

кую телеграмму: «До прояснения ситуации в Греции будет лучше не делать дальнейших представлений с требованием немедленной ратификации»¹. Ситуация в Греции к тому времени уже вполне «прояснилась». Вероятно, Керзон не хотел раскрывать перед своим подчиненным другую причину — все более глубокие разногласия в стане союзников. Таким образом, последняя надежда даже на формальное вступление в силу Севрского договора в неизменном виде исчезла у главы британского МИД к концу 1920 года. Как подтверждение этого малоприятного обстоятельства в последние дни декабря пришли сообщения о полном провале миссии Иззет-паши.

В такой обстановке Ллойд Джордж предпочел публично заявить о принципах британской политики на Востоке. 22 декабря один из парламентариев (подполковник У. Гиннесс) упрекнул в палате общин британское правительство в негибкой политике по отношению к Турции. «Франция и Италия демонстрируют желание пересмотреть турецкую ситуацию в благоприятном для Турции ключе. Создается впечатление, верное или ложное, что мы являемся единственным препятствием для нахождения более благоприятных условий для Турции, и, таким образом, мы попадаем в ситуацию, которой наши враги не преминут воспользоваться». Эту точку зрения поддержал и другой известный «туркофил» генерал Таунсхенд, который был убежден в необходимости сближения с кемалистами и единства действий с Францией.

Ллойд Джордж дал резкую отповедь таким предложениям. По его словам, единственное законное правительство находилось в Константинополе, а Мустафа Кемаль был всего лишь «мятежным генералом, который сегодня есть, а завтра исчезнет». Восстановление турецкого суверенитета во Фракии и в Смирне приведет к полному уничтожению (*tearing up*) договора. Ллойд Джордж призывал не становиться по отношению к грекам «иудами Востока» и говорил: «Я целиком за мир в Малой Азии, за справедливое отношение к туркам. Если у них есть предложения для нас, я готов их обсуждать. Но лишь потому, что где-то возле Эрзурума произошли неприятности, лишь потому, что нам не нравятся результаты выборов в Греции, нельзя менять всю нашу политику на Востоке. Средиземноморье слишком важно для Британии».

---

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 201. Curzon to Rumbold. 26/12/1920. P. 209.

Далее Ллойд Джордж превозносил достоинства греческого народа, который, как и все прочие, может совершать ошибки, а также подчеркивал важность «дружбы» с Грецией для британских интересов в регионе. Он предлагал дождаться развития событий в Греции, поскольку, «если Греция не способна к самозащите, если она будет сдавать сильные крепости, как только Мустафа Кемаль появится у ворот (намек на сдачу Карса армянами — А.Ф.), о ней не стоит беспокоиться. Народ, который не может защитить свои права и свободы — это не тот народ, который сможет выжить в этом мире». Повторив свое предположение о возможной ссоре большевиков с кемалистами из-за Азербайджана, он закончил таким призывом: «Я прошу (*I beg*) палату общин и я прошу британскую публику не стремиться разрушать договоры, которые потребовали глубоких раздумий (*a great deal of reflection*), которые основаны на политических принципах, жизненно важных для Британской империи. Не будем же разрушать эти договоры и восстанавливать ситуацию, которая едва не оказалась фатальной для нас в великой войне, из которой мы только что вышли»¹.

Это выступление Ллойд Джорджа было похоже на крик отчаяния. Он видел, как разрушается Севрский договор, но не хотел с этим смириться и готов был ухватиться за любую соломинку вроде предполагаемой ссоры кемалистов с большевиками. Но такая позиция британского премьера вызвала возмущение во Франции. Уже 24 декабря газета *Le Temps* писала, что «Англия защищает Константина против Франции. Она также защищает как против Франции, так и против Италии договор, который передает грекам Смирну, Галлиполи и Адрианополь». По мнению газеты, Великобритания преследовала цель установления полного контроля над Ближним и Средним Востоком. Предполагаемая британская программа описывалась так: «Протекторат² над константиновской Грецией, господство в Восточном Средиземноморье и в Проли-

¹ Great Britain. Parliament. Parliamentary Debates. House of Commons. Ser. 5. Vol. 136. L., 1920. Col. 1893—1901.

² В другом месте той же статьи было написано: «Получается, что Греция, формально освободившаяся (от иностранной опеки — А.Ф.), на самом деле находится под руководством (*la tutelle*) одной державы — Англии, защитницы Константина, защитницы Севрского договора, владычицы морей, омывающих греческие берега и острова. Это сочетание защиты и господства составляет почти то, что называют протекторатом».

вах, создание сионистского государства в Палестине, поддержка Фейсала и людей из Хиджаза, использование греков против турок, использование константинопольского правительства против анкарского, раздел мусульманской Азии с большевиками¹, оккупация Месопотамии, политическое и военное доминирование в Персии». Газета советовала французскому правительству заключить немедленное сепаратное соглашение с Анкарой, чтобы обеспечить эвакуацию Киликии, а затем усилить французский контингент в зоне Проливов².

Схожие статьи появились в газетах *Echo de Paris*, *Action Française*, *Figaro*. Английский посол в Париже Гардинг писал Керзону: «Основное настроение этих атак на премьер-министра — чувство разочарования из-за того, что британское правительство не намерено пересматривать Севрский договор, что рассматривается общественным мнением во Франции как единственная осуществимая мера, чтобы освободить Францию от давления тяжелых обязательств в Сирии и Киликии. Потеря Киликии рассматривается как "*chose jugée*"³, как и эвакуация французских войск, когда это будет возможно с военной точки зрения. Судьба армян, которые будут брошены, игнорируется. Такое общественное мнение, которое поддерживается и вдохновляется прессой, необходимо принимать во внимание⁴».

К этому анализу французской прессы можно добавить еще несколько слов. Предложение о переброске войск из Киликии в зону Проливов имело целью создать противовес фактическому английскому господству над Константинополем и Проливами. Хорошо видно недовольство французской печати теми статьями договора, которые удовлетворяли территориальные претензии Греции. Например, католическая газета *Croix* еще летом 1920 года писала: «Отдать Греции Смирну — значит обокрасть Францию!»⁵

¹ Авторы статьи усмотрели раздел «сфер влияния» в предварительном требовании англичан об отказе от «враждебной пропаганды», выдвинутом в ходе переговоров о заключении англо-советского торгового соглашения.

² *Le Temps*. 24 decembre 1920.

³ Здесь: «оправданная жертва» (фр.).

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 200. Hardinge to Curzon. 24/12/1920. P. 208—209.

⁵ Миллер А.Ф. Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983. С. 201.

Очевидно, имелись в виду французские школы и религиозные миссии в Смирне, а также интересы французских акционеров железной дороги Смирна—Кассаба. К концу 1920 года эти настроения значительно усилились.

Перспективы Севрского договора и сопутствующих документов к концу 1920 года хорошо иллюстрируются следующим примером. Правительство Италии забеспокоилось о возможной потере выгод и привилегий, полученных по Трехстороннему соглашению. Глава итальянского МИД К. Сфорца во время визитов в Лондон и Париж в декабре 1920 года требовал от французского и британского правительств подтверждения действительности этого соглашения. Французы в связи с этим предлагали дать итальянцам письменное заверение от имени двух держав, но Керзон предпочел одностороннее устное объяснение с итальянцами¹. Вероятно, французы тоже опасались за судьбу Трехстороннего соглашения, и совместная декларация нужна была им как гарантия их собственных интересов в Анатолии. Но действительно надежные гарантии могла дать только кемалистская Турция. Возможно, уже тогда французы снова стали наводить с ней мосты. 17 декабря Румбольд писал в Лондон, что кемалисты, вероятно, «поддерживают связь с Европой» через верховного комиссара в Бейруте генерала Гуро². Во всяком случае, в середине января 1921 года Лейг фактически благословил Гуро на прямые переговоры с кемалистами относительно Киликии, хотя те требовали обсуждения всего турецкого вопроса в целом³. Тогда же группа «оттоманских деятелей», проживавших в Риме, обратилась к французскому послу Барреру с предложением о посредничестве в переговорах с Анкарой, и Лейг был склонен это предложение принять при условии прекращения военных действий в Киликии⁴.

Итак, Севрский договор с самого начала стал трещать по швам. Очевидная невозможность его ратификации в Турции конституционным путем вызвала первые сомнения в его прочности. Разгром Армении и смена власти в Греции были теми об-

¹ АВПРИ Ф. НАИ. Сер. А, Ед. Хр. 159, Л. 22—29.

² BDFA Ser. B, Vol. 1. № 237. Rumbold to Curzon. 17/12/1920. P. 381.

³ DDF, 1920, Т. 3. № 417. Leygues á Gouraud. 12/01/1921. P. 592.

⁴ DDF, 1920, Т. 3. № 429. Leygues á Saint-Aulaire et Pellé. 14/01/1921. P. 609—610.

стоятельствами, которые заставили руководителей стран Антанты по крайней мере задуматься о дальнейшей судьбе договора. Теперь выполнение севрских условий на Востоке Турции стало невозможным, а на Западе — чрезвычайно сомнительным. Взойдя на греческий престол, Константин быстро забыл о своих пацифистских обещаниях, наполнил армию своими сторонниками и начал готовиться к новым сражениям в Малой Азии. Антанте новое правительство заявило, что перемены в Афинах не повлияют на борьбу Греции за выполнение Севрского договора. 11 января 1921 года греческая армия потерпела первое поражение возле селения Иненю¹.

Но отношение двух ведущих держав Антанты к этой проблеме было различным. Если политика Великобритании еще некоторое время строилась на тезисе о незыблемости договора, Франция, по крайней мере с ноября, взяла определенный курс на его пересмотр и на достижение договоренности с кемалистами, видя в них твердую власть, способную гарантировать оплату всех довоенных «счетов». Непосредственными причинами поворота французской политики в сторону кемалистской Турции стали разгром Армении, смена власти в Греции и окончание гражданской войны в России. После установления советского контроля над черноморским побережьем и встречи советских и турецких войск на Кавказе французских политиков особенно сильно стали беспокоить перспективы сближения между Москвой и Анкарой, и они решили перехватить у большевиков инициативу.

Палестинский вопрос: в поисках границы

Между тем сохранялась необходимость урегулировать пограничные вопросы между британской и французской подмандатными зонами. Чтобы не поднимать эту проблему снова на конференциях глав правительств, еще в конце июня 1920 года в Париж был направлен специальный представитель британского Форин Оффиса Р.Г. Ванситтарт. Его партнером по переговорам был Ф. Бертелло.

¹ Турецкими войсками в этом сражении командовал генерал Исмет-паша, который впоследствии в память об этом событии и взял фамилию Иненю. В 1938 году он стал президентом Турции.

Французы вновь подняли вопрос о северной границе, но он был уже не главным. Англичане настаивали на проведении на французской подмандатной территории значительных ирригационных работ, которые бы направили часть вод из рек Литани, Ярмук и верховьев Иордана для нужд Северной Палестины. Серьезные противоречия возникали вокруг восточной границы Палестины с Сирией (правобережье реки Ярмук — Голанские высоты)¹. Англичане тогда еще не определились, что же им делать со своими владениями к востоку от Иордана (планы создания Трансиорданского королевства еще не созрели). «Линия Мейнерцхагена» предполагала включение значительной части этих земель в состав Палестины. Англичане тогда не сомневались в правильности такого подхода и, естественно, хотели, чтобы эта линия продолжалась и к северу от реки Ярмук, за счет бывшей французской «сферы влияния». Сионисты всячески подталкивали англичан к жесткой позиции. В Палестине действовала сформированная ими комиссия во главе с инженером Рутенбургом, определявшая первоочередные меры по ирригации Северной Палестины. Естественно, что воды Литани, Ярмука и верхнего Иордана представлялись для этого жизненно необходимыми. В то же время парижские переговоры тормозил сирийский вопрос. До полной победы над Фейсалом французы вообще хотели отказаться от сделанных ранее уступок и начать весь процесс заново.

Реально переговоры начались лишь после того, как 25 июля войска генерала Гуро овладели Дамаском и изгнали Фейсала. Но и тогда переговоры шли трудно. Англичане переправляли французам сионистские требования о фактически неограниченном использовании вод Литани, Ярмука и верхнего Иордана для нужд Палестины². Для французов это было абсолютно неприемлемо. Более того, они приняли меры к укреплению своего контроля над южными районами Ливана и Сирии. Правый берег Ярмука был включен в проект сирийского мандата, а район Джебель Амель с городом Тир вместе со всем бассейном Литани и верховьями Иордана — в подмандатное государство Великий Ливан,

¹ McTague J. Anglo-French Negotiations over the Boundaries of Palestine, 1919—1920. // Journal of Palestine Studies. Vol. 11, No. 2. Winter 1982. P. 107.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 298. Vansittart to Major Young. 29/06/1920. P. 300, 304.

провозглашенное 1 сентября 1920 года. Французы поначалу опасались, что англичане воспользуются антифранцузскими настроениями населявших эти места шиитов — метавилов¹. Но внимание англичан было в тот момент отвлечено подавлением восстания в Месопотамии (внешние границы которой тоже не были еще зафиксированы), а для метавилов французы были меньшим злом, чем действовавшие под защитой англичан сионисты.

Успеху переговоров мешало и то, что вскоре после бегства Фейсала из Дамаска у англичан возникла идея посадить его на трон в Багдаде. Французов такое соседство никак не устраивало². И эмиров Хашимитской династии, и сионистов они рассматривали как своих врагов. Естественно, они не хотели делать в их пользу какие-либо уступки. К тому же на их стороне было такое преимущество, как фактический контроль над спорными территориями и водными ресурсами. Неопределенность ситуации в Трансиордании тоже не способствовала переговорам. До 25 июля этот регион находился под юрисдикцией Фейсала как часть Восточной (арабской) оккупационной зоны. После падения эмира здесь образовался вакуум власти. Именно в Трансиорданию бежали многие сторонники Фейсала и развернули там антифранцузскую деятельность. Англичане опасались карательной французской экспедиции, а французы тщетно пытались убедить англичан направить в Трансиорданию войска³. В довершение всего из-за решений конференции в Сан-Ремо (распределение мандатов) и июльских событий в Дамаске у англичан испортились отношения с отцом Фейсала — королем Хиджаза Хусейном⁴. Считая себя как бы верховным сюзереном освобожденных от Турции арабских территорий, он не простил англичанам «предательской» пассивности в ходе июльских событий. В результате под Севрским договором, подписанным 10 августа, не было подписи хиджазского представителя. Это означало, что авторитет Хашимитской династии, до сих пор верно служивший англичанам, теперь может быть использован против них.

¹ Zamir M. Op. cit. P. 136.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 304. Crowe to Curzon. 10/08/1920. P. 336.

³ Klieman A.S. Foundations of British Policy in the Arab World. The Cairo Conference of 1921. Baltimore; L., 1970. P. 68—76.

⁴ DBFP, Ser.1, Vol. 13. Scott to Curzon. 30/09/1920. P. 352—355.

12 октября в Иерусалиме состоялась встреча двух колониальных администраторов — Г. Сэмюэля и Р. де Кэ, генерального секретаря французского верховного комиссариата в Сирии и Ливане. Де Кэ был обеспокоен антифранцузской активностью арабских шейхов Трансиордании, а также судьбой французских школ в Палестине. Хотя де Кэ и получил самые успокаивающие заверения, в донесении в Париж он подчеркнул важность все еще открытого пограничного вопроса, который следовало решить как можно скорее, но «без всякого намека на уступки»¹.

В Лондоне тем временем на заседаниях специального междепартаментского комитета было решено отказаться от территориальных претензий на долину Литани, но усилить нажим по вопросам Ярмука и Верхнего Иордана². На севере англичане согласились на предложенную французами компромиссную линию (от м. Эн-Накура на Средиземном море на восток с выступом на север в долине Иордана), но требовали проведения северо-восточной границы по «линии Мейнерцхагена», то есть включения в Палестину Голанских высот. В случае отказа французов предлагалось выдвинуть ряд альтернативных условий: использование вод Ярмука и Литани для ирригации Палестины; удобный выход к Тивериадскому озеру для строительства на его берегу железнодорожной станции, право на использование в интересах британских территорий существующей (во французских владениях) железной дороги от Тивериадского озера до Дераа; подтверждение британских прав на строительство железной дороги из Палестины в Месопотамию через французские владения³. Французы бесповоротно отвергли только первый пункт. Не возражая против строительства британской железной дороги на своей территории, они под разными предлогами отвергли все варианты ее трассы. Тогда англичане вообще отказались от этой идеи в обмен на право использовать существующую линию Тивериада—Дераа до строительства «чисто британской» дороги⁴.

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 326. Samuel to Curzon. 12/10/1920. P. 356—358; Laurens H. La question de Palestine. 1799—1922. T. 1. L'invention de la Terre Sainte. P., 1999. P. 525, 534—535.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 322. Vansittart to Curzon. 30/09/1920. P. 349—352.

³ Эти «права» были зафиксированы еще в соглашении Сайкса—Пико.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 328. Vansittart to Curzon. 16/10/1920. P. 359—361.

К 21 октября Ванситтарту удалось убедить французов в целом принять «железнодорожные» условия. Но французы по-прежнему отказывались поворачивать часть вод Литани в сторону Палестины или отдавать англичанам земли к северу от Ярмука (Голанские высоты)¹. В начале ноября Керзон хотел вообще прервать переговоры и остаться без всякой пограничной конвенции². Ванситтарт уговаривал его не делать этого. Такое решение могло быть только на руку французам, поскольку ситуация вернулась бы к исходному пункту — соглашению Сайкса—Пико и были бы потеряны достигнутые результаты переговоров.

Ванситтарт считал, что британскому правительству предстояло выбрать, какой союзник для него важнее — Франция или сионисты. Сам он был убежден, что это была Франция. Примирить двух союзников было практически невозможно, так как Франция к этому времени заняла почти открытую антиссионистскую позицию. Французы признавали, что согласились в свое время на еврейский «национальный очаг» в Палестине, но никак не на еврейское государство (а они были убеждены в намерении англичан превратить в него Палестину)³. И, разумеется, они не хотели делать никаких территориальных или экономических уступок этому государству. Обещания англичан на этот счет их не волновали: Ванситтарт резюмировал французскую позицию такой фразой: «Болтайте, если хотите, но только не за наш счет» (*Vous barbotterez si vous voulez, mais vous ne barbotterez pas a nos frais*)⁴. К тому же предполагаемое еврейское государство должно было в глазах французов вскоре превратиться в «большевистскую колонию» под боком Сирии и Ливана⁵. По мнению Ванситтарта, следовало

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 333. Curzon to Weizmann. 8/11/1920. P. 381.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 334. Vansittart to Curzon. 9/11/1920. P. 382.

³ На это указывало назначение Г. Самуэля, а также некоторые статьи проекта Палестинского мандата, предоставлявшие Сионистской организации исключительные права в экономическом развитии Палестины (впоследствии англичане смягчили формулировки этих статей).

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 337. Vansittart to Curzon. 13/11/1920. P. 385—387; Ibid. № 340. Vansittart to Curzon. 16/11/1920. P. 390—391.

⁵ На такую мысль их наводило то обстоятельство, что среди еврейских иммигрантов в Палестине было много выходцев из бывшей Российской империи. К тому же в Сионистской организации существовало левое крыло «Поалей Цион», входившее на первых порах в III Интернационал. См.: Gontaut-Biron R. Op. cit. P. 165—166; Лакер В. Указ. соч. С. 417—420.

искать возможность для таких уступок французам, которые убедили бы их пойти навстречу английским требованиям. Например, можно было включить этот вопрос в общее колониальное соглашение, на возможность которого сами французы безуспешно намекали еще летом 1919 года. Французам можно было отдать Гамбию, а взамен получить не только их полную лояльность на Ближнем Востоке, но и французские анклавы в Индии. У Керзона эти идеи не встретили поддержки, хотя он и запросил Г.Сэмюэля о возможных «местных уступках» французам. В своем ответе от 22 ноября Сэмюэль не смог предложить ничего серьезного¹. Переговоры грозили окончательно сорваться.

Стала очевидна неспособность Форин Оффиса развязать этот «пограничный узел». Дело взял в свои руки Ллойд Джордж во время ноябрьской конференции в Лондоне. Вероятнее всего, палестинские противоречия были разрешены за кулисами этой конференции. 4 декабря, в последний день ее работы, состоялась официальная беседа Ллойд Джорджа с Бертело. Вопрос выглядел как уже решенный. Англичане окончательно отказывались от «линии Мейнерцхагена» к северу от Ярмука (то есть от Голанских высот), а французы согласились направлять в пользу Палестины «излишки» воды из Ярмука и верхнего Иордана, но не из Литани². Таким образом, в совместном пользовании оказались только те водные артерии, которые уже в силу своего географического положения были международными (по Ярмуку проходил участок новой границы, а Иордан пересекал ее). Река Литани, целиком лежавшая на ливанской территории, осталась недоступной для англичан и сионистов. По требованию французов сионистов не допустили к самостоятельному участию в будущей гидротехнической комиссии. Таким образом, Сионистской организации было отказано в самостоятельном международном статусе.

Окончательная конвенция была подписана в Париже премьер-министром и главой МИД Ж. Лейгом и британским послом Ч. Гардингом 23 декабря 1920 года. В историю она вошла как Конвен-

---

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 13. № 337. Vansittart to Curzon. 13/11/1920. P. 385—387; Ibid. № 340. Vansittart to Curzon. 16/11/1920. P. 390—391.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 8. № 101. Meeting in London. 4/12/1920. P. 865; Vol. 13. № 419. Deeds to Tilley. 21/12/1920. P. 419—420.

ция Лейга—Гардинга¹, хотя ни тот, ни другой не принимали никакого участия в ее выработке (правильнее было бы назвать ее «Конвенцией Бертелло—Ванситтарта»). Были закреплены границы между британскими и французскими подмандатными территориями на Ближнем Востоке. Проведенная тогда линия и сейчас отделяет Сирию и Ливан с одной стороны от Ирака, Иордании и Израиля — с другой (без учета израильских завоеваний 1967 года). В конвенции также решались транспортные и ирригационные вопросы на базе описанных выше условий. По настоянию французов статья 9 гарантировала сохранение в подмандатных странах иностранных школ, основанных до войны, но без права открывать новые школы. Так была обеспечена некоторая юридическая гарантия сохранения многочисленных французских школ в Палестине, которые были живым воспоминанием об утраченном «католическом протекторате».

2. Великобритания и Франция в поиске новых подходов (январь—май 1921 года)

Настроения в Лондоне и Париже

К началу 1921 года стало окончательно понятно, что дальше игнорировать турецкое национальное движение и надеяться только на его подавление силой было невозможно. 20 января Румбольд писал Керзону, что необходимо перестать воспринимать кемалистов только как «банду головорезов», что они уже создали свое правительство и вполне эффективно управляют страной, насколько это вообще было возможно в тех условиях. Румбольд фактически призывал признать кемалистов, по крайней мере де-факто². В середине февраля британский Генштаб в очередном длинном меморандуме выступил за радикальный пересмотр большинства статей Севрского договора, в первую очередь «греческих»³. После сражения при Иненю и в Лондоне, наконец, убедились в неиз-

¹ Международная политика... Ч. 3. Вып. 2. М., 1926. С. 74—75.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 14. Rumbold to Curzon. 20/01/1921. P. 21—24.

³ NA ,Cab. 24/119 Memo by General Staff. 16/02/1921. P. 584.

бежности пересмотра Севрского договора. Но для Керзона и Ллойд Джорджа значительные уступки кемалистам означали бы полный провал их прежней политики, поэтому, соглашаясь на переговоры с турками под давлением общественного мнения и обстоятельств, они не предполагали, что на этих переговорах возможно добиться успеха.

Во Франции туркофильские и антибританские настроения постепенно усиливались. Если раньше писатель Пьер Лоти, развернувший кампанию в поддержку Турции, был почти одинок, то с 1921 года число протурецких брошюр, книг и иных публикаций резко возросло¹. Таким настроениям как нельзя лучше соответствовала и новая смена кабинетов во Франции. В середине января 1921 года французский кабинет возглавил Аристид Бриан. Выступая 20 января в палате депутатов с изложением своей внешнеполитической доктрины, он уделил основное внимание Германскому вопросу, призывая депутатов сохранять чувство реальности в вопросе о репарациях. По Восточному вопросу, не желая заранее связывать себя конкретными заявлениями, Бриан ограничился коротким замечанием, что необходимо, «чтобы был достигнут мир с Турцией и чтобы, учитывая новые обстоятельства, произошли переговоры с нашими союзниками с целью решения Восточного вопроса»². Такая формулировка содержит явный намек на ревизию Севра. Не жалея гневных слов по адресу Берлина, Бриан, однако, понимал, что интересы Франции лежат не только на Рейне. Война за Киликию, продолжавшаяся уже почти год и стоившая Франции многих миллионов франков и нескольких тысяч солдат, была совершенно бесперспективна. Франция, как и Греция, была вынуждена «таскать каштаны из огня» для англичан. Было очевидно, что даже если ценой новых жертв Франция сможет закрепиться в Киликии, спокойная экономическая деятельность там будет невозможна. Наилучшим вариантом представлялся уход из Киликии в обмен на экономические преимущества.

¹ Ornan Habiboglu. La campagne de Pierre Loti en faveur de la Turquie pendant la guerre d'indépendance. // La Turquie et la France à l'époque d'Ataturk. P., 1981. P. 66.

² Journal officiel de la République Française. Débats Parlementaires. Chambre des députés. 20 janvier 1921. P. 2.

Первым внешнеполитическим испытанием нового кабинета стала межсоюзническая конференция по репарациям, состоявшаяся 24—30 января в Париже. Главным вопросом на ней было определение точной суммы репараций. Бриану удалось добиться определенного успеха: сумма, которую предполагалось взыскать с Германии, составляла 226 млрд золотых марок¹. Но нужно еще было заставить немцев согласиться с этим решением. Тогда же было решено созвать в Лондоне международную конференцию по Восточному вопросу с участием турок.

Когда необходимость пересмотра Севрского договора стала очевидной для обеих ведущих держав Антанты, неизбежно встал вопрос о форме и мере возможных уступок по отношению к Турции. Первые консультации между союзниками по этому поводу выявили, что англичане готовы пересмотреть лишь статьи о Курдистане и Армении, уже утратившие всякий практический смысл, но не о территориальных приобретениях Греции (Смирна и Восточная Фракия). Пока греческая армия сохраняла боеспособность, «Греции ничего нельзя будет навязать». Французское предложение о проведении в спорных районах плебисцитов осталось без определенного ответа. Поскольку англичане были хорошо осведомлены о требованиях турок, подобная позиция заранее делала успех конференции весьма сомнительным².

Несмотря на готовность Франции к переговорам с Анкарой, боевые действия в Киликии продолжались. *Le Temps* писала, что, «если против Франции ведут войну, она готова отвечать двумя ударами на один, но Франция не хочет войны. Она хочет мира на Востоке, как и в Европе. Такова же, без сомнения, и цель британского правительства. ... Таково и желание Италии», и даже греки наверняка хотят освободиться от огромных военных расходов. За то время, пока Анатолия находится в руках националистов, «Администрация Оттоманского долга не получила ничего. По оценкам, иностранные кредиторы Турции потеряли со времени отделения Анатолии примерно 100 миллионов франков, из которых 70 миллионов должны были достаться французским

¹ История дипломатии. Т. 3. М., 1965. С. 215.

² DDF, 1921 Т. 1. № 39. Conversation entre M. Vanittart et M. Kammerer. 25/01/1921. P. 60—61.

держателям. Железные дороги Малой Азии, из которых одни принадлежат союзникам, а другие являются их залогом, не принесли ничего. Необходимо прекратить подобную ситуацию. ... Необходимо, чтобы Анатолия перестала сама собой большевизироваться (*Il faut que l'Anatolie cesse se bolcheviser en vase clos*), необходимо, чтобы Греция уменьшила со временем нагрузку от своей мобилизации и (военных — А.Ф.) расходов. Но ничего из этого невозможно осуществить, если настаивать на Севрском договоре. ... Но важнее всего, чтобы союзники пришли к соглашению между собой на базе новой программы мира на Востоке, программы справедливой и реализуемой»¹. Сразу после этой редакционной статьи следовала большая статья по Германскому вопросу, подписанная Р. Пуанкаре. Он доказывал, что Германия может платить репарации, но не желает этого делать. Настроения французских финансовых кругов были ясны: никакой пощады Германии, любые уступки Турции во всем, кроме финансов, недопущение распространения «большевистского» влияния. 12 января французский генерал де Бургонь писал в другой газете, что необходимо вернуть Кемалю Смирну и Фракию: «Я думаю, что это явилось бы не слишком дорогой платой за содействие единственной армии в мире, которая могла бы теперь выступить против большевиков»².

5 февраля французские войска после девятимесячной осады взяли турецкий город Айнтаб³, и в Париже опять зазвучали колониалистские голоса: «После взятия Айнтаба Франция может с легкостью отправиться на конференцию в Лондоне, чтобы обсуждать умиротворение Востока». Но поскольку греческие и турецкие требования абсолютно непримиримы, было бы лучше ограничить задачи конференции и передать вопрос о пересмотре Севрского договора постоянной комиссии, которая приводила бы условия договора в соответствие с пожеланиями населения и с силами сторон (*puissance effective des Etats*)⁴. Реализация этого предложения затянула бы решение вопроса на неопределенный срок и поста-

¹ Le Temps. 24 janvier 1921.

² Echo de Paris. 12 janvier 1921. Цит. по: «История дипломатии» Т. 3. М., 1965. С. 214.

³ Великое национальное собрание Турции присвоило этому городу титул «гази» — «непобедимый». С тех пор он именуется Газиантеп.

⁴ Le Temps. 12 fevrier 1921.

вила его в прямую зависимость от военного счастья сторон. Это, с одной стороны, давало Франции призрачный шанс закрепить-ся в Киликии, а с другой — ставило Грецию, лишенную внешней поддержки, перед риском полного поражения в Малой Азии.

Британские политики хорошо видели, что протурецкие симпатии французов ставят под удар существование Антанты. Поэтому в недрах английского Форин Оффиса возникла идея заключения прямой сделки с Францией путем возрождения гарантийного пакта 1919 года. Эту мысль высказал Э. Кроу в меморандуме, направленном Керзону 12 февраля 1921 года. По словам самого Кроу, содержание меморандума было не только его личным мнением, а выражало определенную тенденцию в настроениях части британского дипломатического корпуса. Документ начинался с обоснования необходимости развивать хорошие отношения с Францией. По мнению его автора, «существуют некоторые важные указания на то, что основное направление французской политики состоит в предоставлении Великобритании ведущей и доминирующей роли в урегулировании восточных дел, если Франция сможет обрести ясную поддержку Англии в своих отношениях с Германией». Если «совместные англо-французские действия и политика в отношении Германии будут поставлены на прочное основание», это «сделает устойчивым отношение к нам французских правительств на долгие годы вперед» и «послужит миру и гармонии» между малыми странами. Англо-американские отношения только улучшатся, если США не смогут использовать англо-французские противоречия в своих интересах. «Решение Восточного вопроса в благоприятном для британских интересов и политических целей ключе прояснит обстановку во всех регионах от Балкан до Центральной Азии и Индии». Далее Кроу предлагал в обмен на предоставление Франции военных гарантий на условиях пакта 1919 года купить ее содействие в целом ряде вопросов: Ближний Восток, отношения с США, отношения с «новыми государствами», германские репарации¹. Никакой реакции на это предложение тогда не последовало. Вероятно, Керзон считал момент неподходящим для таких инициатив и решил подождать результатов конференции.

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 56. Memo by E. Crowe. 12/02/1921. P. 56—59.

*Лондонская конференция:
ожидаемый провал и неожиданные результаты*

Конференция, на которой обсуждался возможный пересмотр Севра, проходила в Лондоне с 21 февраля по 14 марта 1921 года. Англичане как организаторы конференции попытались ослабить позиции турок, направив приглашение на конференцию в Константинополь великому визирю Тевфик-паше с условием, что в его делегацию должны обязательно входить и националисты. Но кемалисты считали себя единственным законным правительством Турции и потребовали, чтобы приглашение было направлено непосредственно в Анкару¹. В итоге в Лондон прибыли две делегации. Султанская делегация возглавлялась Тевфик-пашой, а кемалистская — Бекир Сами-беем, министром иностранных дел правительства ВНСТ. Тевфик-паша вскоре отказался от активного участия в переговорах.

Конференция во многом была заранее обречена на неудачу, поскольку представители Греции не были склонны к компромиссу. Практически все первые заседания были посвящены оценке сил греческой армии. Единственной целью греческих делегатов было получение от союзников «разрешения» на новое наступление в Малой Азии. Ллойд Джордж благосклонно отнесся к этому, заявив, что союзники поддержат ту из воюющих сторон, которая будет более склонна к компромиссу². Зная, что в вопросе о Смирне и о Фракии турки на компромисс не пойдут, Ллойд Джордж надеялся склонить конференцию к поддержке греков, сохранив при этом позу беспристрастного судьи.

Французы не разделяли филэллинских симпатий Ллойда Джорджа. Незадолго до прибытия в Лондон турецких делегатов генерал Гуро, ссылаясь на опыт киликийской кампании, говорил греческому военному представителю, что для оккупации Анатолии потребуется миллионная армия, которой у Греции нет³. Бриан тоже не упускал случая подчеркнуть свое уважение к кемалистам. В разговоре с греческим делегатом он заявлял: «В Киликии

¹ Кемаль Мустафа. Указ. соч. Т. 3. С. 181—185.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 15. № 13. Meeting in London. 18/02/1921. P. 125—126.

³ Кемаль Мустафа. Указ. соч. Т. 3. С. 353 (примечания).

Франция встретила с хорошо обученной и вооруженной армией численностью 65 тыс. человек. Турецкие солдаты храбры, преданны своей родине и отважно дерутся за каждый вершок земли. Опыт, накопленный французской армией на этом участке в течение одного года боевых действий, дает мне основание относиться с должным уважением к тем, кого греческий премьер называет бандитами»¹. Примерно то же самое он несколько позже говорил английскому представителю в Лиге Наций Р. Сесилю, назвавшему кемалистов «бандой разбойников»². Франция сильно опасалась сотрудничества кемалистов с большевиками. Новый верховный комиссар Франции в Константинополе генерал Пелле писал в Париж, что, чтобы не толкать Турцию к «войне до последнего» и избежать ее превращения в «советскую республику», необходимо «реализовать соглашение, которое восстановит жизнеспособную Турцию и даст некоторое удовлетворение национальной гордости, но сохранит за нами реальный контроль»³. 21 февраля Бертело, говоря в Лондоне о возможных затруднениях греков в Малой Азии, предположил, что большевики могли бы высажить на побережье Черного моря десант в поддержку Кемалю или поставлять ему военное снаряжение морским путем. В ответ Ллойд Джордж сказал, что «до сих пор большевики не оказали никакой реальной поддержки Мустафе Кемалю. Фактически они не посылали ничего, кроме депеш. Большевистское пугало хорошо для использования в парламенте или на трибуне, но не является серьезной угрозой»⁴. Иными словами, британский премьер хотел сказать, что «большевистская опасность» не может быть основанием для пересмотра «греческих» статей договора.

23 февраля Бекир Сами-бей представил на рассмотрение конференции следующие турецкие требования: 1) возвращение Смирны и других оккупированных территорий в Малой Азии Турции; 2) во Фракии — граница 1913 года; 3) безопасность и суверенитет Турции при условии свободы Проливов; 4) уничтожение капитуляций; 5) право Турции на собственные военно-морские

¹ Цит. по Шамсутдинов А.М. Указ. соч. С. 236—237.

² Tarik Zafer Tunaya. La France dans la vie politique turque. // La Turquie et la France a l'époque d'Ataturk. P. 1981. P. 173.

³ DDF, 1921 T. 1. № 129. Pellé à Briand. 19/02/1921. P. 220—221.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 15. № 17. Meeting in London. 21/02/1921. P. 158.

силы¹. Эти предложения далеко выходили за рамки максимальных уступок, на которые готовы были пойти страны Антанты. Они вызвали бурные споры. Если представители Италии и Франции склонялись к поддержке Анкары, то Ллойд Джордж не скрывал своих симпатий к грекам. Керзон в какой-то степени пытался поддерживать видимость межсоюзнического единства². После продолжительных дискуссий вокруг несопоставимых греческих и турецких статистических данных по спорным территориям, Бриан предложил направить на место специальную комиссию для статистического обследования населения. Его поддержал К. Сфорца, глава итальянской делегации. Ллойд Джордж заявил, что посылка комиссии посеет сомнение в компетентности союзников, принимавших решения в 1920 году. Бекир Сами-бей согласился на это предложение, считая, что результаты обследования будут в пользу турок³, но греки категорически отвергли эту идею. Филипп Керр, действуя от имени Ллойда Джорджа, довел до их сведения, что они могут без колебаний отвергнуть предложение о комиссии, но будет лучше, если турки сделают это раньше⁴. Это замечание особенно интересно в свете решения Ллойда Джорджа поддержать сторону, более склонную к компромиссам.

Вскоре были выработаны ответные предложения Антанты. Туркам предлагали облегчение процедуры вступления в Лигу Наций, гарантию вечного сохранения султаната в Константинополе, расширение турецкого участия в контроле над Проливами, некоторое увеличение численности турецких вооруженных сил, эвакуацию иностранных войск из Стамбула и зоны Проливов, замену капитуляций юридическими реформами в Турции, турецкий суверенитет над смирнской зоной, создание вместо независимой Армении армянского «национального очага» в рамках Турции⁵. Это был максимум уступок, на которые мог пойти Ллойд Джордж, но для

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 15. № 19. Appendix 2. Declaration submitted by Angora delegation. 23/02/1921. P. 172; Ibid. № 20. Appendix. Statement of demands by Turkish delegations. 24/02/1921. P. 179—180.

² Кемаль Мустафа. Указ. соч. Т. 3. С. 346 (примечания).

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 15. № 22. Meeting in London. 24/02/1921. P. 189—193.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 15. № 22. Meeting in London. 24/02/1921. P. 193.

⁵ DDF, 1921, T. 1. № 194. Berthelot au Ministère des Affaires Etrangères. 11/03/1921. P. 307—309.

Бриана они были лишь первым шагом навстречу туркам. Но ни турки, ни греки не согласились с этим планом. Одни считали уступки мизерными, другие — чрезмерными. Греческий представитель Д. Гунарис, правда, готов был согласиться на этот план, но Керр конфиденциально сообщил ему, что Греция может не обращать особого внимания на ход переговоров, и если она захочет добиваться исполнения условий Севрского договора силой оружия, Англия возражать не будет¹. Таким образом, Лондонская конференция с самого начала рассматривалась Ллойд Джорджем как спектакль и полный разгром кемалистов кем бы то ни было (кроме самой Англии) его устроил бы больше, чем любые переговоры с ними.

Видя бесперспективность дальнейшей работы конференции, французская делегация начала сепаратные переговоры с турками об условиях прекращения киликийской войны. Переговоры вел руководитель Ближневосточного департамента французского МИД А. Каммерер. Французы довольно быстро согласились на пересмотр турецко-сирийской границы и передачу Турции Килиса, Айнтаба, Урфы и Мардина в обмен на признание Анкарой французских «прав» в отношении железных дорог Малой Азии и предоставление концессии в порту Мерсина². Однако переговоры едва не зашли в тупик, когда турки потребовали передачи им полотна Багдадской железной дороги и отказались четко определять территорию, на которой Франции будут предоставлены «экономические преимущества». По этому поводу Бриан запросил мнения председателей комиссий по иностранным делам и финансам обеих палат Национального собрания Франции. Ответ был категоричен: «Лучше не заключать соглашения и продолжать защищать нашу позицию силой, чем уступить в этом». Президент Мильеран согласился с этой точкой зрения³, но Бриан не мог себе позволить такой роскоши уже потому, что само собрание отказывалось финансировать продолжение военных действий и войска из Киликии пришлось бы выводить даже без всяких договоров. Переговоры продолжались с большим трудом, но наконец увенчались успехом⁴.

¹ Cosmin S.P. Op. cit. P. 400.

² DDF, 1921, T. 1. № 173. Kammerer á Peretti de la Rocca. 5/03/1921. P. 280—281.

³ DDF, 1921, T. 1. № 185. Bonnevey á Briand. 8/03/1921. P. 295—296.

⁴ DDF, 1921, T. 1. № 197. Kammerer á de Caix. 11/03/1921. P. 310—313.

11 марта в Лондоне был подписан Франко-турецкий договор, предусматривавший вывод французских войск из Киликии в обмен на экономические преимущества в этом районе. Граница Сирии переносилась на юг, к Багдадской железной дороге, полотно которой сохранялось за Турцией. Гарантировались права меньшинств. Турецкие партизанские отряды распускались, и в Киликии создавалась особая полиция из местного населения под наблюдением французских офицеров. В Александретте, которая оставалась за Сирией, создавался особый административный режим. Участок Багдадской железной дороги от Тавра до сирийской границы передавался французской группе. Другой группе передавались медные рудники Эргани — Мадени. Оговаривалось будущее «экономическое сотрудничество» Франции и Турции в Киликии и других районах, эвакуированных французскими войсками, а также в вилайетах Мамурет-эль-Азиз, Диарбекир и Сивас¹. По мнению свидетеля этих переговоров турецкого журналиста Юнус Нади-бея, Бриан имел намерения включить Турцию в систему союзов, создававшуюся в это время Францией от Балтики до Средиземного моря². Аналогичное соглашение относительно района Адалии и Юго-западной Анатолии Бекир Сами-бей заключил с Италией.

Ллойд Джордж, несмотря на все свое презрение к туркам, счел необходимым произвести дипломатический зондаж на случай их победы. Он встретился с Бекир Сами-беем втайне от других турецких делегатов и попытался использовать Турцию в антисоветских целях, предлагая ей протекторат над Закавказьем. Никаких конкретных соглашений в этом духе заключено не было, был подписан только договор об обмене пленными. Ллойд Джордж продолжал делать ставку на Грецию, но в этом ему приходилось действовать более осторожно, так как в английском руководстве существовала сильная оппозиция открытой поддержке режима короля Константина. Перед отъездом в Афины Гунарис просил Ллойд Джорджа об английском займе для продолжения войны. Тот ответил, что подобный заем вполне возможен и что «Велико-

¹ Международная политика..., Ч. 3. Вып. 2. М., 1927. С. 82—84; DDF, 1921. Т. 1. № 190. Р. 301—303.

² Кемаль Мустафа. Указ. соч. Т. 3. С. 352 (примечания).

британия всегда находила место в своем сердце для греческого народа, желала ему добра и всегда ожидала успехов и возрожденной славы Греции»¹.

Итоги провала конференции

Когда стал очевиден провал Лондонской конференции, греческие делегаты объявили о предстоящем наступлении. Поскольку об открытой поддержке греков Антантой не могло идти и речи, оптимальным выходом для Англии было провозглашение нейтралитета в греко-турецкой войне, что предотвратило бы поддержку кемалистов со стороны Италии и Франции. Нейтралитет был официально объявлен сразу после завершения конференции. Формально британское правительство не возражало против сепаратных соглашений своих союзников с Турцией², но многие чиновники Форин Оффиса (прежде всего временный поверенный в Афинах лорд Гренвилль и верховный комиссар в Константинополе Румбольд)³, считали, что эти договоры противоречили Севрскому договору. Правда, имелись значительные разногласия относительно дальнейшей политики. Румбольд настаивал на соблюдении строгого нейтралитета⁴, а Гренвилль рекомендовал поддерживать Грецию. Лорд Керзон в основном соглашался с Румбольдом и считал, что главной задачей Великобритании должна быть нейтрализация Проливов и удержание их под союзным (то есть английским) контролем. Ввязываться в войну на стороне греков (даже просто поддерживая их деньгами и оружием) было слишком рискованно. Гораздо выгоднее было взять на себя роль беспристрастного арбитра. Но Ллойд Джордж и лорд Гренвилль считали, что Греция при любом правительстве будет следовать английским интересам, но не сможет самостоятельно победить Турцию. Поэтому следовало поддержать Афины, согласившись на размещение греческого займа в Англии⁵.

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 15. № 69. Meeting in London. 18/03/1921. P. 447.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 56. Curzon to Rumbold. 19/03/1921. P. 77.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 53. Granville to Curzon. 18/03/1921. P. 74; Ibid. № 60. Rumbold to Curzon. 22/03/1921. P. 81.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 149. Rumbold to Curzon. 4/05/1921. P. 165.

⁵ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 67. Granville to Curzon. 23/03/1919. P. 86.

Франция тоже заняла выжидательную позицию. Бриан считал, что ни греки, ни турки не обладали тогда достаточными силами для решающей победы. Следовательно, неизбежна определенная «стабилизация», которая оставит последнее слово за странами Антанты и позволит им сыграть роль посредника¹.

Одновременно с Лондонской конференцией в Москве происходили переговоры по заключению договора между Советской Россией и правительством ВНСТ «О дружбе и братстве», который был подписан 16 марта. К Турции отходили города Сарыкамыш, Карс, Ардаган, Артвин. Советской Армении возвращался Александрополь. Турция отказывалась от претензий на Батум, который становился порто-франко для турецкой транзитной торговли. Вопрос о Проливах должен был решаться на конференции причерноморских держав. Советское правительство признавало принципы турецкого Национального обета². Подписание этого договора разрушило надежды стран Антанты использовать кемалистскую Турцию против Советской России, и, уж конечно, не могло быть и речи о включении Турции во французский «санитарный кордон». Советская Россия начала оказывать Турции широкомасштабную материальную помощь³. Британский Генштаб уже в мае всерьез опасался, что Красная армия может оказать поддержку туркам в операциях в Месопотамии или Северной Персии⁴.

Главным итогом Лондонской конференции стало фактическое признание кемалистского правительства державами Антанты в качестве мощной и вполне самостоятельной силы, обладающей реальной властью на большей части территории страны. На Константинополь больше не возлагалась ответственность за действия Анкары, но Высокая Порта окончательно перестала восприниматься кем-либо всерьез. Контакты кемалистов с большевиками, которые не всегда проходили гладко, часто считались лишь тактическим маневром, так же как в Москве тактическим

¹ DDF, 1921 T. 1. № 276. Briand á Saint-Aulaire, Pellé, Barrere. 8/04/1921. P. 436—437.

² Международная политика ... Ч. 3 (1) М., 1927. С. 94—95.

³ Подробнее о подготовке Московского договора и его роли в советско-турецких отношениях См. Кузнецова С.И. Указ. соч. С. 37—58.

⁴ NA, Cab. 24/123. Memo by General Staff. 26/05/1921. P. 586—588.

маневром считали лондонские переговоры. Кемалисты же использовали в своих интересах противоречия между заинтересованными странами, в том числе между Антантой и Советской Россией.

Фактически в Лондоне одновременно происходили две конференции. Одна из них (официальная) имела своей целью нахождение компромиссного решения турецкой проблемы и примирение Греции с турецким национальным движением. Эту конференцию можно считать провалившейся. Но одновременно с ней воюющие стороны вели неофициальные переговоры с целью обеспечения себе поддержки той или иной великой державы для продолжения войны. В свою очередь, великие державы искали себе опору на Ближнем Востоке, чтобы защищать там свои интересы в пику своим же союзникам. В этом смысле на конференции были достигнуты гораздо большие успехи. Греки получили со стороны Ллойд Джорджа выражение глубоких симпатий и сочувствия в их борьбе с турками (хотя и без формальных обязательств). Турки достигли соглашения с Францией, которое высвобождало значительные их силы с киликийского фронта и давало возможность направить их против греков. Характеризуя лондонское соглашение с представителями Анкары, Бриан писал: «Франко-турецкое соглашение было расценено французским парламентом и общественным мнением как вызванное финансовыми трудностями, которые довлеют над нашей страной, а также общими задачами нашей политики на Востоке, которые требуют от правительства добиваться восстановления и укрепления дружественных взаимоотношений и влияния Франции в Турции»¹. Соглашение подводило черту под военными авантюрами в Киликии, которые, по почти всеобщему убеждению, не соответствовали национальным интересам Франции. Так, один из агентов французского МИД в марте 1921 года резко критиковал бывшую киликийскую оккупационную администрацию полковника Бремона за то, что она проводила политику «более армянскую, чем французскую», в то время как в первую очередь следовало завоевать симпатии турецкого населения. Тот же агент лаконично выразил и новый подход Парижа к экономическим отношениям с Турцией. Раз турки так плохо воспринимают

¹ DDF, 1921, Т. 1. № 248. Briand á Gouraud. 29/03/1921. P. 382—384.

понятия «мандат» и «сфера влияния», Франция сможет «получить эти вещи, не используя этих слов» (*avoir la chose sans employer les mots*)¹. Сам Бриан признавался Керзону, что желаемые концессии можно получить от турок без упоминания «сфер влияния»².

И снова арабские дела

Склонность Франции к сепаратной договоренности с кемалистами была не единственной причиной англо-французских трений на Ближнем Востоке весной 1921 года. Пока Бриан стремился ликвидировать все затруднения на северной границе Сирии, британская политика создавала новые трудности для французов на ее восточных и южных границах.

Как мы уже говорили, одним из последствий решения конференции в Сан-Ремо, окончательно распределившей ближневосточные мандаты, было антианглийское восстание в Месопотамии в августе—сентябре 1920 года. Другим последствием было резкое ухудшение отношений между англичанами и королем Хиджаза Хусейном, отцом эмира Фейсала. Попустительство англичан французскому захвату Дамаска окончательно оттолкнуло Хусейна от Антанты: он отказался ратифицировать Версальский договор и подписывать Севрский. По указанию Хусейна, его второй сын Абдалла в ноябре 1920 года с вооруженным отрядом прибыл в город Маан на северной границе Хиджаза и оттуда мог угрожать как английским позициям в Палестине, так и французским в Сирии. Абдалла стал созывать под свои знамена сирийцев, недовольных французским вторжением, и недвусмысленно готовился к походу на север. Такая перспектива очень беспокоила англичан, так как могла создать повод для прямого французского вмешательства в Трансиордании (этот термин имел тогда еще чисто географическое, а не политическое содержание). Урезонить фрондирующего эмира помог его брат Фейсал, находившийся к этому времени в Лондоне. Абдалла остался в Маане³.

¹ DDF, 1921. Т. 1. № 258. Note de M. Escande. 1—10/03/1919. P. 404—408.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 15. № 88. Meeting in Paris. 18/06/1921. P. 589.

³ Klieman A.S. Foundations of British Policy in the Arab World. The Cairo Conference of 1921. Baltimore; L., 1970. P. 74—76.

В британском руководстве в это время росло понимание необходимости консолидировать управление своими ближневосточными владениями. После перемирия дела Месопотамии находились в ведении Министерства по делам Индии, а дела Палестины и Сирии (до конца 1919 года) — одновременно в ведении военного министерства и Форин Оффиса. Аравийский полуостров был «поделен» между ведомствами. Отношения с Хусейном поддерживались через Форин Оффис, а отношения с его главным соперником ибн Саудом — через Министерство по делам Индии. Несогласованность действий между различными ведомствами воспринималась как одна из главных причин британских неудач. Еще в мае 1920 года У. Черчилль, занимавший тогда пост военного министра, предложил передать все «мандатные» арабские дела в ведение Министерства колоний. Эта идея нашла поддержку у большинства членов кабинета, но только не у самого министра колоний лорда Милнера¹. Скептически относился ней и лорд Керзон. Междепартаментские согласования заняли более полугода. Наконец 31 декабря британский кабинет большинством голосов решил передать ближневосточные мандаты в ведение Министерства колоний, глава которого в знак несогласия сразу же подал в отставку². После этого Черчилль занял его место и с готовностью принялся за осуществление собственных инициатив. Внутри Министерства колоний был создан Ближневосточный департамент. Для определения главных направлений ближневосточной политики Великобритании новый министр решил незамедлительно созвать совещание британских колониальных деятелей и экспертов по Ближнему Востоку. Местом его проведения был избран Каир. Приглашения получили верховный комиссар в Палестине Г. Сэмюэль, бывший «гражданский комиссар» в Месопотамии А. Вильсон, его преемник П. Кокс, его помощница Гертруда Белл. Своим личным советником Черчилль назначил знаменитого полковника Лоуренса, не было недостатка в военных и политических экспертах. Каирская конференция открылась 12 марта, за два дня до бесславного окончания конференции по турецким делам в Лондоне³.

¹ Ibid. P. 87—88.

² Ibid. P. 89—90.

³ Ibid. P. 103.

Арабский вопрос для Великобритании в это время подразделялся на три главных проблемы: Месопотамия (Ирак), Палестина вместе с Заиорданьем и Аравийский полуостров. Прямая военная оккупация значительных территорий была слишком дорога, и на конференции был довольно быстро выработан план контроля над ними с помощью авиации. В Месопотамии методы прямого руководства в индийском стиле, горячим сторонником которых был А. Вильсон, себя не оправдали. Как мы уже говорили, еще летом 1920 года возникла идея сделать правителем Месопотамии эмира Фейсала, потерявшего сирийский трон. На Каирской конференции в пользу этого решения выступили П. Кокс и полковник Лоуренс, которым вскоре удалось убедить в своей правоте Черчилля. П. Кокс сам перечислил несколько альтернативных кандидатов, ни один из которых по тем или иным причинам не мог устроить англичан. Правда, еще с 1919 года претендентом на иракский трон был эмир Абдалла, но он, по словам Лоуренса, был «слишком ленив», чтобы справиться с такой задачей¹. По мнению участников конференции, Абдалла должен был пока оставаться за Иорданом, и его дальнейшая судьба зависела от его поведения.

Незадолго до начала конференции Абдалла вместе со всеми своими спутниками перебрался из Маана в Амман. Таким образом, он пересек северную границу Хиджаза и оказался на территории британского мандата. В тот момент он совершенно не представлял, что небольшое селение, где он остановился, в дальнейшем станет столицей нового государства, созданного специально для него. Трансиордания, которая оставалась пока белым пятном на карте, представлялась Черчиллю как «арабская провинция» Палестины, закрытая для деятельности сионистов. Выжидательная линия поведения была принята на конференции и в отношении отца обоих эмиров короля Хусейна. Положенная ему субсидия приравнивалась к субсидии его противнику Ибн Сауду, которая резко возрастала. Это говорило о полном отказе англичан от идеи сделать фигуру Хусейна краеугольным камнем своей арабской политики. На Аравийском полуострове они теперь рассчитывали на своеобразный «баланс сил»². Утверждение

---

¹ Ibid. P. 106—107.

² Ibid. P. 121.

Фейсала в Ираке не должно было, однако, выглядеть как его прямое назначение из Лондона. Кокс советовал преподнести это как инициативу снизу, исходящую от населения страны.

В целом конференция одобрила курс на «шерифское» решение ближневосточных проблем: сделать Фейсала королем Ирака «согласно пожеланиям местного населения», Абдалле предоставить некий официальный статус в Трансиордании, а за Хусейном сохранить его прежнюю роль защитника «Святых мест Ислама» и короля Хиджаза. «Шерифское» решение, однако, имело один существенный изъян: против него резко выступала Франция, имевшая стойкую антипатию к хашимитскому семейству, представители которого теперь «окружали» Сирию с двух сторон. Участники Каирской конференции прекрасно отдавали себе в этом отчет, но сочли, что мнение французов не должно мешать политике Великобритании в ее собственной мандатной зоне. Однако сразу после окончания конференции Черчилль поспешил в Иерусалим, чтобы вместе с Г. Сэмюэлем и Лоуренсом убедить Абдаллу отказаться от любых антифранцузских действий¹. Черчилль хотел также встретиться с французским верховным комиссаром Гуро, но вместо него в Иерусалим приехал только Р. де Кэ.

Британские планы относительно Фейсала никогда не были для французов тайной. Еще в январе новый французский посол в Лондоне Сент-Олер пытался отговорить от этой идеи постоянного заместителя Керзона Э. Кроу. Британский дипломат отвечал, что Фейсал «не является кандидатом», но что Великобритания окажется «в трудном положении», если жители Месопотамии сами его выберут². Французы не верили в «добровольность» такого выбора и, желая дискредитировать Фейсала, напоминали союзникам о его прежних попытках интриговать против самих англичан. Первые сведения о решениях Каирской конференции обеспокоили французов. Бриан писал Гуро, что они могут вызвать у населения Сирии «усиление стремлений к арабскому единству» и «чувство недоверия к французской мандатной власти». Премьер-министр в связи с этим советовал генералу ускорить формирование мандатной администрации, которая

¹ Ibid. P. 130—131.

² DDF, 1921, T. 1. № 18. Saint-Aulaire á Briand. 21/01/1921. P. 23—24.

должна была, по возможности, углубить различия между Сирией и Месопотамией¹.

После окончания Каирской конференции между французскими и английскими официальными лицами еще неоднократно возникали споры по поводу хашимитских эмиров. Содержание этих споров всегда было примерно одинаково: французы указывали, что утверждение Абдаллы и Фейсала по соседству с Сирией будет недружественным актом по отношению к ним, англичане отвечали, что лишь идут навстречу пожеланиям населения и к тому же вольны поступать в своих зонах по своему усмотрению. Французы в ответ повторяли, что никогда не поверят в истинность таких «пожеланий населения». Именно так проходили беседы Сент-Олера с Керзоном в Лондоне², Р. де Кэ с Черчиллем в Иерусалиме³, Гуро с Г. Сэмюэлем в Бейруте⁴. Впрочем, встречались и интересные нюансы. В середине марта британский консул в Дамаске намекнул французскому чиновнику, что для французов единственный способ избавиться от враждебных действий Абдаллы — сделать его королем Сирии. В то же время до французов дошли слухи, что англичане хотят создать еще одно хашимитское государство во главе со старшим сыном Хусейна эмиром Али в районе города Абу-Кемаль⁵. Эти слухи и намеки, впрочем, вскоре были опровергнуты в Лондоне, но затем Г. Сэмюэль вновь предложил Гуро пригласить Абдаллу на трон в Дамаске.

Англичане всячески старались убедить французов, что сделают все возможное, чтобы пресечь любые интриги против французских властей в Сирии со стороны Трансиордании или Ирака. Сент-Олер склонен был отчасти верить английским заверениям. Он считал, что англичане «поддерживают кандидатуры Фейсала и Абдаллы, сожалея о нашей оппозиции, и не для того, чтобы их использовать против нас. Для английского правительства только эти персонажи представляют моральную силу, способную вос-

¹ DDF, 1921, Т. 1. № 212. Briand á Gouraud. 17/03/1921. P. 330—331.

² DDF, 1921, Т. 1. № 234. Saint-Aulaire á Briand. 24/03/1921. P. 362—363; Ibid. № 274. Saint-Aulaire á Briand, 7/04/1921. P. 432—434.

³ DDF, 1921, Т. 1. № 267. De Caix á Briand. 3/04/1921. P. 420—421.

⁴ DDF, 1921, Т. 1. № 426. Gouraud á Briand. 30/05/1921. P. 673—676.

⁵ DDF, 1921, Т. 1. № 224. Briand á Saint-Aulaire. 21/03/1921. P. 346—347.

полнить военную силу, которой ему не хватает»¹. Гуро, напротив, не верил англичанам, указывал на активную антифранцузскую деятельность приближенных эмира Абдаллы и был убежден, что возврат англичан к «шерифской политике» специально нацелен на то, чтобы «создать нам трудности»². Подозрения Гуро относительно Абдаллы не были лишены оснований. 23 июня недалеко от города Кунейтра на юге Сирии на самого генерала было совершено покушение. Был ранен водитель его машины, убит офицер-переводчик, сам Гуро чудом остался невредим. Нападавшие скрылись на территории Трансиордании. Со стороны Франции последовали резкие протесты. Англичане сразу выразили сожаление, но их неспособность помочь расследованию этого дела показала, что за Иорданом их власть весьма призрачна³. Принятые в Каире решения стали быстро проводиться в жизнь. В июле 1921 года эмир Фейсал стал королем Ирака, несмотря на все французские возражения.

3. Франко-турецкое сближение и Анкарский договор (май—октябрь 1921 года)

Война в Малой Азии, интриги в Европе

Вскоре после окончания Лондонской конференции греческие войска начали новое наступление в Малой Азии. В связи с этим Керзон писал послу в Афинах Гренвиллю, что, пока не будет достигнуто соглашение о модификации Севра, «союзники не берут на себя какой-либо ответственности по удержанию любой из воюющих сторон от действий, которые они сочтут необходимыми для безопасности своих армий»⁴. Такая туманная формулировка давала понять, что при внешнем нейтралитете Великобритании не будет возражать против греческого наступления. Но 26 марта у селения Иненю турецкие войска во второй раз одержали победу

¹ DDF, 1921, T. 1. № 274, Saint-Aulaire á Briand. 7/04/1921. P. 433

² DDF, 1921, T. 1. № 426. Gouraud á Briand. 30/05/1921. P. 675.

³ Klieman A.S. Op. cit. P. 215—222.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 66. Granville to Curzon. 23/03/1921. P. 85.

над греками и заставили их отступить на исходные позиции. После этого военные действия в Малой Азии на некоторое время приняли позиционный характер, и все союзные державы предпочли занять выжидательную позицию. Соответствующее соглашение было в начале апреля достигнуто английским и французским верховными комиссарами в Константинополе¹.

В этот момент впервые создалась парадоксальная ситуация, когда страны, называвшие друг друга союзниками, морально и материально поддерживали двух врагов, готовых к кровавой схватке друг с другом. Все это делалось под вывеской общего нейтралитета. Франция и Италия постоянно получали сведения, что английские офицеры находятся при греческой армии², а английский МИД регулярно эти сведения опровергал. В свою очередь, англичане неоднократно пытались получить тексты соглашений, заключенных в Лондоне Италией и Францией с Бекир Сами-беем. Из Рима и Парижа отвечали, что не могут этого сделать до передачи этих соглашений на ратификацию в парламенты³. После этого Форин Оффис стал протестовать против заключения секретных соглашений с общим врагом Антанты (Керзон направил соответствующие указания своим послам в этих странах)⁴. Бриан ответил британскому послу Гардингу, что он еще до начала конференции в Лондоне не делал секрета из своего намерения заключить соглашение с кемалистами, чтобы прекратить «маленькую разрушительную войну, которая происходила на границах сирийского мандата»⁵. Аналогичные объяснения Керзон выслушал в Лондоне от Сент-Олера и счел их «смесью прямоты и изобретательности»⁶. В итоге в Лондоне смогли ознакомиться с текстами этих соглашений только из газет. В то же время Гренвилль постоянно сообщал Керзону, что французы и итальянцы регулярно поставляли оружие туркам⁷. В Рим и Париж направлялись

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 94. Rumbold to Curzon. 7/04/1921. P. 114—115.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 90. Crowe to Curzon. 5/05/1921. P. 112.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 63. Hardinge to Curzon. 23/03/1921. P. 83—84, 103.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 76. Curzon to Hardinge. 29/03/1921. P. 97—98.

⁵ DDF, 1921, T. 1. № 271. Briand á Pellé, Saint-Aulaire, Barrère. 4/04/1921. P. 425—426.

⁶ NA, Cab. 24/129. Curzon to Hardinge. 14/04/1921. P. 626.

⁷ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 67. Rumbold to Curzon. 23/03/1921. P. 86.

соответствующие протесты¹, а обратно возвращались недоуменные опровержения. С другой стороны, французы получали сведения о присутствии английских и итальянских офицеров в греческой армии². Дальнейшее развитие англо-французских отношений на Востоке теперь во многом зависело от военного счастья греков и турок, которые в это время готовились к генеральным сражениям.

Поскольку исход предстоящей схватки не был ясен, союзники решили запретить военные поставки обеим сторонам, использование Константинополя как военной или военно-морской базы для одной из сторон, а также мобилизацию в Константинополе для любой из воюющих сторон³. Проход военных кораблей через Проливы был, однако, разрешен. Это обстоятельство было выгодно только грекам, так как кемалисты флота не имели. В этой обстановке между англичанами и французами продолжался старый спор по поводу соподчинения союзных генералов в Константинополе. Хотя генерала Мильна сменил генерал Гарингтон, а Франше д'Эспре — генерал Шарпи, французы отказывались передавать свои части под английское командование⁴. Теперь этот спор был не только вопросом престижа. Французы опасались, чтобы им не пришлось выполнять приказы английских генералов, если Великобритания захочет открыто поддержать Грецию.

Дипломатическое мастерство Бриана, казалось, начинало приносить свои плоды. Лондонское соглашение с кемалистами обеспечивало Франции не только достойный выход из киликийской авантюры, но и давало ряд существенных экономических и политических выгод. В то же время успех был достигнут и в репарационном вопросе в ходе межсоюзнических консультаций, продолжавшихся на нескольких конференциях в первой половине 1921 года. В начале мая немцы согласились на общую сумму репараций в 132 миллиарда золотых марок (вместо 226 миллиардов, согласованных союзниками в январе в Париже). Согласие было дано после предъявления немцам ультиматума союзников с угрозой оккупации Рура⁵. Предложение об оккупации Рура было

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 82. Curzon to Buchanan. 2/04/1921. P. 104.

² DDF, 1921, T. 1. № 288, note 1. P. 453.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 134. Curzon to Hardinge and Buchanan. 26/04/1921. P. 154.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 85. Curzon to Hardinge. 2/04/1921. P. 107.

⁵ История дипломатии. Т. 3. М., 1965. С. 217.

выдвинуто Брианом¹, и с этого момента потенциальная возможность такой акции в качестве санкции против Германии прочно утвердилась во французском общественном мнении. В то же время Бриан продолжал сколачивать «санитарный кордон» (Малую Антанту) на востоке Европы².

Однако политика Бриана потерпела первую неудачу именно на турецком направлении. Анкара явно не торопилась выполнять Лондонский договор. Долгое время вообще не поступало сведений об отношении кемалистского правительства к нему. В Киликии военные действия были прекращены, но формальное перемирие не было заключено³. В Анкаре в это время шли бурные дебаты, и 8 мая Великое национальное собрание Турции отказалось ратифицировать договоры, подписанные Бекир Сами-беом с Францией и Италией, так как они фактически признавали совершенный в Севре раздел страны на сферы влияния. Их автору пришлось оправдываться за превышение полномочий⁴ и за тайные переговоры с Ллойд Джорджем⁵. Вскоре Бекир Сами-бей лишился своего поста. В Париж были направлены турецкие контрпредложения по пересмотру Лондонского соглашения, которые сразу же были сочтены «неприемлемыми». Первая реакция Франции была явно вызвана чувством досады и раздражения. 12 мая правительство Бриана заявило, что не возражает против использования греками Константинопольской бухты. Румбольд писал Керзону, что французы, похоже, ради подстраховки не собираются полностью порывать с греками⁶. После новой неудачи греков под Эскишехиром Бриан снова стал выражать надежду на «стабилизацию» фронта, поскольку оборонительные позиции греческой армии были достаточно сильны⁷.

Но эта временная перемена настроения в Париже не могла обмануть внимательных наблюдателей по другую сторону Ла-Манша.

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 15. № 47. Meeting in London. 30/04/1921. P. 488.

² История дипломатии. Т. 3. М., 1965. С. 218.

³ DDF, 1921, Т. 1. № 334. Briand á Barthou, ministre de guerre. 28/04/1921. P. 528—529.

⁴ Кемаль Мустафа. Указ. соч. Т. 4. С. 12—15.

⁵ Там же. С. 287—289 (примечания).

⁶ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 166. Rumbold to Curzon. 15/05/1921. P. 178—180.

⁷ DDF, 1921, Т. 1. № 398. Briand á Gouraud, Pellé, Saint-Aulaire, Barrère. 19/05/1921. P. 627—628.

Растущая самостоятельность французской внешней политики начинала беспокоить англичан. Острота репарационной проблемы и возможность нового сговора между французами и кемалистами заставила Э. Кроу представить 30 мая своему руководителю новый меморандум с предложением возобновить гарантийный пакт 1919 года в обмен на французскую поддержку на Востоке. Кроу исходил из тезиса о большой вероятности скорого поражения греческой армии и вступления турок не только в Смирну, но и в зону Проливов, а также на их европейский берег. Это могло серьезно повредить британским интересам во всей Азии. Поэтому Кроу предлагал оказать всемерную помощь Греции, а также заручиться поддержкой Франции. Кроу писал: «Поиск средств, естественно, предполагает вопрос, какое содействие мы можем получить от наших союзников. Италию можно исключить. Но как насчет Франции? Можно опасаться, что Франция будет смотреть с равнодушием, если не с удовлетворением, на полное восстановление турецкой империи. Если французские политики смогут по-прежнему запускать руки в турецкую кассу (*to dip their fingers into the Turkish till*), они будут достаточно слепы, чтобы принять без больших сожалений разрушение нашей индийской империи и потерю Египта. ... Можно, пожалуй, усомниться, будет ли одна только наша поддержка греков достаточной для удержания позиций в Константинополе. Французское сотрудничество станет необходимо с того момента, как мы должны будем решать проблему Константинополя, не имея даже греков, действующих с нами в полной гармонии. Я не вижу иного способа заручиться французской поддержкой, кроме как за определенную цену. Если мы хотим, чтобы Франция стояла рядом с нами и поддерживала нашу политику на Востоке, я боюсь, что нам придется торговаться и платить. ... Я думаю, что Франция заплатила бы высокую цену за союз, по которому мы предоставили бы ей безопасность против германского нападения на Рейне. Этот вопрос с Константинополем требует политики тесного взаимодействия между двумя странами на Востоке, которого, вероятно, не удастся добиться иным путем»¹.

Керзон не стал как-либо реагировать и на этот меморандум, но использовал некоторые его положения на заседании кабинета

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 201. Memo by Crowe. 30/05/1921. P. 207—211.

на следующий день. Оно было в основном посвящено ситуации вокруг Константинополя¹, но, очевидно, произошла некая утечка информации относительно возможного возрождения гарантийного пакта. Во всяком случае, сведения об этом появились во французских газетах, причем инициатива приписывалась французскому послу в Лондоне Сент-Олеру. Сам он постоянно опровергал свою причастность. Если верить его воспоминаниям, инициатива целиком исходила от Англии. Английские политики в разговорах с ним постоянно говорили о «долге» Англии перед Францией², а едва ли не единственным английским политиком, который выступал резко против союза с Францией, был Ллойд Джордж³. Сент-Олер считал главными противниками Франции лейбористов и либералов, а также и консерватора Керзона. Сторонниками союза с Францией были такие сотрудники Форин Оффиса, как Э. Кроу, У. Тирелл и Р. Ванситтарт⁴. Этот список полностью совпадает с составом соавторов первого меморандума Кроу на эту тему, направленного Керзону в феврале. В ведомстве Керзона, таким образом, сложилась значительная группа сторонников возрождения пакта 1919 года. Но летом 1921 года эта идея официально не обсуждалась из-за слишком большого числа конкретных проблем, вызывавших разногласия между Англией и Францией. В первую очередь это были вопросы о Турции и Верхней Силезии. Очевидно, английские политики решили прибегнуть к этому политический ход на будущее.

Между тем Бриан возобновил попытки наладить отношения с кемалистами. Он, в частности, писал Гуро, что сам Кемаль «ищет способов установить прямую связь с нами»⁵. Поскольку по политическим соображениям отправка в Анкару официального посланника была нежелательна, решено было ограничиться неофициальным агентом⁶. В начале июня он направил в Анкару А. Франклен-Буйона, который должен был на месте выяснить

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 201. P. 211 (note).

² Saint-Aulaire, comte de. Confession d'un vieux diplomate. P., 1953. P. 566—567.

³ Ibid. P. 567—568.

⁴ Ibid. P. 569.

⁵ DDF, 1921, T. 1. № 431. Briand á Gouraud. 31/05/1921. P. 686.

⁶ Ibid., note 3.

намерения Кемалья и попытаться прийти к компромиссу¹. В ответ на английские протесты в Париже заявляли, что Франклен-Буйон поехал в Анкару «по частному делу». Итальянцы вскоре направили с аналогичной миссией своего посланника Туощи². Английское Военное министерство тоже пыталось войти в контакт с Кемалем, но только ради зондажа обстановки. В конце июня планировалась личная встреча Кемалья с генералом Гарингтоном³, но она не состоялась, поскольку англичане не планировали вести переговоры, а лишь хотели выслушать, что Кемаль имеет им сказать. В Анкаре сочли такую встречу бесполезной.

Если линия поведения Франции, направленная на сближение с кемалистами, была вполне ясна, то британское руководство лихорадочно пыталось выработать определенную позицию в турецком вопросе. Для этого в начале июня в загородной резиденции премьер-министра «Чекерс» был собран специальный комитет из «заинтересованных министров». В нем участвовали Ллойд Джордж, Керзон, Монтегю, Черчилль, новый военный министр Л. Уорингтон-Эванс, а также генералы Г. Вильсон и Гарингтон. Общее настроение было пессимистичным. Все опасались прямого столкновения с кемалистами после вероятного поражения греков, «большевистского» вмешательства в ситуацию и утраты позиций не только в Константинополе, но и в Палестине и Месопотамии, где англо-турецкая война непременно спровоцировала бы восстание. Позиция Керзона была неопределенной. Он не возражал против поддержки Греции, но испытывал явную антипатию к ее действующему правительству. Ллойд Джордж более решительно выступал за поддержку Греции при условии ее согласия на фактическое британское руководство над своей армией и внешней политикой. Гарингтон и Г. Вильсон сомневались в способности греческой армии устоять против кемалистов. По их мнению, Великобритания стояла перед выбором между войной с ними и полным отступлением. Черчилль, представивший длинный меморандум, также был убежден, что «мы неуклонно и быстро движемся к тому, что можно будет назвать поражением Великобритании от Турции».

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 228. Rattigan to Curzon. 14/06/1921. P. 242.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 231. Buchanan to Curzon. 15/06/1921. P. 249.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 245. Rattigan to Curzon. 20/06/1921. P. 261—262.

Он предлагал, чтобы Великобритания взяла на себя посредническую роль в греко-турецком конфликте на основе лондонских предложений Антанты, дополненных эвакуацией греческих войск из Смирны при гарантировании прав меньшинств. В случае отказа греков их следовало предоставить собственной судьбе, а в случае отказа турок — оказать всемерную помощь грекам. По его мнению, Франция присоединилась бы к этим предложениям ради сохранения хороших отношений с Англией. Британские министры решили подготовить план материальной и финансовой помощи Греции на случай отказа кемалистов от компромиссного плана превращения Смирны в автономную турецкую провинцию с христианским губернатором под защитой великих держав, но не связываться с греческим правительством до выяснения позиции Франции¹. На последнее заседание комитета в Чекерсе был приглашен Э. Венизелос (в тот момент политический эмигрант). Он поддержал идею посредничества Антанты в греко-турецком конфликте и добавил, что в случае отказа турецкой стороны союзникам останется только открыто поддержать Грецию. Иначе их ждала лишь «черeda позорных отступлений». Своими силами Греция могла продолжать войну не более полугода².

14 июня Керзон через Гардинга предложил Бриану обсудить с ним в Париже эти инициативы³. Бриан согласился, но выразил мнение, что на любых переговорах с турками нельзя будет избежать вопроса о Фракии⁴. Переговоры Бриана и Керзона состоялись в Париже 18—19 июня. Было решено предложить воюющим сторонам посредничество на основе плана автономии Смирны и пересмотра остальных статей Севра в соответствии с предложениями, выдвинутыми Антантой на Лондонской конференции⁵. Бриан в ходе переговоров отчасти выдал свой подход

¹ Walder D. The Chanak Affair. L., 1969. P. 138—149.

² NA, Cab. 23/26 Meeting of the Comitee on the Future of Constantinople. 9/06/1921. P. 67—69.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 229. Hardinge to Curzon. 14/06/1921. P. 244—248.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 232. Hardinge to Curzon. 15/06 /1921. P. 249—250.

⁵ DBFP, Ser. 1, Vol. 15. № 88. Meeting in Paris. 18/06/1921. P. 588—597; DDF, 1921, T. 1. № 484. Berthelot á Tripier, chargé d'affaires á Athenes. 19/06/1921. P. 770—771; Ibid. № 488. Briand á Saint-Aulaire, Barrère, Pellé, Jusserand, Gouraud, de Billy. 20/06/1921. P. 755.

к отношениям с Турцией, заявив, что турки рассматривали практику «сфер влияния» как наихудшее посягательство на свой суверенитет, но готовы были добровольно предоставлять желаемые концессии¹. Следовательно, Бриан был убежден, что именно кемалистское правительство является гарантом экономических интересов Франции. Он также пытался добиться новых уступок в пользу Турции за счет греков (например, восстановить турецкий суверенитет во Фракии и создать там автономную провинцию под контролем союзников), но Керзон отверг эти предложения². На этих же переговорах был наконец урегулирован вопрос о верховном командовании союзными силами в Константинополе. Оно закреплялось за британским генералом Гарингтоном, а французы взамен получали председательство в некоторых контрольных комиссиях, руководивших деятельностью султанского правительства³.

Греческое правительство не желало поступиться ни одной буквой Севрского договора и уже завершало подготовку к решающему броску на Анкару. Оно вежливо, но вполне определенно отвергло англо-французское предложение о посредничестве⁴. В июле греки возобновили широкомасштабные боевые действия и овладели городами Эскишехиром и Кютахьей. Но остановиться на этом и принять предложенный Антантой компромисс они не пожелали. Это совершенно неоправданное «головокружение от успеха» передалось и Ллойд Джорджу, что вызвало настоящий раскол в британском кабинете. Секретарь Ллойда Джорджа Ф. Стивенсон писала в своем дневнике: «Д.⁵ очень заинтересован в греческом наступлении против турок. Защищая греков, он выдержал большое столкновение в Кабинете для того, чтобы поддержать их (не на поле сражения, а морально). Он и Бальфур — единственные, кто там настроен прогречески. Все остальные сделали все возможное для обструкции, и Военное министерство вело себя отвратительно. Однако Д. остался при своем мнении,

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 15. № 88. Meeting in Paris. 18/06/1921. P. 589.

² DDF, 1921. Annexes. № 116. Séance de 12/06/1921 à Paris. P. 832—837.

³ NA, Cab. 23/26. Cabinet Meeting. 21/06/1921. Appendix. Summary of Statement by Lord Curzon. P. 59—65.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 260. Granville to Curzon. 25/06/1921. P. 276.

⁵ Дэвид Ллойд Джордж.

но он очень боится, что греческая атака может кончиться неудачей и ему придется признать свою ошибку. Он говорит, что его политическая репутация во многом зависит от того, что происходит в Малой Азии, хотя я не думаю, что люди придают большое значение тому, что там происходит. Но Д. говорит, что, если греки достигнут успеха, Версальский договор будет подтвержден и турецкое правление придет к концу. Будет создана новая Греческая империя, дружественная Британии, и она будет содействовать всем нашим интересам на Востоке. Он абсолютно убежден, что он в этом прав, и он готов поставить на это все»¹.

Керзон не разделял оптимизма Ллойд Джорджа и на переговорах с союзниками старался не связывать политику Великобритании с успехами греческого оружия. Ввиду отказа воюющих сторон от посредничества 10 августа Верховный совет Антанты официально объявил о своем строгом нейтралитете в греко-турецкой войне². Для Англии нейтралитет в войне, которую она же спровоцировала в 1919 году, выглядел несколько странно. Но при отсутствии единой точки зрения на проблему и небольших шансах Греции на победу это был единственный способ сохранить «хорошую мину при плохой игре». К тому же Ллойд Джордж настаивал, чтобы этот нейтралитет не ограничивал права Греции закупать оружие и военные материалы у частных компаний в Европе³. Для Франции решение о нейтралитете было чистой формальностью и не мешало ей проводить собственную политику. Сент-Олер, в частности, предлагал Бриану «еще раз подчеркнуть разницу в нашем отношении к двум воюющим сторонам, чтобы создать впечатление, благоприятное для турок»⁴. Франклен-Буйон вел в Анкаре активные консультации, изучал обстановку и искал пути компромисса. Он лишним раз убедился в неприемлемости Лондонского соглашения для националистов⁵. Но эта его миссия оказалась неудачной, так как он не был готов вести переговоры на основе турецкого Национального

¹ Цит. по Smith M.L. *Ionean Vision. Greece in Asia Minor, 1919—1922.* L., 1973. P. 226.

² Howard H.W. *Op. cit.* P. 264—265.

³ DDF, 1921. Annexes. № 119. Séance de 9/08/1921 à Paris. P. 878—880.

⁴ DDF, 1921, T. 1. № 508, note 2. P. 804.

⁵ DDF, 1921, T. 1. № 492. Pellé a Briand. 21/06/1921. P. 782—783.

обета¹. Главная трудность для Франклен-Буйона заключалась в том, что турки не хотели ограничиваться киликийским вопросом и стремились заключить с Францией общеполитическое соглашение. В частности, они настаивали на отмене капитуляций и иностранного финансового контроля. Бриан же, смирившись с территориальными потерями, ни в коем случае не хотел уступать ничего из привилегий, которые Франция имела в Османской империи до войны².

В этот момент греко-турецкая война подошла к своей кульминации. Бриан прямо признавал, что дальнейший ход переговоров с Кемалем будет зависеть от исхода сражений в Анатолии³. В августе греки продолжили наступление и к концу месяца перешли реку Сакарья, на которой и состоялось главное сражение. Ко 2 сентября греческие войска приблизились к Анкаре на 50 километров, но на другой день турки перешли в наступление, которое смело потрепанные и уставшие греческие войска. К 13 сентября греки были отброшены на позиции, которые они занимали в июне. Сражение окончилось полной победой новой Турции. После Сакарьи весь мир увидел силу турецкого национально-освободительного движения. Кемаль получал множество поздравительных телеграмм, прежде всего из мусульманских стран и из Индии. Это еще не была победа Турции в войне, но о победе Греции речи уже быть не могло. По выражению Черчилля, в тот момент для греков «успехи, не приводившие к окончательной победе, были уже поражением», а для турок «отсутствие окончательного разгрома было уже победой»⁴. С точки зрения Великобритании это событие свидетельствовало о банкротстве прогрессивной политики Ллойд Джорджа, что привело к заметному усилению роли лорда Керзона в принятии решений по ближневосточным проблемам.

¹ Кемаль Мустафа. Указ. соч., с. 43—45.

² DDF, 1921, Т. 2. № 35. Briand á Gouraud, Franclin-Bouillon, Pellé. 15/07/1921. P. 46.

³ DDF, 1921, Т. 2. № 120. Briand á Gouraud, Saint-Aulaire, Barrere. 24/08/1921. P. 193.

⁴ Черчилль У. Мировой кризис. М., 2003. С. 453.

Анкарский договор

Французское правительство теперь не сомневалось в необходимости соглашения с Кемалем. Франклен-Буйон уже в начале октября снова прибыл в Анкару и начал новые переговоры, ходом которых живо интересовался Бриан. Не желая затрагивать «общие вопросы» (капитуляции, долги), Бриан, чтобы ускорить подписание соглашения, готов был на новые территориальные уступки. По его указанию Франклен-Буйон пожертвовал в пользу Турции городом Джизре. Бриан был убежден, что турки сами нуждаются в соглашении, так как французская помощь им необходима после очень дорого доставшейся победы на подступах к Анкаре¹. Наконец после долгих переговоров 20 октября было подписано сепаратное франко-турецкое соглашение. Его территориальные положения почти совпадали с Лондонским соглашением (закреплялось окончательное возвращение Киликии Турции)². Зато экономические положения сильно отличались от договора Бекир Сами-бея и предусматривали значительно меньше концессий и привилегий для французских групп (оговаривался только приоритет Франции в отношении киликийского участка Багдадской железной дороги от Бозанти до Нисбина). Франция также соглашалась в мирное время пропускать турецкие войска через сирийский участок Багдадской магистрали. Имелась и статья о защите национальных меньшинств в Турции, в целом повторявшая аналогичные обязательства ряда стран Центральной Европы. Турецкий министр иностранных дел Юсуф Кемаль-бей в особом письме Франклен-Буйону заявил, что турецкое правительство намерено предоставить Франции концессии на железные, хромовые и серебряные рудники в Харпутской долине сроком на 99 лет с 50-процентным турецким участием, а также пригласить французских специалистов и благосклонно рассмотреть другие запросы о концессиях³. Такой подход вполне соответствовал взглядам Бриана. В текст договора эти обязательства не вошли, и Кемаль

¹ DDF, 1921 T. 2. № 233. Briand á Pellé. 4/10/1921. P. 354—356.

² Турецко-сирийская граница, им установленная, существует и поныне, за исключением района Александретты (Искендеруна), переданного Турции только в 1939 году.

³ Международная политика... Ч. 3. Вып. 2. М., 1927. С. 115—116.

смог представить ВНСТ этот документ как полностью соответствующий Национальному обету. Анкарский договор вскоре был ратифицирован ВНСТ и вступил в силу.

Так, давно уже существовавший разрыв между Англией и Францией в их отношении к кемалистскому движению был закреплён юридически. При этом создалась очевидная сумятица в юридическом положении вещей. Англия по-прежнему находилась в состоянии войны с Турцией, и ее отношения с ней регулировались Мудросским перемирием. В то же время ее союзница Греция, в нарушение этого перемирия, вела против Турции военные действия, а другая ее союзница, Франция, из войны самостоятельно вышла и договорилась с Турцией о территориальном разграничении и экономическом сотрудничестве. В то же время и Англия, и Франция официально соблюдали нейтралитет в войне между Грецией и Турцией. Англия признавала правительство ВНСТ лишь де-факто, а Анкарский договор, по сути, свидетельствовал о его юридическом признании Францией.

Анкарский договор внес значительные осложнения в англо-французские отношения. Британское руководство пристально следило за ходом переговоров. 26 октября, еще до того, как их результаты были официально объявлены, У. Черчилль направил специальный меморандум кабинету с изложением секретного разведывательного донесения о ходе франко-турецких переговоров. Особое беспокойство Черчилля вызвали сведения о готовности французов пропускать турецкие войска в Курдистан, что могло пагубно сказаться на британской политике в этом регионе. Само это сообщение (на самом деле недалекое от истины) вызвало у Черчилля большие сомнения. Но он был убежден, что переговоры в Анкаре нацелены не просто на защиту французских интересов, а на достижение этой цели за счет интересов Великобритании. Черчилль писал: «Они определенно верят, что у нас есть схожие антифранцузские соглашения с греками. Они, конечно же, очень рассержены из-за короля Фейсала и были бы рады увидеть Ирак в состоянии такого беспорядка, чтобы и Фейсал, и британская политика, которая ассоциируется с ним, потерпели крах»¹. В подтверждение своих слов он приложил длинный

¹ АВПРИ, Ф. НАИ, Сер. А, Ед. хр. 217, Л. 17.

меморандум Восточного департамента Министерства колоний относительно враждебных действий Франции на Востоке: от интриг французского консула в Багдаде против нового короля Фейсала и антибританской пропаганды во франко-сирийской прессе до фактического поощрения вооруженной борьбы против британского мандата в Северном Ираке и снабжения оружием кемалистов. Еще одно приложение к записке Черчилля содержало меморандум британского верховного комиссара в Ираке Перси Кокса, который был убежден, что «французы пытаются переключить турецкую враждебность с Сирии на Ирак»¹. Уже гораздо позже, весной 1922 года, в Форин Оффис через британского консула в Алеппо поступило разведывательное донесение, согласно которому в момент заключения Анкарского договора французский верховный комиссариат в Бейруте разослал всем французским представителям на Востоке циркуляр о необходимости заключения антибританских союзов не только с кемалистами, но и с Афганистаном, Йеменом, Недждом, эмиратом Хаиль на севере Аравии и с курдскими племенами². Вряд ли эта информация заслуживает доверия, но она хорошо характеризует опасения, вызванные у англичан Анкарским договором.

Возможно, раздражение французов утверждением Фейсала в Ираке и оказало известное воздействие на их политику. Но после сообщения о заключении договора даже английская пресса признавала, что позиция Франции в определенной мере спровоцирована из Лондона. По мнению газеты *Manchester Guardian*, «если французы забыли о своей союзнической солидарности, то наше правительство несет ответственность за то, что не сдержало греческое наступление»³. Газета *The Times* сочувственно отнеслась к договору, выразив сожаление, что он не сопровождался общим мирным урегулированием. Однако большинство английских газет встретило договор в штыки. На страницах *Observer* и *Daily Chronicle* его заключение трактовалось ни много ни мало как копец Антанты⁴.

¹ Там же, Л. 18—22.

² Там же, Л. 61. См. также: NA Cab.24/129. Memo by Churchill. 26/10/1921.

³ Цит. по: Аноп А.Ф. Указ. соч. С. 130.

⁴ Саакян Р.Г. Указ. соч. С. 156.

Анкарский договор стал лишь отражением нежелания Франции следовать политической линии Лондона, которая приносила англичанам чувство относительной безопасности на берегах Прованса, а французам — многочисленные жертвы в горах Киликии и огромные военные расходы в сочетании с невозможностью возобновления экономической активности в Анатолии и получения доходов в счет Османского долга¹. Но факт заключения этого соглашения можно рассматривать и под иным углом зрения. Американский историк Гарри Говард писал по этому поводу: «Франция и Британия, противостоявшие друг другу в вопросах рейнской политики, были на ножах (*at sword's point*) и в Малой Азии. Нужно помнить, что в это время Англия предоставила Франции самой решать свои проблемы на Рейне и пыталась всеми морскими, военными и дипломатическими средствами завоевать господство не только над Месопотамией, Аравией и Палестиной, но и в районе Константинополя. В ответ французы, у которых были свои собственные цели и амбиции на Ближнем Востоке и которые были прекрасно осведомлены о британских устремлениях, порвали с Англией в Турции, заключили сепаратный мир с Кемалем и оказывали туркам скрытую поддержку в их борьбе с Грецией. И на Западе, и на Востоке Антанта, которая выстояла во всю Мировую войну, подошла к своему концу»². Хотя последнее утверждение нам представляется несколько преждевременным, но в целом такой взгляд вполне оправдан. Под «рейнской политикой» Говард подразумевал, конечно же, вопрос о безопасности Франции.

В этот момент Франция добилась еще одного дипломатического успеха. В октябре 1921 года министр по делам пострадавших регионов Франции Лушер заключил с германским представителем Ратенау так называемое Висбаденское соглашение, предусматривающее непосредственное участие германских компаний в восстановлении разоренных войной районов Франции³. В англичан это соглашение вселило некоторое беспокойство, так

¹ См. Thobie J. Une dynamique de transition; les relations économiques franco-turques dans les années 20. // La Turquie et la France à l'époque d'Ataturk. P. 1981. P. 127.

² Howard H.W. Op. cit. P. 262.

³ См. Международная политика... Ч. 3. Вып. 2. М., 1927. С. 106—109.

как любое сближение Франции и Германии противоречило планам Лондона постоянно играть на противоречиях между ними к собственной выгоде. Анкарский договор, Висбаденское соглашение, а также завершение летом 1921 года формирования Малой Антанты¹ были в известном смысле звеньями одной цепи. Все эти события свидетельствовали о самостоятельной внешней политике Франции и ее стремлении сформировать некую систему своего политического влияния в Европе и на Ближнем Востоке. Все эти акции должны были стать и дополнительными козырями Бриана в любых переговорах с Великобританией. Таким образом, начиная с 1921 года Восточный вопрос оказался прочно вписанным в широкий контекст мировой политики.

Греция перед судом Антанты и англо-французская полемика

Обстановка в Малой Азии, казалось, благоприятствовала намерениям Керзона. После Сакарьи греко-турецкая война надолго приняла позиционный характер. Греки не могли предпринять нового наступления (ресурсы Греции были уже на исходе), но еще удерживали значительную часть Анатолии. Кемалистская Турция, одержав победу ценой невероятного напряжения сил, еще не могла развить успех. Такая ситуация многим казалась тупиковой, и предложение о посредничестве представлялось вполне разумным. Но было очевидно, что время работало на турок. Каждый месяц затишья увеличивал их силы и уменьшал греческие. Поэтому Керзон спешил не упустить свой шанс.

Для начала нужно было обеспечить полную покорность Греции. В июне 1921 года она отвергла предложение о посредничестве, но после Сакарьи вынуждена была смириться и униженно просить Антанту (а вернее, Великобританию) о дипломатической и финансовой поддержке. Зная об отношении Франции и Италии к тогдашнему греческому правительству, Керзон настоял, чтобы греческая делегация во главе с Гунарисом перед приездом в Лондон посетила Рим и Париж. Греки не ждали ничего хорошего от этих визитов, но вынуждены были подчиниться. Как и

---

¹ За это время при участии Франции были заключены румынско-чехословацкий и румынско-югославский договоры, а также продлен чешско-югославский договор.

следовало ожидать, Бриан принял греков весьма холодно и отказал им в какой-либо поддержке¹. Когда делегация прибыла в Лондон, глава Форин Оффиса принял ее почти столь же неприветливо, как и Бриан. Он заявил, что турки теперь не согласны ни на какое урегулирование, которое лишало бы их Смирны, а единственно возможным решением могли быть июньские предложения союзников, при условии, что Греция полностью доверит свою судьбу заботам стран Антанты. Глава греческого МИД Балтацис сделал оговорку, что Греция готова довериться Великобритании, но Керзон ответил, что его страна во всем едина со своими союзниками. Греческий министр вспомнил об Анкарском договоре, но получил резкую отповедь, что Франция вольна заключать договоры с турками относительно военнопленных и границ Сирии, что вовсе не затрагивает англо-французских отношений. Керзон также заметил, что в случае отказа турок принять союзническое посредничество позиции стран Антанты изменятся не в их пользу². Через два дня греческие представители согласились доверить защиту своих интересов странам Антанты³, а 2 ноября было получено известие, что это решение одобрено кабинетом в Афинах⁴. Теперь Греция официально отказывалась от проведения сколько-нибудь самостоятельной политики в турецком вопросе. Керзон, не испытывавший в отличие от Ллойд Джорджа особых симпатий к грекам, мог теперь использовать их по своему усмотрению.

Уже на следующий день, 3 ноября 1921 года, Керзон выразил французскому послу Сент-Олеру свое возмущение условиями Анкарского договора: «Только на прошлой неделе я вел переговоры с греческими министрами и, несмотря на их давление, настаивал на своем долге действовать только в согласии с союзниками. Я лишь вчера успешно убедил греков безоговорочно передать свою судьбу в руки союзников. Ободренный этим удачным усилием во имя общих интересов союзников, которое, как я думаю, сулит столь многое в будущем, я с чувством удивления и почти

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 424. Hardinge to Curzon. 27/10/1921. P. 452.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 425. Meeting in London. 27/10/1921. P. 452—453.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 427. Meeting in London. 29/10/1921. P. 457—458.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 431. Meeting in London 2/11/1921. P. 460—461.

с тревогой прочел условия договора, заключенного г. Франклен-Буйоном, по которому я не могу не задать множества вопросов». Далее Керзон перечислил свои претензии к Анкарскому договору: это соглашение является сепаратным мирным договором с врагом; оно является признанием анкарского правительства, в то время как законное правительство Турции находится в Константинополе; Франция фактически отказалась от своего обязательства по защите христианских меньшинств в Киликии; Франция не имела права распоряжаться судьбой этой области, завоеванной английскими солдатами; новая граница, передающая туркам участок Багдадской железной дороги, ставит под угрозу британские позиции в Месопотамии и т. п.¹ Все эти претензии были подробно изложены в письме Керзона на имя посла. В нем указывалось, что многие статьи франко-турецкого соглашения противоречат Севрскому договору и Трехстороннему соглашению. Главу Форин Оффиса также серьезно беспокоили сообщения прессы о существовании секретных статей договора, предусматривавших предоставление Турции французского военного займа, поставки оружия кемалистам и организацию турецкой жандармерии с французской помощью. В конце письма Керзон выражал надежду, что «это соглашение в той окончательной форме, в которой оно будет принято французским правительством, будет очищено от многих двусмысленных и спорных положений», на которые он указал². Это означало прямое требование скорейшего пересмотра договора. Керзон, разумеется, был и раньше осведомлен об условиях франко-турецкого соглашения. Его полный текст был передан в британский Форин Оффис уже 1 ноября³. Весь маневр с греческой делегацией был представлен Керзоном как шаг к поддержке единства Антанты с явным намерением склонить Францию к занятой им позиции третейского судьи в греко-турецком конфликте, а значит, к отказу от особых отношений с кемалистами, установившихся после Анкарского договора.

Все дальнейшее развитие событий было в значительной мере связано с последствиями Анкарского договора. Его неблагопри-

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 432. Curzon to Hardinge. 3/11/1921. P. 461—466.

² АВПРИ, Ф. НАИ, Сер. А. Ед. хр. 217, Л. 24—28.

³ Там же, Л. 11.

ятные последствия для английской политики были очевидны. Г. Румбольд писал Керзону, что сепаратные действия французов и итальянцев вдохновляют националистов. Генерал Гарингтон считал, что теперь использование французских войск против националистов в случае необходимости будет невозможно¹. Между тем ответ французского посольства на письмо Керзона представлял все случившееся как досадное недоразумение. Во французском ответе (письмо было подписано сотрудником посольства де Монтиллем) с юридической дотошностью доказывалось, что ни одна из статей Анкарского договора не противоречила союзным обязательствам Франции, тем более что ни Севрский договор, ни Трехстороннее соглашение не были ратифицированы. Статья Анкарского договора о защите меньшинств вообще была единственным документом, налагавшим на кемалистов какие-либо обязательства в этой области. Существование секретных статей договора полностью отрицалось. Французы фактически отказались от любой ревизии договора, заявив, что это возможно лишь при заключении общего мирного договора с Турцией². Было, однако, очевидно, что самое сильное раздражение Керзона вызывали не отдельные статьи договора, а сам факт его заключения и перспектива утраты контроля над французской политикой на Ближнем Востоке.

В новом письме Керзона от 25 ноября заострялось внимание на вопросе о Багдадской магистрали и о гарантиях для национальных меньшинств. Уверения де Монтилля, что сирийский участок дороги никогда не будет использован для любых действий, направленных против Великобритании, Керзону показались недостаточными, как и гарантии для национальных меньшинств, позаимствованные из договоров, подписанных некоторыми центральноевропейскими странами. По мнению Керзона, для Турции могли подойти только условия Севрского договора, предусматривавшие реституцию утраченной в годы войны собственности представителей национальных меньшинств и гораздо более жесткий контроль за их положением со стороны Лиги Наций³.

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 439. Rumbold to Curzon. 10/11/1921. P. 472—473.

² АВПРИ, Ф. НАИ, Сер. А, Ед. Хр. 217, Л. 29—52.

³ Там же, Л. 54—56.

Замысел Керзона был очевиден: выдвигание со стороны Франции этих требований, абсолютно неприемлемых для кемалистов, разрушило бы весь Анкарский договор и снова поставило бы Францию и Великобританию в равное положение по отношению к Анкаре. Во французском ответе снова повторялась мысль о том, что Анкарский договор предоставляет максимально возможные гарантии меньшинствам и никоим образом не ущемляет прав третьих стран в отношении Багдадской железной дороги¹. Однако, несмотря на все эти разногласия, Форин Оффис всячески старался не делать их достоянием гласности. Попытка нескольких антитурецки настроенных депутатов устроить в палате общин специальные дебаты по этому вопросу была от имени правительства резко пресечена лордом-хранителем печати О. Чемберленом².

Для Франции Анкарский договор был не сиюминутным тактическим маневром, а продуманным актом трезвой долгосрочной политики. Отказ от него означал бы неоправданное изменение политической линии и потому был невозможен. Бриан тщательно следил за процессом его исполнения, в особенности за процессом мирной передачи территорий турецким властям³. Понимая неоднозначность этого договора в глазах союзников и части европейского общественного мнения, Бриан следил, чтобы туркам не достались французское оружие и боеприпасы⁴, а также чтобы эвакуация французских войск из Киликии не сопровождалась массовым исходом местных армян в Сирию. Этого, впрочем, избежать не удалось⁵.

Заключение этого договора было встречено во Франции с одобрением. Известный публицист Морис Перно писал: «Соглашение 20 октября есть посредственное воплощение прекрасного принципа. В тот час, когда анатолийские националисты, представляющие собой наиболее жизнеспособный и наиболее деятельный элемент турецкой нации, колебались между Европой и Азией и когда их приверженность азиатской системе, созданной Бер-

¹ Там же, Л. 58—60.

² Great Britain. Parliament. Parliamentary Debates. House of Commons. Ser. 5. Vol. 148. L., 1921. Col. 45.

³ DDF, 1921. Т. 2. № 354. Briand á Franclin-Bouillon. 12/11/1921. P. 553—554.

⁴ DDF, 1921. Т. 2. № 345. Briand á Franclin-Bouillon. 8/12/1921. P. 696.

⁵ Саакян Р.Г. Указ. соч. С. 167—170.

лином и Москвой, подвергла многие европейские державы очень серьезным опасностям, долг этих держав состоял в том, чтобы использовать по отношению к туркам умеренность, чтобы удерживать их от крайних намерений, которые вызовут отвращение и отчаяние. Первой встав на разумный путь, Франция вдохновлялась не только своими собственными интересами, она послужила делу всей Европы и всего мира»¹. Далее Перно излагал свой взгляд на сущность англо-французских противоречий: «Для наших союзников было совершенно безразличным, что борьба продолжалась в Анатолии, где у них нет интересов. Для нас, напротив, каждый день войны между эллинами и турками приносил какой-то новый убыток. Железные дороги, разрушаемые воюющими сторонами, мосты и произведения искусства, которые они уничтожали, — все это было в большей своей части собственностью Франции и в остальном — залог долга, который немцы перед ней имели (то есть репараций — *А.Ф.*). Эти огромные сельскохозяйственные владения, на которых война не могла не уничтожить результаты многолетнего труда, представляли собой залог тех займов, на большую часть которых подписывались наши граждане. Одним словом, Англия проводила в Турции политику державы, которой нечего терять. Более того, она и нас заставляла делать это вместе с ней, не желая признать, что наши обстоятельства и наши самые элементарные и самые справедливые интересы нам указывали на иное»².

Взгляд из Москвы

Хотя Анкарский договор и сопровождавшие его письма не содержали упоминаний о третьих странах, подписание этого документа вызвало серьезное беспокойство не только в Лондоне, но и в Москве. Как мы уже говорили, одной из причин решительного поворота Франции к протурецкой политике было опасение углубления сотрудничества между Анкарой и Москвой, что трактовалось в Париже как «большевизация» Анатолии, ее попадание в советскую сферу влияния. При откровенно враждебном харак-

¹ Pernot M. La question turque. P., 1921. P. 110.

² Ibid. P. 239.

тере франко-советских отношений это считалось для Франции неприемлемым. В международных отношениях этого периода появилась новая тенденция — борьба Советской России и Франции за влияние в Анкаре.

На деле же советско-турецкие отношения развивались далеко не гладко. Много спорных вопросов возникло в ходе «раздела» Закавказья в результате армяно-турецкой войны 1920 года и «советизации» Армении и Грузии в конце 1920 — начале 1921 года. После заключения Московского договора от 16 марта 1921 года Советская Россия начала поставлять в Турцию оружие, деньги и военное снаряжение, которые сыграли значительную роль в обеспечении победы на Сакарье. Эта помощь оказывалась не только из альтруистических побуждений. С советской точки зрения поражение Турции было бы крайне невыгодно, поскольку оно закрепило бы господство Антанты в Проливах и распространило ее влияние вплоть до границ на Кавказе. В то же время вскоре началось заметное охлаждение отношений, вызванное несколькими причинами. Со стороны советского руководства была предпринята явно неуместная попытка увязать предоставление обещанной помощи Турции с получением концессии на медные рудники на реке Чорох, расположенные на территории, переходившей к Турции по Московскому договору¹. Это давало повод обвинить Москву в возвращении к «империалистическим» методам. К тому же советская помощь Турции оказывалась с перебоями и не в таких объемах, как было первоначально заявлено (Россия сама страдала от голода). Наметившееся сближение между Советской Россией и Англией (торговый договор, подписанный в один день с договором с Турцией) воспринималось турками как сделка с общим врагом. Наконец, в Анкаре крайне негативно смотрели на заигрывание советского руководства с бывшим лидером младотурок Энвер-пашой, который находился в это время на советской территории. Москва смотрела на Энвера как на «запасной вариант», через которого можно было бы осуществлять свое влияние в Турции, где еще имелись группы «энверистов». Между

---

¹ Турция: рождение национального государства, 1918—1923. По документам РГАСПИ. М., 2007. № 47. Из протокола № 64 заседания Политбюро ЦК РКП(б) по поводу оказания финансовой помощи Турции. 3/10/1921. С. 122 (далее: ТРНГ — РГАСПИ).

тем М. Кемаль видел в Энвере личного врага. Советские интриги с ним никак не могли способствовать укреплению дружбы. Наиболее сложным периодом в советско-турецких отношениях было время пребывания в Анкаре полномочного представителя РСФСР С.П. Нацаренуса (май—ноябрь 1921 года). Сближение с Францией рассматривалось в Анкаре как альтернатива односторонне промосковскому курсу, а соперничество Москвы и Парижа позволяло шантажировать ту и другую сторону.

Заключение франко-турецкого договора было воспринято советской стороной как смена курса и поворот к сотрудничеству с Парижем. Подобно тому, как англичане подозревали существование секретных антибританских статей в договоре, российские представители подозревали существование антисоветских. Еще в ходе переговоров Нацаренус писал в Москву об условиях соглашения: «Турки приняли обязательство вести агитацию против Англии в Месопотамии, равно как и прекращение каких бы то ни было национальных движений в сфере влияния Франции. По вопросу о России принято секретное соглашение, по которому турки обязаны искать поводов к разрыву договора, формально оставляя его в силе. По Кавказу турки обязались поддерживать прежние правительства в их борьбе с советскими правительствами закавказских республик, в связи — стоит решение Туркпра (Турецкого правительства — А.Ф.) из присланных нами пяти миллионов (золотых рублей — А.Ф.) оставить у Кара-Бекира¹ один миллион рублей»². Нацаренус предлагал оказать давление на Турцию, в частности «принять меры, чтобы Англия не признала этого соглашения, ... произвести маневры на Кавказе, ... а также вернуть Греции ее военнопособных граждан, которых мы теперь задерживаем в России»³. После подписания договора Нацаренус ставил себе в заслугу, что «удалось заставить М. Кемалья отвергнуть статьи франко-турецкого соглашения, направленные против нас»⁴, но он был убежден, что «замечается крутой перелом политического настроения турецких общественных кругов в сторону

¹ Командующий турецкими войсками на кавказской границе.

² ТРНГ — РГАСПИ. № 49. Нацаренус — Чичерину. 3/09/1921. С. 124.

³ ТРНГ — РГАСПИ. № 50. Чичерин — Политбюро ЦК РКП. 17/10/1921. С. 125.

⁴ ТРНГ — РГАСПИ. № 53. Нацаренус — Чичерину. 21/10/1921. С. 128.

большого сближения и больших уступок Западу». Соглашение с Францией, по мнению этих кругов, следовало как можно скорее дополнить соглашениями с Италией и Англией¹. Еще более категоричен был советский поверенный в делах (то есть помощник Нацаренуса) В. Михайлов: «Турция быстрым темпом скатывается в объятия союзников». Договор с Францией быстро превратит ее в «самую жалкую колонию». «Армия устала, воевать не может и хочет одного: мира». М. Кемаль «силен более, чем когда-либо», но связан с Францией в том числе и личными денежными интересами. Единственной, и то не очень надежной опорой в Турции для Москвы могли быть «энверисты»². С характерным классовым подходом Нацаренус так описывал настроения турецкой торговой буржуазии: «Прекращение войны, финансовая помощь Западной Европы, возможность при помощи ее упорядочить подобную систему, наконец, соблазнительная перспектива проникновения в Месопотамию, на которую указывают им французы, все это толкает сейчас турецкого торгового «средняка» в ряды блока, ориентирующегося на Запад»³. Об остроте проблем говорит то обстоятельство, что штаб Красной Армии не исключал начала военных действий на советско-турецкой границе весной 1922 года⁴.

Итак, по свидетельству самих советских представителей, Франция благодаря Анкарскому договору сумела достичь одной из главных своих целей — ослабить связь кемалистской Турции с Советской Россией, вбить клин между Москвой и Анкарой. Однако в самом конце 1921 года эту неблагоприятную для России тенденцию удалось переломить благодаря нескольким факторам. В это время Анкару посетил М.В. Фрунзе, формально представлявший Украину, но на деле действовавший в интересах Москвы. Он сделал все возможное, чтобы убедить турецкое руководство в дружественном отношении к нему советского правительства, и пообещал самую широкую помощь Турции⁵. В это же время Энвер-паша, посланный из Москвы в Среднюю Азию, не ожи-

¹ ТРНГ — РГАСПИ. № 55. Нацаренус — Чичерину. 30/10/1921. С. 130—131.

² ТРНГ — РГАСПИ. № 59. Михайлов — Орджоникидзе. 8/11/1921. С. 131—132.

³ ТРНГ — РГАСПИ. № 55. Нацаренус (?) — Чичерину. 11/1921. С. 137.

⁴ ТРНГ — РГАСПИ. № 64. Нач. штаба РККА Лебедев — пред. РВС Склянскому. 27/12/1921. С. 142.

⁵ См. подробнее: Кузнецова С.И. Указ. соч. С. 69—76.

данно «переменил фронт», сбежал в Афганистан, чтобы вскоре возглавить поход отрядов басмачей против советской власти. Теперь Энвер из «запасного варианта» для интриг в Турции превратился в общего врага для советского руководства и Кемаля, что немало способствовало их сближению. В феврале 1922 года, вскоре после отъезда Фрунзе, в Анкару прибыл новый советский полпред С.И. Аралов, который принялся планомерно укреплять советское влияние в Турции, иногда вопреки пассивности и прямому противодействию крайне подозрительных руководителей в Москве.

4. Восточный вопрос и конференции в Вашингтоне, Каннах и Генуе (ноябрь 1921 — апрель 1922 года)

Вашингтонское эхо в Старом Свете

Дальнейшее развитие англо-французских противоречий вокруг турецкой проблемы будет сложно понять, если не учитывать их международного контекста, важнейшим элементом которого стала Вашингтонская конференция, открывшаяся 12 ноября 1921 года. Ее официальной целью было ограничение морских вооружений, а также согласование политики великих держав на Дальнем Востоке. Международное значение Вашингтонской конференции заключалось прежде всего в упорядочении системы международных отношений в Тихоокеанском регионе, и в этом смысле она была известным продолжением Версаля, но в то же время знаменовала собой возвращение США в мировую политику после неудачи деятельности Вильсона на этом поприще. Это не могло не повлиять на послевоенный баланс сил в мире, и в этом смысле Вашингтон представлял собой определенную ревизию только что созданного Версальского порядка¹. На конференции быстро выявились многие противоречия между державами. Интересы США, Великобритании, Франции, Японии, Италии и некоторых других стран переплетались самым тесным образом, порождая

---

¹ См. об этом: Попова Е.И. США: борьба по вопросам внешней политики. 1919—1922. М., 1967. С. 347.

множество линий противостояния и, как следствие, множество попыток найти общий язык между одними державами для противодействия другим.

Заметное место среди этих дипломатических интриг принадлежало англо-французским отношениям. Для Франции Вашингтонская конференция была моментом стратегического выбора. Будучи сильнейшей державой континента, она обладала и огромной колониальной империей, для охраны которой требовались значительные военно-морские силы. Во Франции существовала амбициозная программа морского строительства с особым вниманием к подводному флоту. Но ее выполнение при сохранении большой армии неминуемо вызвало бы протест других держав, прежде всего Англии. Выдержать их давление, не поступившись ничем, Франция не могла. Таким образом, ей предстояло выбрать между уже имевшимся положением самой сильной страны континента и попытками войти в число крупнейших морских держав. Эта ситуация нашла отражение во французской печати. До начала конференции французское «общественное мнение» рассчитывало сыграть роль посредника между США и Великобританией в случае жестких разногласий между ними. Но когда это не удалось, во французской печати стали появляться опасения возможной изоляции Франции, что толкало ее к максимальному сохранению и наращиванию своих вооружений (как морских, так и сухопутных) перед лицом германского реваншизма. Газета *Le Temps* прямо указывала, что согласие Франции на разоружение должно быть увязано с общим обязательством других стран прийти ей на помощь, если она столкнется с опасностями, для преодоления которых недостаточно будет сил, оставленных ей после разоружения¹.

Бриан свою главную задачу в Вашингтоне видел в том, чтобы избежать любого упоминания о сухопутных вооружениях, так как он прекрасно знал об английских опасениях по этому поводу. 21 ноября он красноречиво изложил французскую позицию. По его мнению, существовало «две Германии», одна из которых готова к искреннему примирению со странами Антанты и выполнению версальских условий, а другая постоянно жаждет реванша.

---

¹ См. обзор французской прессы в письме Гардинга Керзону: DBFP, Ser. 1, Vol. 14. P. 493.

Именно опасения этой «второй» Германии и заставляли Францию содержать большие армии. Возможная альтернатива такому положению вещей состояла в том, чтобы Великобритания и США отважились «сказать Франции: "Мы объединяем наши усилия, вот наша подпись"»¹. Фактически Бриан соглашался рассмотреть вопрос о сокращении сухопутных вооружений в обмен на восстановление англо-американских гарантий военной безопасности Франции.

В Англии эта речь вызвала большое беспокойство. Там сначала обратили внимание лишь на нежелание Франции сокращать сухопутные вооружения. В этот момент Великобритании приходилось уступать американским требованиям равенства военно-морских сил. Это больно било по престижу недавней полновластной «владычицы морей», и возможное усиление Франции вызывало большие опасения в Лондоне. Согласно инструкциям кабинета и Комитета имперской обороны главе британской делегации Бальфуру, сложившаяся ситуация могла привести к тому, что «через несколько лет Великобритания будет отдана на милость Франции, если нынешние добрые отношения ухудшатся», а французские воинства на континенте могли послужить дурным примером для малых стран Европы: Польши, Чехословакии, Румынии и Югославии (то есть стран «санитарного кордона»)². Но Бальфур считал, что главная задача состоит в ограничении французской морской программы, а пререкаться из-за сухопутных вооружений нет смысла³.

Бриан покинул Вашингтон 25 ноября, а оставшиеся там французские представители вскоре должны были примириться с закрепленным в Договоре пяти держав пониженным положением Франции в морских вооружениях. Такова была цена за желание иметь сильную армию на суше. В Европе Бриана ждал неприятный сюрприз. Министр иностранных дел Германии Ратенау в конце ноября посетил Лондон и просил англичан предоставить Германии мораторий на уплату репараций в связи с ее тяжелым экономическим положением. Напомним, что это происходило спустя только 6 месяцев после согласия Германии на уплату общей

¹ Oudin B. Briand. La paix. Une idee neuve en Europe. P., 1987. P. 421.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 14. № 442. Curzon to Balfour. 23/11/1921. P. 495—497.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 14. № 448. Balfour to Curzon. 24/11/1921. P. 503—505.

суммы репараций в 132 млрд золотых марок. Определенного ответа Ратенау не получил, но Ллойд Джордж в целом благосклонно отнесся к его предложениям. Во Франции известия об этих переговорах вызвали тревогу.

Благосклонное отношение Лондона к германским просьбам объяснялось заинтересованностью Англии в определенном экономическом оздоровлении Германии, а вместе с ней и многих других стран континентальной Европы. Значительную экономическую выгоду могло принести и возобновление хозяйственных связей с Россией. Улучшение конъюнктуры на континенте дало бы Великобритании широкое поле деятельности для развития собственной экономики, что смогло бы ослабить проблему межсоюзнических долгов. Никаких послаблений в этом отношении от США в тот момент не удавалось добиться, не приходилось также и рассчитывать на американскую помощь в стабилизации европейской экономики. В этих обстоятельствах в правящих кругах Великобритании постепенно начинает созревать идея комплексного подхода к экономическим проблемам Европы с привлечением к их решению России и Германии. Но позиция Франции, в которой центральное место занимали проблемы безопасности, репараций и «царских» долгов, была серьезным препятствием для реализации этих идей. Другие политические разногласия (ситуация на Востоке, подводные лодки и т.п.) также не способствовали взаимопониманию между Лондоном и Парижем.

В разгар переговоров в Вашингтоне и одновременно с новым поворотом репарационной проблемы в настроениях английского руководства происходит перемена взглядов на тактику англо-французских отношений. Не уставая осуждать французский милитаризм, англичане постепенно приходят к мысли использовать «пряник» вместо «кнута», для того чтобы добиться желаемых уступок. 28 ноября Черчилль писал Ллойд Джорджу о недопустимости явного ухудшения отношений с Францией. Он считал желательным согласование британской и французской политики по отношению к Турции и достижение взаимопонимания между Великобританией, Францией и Германией по вопросам экономического возрождения Европы¹. Но согласование позиций по

---

¹ Orde A. Great Britain and International Security. 1920—1926. L., 1978. P. 11.

турецкому вопросу затруднялось существованием Анкарского договора. Привязать Францию к поддержке греков было невозможно, требовалось хотя бы ослабить ее связь с кемалистской Турцией, которую англичане воспринимали как врага. Сделать это можно было только через привлечение Франции к совместному посредничеству между воюющими сторонами (разумеется, на английских условиях). За осуществление этой нелегкой задачи и принялся Керзон вскоре после возвращения Бриана из Вашингтона. Для этого он готов был использовать обеспокоенность Франции безопасностью своих западных границ, хотя и не был сторонником возрождения гарантийного пакта.

Новое «сердечное согласие»: английский и французский взгляд

Английские чиновники «на месте» хорошо видели бесперспективность антианкарской политики своего правительства. Г. Румбольд писал Керзону, что было бы неразумно оставлять связь с Анкарой только в руках французов и итальянцев или же использовать неофициальных агентов. Для связи с кемалистами он предлагал использовать Хамид-бея, одного из агентов Кемаля в Константинополе¹, или бывшего министра иностранных дел анкарского правительства Бекир Сами-бея². Но Лондон, вместо того чтобы последовать примеру Франции, начал плести интриги, направленные на ее изоляцию. Итало-турецкие переговоры в Анкаре неожиданно зашли в тупик, так как Туоцци заявил, что не уполномочен заключать договоры, а может лишь направить в Рим турецкие предложения. Турецкий посланник в Риме сообщил в Анкару, что за таким поворотом событий, безусловно, стоит Великобритания, которая пытается изолировать Францию и оказать влияние на Италию³. Великобритания старалась не допустить дальнейших сепаратных действий своих партнеров по Антанте, так как вкупе с вашингтонскими событиями они угрожали изоляцией ей самой, и притом вовсе не «блестящей». Чтобы

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 442. Rumbold to Curzon. 13/11/1921. P. 475—478.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 448. Rumbold to Curzon. 19/11/1921. P. 482.

³ Sonyel S.R. Turkish Diplomacy, 1918—1923. Mustafa Kemal and the Turkish National Movement. L., Beverly Hills, 1975. P. 141—142.

избежать этого, Лондону необходима была выработка общей с союзниками политической линии на Востоке. А поскольку Восток был не единственным узлом англо-французских противоречий, англичане предприняли попытку добиться уступок по всему фронту, использовав больное место Франции — ее страх перед германским реваншем.

22 ноября британское правительство обратилось к правительствам Италии и Франции с предложением созвать в начале следующего года еще одну конференцию по турецкому вопросу с участием представителей Анкары¹. В связи с этим 1 декабря Керзон заявил французскому послу Сент-Олеру, что сначала союзники должны прийти к согласию об общей позиции на такой конференции. Это было возможно лишь в том случае, если Франция избавит своих союзников от возможных неприятных последствий соглашения в Анкаре. Он также разъяснил английскую позицию по морским вооружениям, сокращение которых для Англии было невозможным, пока Европа оставалась «военным лагерем»². 5 декабря состоялся новый разговор Керзона с Сент-Олером. Керзон конкретизировал свою позицию, заговорив о возможности заключения англо-французского союзного договора. Сент-Олер говорил, что идея возрождения гарантийного договора 1919 года никогда не найдет поддержки у французского правительства, рассматривавшего этот пакт как «унизительный по форме и бесполезный, даже опасный по своей сути». Германия не станет в точности копировать свои действия 1914 года, прямо вторгаясь на территорию Франции или Бельгии. Вероятнее всего, она спровоцирует Францию к войне, напав на Польшу, с которой Францию связывали гарантийные обязательства. Такая «непрямая» агрессия также должна быть оговорена в договоре. Керзон ответил, что британское общественное мнение не готово к столь широким обязательствам, и повторил, что заключению подобного договора должно предшествовать разрешение всех спорных вопросов. Хотя французский посол говорил от собственного имени, есть сведения, что он действовал по прямому указанию Бриана³.

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 456. Curzon to Rumbold. 23/11/1921. P. 493.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 465. Curzon to Hardinge. 1/12/1921. P. 499—504.

³ Toynbee A. Survey of International Affairs. 1924, L., 1928. P. 6—8.

В декабре Бриан сам отправился в Лондон. Перед этим он, идя навстречу пожеланиям Керзона, пообещал показать английскому послу Гардингу переписку Франклен-Буйона с Юсуф Кемаль-беем и «выбросить за борт» все, что не устраивало англичан¹. 14 декабря Бриан обсуждал возможность англо-французского союза с Керзоном, но подробности этой беседы не отражены в доступных источниках. 19 декабря начались его переговоры с Ллойд Джорджем. Они были посвящены вопросам репараций, экономического положения Германии и всей Европы, а также отношениям стран Антанты и Советской России. Ллойд Джордж отстаивал необходимость их нормализации и был убежден в невозможности полного выполнения Германией репарационных обязательств. Он также предложил созвать общеевропейскую конференцию по экономическим проблемам с участием России и Германии. Бриан не давал прямых ответов на эти предложения, но относился к ним благосклонно.

Только 21 декабря, накануне отъезда из Лондона, французский премьер-министр выдвинул идею всеобъемлющего англо-французского соглашения. Две державы должны были «гарантировать интересы друг друга во всех частях света, тесно сотрудничать во всем и приходить на помощь друг другу, где бы ни подвергались опасности эти интересы». В этом случае возможно будет сокращение «военного бремени» Франции. Далее Бриан высказал неожиданную мысль, что, вероятно, «и другие страны присоединятся к этому соглашению, включая саму Германию». Он считал возможным достичь договоренности, схожей с тихоокеанским Договором четырех держав, недавно подписанным в Вашингтоне². Такое соглашение не будет ни на кого накладывать слишком жестких военных обязательств, но даст странам возможность согласовывать свои действия в случае угрозы существующему status quo. Оно может включать три или четыре державы, но его ядром должен быть крепкий союз между Великобританией и Францией. Бриан предлагал создать вокруг англо-французской комбинации общую организацию по охране мира во всей Европе. По его словам,

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 470. Hardinge to Curzon. 3/12/1921. P. 506—510.

² Этот договор предполагал совместную защиту прав США, Великобритании, Франции и Японии на островные владения в Тихом океане. См.: Международная политика ... Ч. 3. Вып. 2. С. 125.

если остальные страны почувствуют, что две державы объединились для поддержания мира и порядка, новой военной угрозы не возникнет и Германия сочтет за лучшее присоединиться к ним. Ллойд Джордж возражал, что Великобритания не готова к чему-либо большему, чем гарантия помощи Франции на случай прямого германского вторжения. В планах Бриана он видел желание Франции привязать Великобританию к охране границ Польши и Чехословакии, на что она согласиться не могла. Напоследок он высказал пожелание о нормализации отношений с Россией, чтобы не допустить ее сближения с Германией, и заручился согласием Бриана на созыв европейской экономической конференции. Разговор был отложен до намечавшейся межсоюзнической конференции в Каннах, куда руководители Франции и Великобритании решили прибыть заранее¹.

Объяснение позиций двух ведущих европейских держав в этот период, на наш взгляд, заключается в следующем. В Вашингтоне они почувствовали сильное давление со стороны США, поэтому и Бриан, и Ллойд Джордж стали задумываться о путях самостоятельного оздоровления Европы. Планы Ллойда Джорджа носили, в первую очередь, экономический характер и предполагали восстановление условий для развития европейской торговли с участием Германии и России. Связанные с этим спорные вопросы предполагалось разрешить на специальной экономической конференции. Планы Бриана, напротив, были скорее политическими и предполагали формальное закрепление доминирующего положения Франции на континенте. Такая система требовала сдерживания реваншизма побежденных стран (Германии в первую очередь, но также Венгрии и, возможно, Болгарии). С этой целью создавалась французская система «восточных союзов» к известному участию в которой Бриан хотел привлечь и Великобританию. Форма, в которую облекались эти планы (многостороннее общеевропейское соглашение вокруг двустороннего англо-французского союза), была, по существу, первой из тех общеевропейских и пацифистских инициатив, которые будут связаны с именем Бриана в последующие годы. Но ситуация в Малой Азии была

---

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 15. № 110. Conversation in London between Lloyd George and Briand. 21/12/1921. P. 785—787.

диаметрально противоположна. Здесь Францией двигал в основном экономический интерес, а Великобританией — военно-стратегический. Франция оказалась здесь фактическим союзником побежденной страны — Турции, в то время как Великобритания всячески пыталась сдержать ее «реваншизм». Но при всем этом как европейские, так и азиатские планы каждой из двух держав нуждались хотя бы в одобрении другой стороны. Поэтому для рубежа 1921—1922 годов характерны поиски путей сглаживания англо-французских противоречий при сохранении твердых позиций каждой из стран по фундаментальным вопросам.

Канны и «Каносса» Аристида Бриана

Несомненным признаком того, что Франция не собиралась пересматривать в угоду англичанам Анкарский договор, стало начало его практического осуществления. К концу декабря французские войска покинули Киликию, несмотря на протесты армянофилов всех стран. В Форин Оффис постоянно поступали сведения, что уходящая французская армия оставляла большое количество военных материалов кемалистам¹, а также перевозила к ним новые партии вооружений морем. Косвенным подтверждением могло служить то, что Франция (как и Италия) вопреки настояниям Англии упорно отказывалась разрешить Греции досмотр своих кораблей, идущих в порты, контролируемые турецкими националистами.

В этой ситуации перед британским руководством вновь встал вопрос об отношении к событиям в Анатолии. В «среднем звене» сотрудников Форин Оффиса четко обозначились две точки зрения на эту проблему. Г. Румбольд видел английские интересы в регионе в следующем: Турция не должна была быть центром панисламской пропаганды; Турция не должна иметь возможности легко атаковать Месопотамию; Проливы должны оставаться открытыми; свобода деловой активности британских подданных в Турции должна быть гарантирована². Никакого упоминания о Греции в этой программе нет.

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 467. Curzon to Greek Chargé d’Affaires. 31/12/1921. P. 556.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 472. Rumbold to Curzon. 6/12/1921. P. 510—513.

В то же время Р. Ванситтарт писал Керзону, что сохранение греческой армии на занимаемых ею позициях было бы выгодно для Англии, так как греки прикрывали расположение английских войск в зоне Проливов. Пребывание греков в Малой Азии могло также быть использовано как рычаг давления во время переговоров с кемалистами. В связи с этим Ванситтарт предлагал разрешить Греции разместить в Англии заем, но при этом попытаться не вызвать подозрений в нарушении нейтралитета¹. Оставшиеся в Лондоне греческие министры действительно добивались английского займа. Очевидно, им удалось наладить контакт с некоторыми членами правительства. 21 декабря британский министр образования Г. Фишер на заседании кабинета указал на неудовлетворительное состояние греческой армии, которая «в интересах союзников должна продолжать свое существование, пока не завершатся переговоры с турками». По его предложению кабинет согласится на размещение греческого займа в лондонском Сити. 40% полученных денег Греция должна была истратить в Англии². На следующий день Д. Гунарис подписал с канцлером казначейства Р. Хорном соглашение о займе на сумму 15 миллионов ф. ст. Впоследствии, правда, оно не было реализовано³.

Все это указывало на новое изменение роли Греции в политике Великобритании. Она была уже не орудием борьбы с кемалистами, а только лишним козырем Англии на предстоящих переговорах с ними.

О разногласиях и колебаниях в британском руководстве свидетельствует и история попыток установления контактов с Анкарой, возобновленных осенью 1921 года. Румбольд поддерживал постоянный контакт с кемалистским агентом в Стамбуле Хамидбеєм, но использовал он этот канал в основном для получения информации о происходящем в Анатолии. Более серьезные усилия были предприняты генералом Гарингтоном. В начале декабря он послал нескольких офицеров во главе с полковником Генри в городе Треболи на черноморском побережье для встречи с пред-

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 468. Hardinge to Curzon. 2/12/1921. P. 505.

² NA, Cab. 23/29. Conference of Ministers. 21/12/1921. P. 46.

³ Dirault E., Lheritier M. Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 a nos jours. T. 5. Grèce et la grande guerre. De la révolution turque au Traite de Lausanne. P., 1926. P. 406—407.

ставителями кемалистов и передачи им предложения о перемирии с греками¹, но никаких полномочий на ведение переговоров эта миссия не имела². И военное министерство, и сам Гарингтон выступали за скорейшее соглашение с кемалистами для предотвращения прямого военного столкновения с ними, но Форин Оффис во главе с Керзоном надеялся извлечь максимальные политические выгоды из существующей ситуации до примирения с Анкарой, а премьер-министр вообще скептически оценивал саму возможность диалога со сторонниками Кемалю³. Итак, накануне Каннской конференции Ближний Восток оставался слабым местом британской внешней политики, что усугублялось отсутствием четкой политической линии в этом регионе.

Конференция в Каннах открылась в начале января 1922 года. Ллойд Джордж и Бриан встретились за два дня до ее официального открытия. Их первый разговор был фактическим продолжением лондонских переговоров. Речь сразу зашла о предполагаемом союзе или гарантийном договоре. Бриан снова предлагал формирование вокруг англо-французской Антанты новой организации по поддержанию мира ввиду неэффективности в этом вопросе Лиги Наций. Ллойд Джордж отвергал эту идею, ссылаясь на британское общественное мнение и позицию доминионов. Он понимал, что Бриан в завуалированной форме предлагает Англии защищать интересы Польши и Чехословакии, и заявлял, что максимум, на что может пойти Великобритания, — это простая гарантия территории Франции от вторжения Германии. Она может быть оформлена как «Антанта», но, как и в 1904 году, ей должно предшествовать урегулирование всех спорных вопросов. Затем Ллойд Джордж выдвинул четыре условия для достижения согласия: Франция должна найти общий с Англией подход по отношению к Турции, статусу Танжера⁴, пересмотреть свою программу строительства подводных лодок и согласиться на созыв общеевропейской экономической конференции с участием Советской России. Аргументы Ллойд Джорджа были просты: Франция хочет

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 466. Rumbold to Curzon. 2/12/1921. P. 504.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 479. Rumbold to Curzon. 10/12/1921. P. 518.

³ Sonyel S. R. Op. cit. P. 143.

⁴ Франция хотела включить марокканский порт Танжер в состав своего протектората, а Великобритания — интернационализировать его.

репараций и гарантий безопасности, Англия хочет экономического восстановления Европы. Если Франция хочет добиться своих целей, она должна помочь Англии добиться своих. Свои условия Ллойд Джордж изложил в письменном меморандуме¹.

На следующий день Бриан снова согласился на созыв экономической конференции и выразил желание обсудить вопросы Турции и Танжера с лордом Керзоном². О планах возможного союза Бриан говорил, что слишком четкая привязка гарантийного пакта к четырем английским условиям произведет неприятное впечатление на французское общественное мнение. Ллойд Джордж пошел ему навстречу, заявив, что принципиальное значение имеет лишь вопрос о подводных лодках. Договорились включить в будущий договор пункт о консультациях между адмиралтействами для приведения в соответствие морских программ³. Был подготовлен новый проект английского меморандума, где единственным условием для гарантий оставался вопрос о подводных лодках⁴. Но Бриан скорее всего не успел прочитать этот документ.

11 января он покинул Канны для консультаций со своим правительством, пообещав вернуться через день. По приезде в Париж он смог убедиться, насколько далеко зашло недовольство его политикой (прежде всего в Германском вопросе) в палате депутатов и в его собственном кабинете. 12 января он выступил перед палатой с защитой своей позиции. Ему практически удалось склонить палату в свою пользу, но в конце речи он объявил о своей отставке, мотивируя это тем, что он не может продолжать дипломатические переговоры, не имея надежных тылов в собственной столице. Из-за отставки французского правительства работа конференции была прекращена. Единственным решением, которое она успела принять, был созыв в ближайшем будущем общеевропейской экономической конференции в Генуе.

Несмотря на неудачу Каннской конференции, она сыграла большую роль в прояснении подхода сторон к ряду международных проблем. Объединение в рамках «четырех условий» Ллойд Джорджа самых разнородных вопросов, в том числе и Восточ-

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 19. № 1. Meeting in Cannes. 4/01/1922. P. 1—7.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 19. № 3. Meeting in Cannes. 5/01/1922. P. 11—14.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 19. № 17. Meeting in Cannes. 10/01/1922. P. 86—87.

⁴ Orde A. Op. cit. P. 19.

ного, указывает на их несомненную взаимосвязь. Такая позиция Ллойд Джорджа была полностью поддержана, например, влиятельным журналом *Economist*. «Что бы ни произошло в Париже, Каннская конференция остается важным рубежом из-за ясного обещания Великобритании поддержать Францию своими морскими, военными и воздушными силами в случае германской агрессии. Это предложение должно положить конец англо-французским пререканиям вокруг деталей и вернуть нас к фундаментальным основам. Взаимопонимание между союзниками и Германией по экономическим и политическим вопросам необходимо, но для Великобритании единственная дорога в Берлин лежит через Париж. Однако соглашение между Англией и Францией с ограниченными целями вызывает у нас подозрение. «Сердечное согласие» 1904 года базировалось на договоренности по тем вопросам в Азии, Африке и Америке, по которым было возможно расхождение интересов между Великобританией и Францией. Схожее соглашение, которое будет охватывать не только европейские дела, но также турецкие и прочие проблемы Ближнего Востока, является в 1922 году необходимостью, без которой военный пакт будет пустой претензией и источником слабости для обеих сторон»¹. Итак, в Каннах англичане выработали свой ответ на инициативу Бриана по созданию европейской системы безопасности на базе англо-французского союза. Английский план состоял в заключении с Францией двух соглашений: гарантийного пакта на самых ограниченных условиях, и «Антанты», схожей с соглашением 1904 года, которое обеспечило бы французское содействие в целом ряде важных вопросов.

Пуанкаре тянет время

Новым премьер-министром Франции стал главный противник Бриана Р. Пуанкаре. В вопросах внешней политики он занимал бескомпромиссную позицию, особенно когда дело касалось Германии или иностранных кредиторов Франции. Он давно уже упрекал Бриана в том, что тот идет на слишком большие уступки англичанам в вопросе репараций и одновременно излишне их раздражает сотрудничеством с кемалистами, в частности

---

¹ The Economist, Vol. 94. January 14, 1922. P. 39.

Анкарским договором¹. Но сам Пуанкаре, выдвигая гораздо более жесткие требования в Германском вопросе, на Востоке в основном следовал политике своего предшественника. Ллойд Джордж имел возможность встретиться с Пуанкаре на обратном пути из Канн. Говоря о возможном гарантийном пакте, Пуанкаре, как и Бриан, согласился на необходимость предварительного согласования позиций по спорным вопросам, но добавил, что ему потребуется время для того, чтобы как следует разобраться в проблемах Турции и Танжера. При этом он выдвинул совершенно новое условие: будущий англо-французский договор должен обязательно сопровождаться военной конвенцией. Для Ллойда Джорджа это было абсолютно неприемлемо².

Через несколько дней Керзон специально приехал в Париж, чтобы обсудить с Пуанкаре турецкие проблемы. Керзон предложил как можно быстрее собрать Верховный Совет Антанты, на что уже было получено согласие Бриана. Пуанкаре ответил, что державы сначала должны прийти к полному согласию путем обмена нотами. Керзон возразил, что «обмен нотами может длиться неделями, а ситуация очень серьезна. ... В марте или апреле погодные условия снова станут благоприятны для военных действий. Если они начнутся снова, шанс для мирного урегулирования, возможно, будет упущен и державы будут выглядеть чрезвычайно глупо (*extremely foolish*)». Пуанкаре, видимо, желая любой ценой оттянуть решение вопроса, сказал, что британские условия скорее всего не удовлетворят турок, что он готов к посредничеству между греками и турками, но требуется согласие палаты депутатов, которая не примет никакого принуждения по отношению к туркам, поскольку «нигде во Франции нет симпатии к Греции». Керзон заметил, что речь идет не о посредничестве, а о выработке союзниками нового мирного договора с Турцией. Независимо от взглядов французской публики или парламента решения должен принимать Верховный Совет. Пуанкаре еще раз упрекнул Англию в излишнем филэллинстве: «Дело было бы менее сложным, если бы мы действовали в интересах Великобритании, Франции и Италии, но ... все, что делается для греков, будет плохо

¹ Miquel Pierre. Poincaré. P. 1984. P. 434—435.

² Hardinge Ch. Op. cit. P. 267; Orde A. Op. cit. P. 23—25.

принято во Франции, где они уже рассматриваются не как союзники, а почти как враги». Видя такое упрямство, Керзон применил последний аргумент: «Французское правительство часто просило нас помочь ему в проведении в жизнь Версальского договора и само применяло меры принуждения. Несомненно, нет никакой разницы между случаями с Германией и с Турцией. Если вы составляете договор, вы должны быть готовы заставить его выполнять». Но Пуанкаре ответил, что Франция готова к санкциям против Турции за нарушение договора, но договора еще нет. Лишь когда Керзон заговорил о Танжере, Пуанкаре сменил тон. Он вдруг заявил, что Франция желает ликвидировать все вопросы, которые разделяют две страны, а британское правительство «может всегда рассчитывать, что он приложит все усилия, чтобы сотрудничать преданно и честно с Великобританией, и что он сожалеет о *defaut de methode*¹ и о беспорядочности (*irregularity*) Анкарского договора, что было «ошибкой, а не преднамеренной акцией»². Согласно воспоминаниям Гардинга, который был переводчиком при этом разговоре, Пуанкаре в конце беседы сказал, что он вовсе не торопится подписывать гарантийный пакт, который может подождать, пока не будут разрешены марокканские и турецкие проблемы³, но в опубликованном протоколе этих слов нет. При обсуждении этих переговоров в британском кабинете спустя два дня Керзон сказал, что Пуанкаре, похоже, специально затягивает вопрос, чтобы дать туркам время разгромить греков⁴.

Итак, Пуанкаре оказался еще большим туркофилом, чем Бриан. В Анкарском договоре его не устраивала форма, а не суть. Его тактика заключалась в том, чтобы затянуть время и отсрочить выработку новых предложений по турецкому вопросу (новым поводом вскоре стал очередной правительственный кризис в Италии). Всего за год Франция и Англия поменялись местами. В начале 1921 года Англия (и в особенности Ллойд Джордж) при внешней готовности к переговорам заранее рассчитывала на их затяжку и провал, теперь же такую позицию заняла Франция. Причина в том,

¹ «Ошибка в выборе средств». В английском протоколе это выражение Пуанкаре оставлено без перевода.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 508. Meeting in Paris. 16/01/1922. P. 578—582.

³ Hardinge Ch. Old diplomacy. L., 1974. P. 267.

⁴ NA, Cab. 23/29. Cabinet Meeting. 18/01/1922. P. 10.

что если в 1921 году была надежда на победу греков, то теперь время работало на турок, которых французы неофициально подталкивали к началу наступления¹. Очевидно, выгоды от вероятной турецкой победы Пуанкаре ценил выше, чем предлагавшийся англичанами гарантийный пакт. По крайней мере он не собирался жертвовать французской позицией в турецком вопросе ради заключения пакта, хотя Керзон считал, что пакт является вопросом выживания для французского кабинета (об этом он откровенно писал Гардингу)². Это не означало, что Турция для Пуанкаре значила больше, чем Германия. Как уроженец Лотарингии он был яростным германофобом и даже заслужил прозвище «Пуанкаре-война». Он был не прочь использовать ситуацию на Востоке для решения европейских проблем, но только на выгодных для Франции условиях. Французская позиция была еще раз подробно изложена в официальной ноте Сент-Олера Керзону. Французский посол откровенно писал, что если британские предложения «принимают во внимание» позицию Греции, то французские должны учитывать требования турецкой стороны. Предложенный им план предполагал широкие уступки туркам по всем статьям договора, за исключением финансовых и экономических. В частности, французы резко возражали против выделения любых особых административных единиц для армян (в Киликии) и греков (в Смирне), что предусматривалось британскими проектами³.

В Англии ход переговоров с Францией вызывал живейший интерес. 8 февраля в английском парламенте обсуждение традиционной речи короля превратилось в широкую дискуссию по вопросам внешней политики. На первом плане стоял предполагаемый англо-французский гарантийный пакт. В одних выступлениях (Г. Барнс) звучала мысль о возможности нового раскола Европы в случае заключения пакта и ненадежности Франции как партнера: «Наш опыт французской политики в прошлом и наш опыт, связанный с Анкарским договором и ближневосточной проблемой, не таков, чтобы заключать пакты с Францией или

¹ Sonyel S.R. Op. cit. P. 171.

² Goold J.D. Lord Hardinge as Ambassador to France, and the Anglo-French Dilemma over Germany and the Near East, 1920—1922. // The Historical Journal, No. 21, Dec. 4, 1978. P. 923—924.

³ NA, Cab. 24/132. French Embassy to Curzon (translation). 27/01/1922. P. 324—341.

с любой другой страной»¹. Другие парламентарии (например, генерал Таунсхенд, побывавший в турецком плену и известный как наиболее последовательный английский туркофил) говорили о необходимости тесного союза с Францией на Ближнем Востоке и в Европе². Но во всех, даже противоположных по смыслу, выступлениях одинаково признавалась тесная связь Германского и Восточного вопросов. Выступавший от имени правительства О. Чемберлен лишь подчеркнул важность дружественных отношений с Францией «с договором или без него»³.

Сохранявшиеся расхождения во взглядах двух правительств на турецкую проблему еще раз проявились во время поездки в Европу министра иностранных дел анкарского правительства Юсуф Кемаль-бея. Он отправился в это путешествие по личному приглашению Франклен-Буйона. По словам самого министра, цель поездки заключалась в «основательной разведке Запада, возможности нащупать пути заключения мира с Грецией, получения Константинополя и Проливов, выяснения позиций Франции, Италии и, главное, Англии»⁴. И в Лондоне, и в Париже Юсуф Кемаль-бей главным условием перемирия выставлял предварительную эвакуацию Анатолии греческими войсками, а единственно возможными условиями окончательного примирения называл Национальный обет⁵. После встреч с Франклен-Буйоном в Марселе и с Пуанкаре в Париже Юсуф Кемаль-бей утвердился во мнении, что Франция намерена поддерживать все устремления националистов. Он смог собственными глазами увидеть партию военного снаряжения, предназначенную для отправки туркам в Анатолию⁶. Однако Керзон не соглашался с турецкими предложениями и выдвигал свои условия: защита национальных меньшинств, нейтрализация Проливов, признание довоенных долгов⁷.

¹ Great Britain. Parliament. Parliamentary Debates. House of Commons. Ser. 5. Vol. 150. L., 1922. Col. 175—176.

² Ibid. Col. 185, 186.

³ Ibid. Col. 198.

⁴ ТРНГ — РГАСПИ. № 79. Аралов — Чичерину. 1/03/1922. С. 161—162.

⁵ Кемаль Мустафа. Указ. соч. Т. 4. С. 64—66.

⁶ Sonyel S.R. Op. cit. P. 139—140.

⁷ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. №№ 554, 557. Interviews Curzon — Izzet Pasha. 16, 19/03/1922. P. 654—656; Ibid. № 555, 557. Interviews Curzon — Yussuf Kemal Bey. 16, 18/01/1922. P. 654—666.

Индийский аспект турецких проблем

Долгая затяжка решения Восточного вопроса вызывала в Великобритании сильное беспокойство. Керзон, пытавшийся проводить политику нейтралитета и арбитража, сталкивался с противодействием не только со стороны континентальных союзников, но и со стороны своих коллег. В Англии к этому времени уже четко оформились «протурецкая» и «прогреческая» группировки, каждая из которых имела основания для недовольства политикой Керзона. Ллойд Джордж сохранял свои филэллинские симпатии, хотя и несколько устранился от прямого вмешательства в восточные дела. «Протурецкая» группировка была в основном связана с Военным министерством и с англо-индийскими кругами. «Турецкая дилемма» приобрела особенно драматичный характер в связи с плачевным положением греческой армии и истощением собственных ресурсов Греции, которая отчаянно добивалась английского займа¹, а также в связи с обострением индийского вопроса.

Эта ситуация нашла отражение в прессе и публицистике. Журнал *Economist* в статье, сочувственной к грекам, писал, что в случае победы Кемалья, который получал помощь от Франции, «Греция, которая служила орудием против турецких националистов, будет принесена державами в жертву необходимости умиротворения их мусульманских подданных путем подпирания (*bolstering up*) дряхлой турецкой империи»². В то же время имам крупнейшей лондонской мечети Хваджа Камаль Уд-Дин писал в своей злободневной брошюре: «Само распределение турецких территорий сделало очевидным религиозный характер, который придавался борьбе. Христианские меньшинства под турецкой властью стали только предлогом для раздела и внешней интервенции. ... Греко-турецкая война только подтвердила это мнение. В то время, как индийский мусульманин посылает помощь анкарскому правительству, он видит, как британское правительство облегчает оказание такой помощи его врагам — грекам»³.

¹ См об этом: DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 529. Curzon to Lindley. 17/02/1922. P. 621—622; Ibid. № 539. Lindley to Curzon. 21/02/1922. P. 635—637; Ibid. № 549. Curzon to Gounaris. 6/03/1922. P. 646—649.

² The Economist, Vol. 94, March 4, 1922. P. 449.

³ Автор имел в виду переговоры о греческом займе. См.: Khwaja Kamal Ud-Din. India in the Balance. British Rule and the Caliphate. L., 1922. P. 48—50.

Пожалуй, никогда еще мусульманский фактор в британской политике не заявлял о себе столь явно, как в начале 1922 года. В Форин Оффис только в январе было направлено два меморандума Лондонской мусульманской лиги с протестами против прогреческой политики Великобритании¹. В Индии антибританские волнения не прекращались с 1919 года. Британские власти по старой традиции стремились опереться на мусульман, которых считали лояльными, но в начале 1920-х годов возникла реальная возможность объединения индусских и мусульманских сил в борьбе против английского господства. Большую роль в этом играла деятельность Халифатского комитета, поддержанная Индийским национальным конгрессом. В августе—декабре 1921 года на Малабарском берегу в Индии произошло восстание мусульман Мопла под халифатскими лозунгами². Зимой 1921—1922 года началась широкая кампания гражданского неповиновения (*хатрал*), ответом на которую стал арест М. Ганди. Перспектива присоединения 70 миллионов мусульман к этой кампании серьезно беспокоила английские власти. Между тем английская политика по отношению к Турции (длительная оккупация Константинополя и фактическая поддержка Греции) была сильнейшим раздражителем для мусульман, и «англо-индийцы» всеми силами старались обратить на это внимание правительства.

В начале марта Э. Монтегю опубликовал свою переписку с вице-королем Индии лордом Ридингом, в которой излагались требования индийских мусульман о передаче Турции Константинополя, Адрианополя и Смирны, отмене капитуляций, сохранении верховной власти халифа над «Святыми местами» в Аравии и свободы арабских стран Азии от немусульманского господства или контроля. Такое поведение Монтегю означало полный разрыв с политикой коалиционного правительства, и он покинул пост министра по делам Индии. По словам турецкого историка, это лишило националистов услуг очень важного союзника в Лондоне³. Правда, туркофильство Монтегю вовсе не означало его симпатий

¹ АВПРИ, Ф. НАИ, Сер. А, Ед. Хр. 220, Л. 21—22; 26.

² Новейшая история Индии. М., 1959. С. 52—53, 83—88; Ганковский Ю.З., Гордон-Полонская А.Р. История Пакистана. М., 1961. С. 50—53.

³ Sonyel S.R. Op. cit. P. 149—150.

к кемалистам, которых он (наряду с египетскими и индийскими националистами, а также панисламистами) считал одним из звеньев гигантской политической кампании против Британской империи, руководимой из Советской России. Именно в таком свете ситуация на Ближнем Востоке изображалась в письме, направленном Министерством по делам Индии в Форин Оффис еще в декабре 1921 года¹. Программа главы индийского ведомства заключалась во всемерной поддержке авторитета турецкого султана-халифа с целью фактического управления через него всем мусульманским миром. В статье журнала *Economist* по поводу действий Монтегю говорилось, что выполнение индо-мусульманских требований было бы неоправданным отступлением для Великобритании. «Турецкая империя была ведущим фактором большинства европейских войн прошлого века, и сейчас она грозит стать ведущим фактором в Индии на критическом этапе движения к самоуправлению. ... Последствия нынешнего кризиса, хотя и затрудняют задачу лорда Керзона, смогут, мы надеемся, заставить правительство вернуться к фундаментальным основам и строить свою политику на четко обозначенных принципах, а не на оппортунизме»².

И снова конференции

После долгих задержек в Париже наконец открылась межсоюзническая конференция по Турции. Незадолго до этого тот же *Economist* поместил большую статью, посвященную анализу англо-французских взаимоотношений на Востоке. В ней содержался открытый упрек в адрес Франции за сепаратные действия, в особенности за Анкарский договор, и выражалось мнение, что, если на конференции созданный этим договором раскол между союзниками не будет ликвидирован, он перерастет рамки локального скандала и станет влиять на англо-французские отношения в целом. Вместе с тем автор статьи показал глубокое понимание французской позиции. По его мнению, Анкарский договор был «разрывом с единой англо-французской политической линией,

¹ АВПРИ, Ф. НАИ, Сер. А, Ед. Хр. 220, Л. 11—20.

² The Economist, Vol. 94, March 11, 1922. P. 486—487.

которая устраивала британское правительство, но которая становилась все более затруднительной для Франции»¹.

В ходе четырех дней переговоров (22—26 марта) англо-французские противоречия проявились с новой силой. Позицию Пуанкаре в ходе обсуждения можно охарактеризовать как «политику авансов» по отношению к Турции. По словам Керзона, «подход господина Пуанкаре заключался в уступках туркам по всем пунктам»². И действительно, Пуанкаре, например, настаивал, чтобы эвакуация греческих войск началась сразу после перемирия, еще до начала переговоров об окончательном мире. Керзон же считал целесообразным сохранять во время переговоров греческую армию в Анатолии, чтобы иметь дополнительный рычаг давления на Анкару. В итоге конференция выработала новые мирные предложения, включавшие защиту прав меньшинств при участии Лиги Наций, создание с ее помощью «армянского очага», установление демилитаризованной зоны в районе Проливов, европейскую границу по линии Родосто—Мидия, передачу Смирны Турции, а Адрианополя Греции при условии участия в управлении этими городами, соответственно, их греческого и турецкого населения, установление численности турецкой добровольной армии в 85 тыс. человек (по Севрскому договору — 50 тыс.), создание экономической системы, совместимой с турецким суверенитетом, для охраны интересов держав в Турции и обеспечения платежей по Османскому долгу, учреждение комиссий для пересмотра режима капитуляций. Предлагалось созвать конференцию для выработки договора на основе этих предложений³, которые были в основном творением Керзона. Все важнейшие уступки делались за счет Греции, а статьи Севрского договора, наиболее выгодные Великобритании, оставались практически неизменными. В частности, сохранялась возможность для фактического английского господства над Проливами. Пуанкаре в ходе переговоров предпочитал не спорить с Керзоном, так как понимал, что реальный исход событий решается вовсе не в Париже. Его отношение к итогам конференции хорошо видно из его ком-

¹ Ibid. P. 570—571.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 562. Meeting in Paris. 23/03/1922. P. 687.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 570. Text of resolutions. 22—26/03/1922. P. 756—763.

ментария, сделанного сразу после ее закрытия. Он сказал, что решения конференции — не более чем «предложение о посредничестве, а ни в коем случае не ультиматум. Если Турция считает, что предложенная граница во Фракии не соответствует ее надеждам, мы не окажемся в тупике, и всегда можно будет снова начать переговоры на другой основе»¹. Такое заявление было почти открытым подстрекательством турок к дальнейшему сопротивлению.

Мартовские предложения хотя и предполагали существенный пересмотр почти всех статей Севрского договора, но были недостаточны для кемалистов, так как во многом расходились с Национальным обетом. С.И. Аралов так передавал первую реакцию анкарского правительства: «Предложение это является ловким ходом Англии, желающей показать перед всем миром, и главным образом мусульманским миром и Индией, свои миролюбивые якобы намерения, и всей Антанты, и что если военные действия не прекратятся, то они не прекратятся по вине Ангорского правительства, и тем самым Ангорское правительство будет дискредитировано в глазах мусульманского мира, а также будет дискредитировано и в глазах анатолийских крестьян и всего населения, уставшего от многочисленных войн»². В своем официальном ответе Анкара соглашалась лишь на перемирие при условии немедленного вывода греческих войск из Анатолии, после чего возможны были бы переговоры о мире. Антанта ответила отказом³. Греки тоже были разочарованы и считали, что от них требуют слишком больших уступок. Чтобы не вступать в конфликт с Антантой, греческое правительство заявило, что не будет отвечать на предложение о перемирии, пока турки его не примут⁴.

Таким образом, новые парижские предложения не разрешили Восточного вопроса, который продолжал оставаться «зияющей дырой» в созданной Антантой системе мирных договоров. Не лучше обстояло дело и в Европе, экономическое восстановление которой было не менее необходимо Великобритании, чем «замирение» Турции на выгодных условиях. С 10 апреля по 19 мая в Генуе

¹ Цит. по: Khwaja Kamal Ud-Din. Op. cit. P. 101—102.

² ТРНГ — РГАСПИ. № 80. Аралов — Чичерину. 2/03/1922. С. 164—165.

³ Кемаль Мустафа. Указ. соч., Т. 4. С. 69—71.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 577. Lindley to Curzon. 31/03/1922. P. 769.

проходила экономическая конференция, задуманная Ллойд Джорджем еще осенью 1921 года. Главным вопросом на конференции были отношения с Россией, крупнейшим кредитором которой была Франция. Пуанкаре нуждался в поддержке Ллойд Джорджа и болезненно воспринимал всякий намек на двусторонние контакты англичан с советскими представителями¹ (очевидно, опасаясь, что Ллойд Джордж последует примеру Бриана и заключит с Россией сепаратный договор), хотя ничего подобного не входило в планы Ллойд Джорджа. Благодаря усилиям Англии турецкие проблемы на конференции не обсуждались. Советская делегация сначала требовала приглашения в Геную представителей Анкары, однако получила однозначный отказ². Франция же сделала все возможное, чтобы вынести за рамки конференции Германский вопрос, который все же постоянно витал в воздухе. Рапальский договор, заключенный 16 апреля, еще больше подлил масла в огонь, так как возможное русско-германское сближение давно было одним из худших опасений Лондона и Парижа. В разгар конференции Ллойд Джордж предложил ее участникам принять общую декларацию о ненападении друг на друга, надеясь таким образом помочь возрождению европейской торговли, но после этого сразу всплыли многочисленные территориальные проблемы, оставшиеся в наследство от Парижской мирной конференции 1919 года, и стало ясно, что эта инициатива обречена на неудачу³. В отношениях с Россией также никакого прогресса достигнуто не было.

Неудача Генеузской конференции, которая должна была стать кульминационным моментом в превращении Версальской системы в «подлинный мир», отсутствие сдвигов в Восточном вопросе выглядели как серьезное поражение всей внешнеполитической линии Великобритании. К тому же вскоре после окончания конференции произошло новое обострение репарационной проблемы. Пуанкаре прямо заговорил о возможности односторонних силовых акций со стороны Франции. В «среднем звене» руководителей Форин Оффиса⁴ снова стали возникать предложения

¹ История дипломатии. Т. 3. М., 1965. С. 254—255.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 19. № 33. Waterlow to Krassin. 22/02/1922. P. 169.

³ Orde A. Op. cit. P. 30.

⁴ На сей раз это были помощники Керзона Уотерлоу и Тирелл.

заклучить гарантийный пакт с Францией в обмен на сотрудничество Франции в других вопросах (Турция, репарации, подводные лодки), но Керзон с порога отметал все подобные идеи¹. После долгих проволочек англо-французский договор так и не был подписан².

В течение семи месяцев — с ноября 1921 по май 1922 года — почти вся международная политика была так или иначе связана с тремя конференциями — в Вашингтоне, Каннах и Генуе. Ни одна из них не затрагивала Восточный вопрос напрямую, но он неизменно присутствовал во всех политических расчетах и комбинациях. Вашингтонская конференция в известной мере толкала Англию и Францию к сближению под общим давлением США, и обе страны строили планы «Европы для европейцев». Во французской интерпретации они выглядели как система общеевропейской безопасности, основанная на союзе двух великих держав, а в британской — как органическая система торговых связей с участием России и Германии. Оба плана обсуждались на конференции в Каннах. Реализация любого из них требовала сотрудничества двух держав. Для того чтобы подтолкнуть Францию к участию в британском плане, англичане пытались использовать обещание возобновления гарантийного пакта 1919 года. Но сближению двух стран препятствовали разногласия по двум принципиальным вопросам — репарационному и турецкому. Проблему репараций новый французский премьер-министр Пуанкаре готов был использовать для утверждения господствующей роли Франции на континенте, что не могло понравиться англичанам. Но наиболее явным было противостояние двух держав на Востоке, где при общем внешнем нейтралитете они негласно поддерживали разные воюющие стороны. Хотя политическая линия Керзона имела вид излюбленной английской тактики «третьего суда», присутствие греческих войск в Малой Азии было его главным козырем. Парижские предложения, выработанные в марте под руководством Керзона, в случае их принятия и при успешном окончании Генуэзской конференции создали бы ситуацию, когда военно-политическое господство Великобритании в Вос-

¹ Orde A. Op. cit. P. 30—32.

² Подробнее об истории этого несостоявшегося соглашения см. нашу статью: Фомин А.М. Англо-французские отношения в 1921—1922 годах и европейская инициатива Бриана. М., 2001. Рукопись депонирована в ИНИОН РАН. № 56894.

точном Средиземноморье сочеталось бы с ее торговым могуществом на континенте. Но этим планам не суждено было сбыться вследствие провала Генуэзской конференции и отказа Анкары от парижских предложений. Немаловажную роль в этом сыграло скрытое и явное противодействие Франции, по-прежнему стремившейся к соединению военно-политического господства в Европе с экономическим доминированием в Турции.

5. «Патовая ситуация» (май—август 1922 года)

Когда Генуэзская конференция уже подходила к бесславному концу, становилось ясно, что парижские усилия союзников тоже не дали результата, и Анкара отказалась их признать. В Лондоне возникло мнение, что здесь не обошлось без попустительства Франции. Пуанкаре решительно выступал против любых «ультиматумов» по отношению к туркам, поскольку «это только даст экстремистам предлог для продолжения борьбы». Французское правительство с энтузиазмом согласилось на предложение Анкары организовать встречу представителей Антанты и Турции на военном корабле в Мраморном море недалеко от города Исмид (Измит)¹. Принятие этого предложения означало бы вступление в переговоры с кемалистами до принятия ими парижских решений и отказ от тезиса об их неизменности как основы мирного урегулирования. Это было бы равносильно признанию неудачи посреднической миссии, а значит, и всей восточной политики Керзона. Идея такой конференции в корне противоречила роли «посредника», которую Керзон хотел возложить на Антанту. По его словам, на предполагаемой исмидской встрече «одна из заинтересованных сторон будет иметь конференцию, созванную только ради нее, у которой не может быть другого результата, кроме оттягивания той конференции, которая была предложена по общему согласию в Париже, и обреченную в любом случае на фиаско, которое будет не только унижительным, но и катастрофическим». Гардингу было поручено передать французскому

---

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 615. Hardinge to Curzon. 1/05/1922. P. 803—804; Ibid. P. 819.

правительству, что в случае отклонения парижских предложений Великобритания будет действовать самостоятельно и в первую очередь опубликует всю корреспонденцию по данному вопросу¹. Румбольд высказал мнение, что на любых переговорах с кемалистами французы будут идти на постоянные уступки, что особенно опасно, так как неудача Генуэзской конференции еще более сблизила турецких националистов с большевиками. И все же принятие французских предложений было бы лучше, чем разрыв с союзником, после которого вся ответственность за конфликт с Кемалем падет на Англию². Однако 7 июня Гардинг сообщил французскому правительству британскую точку зрения: парижские предложения должны быть полностью приняты или полностью отвергнуты. В последнем случае британское правительство оставляло за собой полную свободу действий³. Затея с исмидскими переговорами не удалась⁴, но еще неоднократно выдвигались предложения о созыве прелиминарной конференции в Бейкосе, Константинополе, Венеции и т. п. Англичане даже вынуждены были вслед за французами отказаться от обязательного соблюдения парижских условий. Но все эти попытки не принесли результата.

Между тем Франция продолжала укреплять свои позиции в Турции. Не дожидаясь полного урегулирования Восточного вопроса, французские предприниматели спешили пожинать плоды Анкарского договора. Французская компания «Гроеланд» еще в марте начала переговоры с Анкарским правительством о концессии на постройку порта в Мерсине, который стал для Анатолии «широким и светлым окном на Запад» после ухода оттуда французских войск. Другая французская компания, «Уннен», начала зондировать почву в Анкаре на предмет концессии на разработку нефтяных источников в районах Терджана и Вана. По выражению С.И. Аралова, «французы шныряют по всем углам Анатолии, ведут пропаганду, завязывают связи, заигрывают». В то же время своей выгоды не упускали и итальянцы. Анатолийские порты

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 627. Curzon to Hardinge. 10/05/1922. P. 813—817.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 638. Rumbold to Curzon. 22/05/1922. P. 830—832.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 645. Hardinge to Curzon. 7/06/1922. P. 843—844.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 664. Rumbold to Curzon. 26/06/1922. P. 863—864.

обслуживались преимущественно пароходами компании «Ллойд-Триестино». Та же компания занималась распространением итальянских товаров во внутренних районах страны и заключила с Анкарским правительством соглашение о поставке грузовых автомобилей. Но все эти инициативы по размаху не шли ни в какое сравнение с грандиозными планами американцев. Представитель фирмы «Фаундейшн Компани» приехал в Анкару, чтобы вести переговоры о концессии на строительство железных дорог, портов, фабрик и эксплуатацию рудников. На эти цели компания ассигновала 100 млн. долларов. В планы американцев входило строительство железной дороги Самсун—Сивас—Эрзурум—Ван и далее на соединение с персидскими дорогами, а также с ветками через Анкару к Александретте и Мерсине. В компании участвовали капиталы треста «Стандарт Ойл». С.И. Аралов констатировал: «В Анатолии уже завязывается узел международных экономических отношений, и здесь возможна взаимная конкуренция иностранцев». Анкарское правительство благосклонно смотрело на все эти предложения, но выдвигало жесткие условия возможных концессий — 50-процентное турецкое участие и наем только турецкого административного персонала¹.

В политической сфере из западных держав наибольшим влиянием пользовалась Франция. В этом смысле наиболее примечательна была деятельность французского полковника Мужена, одного из ближайших сотрудников Франклен-Буйона. Он прибыл в Анкару в начале июня в качестве представителя Франции. Его миссия возбудила некоторые подозрения в Лондоне, но французы снова заверили союзников, что их контакты с кемалистами не принесут вреда общесоюзническому делу. В своем первом интервью турецкой прессе Мужен заявил, что Франция желает мира, который бы учитывал национальные устремления Турции. Кроу расценил эти слова как «поистине чудовищную (*monstrous*) речь, произнесенную союзником по отношению к нашему общему врагу»². Но если слова Мужена и противоречили устремлениям Англии, главным соперником он считал другую страну. Сразу по

¹ ТРНГ — РГАСПИ. № 82. Аралов — Чичерину. 25/03/1922. С. 172—173; Там же, № 87. Аралов — Карахану. 1/06/1922. С. 200.

² Sonyel S. R. Op. cit. P. 141.

прибытии в Анкару Мужен начал посылать в Париж телеграмму за телеграммой, в которых настаивал на необходимости самой дружественной политики по отношению к турецким националистам. Главным его аргументом было то, что в противном случае Анатолия окажется в объятиях большевистской России, так как в случае продолжения войны советская помощь будет жизненно необходима туркам. Одна из главных задач Мужена состояла в том, чтобы противопоставить свое влияние деятельности советского полпреда Аралова, снискавшего себе большую популярность в кемалистских политических кругах¹. Аралов же старался «доказать различие между дружбой и помощью туркам со стороны Сов. России и капиталистической державой»². Таким образом, начался новый виток франко-советского соперничества за влияние в Анкаре. Французский посланник, превышая свои полномочия, даже предлагал Кемалю заключение франко-турецкого военного союза и компромиссный мир с Англией, но Кемаль отверг эти предложения³. Активность полковника Мужена совпала по времени с мощной антисоветской кампанией, начатой во Франции в связи с неуступчивостью России в вопросе о царских долгах.

Миссия Мужена еще раз показала Кемалю, насколько сильны протурецкие настроения во Франции. Надо сказать, что французы не ограничивались словами. К середине июля в Турцию из Франции через Мерсину и Александретту поступило 40 тыс. винтовок, 4 тыс. пулеметов, 120 автомобилей, 28 аэропланов. По словам Аралова, «Франция стала помогать туркам оружием, стала сближаться в противовес Англии»⁴. В то же время греческая армия снабжалась английским оружием. Во всяком случае, трофеи, доставшиеся туркам в ходе начавшегося вскоре наступления, были «английского происхождения»⁵. Из-за французских интриг Аралову несколько месяцев не удавалось добиться открытия со-

¹ Dumont P. A l'aube du rapprochement franco-turc: Le colonel Mougin, premier représentant de la France auprès du Gouvernement d'Ankara // La Turquie et la France à l'époque d'Ataturk. P., 1981. P. 81.

² ТРНГ — РГАСПИ. № 82. Аралов — Карахану. 13/07/1922. С. 207.

³ Аралов С.И. Воспоминания советского дипломата. 1922—1923. М., 1960. С. 122.

⁴ ТРНГ — РГАСПИ. № 82. Аралов — Карахану. 13/07/1922. С. 207—208; Аралов С.И. Указ. соч. С. 124—125.

⁵ ТРНГ — РГАСПИ. № 92. Аралов — Карахану. 2/09/1922. С. 217.

ветского консульства в Мерсине. Французы опасались распространения советского влияния в Сирии¹.

Вскоре Кемаль смог убедиться и в том, что в стане его главного противника — Англии — тоже нет единства. В июле в Анатолию прибыл уже упоминавшийся генерал Таунсхенд. И хотя его поездка носила частный характер, кемалисты приняли его с воинскими почестями и устроили самый радушный прием². В Конье Таунсхенд беседовал с Кемалем, а затем посетил Анкару. Советскому представителю, несмотря на дружественные с ним отношения, Мустафа Кемаль предпочел не пересказывать содержание своих бесед с Таунсхендом³.

Летом 1922 года становилось ясно, что очередная попытка великих держав предложить компромиссные условия мира провалилась. Кемалисты последний раз испробовали дипломатические средства, когда в середине июля в Европу отправился министр внутренних дел анкарского правительства Али Фетхи, формально — для поправки здоровья, а на деле — с секретной миссией от самого Кемалю. В беседах с несколькими сотрудниками Форин Оффиса он изложил максимально возможные уступки со стороны националистов (при условии полного восстановления суверенитета Турции в Малой Азии и Восточной Фракии до реки Марица): демилитаризация Проливов и создание системы защиты меньшинств, аналогичной тем, которые предусматривались для стран Центральной Европы. В Лондоне Али Фетхи встретил весьма холодный прием (Керзон не поверил, что он имеет достаточно полномочий), а в Париже ему недвусмысленно указали, что главное препятствие для мира заключается в позиции Великобритании⁴.

Ситуация на фронте некоторое время казалась тупиковой. Греческая и турецкая армия противостояли друг другу в глубине Малой Азии, не ведя активных действий и, как многим казалось, без реальной надежды на скорую победу одной из сторон. Греция, не имея возможности возобновить атаку на суше, начала систематический обстрел турецких городов с моря. Союзники, кон-

¹ ТРНГ — РГАСПИ. № 82. Аралов — Карахану. 13/07/1922. С. 207—208; Аралов С.И. Указ. соч. С. 124—125.

² Sonyel S.R. Op. cit. P. 150.

³ Аралов С.И. Указ. соч. С. 123.

⁴ Sonyel S.R. Op. cit. P. 169—171.

тролировавшие Проливы, без препятствий пропускали через них греческие корабли. Кемалисты теперь всю надежду возлагали не на дипломатическое искусство, а на силу оружия. По их убеждению, только решительная победа над греками могла сдвинуть Восточный вопрос с мертвой точки и обеспечить выполнение требований Национального обета¹. В этом они оказались правы.

Помимо обстрелов турецких городов, Греция решила прибегнуть к крайней мере давления на Турцию. В конце июля греки стали концентрировать свои войска на подступах к Константинополю. Более того, значительные силы были переброшены во Фракию из Малой Азии, что с чисто военной точки зрения было полным нонсенсом (греки сами лишали свои войска поддержки с тыла)². Появились сведения, что они намерены оккупировать город. Гендерсон, временно исполнявший обязанности английского верховного комиссара, вынужден был успокоить своих коллег, что греки лишь распускают слухи, чтобы припугнуть кемалистов³. Но 29 июля греческое правительство официально уведомило союзные державы о своем намерении оккупировать Константинополь, так как это якобы было единственной возможностью заставить турок согласиться на мир⁴. Есть сведения, что к такому шагу греков неофициально подталкивал не кто иной, как Ллойд Джордж⁵. Правда, в тот же день греческий МИД заверил английского посла Бентника, что греки и шагу не сделают без согласия союзников⁶, но шума эта история наделала много. Гарингтон уже готовился к обороне султанской столицы от греческих войск, а Румбольд запрашивал Лондон, следует ли интернировать греческие корабли, стоящие в Босфоре и Золотом Роге⁷. 31 июля послы трех союзных держав в Афинах, получив соответ-

¹ Кемаль Мустафа. Указ. соч., Т. 4. С. 70—71.

² Finebrock M.F. Ataturk, Lloyd George and the Megali Idea: Cause and Consequence of the Greek Plan to Seize Constantinople from the Allies. June—August 1922 // The Journal of Modern History. Vol. 52, No. 1. On Demand Supplement (March 1980). P. 1057—1060.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 691. Henderson to Foreign Office. 22/07/1922. P. 889.

⁴ Cumming H.H. Op. cit. P. 169; Finebrock M.F. Op. cit. P. 1061.

⁵ Миллер А.Ф. Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983. С. 212.

⁶ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 706. Bentnick to Foreign Office. 29/07/1922. P. 902.

⁷ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 711. Rumbold to Foreign Office. 31/07/1922. P. 906—907.

ствующие указания, уведомили греческое руководство, что Антанта будет всеми силами противостоять любому вторжению в «нейтральную зону»¹. Но греческое правительство, надеясь на поддержку Англии, пошло на еще одну авантюру. В оккупированной Смирне было провозглашено создание «автономной Ионии». Французский и итальянский представители направили греческому правительству формальные протесты, чуть позже к ним присоединился и их английский коллега.

Пожалуй, одним из самых ярких последствий этих греческих инициатив было выступление Ллойд Джорджа в парламенте 4 августа. После резко антигреческого выступления одного из депутатов (подпоручика Кентворти), призывавшего премьер-министра к смене политического курса в пользу Турции, Ллойд Джордж взял слово и произнес одну из своих красноречивых антитурецких речей, начав с «неблагодарности» Турции, вступившей в 1914 году в войну против Великобритании, которой она была обязана самим своим существованием. Затем он указал на неуступчивость турок, которым неоднократно предлагали компромиссные условия мира. О текущем моменте он сказал: «Между Турцией и Грецией идет война. Мы защищаем столицу одной страны от другой. ... Если бы нас там не было, нет абсолютно никаких сомнений, что греки заняли бы эту столицу за несколько часов и это привело бы к решению вопроса. Есть только один способ, которым греки могут добиться решения, — наступая через почти непроходимую местность в глубь страны на сотни миль. Я не знаю ни одной армии, которая могла бы пройти так далеко, как прошли греки. Это было очень дорогое и очень опасное военное предприятие. ... Существуют предположения, возможно, не лишённые основания, что кемалистские силы перевооружаются из Европы (намек на Францию — *А.Ф.*). Грекам при других условиях могло бы быть дано право на блокаду побережья Малой Азии»². Хотя речь была составлена в туманных выражениях и скорее подчеркивала роль Великобритании как посредника в конфликте, и в Афинах, и в Анкаре ее восприняли как призыв к Греции возобновить

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 17. № 713. Bentnick to Foreign Office. 31/07/1922. P. 908.

² Great Britain. Parliament. Parliamentary debates. House of Commons. Ser. 5. Vol. 157. L., 1922. Col. 2004—2005.

борьбу¹. Речь Ллойд Джорджа оказала большое влияние на решение Кемалья не откладывать далее генеральное наступление против греков². Антифранцузская направленность речи также была очевидна. Ллойд Джордж избегал публичных высказываний по турецкой проблеме со времен Сакарьи, фактически отдав Ближний Восток на откуп Керзону, но, когда «умеренная» политика последнего стала терпеть неудачу, премьер-министр счел возможным вновь высказать свою позицию, почти не изменившуюся с 1919 года.

Резкий тон Ллойд Джорджа по отношению к Франции станет более понятным, если учитывать общий контекст англо-французских отношений в тот момент. Пуанкаре пошел на новое обострение репарационного вопроса, что объяснялось продолжавшимися германскими просьбами о моратории, которые встречали сочувственное отношение англичан. На проходившей в Лондоне конференции в ответ на английское предложение об отсрочке репарационных платежей он потребовал от Германии «продуктивных залогов» — передачи союзникам (прежде всего Франции) во владение государственных шахт Рура и лесов Рейнской области, а также установления таможенных границ на Рейне, сборы от которых поступали бы в счет репараций. Ллойд Джордж выступил категорически против этого плана, который привел бы к установлению французского контроля над значительными секторами германской экономики, но в британском кабинете мнения разделились. На заседании кабинета 10 августа Керзон выступил против излишнего обострения отношений, поскольку, «если произойдет разрыв, Великобритания должна будет столкнуться с Францией жестко и открыто враждебно во всех частях света, в особенности на Ближнем Востоке». Перспектива оказаться один на один с кемалистами серьезно настораживала Керзона. Но Ллойд Джордж готов был даже к разрыву, лишь бы не допустить французской гегемонии в Европе³. Лондонская конференция по репарациям закончилась безрезультатно. С нее берет свое начало цепь собы-

¹ Cumming H.H. Op. cit. P. 171.

² Sonyel S.R. Op. cit. P. 171.

³ Trachtenberg M. Reparation in World Politics. France and World Economic Diplomacy 1916—1923. N.Y., 1980. P. 254—255.

тий, которые непосредственно привели к франко-бельгийской оккупации Рура в 1923 году. В то же время английская политика на Востоке к августу 1922 года оказалась в полном тупике. То же можно сказать о французской политике в отношении Германии. Выход из этих тупиков возможен был только в результате резкого изменения международной обстановки по воле самих стран Антанты или вопреки ей.

6. Разгром Греции и Чанакский кризис (сентябрь—октябрь 1922 года)

Пока союзники обменивались депешами по поводу очередной предполагаемой конференции (на сей раз в Венеции), затишье на анатолийском фронте было внезапно нарушено. 26 августа у Афьон Карагиссара турецкие армии под личным руководством Мустафы Кемаль-паши начали широкомасштабное наступление. Греки, застигнутые врасплох, были наголову разбиты. В следующие две недели отступление греческой армии по всему фронту превратилось во всеобщее бегство. 8 сентября ее остатки погрузились на суда в Смирне и покинули Малую Азию. Вместе с ними на Эгейские острова начали бежать тысячи местных жителей — греков. 9 сентября передовые турецкие отряды вошли в Смирну. 10 сентября туда прибыл Кемаль. В войне против Греции новая Турция одержала полную победу, своеобразным символом которой стал грандиозный пожар в христианских кварталах Смирны.

Военный разгром привел к государственному перевороту в Афинах. Король Константин был свергнут и бежал, а шесть его министров и генералов во главе с Гунарисом были преданы суду и впоследствии казнены. Власть снова перешла к партии Венизелоса.

Победа Турции нашла широкий отклик во многих колониальных и зависимых странах, что не могло не беспокоить страны Антанты, прежде всего Англию. Достаточно сказать, что борцы за независимость Индии встретили это известие с большой радостью. Вот что писал потом Джавахарлал Неру: «Я хорошо помню, как радовались мы великой победе Мустафы Кемалья над греками почти одиннадцать лет назад. ... Многие из нас находились в то время в тюрьме в Лакхнау, и мы отпраздновали победу турок,

украсив наши камеры тем, что могли достать, а вечером попытались устроить иллюминацию, хотя и очень слабую»¹. Вице-король Индии, чувствуя подобные настроения, писал в Лондон: «С индийской точки зрения является необходимым восстановление старинных добрых отношений между Великобританией и Турцией». Нельзя было позволить Франции и Италии первыми пожинать плоды от признания произошедших изменений. Восстановление отношений с Турцией могло способствовать успеху британской политики в Индии и Афганистане, а также отделить Турцию от большевистской России. С другой стороны, «любая попытка лишить турок законных плодов победы вызовет бурю гораздо большую, чем раньше, во всем исламском мире и может повлечь серьезные последствия для Индии»².

Обстановка на Востоке коренным образом изменилась. Теперь союзники, которые располагали лишь очень небольшими силами в зоне Проливов, лицом к лицу встретились с кемалистским войском, от которого их до сих пор прикрывали греческие солдаты. Разгром греков означал прежде всего полный крах английской политики. В то же время журнал *Economist* писал, что «Франция в значительной степени выиграет от турецкой победы, и не только потому, что выплата турецкого долга начнется тем быстрее, чем скорее Турция вернет все или часть потерянных территорий»³. Но для Великобритании — великой мировой державы, управлявшей огромной империей и выигравшей мировую войну, признать себя побежденной мятежным турецким генералом означало пережить самое позорное из всех возможных унижений. Как писал впоследствии Черчилль, «союзные армии одержали над Турцией абсолютную и бесспорную победу. Прошли четыре года — и болтуны превратили победу в поражение»⁴. Нежелание правительства Ллойд Джорджа мириться с этим привело к событиям, вошедшим в историю как Чанакский кризис.

После провала Лондонской конференции 1921 года и объявления Антантой формального нейтралитета в греко-турецкой войне

¹ Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. Т. 3. М., 1989. С. 84—85.

² NA, Cab. 24/138. Reading to Peel. 11/09/1922. P. 440.

³ Цит. по: Аноп А.Ф. Указ. соч. С. 167.

⁴ Черчилль У. Указ. соч. С. 470.

союзники произвольно определили в районах, прилегающих к Проливам, так называемую нейтральную зону, контролируруемую английскими, французскими и итальянскими войсками. В Европе она включала Константинополь, прилегающий к нему район до линии Чатаджи (граница Турции по Севрскому договору) и полуостров Галлиполи; в Азии — Исмидский полуостров и район, прилегающий к Дарданеллам с крепостью Чанак. Восточная Фракия к Северу от этой зоны была оккупирована Грецией еще осенью 1920 года. После падения Смирны греческое присутствие во Фракии сохранялось. В районе Исмида нейтральная зона с 1921 года соседствовала с территорией, контролируемой националистами, но последние не предпринимали никаких враждебных действий по отношению к союзникам. В районе Чанака с 1920 года позиции союзников находились в глубоком тылу греческих войск.

Изгнание греческой армии из Малой Азии неизбежно ставило вопрос о дальнейших намерениях Кемалья. Победоносная турецкая армия имела подавляющее численное преимущество над небольшими англо-франко-итальянскими силами в нейтральной зоне. В первое время вполне вероятным казалось турецкое наступление в сторону Проливов, тем более что в разговоре с английским консулом в Смирне Кемаль (случайно или намеренно) обронил фразу, что Турция все еще находится в состоянии войны с Великобританией. Затем, правда, он дал письменное разъяснение, что не намерен атаковать союзников¹. 11 сентября Румбольд получил депешу, что британское правительство готово оставить Чанак и Исмид, чтобы сосредоточиться на обороне Константинополя и Галлиполи, для чего туда направляются британские подкрепления, несмотря на отказ французов и итальянцев последовать английскому примеру. В своем ответе Румбольд настаивал на том, что удержание Чанака и Исмида чрезвычайно важно для престижа союзников, а удержание Константинополя и Галлиполи будет невозможно в случае потери смежных пунктов на азиатском берегу². В тот же день новая депеша от Керзона уведомляла Румбольда, что союзные войска не должны оставлять

¹ Миллер А.Ф. Указ. соч. С. 213.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 21. Rumbold to Curzon. 10/09/1922. P. 19; Ibid. № 23. Rumbold to Curzon. 13/09/1922. P. 21—22.

Чанак, если не будет серьезного военного риска, так как союзникам необходимы были козыри в будущих переговорах с Мустафой Кемалем¹.

11 сентября в Анкару была направлена коллективная нота трех союзных правительств с требованием, чтобы турецкие войска не вступали в нейтральную зону. Турки ответили, что не признают никаких нейтральных зон на своей территории. Франция и Италия в тот момент поддерживали английскую позицию. 12 сентября в Чанак прибыли французские и итальянские подкрепления. 14 сентября Пуанкаре заверил Лондон в своей полной поддержке и дал соответствующие указания верховному комиссару Пелле². Однако такое единодушие продлилось недолго.

В самом британском правительстве не было единства. Ллойд Джордж и Черчилль были настроены воинственно, в то время как Керзон хотел любой ценой предотвратить военное столкновение. 15 сентября британский кабинет министров под давлением Ллойда Джорджа и Черчилля принял решение направить новые подкрепления в Турцию и обратиться к британским доминионам, а также к Югославии и Румынии с просьбой послать свои войска в зону Проливов для защиты Европы от турецкого вторжения. Керзону предстояло отправиться в Париж обсудить дальнейший план действий с Пуанкаре³. Но 17 сентября, еще до того, как он пересек Ла-Манш, Черчилль без его ведома опубликовал пресс-коммюнике, в котором говорилось, что британское правительство сделает все возможное, чтобы не допустить турок в Европу, и призывает доминионы и Балканские страны помочь ему⁴. Прочитав это коммюнике, Керзон назвал его «поджигательским манифестом». Английская пресса начала мощную антиправительственную кампанию⁵. Эти действия знаменовали собой пик Чанакского кризиса. Ллойд Джордж и Черчилль фактически вели дело к новой войне, которая могла продлиться неопределенно долго и привести к непредсказуемым последствиям. В доминио-

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 26. Curzon to Rumbold. 13/09/1922. P. 24—25.

² Миллер А.Ф. Указ. соч. С. 214.

³ NA, Cab. 23/31. Cabinet Meeting. 15/09/1922. P. 26—58.

⁴ Черчилль У. Указ. соч. С. 293.

⁵ Обзоры английской прессы за время Чанакского кризиса см. в следующих работах: Аноп А.Ф. Указ. соч. С. 168—171, Walder D. Op. cit. P. 229—231.

нах английское требование вызвало неоднозначную реакцию. Только Австралия и Новая Зеландия согласились помочь метрополии. Остальные доминионы, в первую очередь Канада, отказались это сделать¹. В этих далеких заморских странах, формально находившихся под британским суверенитетом, Чанакский кризис дал мощный толчок требованиям большей независимости от Лондона.

Реакция Франции не заставила себя ждать. 18 сентября Пуанкаре телеграфировал в Лондон, что «французское правительство глубоко удивлено столь серьезной инициативой британского кабинета по поводу дел на Востоке, публично объявленной до какого-либо соглашения с союзниками, в частности с Францией». Правда, Франция «абсолютно согласна с необходимостью обеспечить свободу Проливов», но она расходится с Лондоном относительно «наилучших способов осуществления этого» и серьезно опасается последствий британской политики во всем мусульманском мире². В тот же день французский гарнизон покинул Чанак. Затем то же самое сделали и итальянцы.

На следующий день, 19 сентября, лорд Гардинг имел по этому поводу беседу с Пуанкаре. В своем донесении в Лондон он так передавал этот разговор: «Я сказал, что выводить французские войска, которые были посланы как подтверждение солидарности, оставляя британские войска открытыми для любой атаки, было, по моему мнению, наилучшим способом спровоцировать войну, вдохновляя Кемаля демонстрацией того, что эта солидарность более не существует. Председатель совета министров очень возбудился и в длинной тираде неоднократно повторил, что правительство его величества проводит политику войны. ... Он заверил, что французские войска будут выведены только по согласованию с генералом Гарингтоном, но что по этому вопросу не будет никакого компромисса, так как общественное мнение во Франции не позволит подвергать жизнь даже одного французского солдата риску атаки со стороны турецких войск или турецких партизан». Пуанкаре согласился с необходимостью скорейшего созыва мирной конференции, но он был убежден, что

¹ Миллер А.Ф. Указ. соч. С. 215.

² Cumming Н.Н. *Op. cit.* P. 177.

«абсолютно безнадежно думать, что делегаты Анкары приедут на конференцию, если им не дать ясно понять, что их территориальные требования будут выполнены». Пуанкаре имел в виду Восточную Фракию. В этом случае турки будут более стоворчливы в других вопросах¹.

Ту же позицию Пуанкаре отстаивал во время переговоров с Керзоном 20—23 сентября, срочно прибывшим в Париж. В ответ на возражения Керзона, что предлагаемые Францией уступки сделают конференцию бесполезной, так как турки заранее получают все, что желают, французский премьер отвечал, что останутся еще вопросы статуса Проливов, охраны национальных меньшинств, Османского долга и т. п. Иногда разговор велся на повышенных тонах, Пуанкаре «терял терпение», а Керзон требовал извинений². Керзон заявлял, что, если Франция будет настаивать на своей позиции, Антанту можно будет считать несуществующей, и Великобритания будет вынуждена к самостоятельным действиям³. Черчилль впоследствии писал, что «в этот период отношения между англичанами и французами были наихудшими, какие только существовали за все беспокойное двадцатое столетие, а в эти дни обострение дошло до наивысшей точки. Суть споров сводилась, в общем, к тому, что французы говорили: «Мы сдержим турок дипломатическими средствами воздействия», а англичане отвечали: «Ваша дипломатия не имеет никакой цены без штыков. Эти штыки мы привинтили к ружьям сами»⁴. Наконец, 23 сентября удалось прийти к соглашению. Была составлена совместная нота, направленная в Анкару. От кемалистов требовали не входить в «нейтральную зону» до заключения мира и введения международного контроля над Проливами. Взамен союзники обещали возвращение туркам Восточной Фракии до реки Марицы и эвакуацию Константинополя после вступления в силу мирного договора. Керзон настоял на том, чтобы Национальный обет в ноте не упоминался⁵. Предлагалось провести встречу уполномочен-

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 35. Hardinge to Curzon. 19/09/1922. P. 33—34.

² Walder D. Op. cit. P. 234—235.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 42. Meeting in Paris. 20/09/1922. P. 50.

⁴ Черчилль У. Указ. соч. С. 480.

⁵ DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 51. Meeting in Paris. 23/09/1922. P. 88—96.

ных для обсуждения условий перемирия в Исмиде или Мудании, а затем мирную конференцию в Венеции.

Франция уже пустила в ход свои «дипломатические методы». Еще 18 сентября генерал Пелле лично прибыл в Смирну для переговоров с Кемалем. Он требовал от Кемалья не посылать войска в нейтральную зону, на что Кемаль ответил, что он не может отказаться от освобождения Восточной Фракии от греческой оккупации и никаких нейтральных зон не признает. Тогда Пелле счел, что есть люди, более него искусенные в переговорах с турками, и предложил Кемалю встретиться с Франклен-Буйоном. Кемаль согласился. Франклен-Буйон прибыл в Смирну на борту французского военного корабля и отрекомендовался Кемалю как уполномоченный трех союзных правительств. Вслед за ним прибыла союзная нота от 23 сентября¹. Франклен-Буйону удалось убедить Кемалья согласиться на предложения союзников, намекая, что от англичан, не желающих воевать, можно будет добиться и большего.

Между тем, получив сведения о сосредоточении турецкой кавалерии в районе Чанака, британский кабинет стал всерьез готовиться к военному столкновению, на сей раз только собственными силами. От Кемалья долго не поступало ответа на приглашение на конференцию. В связи с этим был отдан приказ о немедленной переброске в зону Проливов нескольких батальонов из Гибралтара и с Мальты. Из Египта перебрасывалась авиация. В дальнейшем предполагалось направить в зону кризиса две дивизии, хотя они, по словам военного министра, не могли быть полностью укомплектованными. В связи с нехваткой сил приходилось выбирать приоритеты. Генералу Гарингтону разрешили даже эвакуировать Константинополь и Исмид, если бы это потребовалось для защиты Дарданелл. В инструкции генералу говорилось: «Наша политика состоит в том, чтобы удержать Галлиполи любой ценой и удерживать Чанак, пока это будет возможно без неоправданного военного риска»². Наконец 29 сентября кабинет принял еще одно чрезвычайно опасное решение. Генерал Гарингтон получил распоряжение предъявить туркам ультиматум с требованием

¹ Кемаль Мустафа. Указ. соч. Т. 4. С. 93—94.

² NA, Cab. 23/31. Cabinet Meeting. 28/09/1922. P. 124.

покинуть «нейтральную зону» под угрозой применения силы¹. Керзон в последний момент пытался задержать исполнение этого решения, уповая на спешно проведенные им переговоры с неофициальным кемалистским эмиссаром в Лондоне Нихадом Решадом. Однако посылать генералу «вдгонку» новое распоряжение оказалось не только политически нежелательно, но и технически невозможно. Керзон, понимая, что Англия вновь оказалась на волосок от войны, сказал, что «остается лишь надеяться на лучшее»². От трагической развязки спасли только выдержка и самообладание Гарингтона, так и не передавшего ультиматум туркам. Вскоре было получено сообщение, что турки согласились на конференцию по выработке условий перемирия. Войны удалось избежать.

3 октября 1922 года в городе Мудании на южном берегу Мраморного моря началась конференция военных представителей Турции, Великобритании, Франции, Италии и Греции. Английский представитель Гарингтон, следуя полученным инструкциям, упорно не соглашался на немедленную уступку Восточной Фракии туркам. Но французский представитель генерал Шарпи от имени своего правительства заверял Исмет-пашу, представлявшего Турцию, что Франция согласна со всеми турецкими требованиями. Вдохновленный этим Исмет стал угрожать началом наступления³. 6 октября конференция была прервана. Потребовалось еще одно совещание министров иностранных дел в Париже для выработки компромиссных предложений. Франция и Италия не соглашались воевать с турками ни при каких обстоятельствах, и Керзону пришлось пойти на уступки. 8 октября переговоры были возобновлены на основе новых предложений. Турки на них согласились, понимая, что страна, которая почти непрерывно воевала на протяжении 11 лет, не может втягиваться в новый конфликт.

11 октября в Мудании было подписано перемирие между турецкими националистами и представителями стран Антанты и

---

¹ NA, Cab. 23/31. Cabinet Meeting. 29/09/1922 P. 133; DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 78. Curzon to Hardinge. 30/09/1922. P. 117—119.

² NA, Cab. 23/31. Cabinet Meeting. 29/09/1922. P. 146.

³ Cumming H.H. Op. cit. P. 182.

Греции. Союзные войска оставались в Чанаке и Исмиде, а также в Константинополе и Галлиполи. Они также временно занимали Восточную Фракию до реки Марицы, из которой выводились греческие войска. Одновременно в Константинополь и Фракию вводилась турецкая (националистическая) жандармерия и там устанавливалась гражданская власть турецкой администрации. Союзные войска должны были покинуть турецкую территорию сразу после вступления в силу мирного договора, для выработки условий которого предполагалось немедленно созвать международную конференцию с участием всех заинтересованных сторон¹. Чанакский кризис, поставивший Европу и Турцию на грань новой войны, закончился.

Провал ближневосточной авантюры лишил власти не только короля Константина. Хрупкая либерально-консервативная коалиция, на которую опиралось правительство Ллойд Джорджа, развалилась. Чанакский кризис стал последней каплей, переполнившей чашу терпения его оппонентов. 19 октября, после выхода консерваторов из коалиции, правительство Ллойд Джорджа пало². К власти пришли тори во главе с Э. Бонар Лоу. Внешняя политика всецело оказалась в руках Керзона.

Разгром Греции и Чанакский кризис стали, пожалуй, самыми драматическими событиями всей ближневосточной эпопеи начала 20-х годов. Но они вовсе не были неожиданными. Это был закономерный итог политики, которую Великобритания проводила с 1919 года и к которой она хотела привязать свою главную союзницу. То, что произошло в августе—сентябре 1922 года, было подготовлено авантюрной идеей Ллойд Джорджа об отправке греческих войск в Смирну и драконовскими условиями Севрского договора. С мая 1919 года английская политика вольно или невольно была связана с военным счастьем греческих армий, и поэтому поражение Греции стало и крупнейшим поражением Великобритании. С другой стороны, события, казалось, подтверждали правоту Франции, которая накануне конференции в Мудании благодаря ловкости Франклен-Буйона и туркофильству Пуанкаре даже перехватила дипломатическую инициативу, оставив

¹ Кемаль Мустафа. Указ. соч., Т. 4. С. 312—313 (примечания).

² Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970. С. 371—376.

Англию в одиночестве перед лицом победоносных турецких армий. Но Англия, проявив настойчивость, смогла сохранить в своих руках важные козыри для будущих дипломатических баталий — присутствие союзных (прежде всего английских) войск в районе Проливов и в Константинополе. Франции же предстояло проверить, насколько благодарными окажутся кемалисты, когда речь пойдет об Османском долге, капитуляциях и других интересующих Францию вопросах.

В период между подписанием Севрского договора и конференции в Мудании страны Антанты окончательно утратили инициативу на Ближнем Востоке, и развитие событий теперь определялось не зависящими от них обстоятельствами. Великим державам оставалось только определять свое отношение к ним. Данный период стал временем размежевания английской и французской политики в турецком вопросе, что выразилось в росте самостоятельности внешней политики Франции и привело к известному расшатыванию устоев Антанты.

Главным внешним обстоятельством были успехи кемалистского движения в Турции. Если Великобритания старалась всеми силами противодействовать ему, то Франция попыталась использовать Кемалья в своих целях. Великобритания больше всего боялась восстановления турецкого контроля над Проливами, а Франция видела в Кемале человека, который сможет восстановить эффективное управление турецким государством и тем самым обеспечить выплату турецких долгов. Помимо этого, обе страны опасались сближения Турции с Советской Россией, но противодействовали этому по-разному. Великобритания надеялась либо разгромить Кемалья силами Греции, либо заставить его принять модифицированные условия Севрского мира. Франция же пыталась отвлечь Кемалья от России дипломатическим путем с помощью испытанных методов борьбы за влияние.

Средства, которыми две державы старались осуществить свои намерения, со временем изменялись. В первые месяцы после подписания Севрского договора Великобритания старалась добиться его исполнения с помощью угроз и попыток расколоть кемалистский лагерь. В это же время руководство Франции убеждалось в невыгодности для себя Севрского договора. События в Армении и в Греции дали французам возможность впервые

поставить вопрос о его пересмотре, но Великобритания не была к этому готова. Однако после первой турецкой победы при Инену англичане вынуждены были признать в кемалистах серьезную силу и согласиться на частичный пересмотр Севра, для чего была созвана конференция в Лондоне. Вследствие непримиримых позиций воюющих сторон она была обречена на провал, но Бриан сумел ее использовать для заключения сепаратного договора с кемалистами. В свою очередь, Ллойд Джордж фактически благословил греков на новое наступление. В это время отчетливо проявилась двойственность британской политики — Ллойд Джордж возлагал все надежды на Грецию, а Керзон старался не связывать себе руки поддержкой столь малого союзника.

После конференции обе державы заняли выжидательную позицию, наблюдая за схваткой в Анатолии. Сражение на Сакарье подтолкнуло Францию к заключению с кемалистами Анкарского договора взамен отвергнутого ими Лондонского, а для Великобритании оно означало провал политической линии Ллойд Джорджа. Восточную политику Великобритании взял на себя Керзон, который действовал по строгому плану: объявление нейтралитета по отношению к грекам и туркам, выработка компромиссных условий мира, навязывание этих условий воюющим сторонам и обеспечение, таким образом, основных интересов Великобритании. Керзон старался не демонстрировать сочувствия к грекам, но объективно он был заинтересован в их присутствии в Малой Азии. Позиция Франции, и в особенности Анкарский договор, стала серьезной помехой для этого плана. Франция негласно помогала Кемалю готовиться к решающему наступлению, всячески уклонялась от участия в выработке нового мирного плана, а когда он был готов, поспешила указать кемалистам на возможность дальнейших уступок. Разница в интересах двух союзников была столь очевидна, что многие наблюдатели тогда называли Грецию и Турцию «пешками» в большой игре двух держав¹. В сочетании с длительным затишьем на фронте это создало тупиковую ситуацию, которая продолжалась до решительной победы кемалистов в августе—сентябре 1922 года. Чанакский кризис не только стал

---

¹ См. напр.: Economist, Vol. 94, January 14, 1922. P. 570.

концом политической карьеры Ллойд Джорджа, но и грозил стать концом Антанты.

В 1921—1922 годах, когда провал Севрского договора превратил турецкий вопрос в долгосрочный фактор, стала ясно проявляться его глубинная связь с другими международными проблемами. Эту связь хорошо понимали и в Лондоне, и в Париже, но везде старались использовать по-своему. Если англичане хотели посулами возрождения гарантийного пакта вернуть Францию в орбиту своей политики на Востоке (равно как и в Европе), то французы (помимо соблюдения своих денежных интересов) стремились обеспечить спокойный южный фланг своей системе «восточных союзов», а также избежать распыления своих военных и материальных сил, которые необходимы были для удержания превосходства над Германией. Иногда они могли намекать англичанам на возможность пересмотра Анкарского договора с целью включения Великобритании в систему «окружения» Германии под видом системы общеевропейской безопасности или гарантийного договора, но реально они не были готовы пересматривать ради этого основы своей восточной политики.

Глава V

ЛОЗАННСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И ПРОБЛЕМА «ЕДИНОГО ФРОНТА»

1. Предварительные переговоры: иллюзия согласия (октябрь—ноябрь 1922 года)

После того как смолкли пушки и была ликвидирована опасность прямого вооруженного конфликта между кемалистской Турцией и странами Антанты, решение турецкого вопроса было окончательно переведено в дипломатическую плоскость. На мирной конференции, которую решено было созвать в Лозанне, предстояло наконец найти решение тех проблем, которые вот уже четыре года препятствовали заключению мира с одной из побежденных стран. Приглашая в Лозанну турецкую делегацию, Керзон пробовал настоять на посылке единой делегации от Анкары и Константинополя¹. Очевидно, он надеялся «разбавить» турецкую делегацию представителями султанского правительства, еще влачившего жалкое существование, чтобы иметь больше возможностей для маневра. Но 1 ноября Великое национальное собрание Турции отделило халифат от султаната и упразднило султанат. Султан Мехмед VI был низложен. Новым халифом собрание избрало престолонаследника Абдулмеджида. Константинопольское правительство во главе с Тевфик-пашой ушло в отставку, а последний султан покинул Константинополь на борту английского корабля². Затем в Константинополь прибыл кемалистский губернатор Рефет-паша. Точного наименования государственному устройству Турции дано не было, но по сути оно приняло республиканский характер. Вскоре была сформирована турецкая делегация во главе с новым министром иностранных дел Исмет-пашой.

Британскую делегацию Керзон решил возглавить лично. Перед началом работы конференции главную свою задачу он видел

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 146. Curzon to Rumbold. 2/11/1922. P. 219—220.

² Кемаль Мустафа. Указ. соч. Т. 4. С. 97—99, 102—106, 313—314 (примечания).

в том, чтобы обеспечить «единый фронт» союзников перед лицом турецких требований¹, иными словами — добиться фактического контроля над поведением Франции и Италии. Позиция Италии была некоторое время довольно неопределенной ввиду политического кризиса. После знаменитого «похода на Рим» 30 октября итальянское правительство возглавил Б. Муссолини. Внешнеполитические лозунги фашистов звучали очень радикально. Так, например, Муссолини публично упрекал предыдущие правительства в слепом подчинении требованиям Англии и Франции и призывал изгнать «паразитов» из Средиземноморья (имелись в виду государства, не имевшие выхода к этому морю, прежде всего Англия)². Но дальнейшие события показали, что реальные намерения Муссолини сильно расходятся с его публичными декларациями, а международные позиции Италии при фашистах столь же слабы, как и при парламентских правительствах. Уже 3 ноября английский посол в Риме Грэм получил заверение Муссолини о готовности к сотрудничеству с союзниками и что он в отличие от своих предшественников не будет стремиться к заключению сепаратных соглашений с Анкарой³. Можно сказать, что турецкий вопрос был первой международной проблемой, к которой новое правительство Муссолини должно было выработать свое отношение. В обмен на участие Италии в «едином фронте» союзников в Лозанне Муссолини требовал безусловного сохранения за Италией Додеканезских островов, юридическое положение которых оставалось неясным со времени окончания итало-турецкой войны 1911—1912 годов. В 1920 году, одновременно с подписанием Севрского договора, Италия обязалось передать их Греции. Поскольку Севрский договор так и не вступил в силу, Италия считала себя свободной и от договора с Грецией⁴.

Для Керзона гораздо важнее была позиция Франции. Глава Форин Оффиса приступил к ее зондажу сразу после подписания перемирия в Мудании. Уже 12 октября 1922 года он поручил Гардингу выяснить отношение Пуанкаре к своим предложениям по

¹ Nicolson H. Curzon: the Last Fase. A Study in Post-War Diplomacy. L., 1937. P. 287.

² Renouvin P. Histoire des relations internationales. T. 7. P. 1957. P. 302.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 18. R. Graham to Curzon. 3/11/1922. № P. 220—221.

⁴ DDI, Ser. 7, Vol. 1. № 70. Mussolini a de Martino. 4/11/1922.

составу участников конференции. По мнению Керзона, представители России, Украины, Грузии и Болгарии должны были принимать участие только в обсуждении вопроса о Проливах. Британскую империю, кроме собственно Великобритании, должны были представлять также доминионы и Индия¹. Пуанкаре принял предложения, касавшиеся советских республик и Болгарии², но заявил, что, если в заседаниях будут участвовать представители британских доминионов и Индии, туда же должны быть допущены представители Марокко и Туниса. Керзон в личном письме Пуанкаре отверг это предложение³, но в дальнейшем и сам отказался от представительства Индии и доминионов. Серьезное беспокойство Керзона вызвали сведения, что французским представителем на конференции будет Франклен-Буйон. В этом случае не могло быть и речи о «едином фронте», так как туркофильская позиция Франклен-Буйона была общеизвестна. Но 22 октября телеграмма Гардинга успокоила его, что кандидатура бывшего посланника в Анкаре никогда серьезно не рассматривалась французским премьер-министром⁴. К этому времени французское «туркофильство» уже подвергалось серьезным испытаниям. Так, по свидетельству итальянского посла в Париже Сфорца, «Пуанкаре очень обеспокоен неизбежной турецкой наглостью (*inevitabile tracotanza turca*), трудностью иметь дело с турками в Лозанне и необходимостью вмешаться, если продолжатся турецкие жестокости, недавно начатые в Анатолии против христиан, которые высылаются массами»⁵.

Отношения Великобритании с Францией в этот момент были сложными. Их недавнее обострение во время Чанакского кризиса не прошло бесследно, а в репарационном вопросе позиции двух держав с августа так и не сблизилась. Пуанкаре по-прежнему требовал от Германии предоставления «продуктивных за-

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 121. Curzon to Hardinge. 12/10/1922. P. 188—191.

² 27 октября правительство Великобритании направило правительству РСФСР приглашение принять участие в обсуждении вопроса о статусе Проливов. В советскую делегацию могли также войти представители Украины и Грузии. Москва безуспешно пыталась настоять на участии советских представителей во всех заседаниях. См. История дипломатии. Т. 3. М., 1965. С. 308—309.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 127. Curzon to Poincaré. 18/10/1922. P. 198—201.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 131. Hardinge to Curzon. 22/10/1922. P. 206.

⁵ DDI, Ser. 7, Vol. 1. № 13, Sforza a Mussoloni. 31/10/1922. P. 5—6.

логов» в обмен на отсрочку репарационных платежей. В случае несогласия он угрожал оккупацией Рура и уже начал переговоры по этому поводу с Италией и Бельгией¹. Между тем новое консервативное правительство Великобритании начало свою деятельность с примирительного жеста по отношению к Франции. 20 октября издатель газеты *The Times* В. Стид направил французскому послу Сент-Олеру письмо, которое, по словам автора, было полностью одобрено Бонар Лоу и Керзоном. По словам Стида, новое британское правительство «будет честно стремиться к реальному сотрудничеству с французским правительством, в особенности по вопросам Ближнего Востока и репараций. Его желание состоит в том, чтобы избавиться от взаимного недоверия и подозрительности, накопившихся со времени перемирия». Но никаких конкретных предложений в письме не было. За эти туманные обещания англичане, очевидно, хотели добиться вполне реальной поддержки со стороны Франции в ближневосточном вопросе. 7 ноября *The Times* писала: «В настоящее время первым долгом правительств Великобритании, Франции и Италии является сдерживание этой новой силы (кемалистов — А.Ф.) и поддержание условий, при которых мирная конференция будет возможна. Более не должно быть даже предположения о несогласии между союзными державами, никакого разрыва в союзном фронте, который мог бы быть использован кемалистским экстремизмом для того, чтобы разрушить мир. Ставки слишком высоки. Мы надеемся, угроза войны не возникнет, если только союзные правительства будут тверды в своем сопротивлении очевидно необоснованным требованиям. Нет места взаимному соперничеству и недоразумениям в момент, когда существует настоятельная необходимость поддержания морального авторитета западной цивилизации на Востоке и, следовательно, нахождения средств для того, чтобы направить новую Турцию по безопасному и мирному пути»².

И туманные предложения о сотрудничестве в Европе и на Востоке, и публичные декларации о святости общесоюзного дела преследовали одну цель — добиться французского содействия на

¹ Trachtenberg M. Op. cit. P. 275—277.

² The Times. 7 november 1922.

предстоящей конференции в Лозанне. Единый союзный фронт был необходим англичанам больше, чем когда бы то ни было, так как события в Турции, Италии и в самой Англии (где происходили всеобщие выборы) вносили новые коррективы в расстановку сил. Поэтому Керзон хотел явиться на конференцию во всеоружии, заручившись поддержкой союзников и малых держав.

Через послов в Париже и Риме глава Форин Оффиса запросил Пуанкаре и Муссолини о возможной отсрочке открытия конференции, первоначально намечавшегося на начало ноября. Он указывал на необходимость предварительного обмена мнениями между союзниками¹. Пуанкаре сначала ответил, что задержка с началом работы конференции крайне нежелательна², но 8 ноября Гардинг передал ему, что предварительное согласование позиций необходимо ввиду непомерных требований Анкары³. Пуанкаре с этим согласился и через несколько дней получил из Лондона меморандум со списком вопросов, по которым необходимо было найти общую позицию. Список включал практически все проблемы, подлежащие обсуждению на конференции. Керзон разбил эти проблемы на две группы. В первую (группа «А») входили вопросы, по которым предлагал настаивать на самой жесткой позиции. Это касалось, например, территориальных проблем (во Фракии — граница 1915, а не 1913 года, то есть передача Греции области Димотики и Карагача, передача Греции спорных островов Эгейского моря, в том числе Имброса и Тенедоса, контролировавших вход в Проливы). Керзон также настаивал на демилитаризации и полной свободе Проливов, то есть открытии их для торговых военных судов всех стран и в мирное, и в военное время. Менее важные вопросы были включены в группу «В». Так, согласие союзников по финансовым и экономическим статьям будущего договора с Турцией он считал всего лишь «желательным»⁴.

Пуанкаре истолковал английские предложения о сотрудничестве в Европе и на Востоке довольно прямолинейно и, очевидно,

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 156. Curzon to Hardinge and R. Graham. P. 230—232.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 162. Hardinge to Curzon. 7/11/1922. P. 238.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 166. Curzon to Hardinge. 8/11/1922. P. 243.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 192. Curzon to Hardinge. 14/11/1922. P. 272; Ibid. № 193. Curzon to R. Graham. 14/11/1922. P. 273—274.

рассчитывал использовать предстоящую встречу с Керзоном для откровенного торга. 11 ноября он писал Сент-Олеру: «Мы имеем очень искренние намерения оставаться в согласии с британским кабинетом относительно Ближнего Востока. Мы, конечно же, надеемся, что взамен оно более не будет противостоять единодушным устремлениям Франции в репарационном вопросе и постарается лучше понять наши интересы в Тунисских и Марокканских делах». Успех в переговорах с Бельгией и Италией воодушевил Пуанкаре, и далее он писал уже в ином тоне: «Теперь мы сможем разговаривать с Англией так же, как лорд Дерби¹ разговаривал с нами: "или вы будете следовать за нами, или мы будем вынуждены распустить Антанту"». Разницу между подходами В. Стида и Пуанкаре заметить нетрудно. Свид лишь выражал надежду на сближение позиций двух держав в репарационном и Восточном вопросах, не уточняя, кто будет делать уступки, а Пуанкаре предлагал откровенный дипломатический торг. Керзон в беседе с Сент-Олером отверг такую сделку, назвав ее «итальянской дипломатией»². Очевидно, он рассчитывал добиться французской поддержки на Востоке без каких-либо конкретных обязательств в Европе. В то же время итальянский посол в Лондоне отметил, что Керзон «постоянно питает некоторую подозрительность относительно взглядов французского правительства и всегда боится, что за ними может скрываться сговор с турками»³.

Переговоры между Пуанкаре и Керзоном происходили в Париже 18 и 19 ноября 1922 года. Начались они не с рассмотрения меморандума Керзона, а с обсуждения военной ситуации в Константинополе. Фактически речь шла о необходимости удерживать контроль над Проливами в период работы конференции. Сразу же выяснилось, что сведения, которыми располагали на этот счет Керзон и Пуанкаре, оказались диаметрально противоположны. Согласно донесению французского генерала Шарпи, зачитанного Пуанкаре, дела в Константинополе шли самым лучшим образом и союзные генералы нашли общий язык с турецкой гражданской властью. Керзон ответил, что, по сведениям генерала

¹ Британский посол во Франции в 1919—1920 годах.

² Trachtenberg M. Op. cit. P. 278—279.

³ DDI, Ser. 7, Vol. I. № 125. Della Torretta a Mussolini. 16/11/1922. P. 74.

Гарингтона, все обстояло иначе. Кемалисты под носом у союзников устанавливали полный контроль над городом и постепенно под видом жандармерии переправляли на европейский берег своих солдат. Ситуация казалась Керзону столь опасной, что необходимо было прислать подкрепления в зону Проливов. «Британские силы господствуют во всем районе. Из общего числа союзных войск в 16 000 человек Британия предоставила 11 000. Поэтому на данном этапе не Британия должна посылать подкрепления. Я бы хотел спросить своих коллег, смогут ли они увеличить число своих войск на этой территории?» Керзон также осведомился о возможных действиях своих союзников в случае возникновения опасности со стороны турок. Будут ли их войска сражаться или будут отступать? И если отступить, то в каком направлении? «Если быть кратким, должен ли единый фронт в Лозанне быть дополнен единым фронтом в Константинополе на протяжении всей конференции?» — прямо спросил Керзон.

Пуанкаре ответил, что «Франция не может посылать подкреплений как по материальным, так и по моральным соображениям. Положение Великобритании может быть иным, но французская палата депутатов раз и навсегда решила не посылать ни одного солдата». Если войска Антанты в Константинополе будут атакованы турками, то французы, безусловно, должны будут вместе со своими союзниками ответить силой на силу или отступить опять же вместе с ними. Но это произойдет только в случае турецкой атаки, а не в случае «опасности». Пуанкаре заявил, что он «не готов использовать угрозы или ультиматумы и опасается, что превентивные меры могут быть истолкованы как провокационные, особенно в том состоянии перевозбуждения (*overexcitement* — в английском протоколе), в котором в данный момент находятся турки». Керзону пришлось отступить и довольствоваться тем, что французы по крайней мере не собирались отзывать уже имеющиеся у них силы из Турции. Он лишь настаивал на том, чтобы союзные войска не покидали турецкую территорию до ратификации нового мирного договора с Турцией, против чего Пуанкаре, впрочем, и не возражал. Он лишь добавил, что если в случае чего для защиты Константинополя потребуется использовать пушки, то он «сомневается, будет ли это хорошим прецедентом для Востока». Керзон признал, что в случае массивной атаки турок

союзники вынуждены будут уйти. Пуанкаре предположил, что, «если такая ситуация возникнет, это уже не будет только вопросом о Константинополе. Союзникам придется вступить в новую войну с Турцией, и необходимо будет защищать Сирию и Ирак. Франция отозвала большую часть войск из Сирии, и Британия, насколько я знаю, сделала то же самое в Ираке. Всегда существует возможность выступления России против Польши и Румынии. Если Польша окажет помощь Румынии, Германия нападет на нее, и союзники снова столкнутся со всеобщей европейской войной». Керзон предпочел проигнорировать это предостережение Пуанкаре и решил закончить дискуссию по военным вопросам в примирительном духе: «В любом случае генерал Гарингтон имеет разрешение отступить тем способом и в том направлении, в котором он сочтет нужным».

После этого решено было перейти непосредственно к условиям мира. По вопросу о Западной Фракии Пуанкаре согласился с Керзоном, что она должна отойти к Греции без всякого плебисцита¹. Пуанкаре, правда, предположил, что, возможно, нужно будет передать туркам Карагач — пригород Адрианополя на правом берегу Марицы. Керзон категорически возражал против этого. Также он был против передачи туркам Имброса и Тенедоса, на что Пуанкаре готов был пойти. В вопросе о Проливах разногласий не возникло, и Керзон согласился с предложенной Пуанкаре формулой, выработанной секретарем Кэ д'Орсэ Фромажо: Проливы должны быть открыты и в мирное, и в военное время для военных и коммерческих судов всех стран. Тоннаж военных кораблей подлежал ограничению. В случае, если Турция сама участвует в войне, эти правила сохраняли силу по отношению к нейтральным державам. Берега Проливов должны были быть демилитаризованы под наблюдением специальной комиссии Лиги Наций. По вопросу о капитуляциях, особенно важном для Франции по соображениям престижа, Пуанкаре предложил ловкий маневр — при-

---

¹ Эта территория была уступлена Турцией Болгарии в 1913 году по окончании Балканских войн. В 1915 году в качестве платы за вступление Болгарии в войну Турция передала ей оставшуюся у нее небольшую часть Западной Фракии — Карагач и Димотику. Согласно договору в Нейи Болгария передавала Западную Фракию в распоряжение союзников, которые затем передали ее Греции. На основании того, что в 3. Фракии имелось значительное мусульманское население, кемалисты в Национальном обете требовали проведения там плебисцита.

вlechь нейтральные государства, имевшие с Османской империей капитуляционные договоры (Испания, Голландия, Швеция, Норвегия). Пуанкаре включал в этот список также и Польшу, но Керзон возразил ему, что у Польши не было капитуляционных договоров с Турцией. По вопросу о меньшинствах Пуанкаре лишь констатировал, что вряд ли удастся добиться больших гарантий, чем те, которые существуют в отношении ряда европейских стран (например, Польши, Венгрии, Греции). Вопрос о финансовых условиях мира не затрагивался. После переговоров Керзон и Пуанкаре подписали коммюнике для прессы, где заявили о полном согласии по всем вопросам¹, хотя для обоих было очевидно, что они выдают желаемое за действительное.

В связи с «невозможностью» для Муссолини покинуть территорию Италии Пуанкаре и Керзон в одном поезде отправились в Швейцарию для встречи с ним. Встреча состоялась в Территете, в итальянских Альпах у самой границы. Уговорить Муссолини присоединиться к англо-французскому «фронту» оказалось довольно просто. Из восточных проблем Италию в этот момент более всего интересовало сохранение за собой Додеканезских островов, а также «проблема мандатов» и «равенства держав в Восточном Средиземноморье», то есть подтверждение в какой-либо форме условий Трехстороннего соглашения 1920 года. Оба эти вопроса во время встречи были отложены для дальнейших переговоров. По остальным вопросам Муссолини ничего не добавил к результатам двусторонних переговоров Пуанкаре и Керзона². После свидания в Территете Пуанкаре вернулся в Париж, а Керзон отправился в Лозанну, куда на несколько дней приехал и Муссолини. 21 ноября ему удалось договориться с Керзоном, что вопрос о Додеканезских островах «не может стать предметом обсуждения без участия Италии и вопреки ее пожеланиям». Керзон также согласился, что в вопросе о мандатах Италия формально имеет те же права, что и остальные союзники. Английскую поддержку в этих вопросах Муссолини представил как обязательное условие итальянского участия в «едином фронте». Керзона такие

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 204. Meeting in Paris. 18/11/1922. P. 292—307.

² DDI, Ser. 7, Vol. 1. № 136. Conversazioni di Territet. 19/11/1920. P. 85-86; Ibid. № 138, Mussolini a Vittorio Emanuele III. 20/11/1922. P.87; DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 206. Meeting in Territet. 19/11/1922. P. 308—316.

заверения, в общем, ни к чему не обязывали, но Муссолини считал их своей дипломатической победой¹. Муссолини оставался в Лозанне до 23 ноября и, таким образом, принял участие в первых заседаниях конференции.

Как видим, Керзону удалось накануне конференции создать нечто вроде «единого фронта» союзных держав. Но из самого хода переговоров явствует, насколько он был непрочен. Пуанкаре готов был на совместную дипломатическую игру с Керзоном в Лозанне, поскольку Франция сама была заинтересована во многих статьях будущего договора. Возможно, Пуанкаре все еще надеялся на английскую поддержку в репарационном вопросе, несмотря на отказ Керзона от прямой сделки. Но французский премьер-министр категорически отказывался подкреплять свою решимость французскими штыками. Если бы турки оказались несговорчивы, Франция не сделала бы ничего, чтобы заставить их прислушаться к мнению союзников. «Единый фронт в Лозанне» Керзон сумел обеспечить по крайней мере на первое время, «единый фронт в Константинополе» мог существовать лишь в форме совместной эвакуации из Турции. В этой ситуации Керзону нужно было вести себя по отношению к туркам крайне осторожно, чтобы не допустить возобновления конфликта, в котором Англия осталась бы в одиночестве.

2. Первая сессия (ноябрь 1922 — январь 1923 года)

Лозаннская конференция официально открылась 20 ноября 1922 года. Великобританию представляли Керзон и Румбольд, Францию — Баррер и Бомпар, Италию — Гаррони и Монтанья, Грецию — Венизелос и Какламанос, Турцию — Исмет-паша и Риза Нур-бей. Своих делегатов прислали также Югославия, Румыния и Япония. Болгария и Советская Россия были приглашены только для участия в рассмотрении вопросов о Проливах. В советскую делегацию, которую возглавлял Чичерин, входили также пред-

---

¹ DDI, Ser. 7, Vol. 1. № 141. Mussolini a Vittorio Emanuele III. 21/11/1922. P. 88—89; Ibid. 145. Mussolini a della Torreta. 22/11/1922.

ставители Украины и Грузии. США прислали группу наблюдателей во главе с Чайльдом.

На конференции предполагалось обсудить все проблемы, связанные с Восточным вопросом. Они, однако, имели разное значение для Лондона и Парижа. Если для Керзона важнее всего была судьба Проливов и Мосула, то для французских представителей на первом месте стояли финансовые и экономические стороны дела, а также вопрос о режиме капитуляций. Подробное изучение заседаний конференции не входит в задачу настоящего исследования, поэтому мы ограничимся рассмотрением только тех моментов, которые связаны с англо-французскими отношениями, кратко обрисовав все остальные вопросы.

Проливы, капитуляции, меньшинства

На первых заседаниях конференции предстояло утвердить ее регламент. Керзон предложил разделить работу по трем комиссиям: территориальной и военной, которую возглавил он сам, финансовой во главе с Баррером и юридической (по проблемам капитуляций и меньшинств) во главе с Гаррони. Поскольку главы делегаций должны были присутствовать при обсуждении всех важнейших вопросов, Керзон предложил, чтобы финансовая и юридическая комиссии собрались уже после разрешения всех основных проблем в территориальной комиссии. Эти предложения не встретили возражений. В дальнейшем территориальная комиссия провела 26 заседаний, финансовая — 6, юридическая — только 5. Таким путем Керзон обеспечил себе председательское кресло на большей части заседаний конференции и возможность дирижировать всем ее ходом¹.

После утверждения регламента конференция приступила к территориальным вопросам. Керзон как председатель соответствующего комитета решил начать с вопроса о Фракии, в котором он мог рассчитывать на поддержку всех остальных участников. Исмет-паша в соответствии с Национальным обетом потребовал границы 1913 года и плебисцита в Западной Фракии. Такая перспектива не устраивала ни одно из балканских государств, в том

---

¹ Nicolson H. Op. cit. P. 291—292.

числе и Болгарию. Все однозначно высказались против любой возможности возвращения Турции земель, потерянных ею в результате Балканских войн. Югославский делегат Ничич заявил, что плебисцит «может поставить под угрозу мир на Балканах». Эту позицию поддержали также Франция и Италия. Керзон, таким образом, смог продемонстрировать солидарность союзников и Балканских стран¹. Аналогичная ситуация повторилась и в вопросе об Эгейских островах. Греция, разгромленная на суше, все еще чувствовала себя вполне уверенно на море, где располагала достаточно сильным флотом. Турки, которые требовали не только Имброс и Тенедос, но и Самофракию, встретили единодушный отпор остальных участников конференции.

Лишь наглядно продемонстрировав единство союзников в этих сравнительно второстепенных вопросах, Керзон счел возможным перейти к одной из главных тем повестки дня — проблеме Проливов. Первое заседание по этому вопросу состоялось 4 декабря. Керзон, по своему обыкновению, попросил Иismet-пашу высказать турецкую точку зрения на проблему, и тот попросту прочитал соответствующую статью Национального обета, которая сводилась к тому, что при условии гарантии безопасности Константинополя Турция готова рассматривать любые предложения по режиму Проливов. На просьбу Керзона разъяснить, что под этим имеется в виду, Иismet ответил, что он предпочел бы сначала выслушать мнения представителей других государств. Тогда Керзон предоставил слово Чичерину, который изложил точку зрения советской делегации. Она сводилась к тому, что Проливы должны быть всегда открыты для торговых судов всех стран без различия флага и всегда закрыты для военных кораблей всех стран, кроме Турции, которая должна иметь право укреплять их по своему усмотрению. Такой порядок, по мнению Чичерина, более всего соответствовал бы интересам всех черноморских стран и самой Турции. Однако Дука, представитель другой черноморской страны — Румынии — выступил за интернационализацию Проливов и открытие их для военных кораблей всех стран. Керзон упрекнул Чичерина в узурпации права говорить от имени Турции, делегация которой еще не представила своей разверну-

---

¹ Nicolson H. Op. cit. P. 293—296.

той программы, и в желании превратить Черное море в «русское озеро» под турецкой охраной. Исмет поспешил заявить, что именно русская программа более всего соответствует взглядам Турции. Тогда Керзон спросил его, можно ли считать турецкий взгляд идентичным русскому? Исмет после некоторого колебания ответил отрицательно и пожелал выслушать предложения союзников. Это было большой победой Керзона и поражением Чичерина. Керзону удалось вбить клин между Россией и Турцией¹. 6 декабря он представил союзный план решения проблемы Проливов (открытие их в мирное и военное время для всех торговых и военных судов без различия флага, кроме стран, воюющих с Турцией). Через два дня Исмет представил свой проект, допускавший пропуск небольшого числа военных кораблей для охраны торговых судов.

Французские делегаты долгое время молча выслушивали все споры вокруг данной проблемы. Баррер выступил только 6 декабря: «Я позволю себе здесь утверждать, что Франция, столь глубоко привязанная к принципу свободы, желает, чтобы он был обеспечен для разных наций и чтобы они имели право без угрозы для него защищать свои законные интересы. Она считает, что это право можно согласовать с интересами всех прибрежных стран Черного моря и в особенности с интересами той из них, которая имеет суверенитет над двумя берегами Проливов. Предложения, которые были вам изложены от имени союзников моим выдающимся (*eminent*) коллегой лордом Керзоном, полностью отвечают этим взглядам. Они включают полную свободу торгового мореплавания, которому они гарантируют защиту при помощи права прохода в необходимых количествах военным кораблям с целью обеспечения при случае этой защиты. Можно предвидеть возражения, которые поднимет Турция, владеющая берегами Проливов, по поводу возможных злоупотреблений этим правом прохода. Интересы прибрежных стран охраняются ограничениями, наложенными на использование этого права. В этих условиях оно не может представлять для прибрежных стран ни угрозы, ни покушения на их суверенитет. Оно содержит, напротив, прекрасную гарантию против политики гегемонии, которая угрожает

---

¹ Nicolson H. Op. cit. P. 306—312.

безопасности некоторых прибрежных стран и в особенности Турции»¹. Иными словами, Баррер во всем был согласен с Керзоном и пытался убедить турецких делегатов принять его предложения «по-дружески», тем более что они будут выгодны самим туркам, так как оградят их от угрозы иностранной гегемонии в Черном море (явный намек на Россию). Баррер должен был следовать политике «единого фронта» и вместе с тем пытался не испортить отношения с турками накануне обсуждения экономических и финансовых вопросов.

Вопрос о Проливах был передан на рассмотрение комитета экспертов, в котором советские представители не участвовали. К 18 декабря он представил проект конвенции о Проливах, разработанный на основе англо-французских предложений. Чичерин заявил, что не подпишет эту конвенцию, так как считает, что она направлена против России². Бомпар и Гаррони убедили Керзона несколько изменить представленный проект в пользу турок³. В дальнейшем все споры вокруг Проливов сводились к словесным дуэлям между Керзоном и Чичериным. Иismet-паша довольно охотно шел на уступки (туманная формулировка Национального обета давала ему такую возможность), чтобы иметь возможность твердо настаивать на своем мнении в других вопросах. В итоге Россия осталась единственной страной, которая оказалась недовольной решением этой проблемы. Проект конвенции, разработанный комиссией экспертов, в дальнейшем подвергался лишь незначительным редакционным изменениям.

Вопрос о капитуляциях впервые рассматривался 2 декабря на заседании конференции под председательством Гаррони. Иismet-паша настаивал на полной отмене всех капитуляционных обязательств и заявлял о готовности турецкого правительства уладить вопрос о статусе иностранцев на основе взаимности и следования общепринятым нормам международного права. Керзон и Гаррони соглашались на отмену термина «капитуляции» и замену их строго оговоренной системой гарантий. По существу, они

---

¹ Conference de Lausanne sur les affaires du Proche Orient. Proces verbal. P., 1923. № 10. P. 7.

² Россия и Черноморские проливы, XVIII—XX столетия. М., 1999. С 376—381.

³ Sonyel S.R. Op. cit. P. 198.

предлагали лишь реформу и унификацию капитуляционной системы. Французский делегат Баррер поддержал эти предложения, стараясь доказать выгодность системы капитуляций (хотя бы в форме гарантий) для привлечения иностранного капитала в Турцию¹. Самую непримиримую позицию занял американский наблюдатель Чайльд, потребовавший сохранения всех капитуляций в неприкосновенности. В отличие от проблемы Проливов в этом вопросе турки проявили настойчивость и не шли ни на какие уступки. Решение этого вопроса затянулось до самого окончания конференции.

Не менее принципиальными турки оказались и при обсуждении вопроса о положении национальных меньшинств. Они рассматривали любые попытки установления международного контроля в этой области как покушение на национальный суверенитет. Идея Чайльда, поддержанная Керзоном, о создании в Турции «национального очага» для армян была с порога отвергнута турецкой делегацией². Турки соглашались только на те условия, которые уже были зафиксированы в договорах с рядом стран Центральной и Восточной Европы. Баррер снова попытался угодить всем, заявив 12 декабря, что «Франции всегда удавалось сочетать усилия, прилагавшиеся ею в течение веков в целях улучшения положения всех народов Востока, с дружественным отношением к оттоманскому правительству» и присоединился к предложениям Керзона³. Вопрос о меньшинствах был для союзников скорее вопросом престижа, а не реальной политики. Союзникам пришлось пойти на уступки Исмету и согласиться с тем, что христиане в Турции не будут иметь больших прав, чем, например, венгры в Чехословакии. Особо сложную проблему представляли малоазиатские греки. Исмет настаивал на обязательном обмене населением между Турцией и Грецией по религиозному признаку. На это пришлось в конце концов согласиться и Венизелосу. Никакие гарантии мусульманским меньшинствам (в первую очередь курдам) вообще не обсуждались.

¹ Шамсутдинов А.М. Указ. соч. С. 314—315.

² Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. М., 1927. С. XLIII (предисловие).

³ Саакян Р.Г. Франция и Турция в Лозанне // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Вып. 12. Турция. Ереван, 1985. С. 11—12.

Франция пытается «стричь купоны»

Как видим, во всех перечисленных выше моментах Англия и Франция демонстрировали редкое единство точек зрения. Однако Баррер всегда старался не испортить отношения с турками, преподнося предложения Антанты как максимально выгодные для самой Турции (открытые Проливы — для защиты от иностранной гегемонии на Черном море, фактическое сохранение капитуляций — для привлечения иностранного капитала и пр.). Барреру необходима была и поддержка англичан, и доброжелательное отношение со стороны турок, когда дело дойдет до экономических и финансовых вопросов. Керзона раздражало такое подчеркнуто обходительное отношение к туркам (и лично к Исмету) со стороны Баррера и Гаррони. Гарольд Никольсон цитирует запись в дневнике «члена команды» Керзона на Лозаннской конференции (вероятнее всего — в своем собственном) от 22 декабря: «Сегодня Керзон в странном, почти истерическом расположении духа. Вчера у него был разговор с Исметом, Баррером и Гаррони. Двое последних льстят Исмету, называя его "Превосходительством" в каждой фразе, выкрикивая¹ "ami et cher collegue". У Керзона это вызывает досаду и отвращение»².

Соответствующую комиссию на конференции возглавлял сам Баррер. Ей предстояло рассмотреть несколько групп вопросов об Османском государственном долге, военных издержках, репарациях, транспорте, таможене и торговом режиме. Было создано несколько подкомиссий. Главнейшая из них занималась финансовыми вопросами под председательством второго французского представителя Бомпара.

Вопрос о «купонах» имел для такого государства-рантье, как Франция, первостепенное значение. Главнейшей причиной резко отрицательного отношения Франции к Советской России был отказ последней возвращать дореволюционные долги. После России именно Турция была крупнейшим должником Франции, и поэтому, потеряв свои деньги в одном месте, французские рантье не могли себе позволить того же и в другом. Неудивительно, что и дипломат, которого французское правительство направило

¹ Исмет обладал слабым слухом.

² Nicolson H. Op. cit. P. 319.

представлять свои интересы в Лозанне (Баррер), был тесно связан с банковским капиталом. На него как на компетентного специалиста и в дипломатии, и в финансах французские банкиры возлагали свои надежды. Они рассчитывали, что три года заигрывания и уступок будут наконец вознаграждены примирительным отношением турок к проблеме долгов.

Турецкий государственный долг состоял к моменту конференции из трех частей: довоенного долга, долга военного времени (обязательства по отношению к Германии и Австро-Венгрии, отказавшихся от своих прав в пользу стран Антанты), а также послевоенного долга (издержки на содержание оккупационных войск, а также неоплаченные проценты по довоенным долгам).

Довоенный долг Турции, по вычислениям экспертов, составлял 140 миллионов турецких фунтов (лир). Он состоял из долга по Мухарремскому декрету (то есть долгов на 1881 год, находившихся в ведении Администрации Оттоманского долга, — 47,5 млн. т. ф.), займов вне декрета в Германии и Франции, а также различных более мелких займов. Значительная доля доходов турецкого бюджета служила обеспечением этого долга. Военные долги состояли из займов и военных поставок, предоставленных Турции германским и австро-венгерским правительствами, а также из семи эмиссий бумажных денег, обеспеченных германским и австро-венгерским золотом и германскими казначейскими обязательствами. Согласно статьям 259 Версальского и 210 Сен-Жерменского договоров все права на турецкие долги Германии и Австро-Венгрии переходили к союзным державам. Послевоенный долг Турции составлял, по данным Баррера, 25 млн. турецких фунтов. Порядок консолидации и оплаты этих долгов Турции и предстояло теперь определить.

Довольно быстро было достигнуто соглашение, что внешний долг Османской империи должен быть поделен между новой Турцией и государствами, образованными на территории Османской империи, а также странами, приобретшими ту или иную часть ее территории. Разногласия возникли по поводу того, с какого момента проводить такое разделение — с 1914 года (предложение союзников) или с 1918-го (турецкое предложение). Суть этого спора сводилась к тому, будет ли оплачивать военные долги одна только Турция или также и отделившиеся от нее арабские страны. Было также неясно, с какого момента Турция должна оплачивать окку-

пационные издержки союзников — с Мудросского перемирия или с перемирия в Мудании (на последнем варианте настаивали турки). Турецкая сторона имела свои контрпретензии к союзникам — оплата убытков, понесенных турецкими гражданами в результате союзной оккупации, и выплата Грецией репараций за нанесенный в ходе греко-турецкой войны ущерб (4 млн. т. ф.). Достичь согласия по этим вопросам не удавалось, так как ни Исмет-паша, ни Баррер не собирались сдавать своих позиций. Определенный прогресс был достигнут только в отношении оккупационных издержек (причитавшихся в отличие от прочих долгов в основном Англии). Они были сначала сокращены вдвое, а потом и вовсе списаны (точнее, зачтены в счет вывезенного союзниками из Берлина и Вены турецкого золота, а также крейсера «Гебен», удержанного Англией). По остальным пунктам достичь согласия не удавалось¹.

И снова Мосул

Пока Баррер прилагал все усилия, чтобы заставить турок платить по счетам, Керзон, добившись от них серьезных уступок в вопросе о Проливах, готовился к открытому сражению за другой принципиально важный для Великобритании пункт будущего мирного договора — о принадлежности нефтеносного района Мосула, населенного в основном курдами и отчасти арабами с небольшими вкраплениями христианских элементов (главным образом ассирийцев). Франция еще в 1919 году отказалась от своих «прав» на этот район, так что теперь вопрос о Мосуле становился, по существу, двусторонним вопросом между Турцией, включавшей регион в свои «национальные границы», и Великобританией, желавшей присоединить его к подмандатному Ираку.

В самом начале конференции этот вопрос по просьбе Исмет-паши был отложен и фактически перенесен на уровень двусторонних англо-турецких переговоров и обмена письменными меморандумами, что не принесло, однако, ощутимых результатов². В начале работы конференции турки придавали Мосулу очень большое значение. Керзон в письме Кроу, исполнявшему в его

¹ Севр и Лозанна С. XLIV—XLVI (предисловие).

² Nicolson H. Op. cit. P. 314—315.

отсутствие обязанности министра иностранных дел, рассказывал о своем разговоре со вторым турецким делегатом Ризой Нур-беем, который уверял Керзона, что турки готовы пойти на любые уступки, если англичане уступят им Мосул. Неизвестно, имел ли Риза Нур достаточные полномочия, чтобы делать столь далекоидущие заявления¹. 12 декабря Исмет заявил Керзону, что не вернется в Анкару без Мосула. Керзона, разумеется, такой подход устроить не мог. Во время следующей встречи Керзон предостерег турок от «враждебных движений» на границе с Ираком. Фактически это была угроза. Присутствовавшие здесь же Бомпар и Гаррони поддержали Керзона. Но и в этот раз Керзону ничего не удалось добиться².

После нескольких бесплодных попыток в этом роде Керзон решил вынести вопрос о южной границе Турции на пленарное заседание территориальной комиссии. 21 января Чичерин писал по этому поводу Литвинову, исполнявшему в Москве обязанности наркома иностранных дел: «Вся Лозанна была поражена известием о том, что Керзон предложил Исмет-паше поставить вопрос о южной границе Турции перед конференцией во вторник. Керзон при этом говорит о сирийской границе, как будто при этом ссылаясь на Исмет-пашу. В своем ответе Исмет-паша принимает предложение Керзона, но говорит, что инициатива постановки вопроса о сирийской границе исходит не от него. В кулуарах турки говорят, что Керзон, очевидно, хотел вбить клин между турками и французами упоминанием о сирийской границе. Действительно, в меджлисе многие весьма бурно требовали возвращения Александретты туркам. Теперь Исмет-паша требует уточнения пункта франко-турецкого соглашения об особом административном режиме для Александретты. Под этим соусом будет проводиться какая-нибудь английская интрига, ибо там кончается нефтепровод. Вся английская печать трубит в самых громких тонах о необходимости ускорения конца конференции. Письмо Керзона истолковывается в том смысле, что он хочет резко ускорить решение главнейших вопросов»³. Очевидно, суть всей интриги

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 257. Curzon to Crowe. 6/12/1922. P. 370—371.

² Лазарев М. С. Указ. соч. С. 260.

³ ДВП СССР, Т. 6. № 79. Чичерин — Литвинову. 21/01/1923. С. 161—162.

заклучалась в стремлении Керзона заинтересовать французов в успешном решении Мосульского вопроса, искусственно объединив его с вопросом об Александретте.

В самом английском правительстве не было единства по проблеме Мосула. Перспектива прекращения конференции из-за этой проблемы была очень непопулярна в обществе и прессе. Бонар Лоу, который лично вел с французами переговоры по вопросу о репарациях, настаивая даже на более жестких позициях, чем Ллойд Джордж¹, был готов на любые уступки туркам, в том числе и в вопросе о Мосуле, лишь бы не дать Франции играть на англо-турецких противоречиях. 27 декабря он распорядился, чтобы Форин Оффис выяснил, присоединятся ли французы к Великобритании, если придется применить силу для навязывания туркам союзнических условий мира. В случае несогласия французов Бонар Лоу был готов к отступлению. Кроу, прежде чем отправить соответствующее письмо Пуанкаре, осведомился о мнении Керзона. Тот, очевидно, понимая всю серьезность положения, посоветовал не беспокоить лишний раз Пуанкаре, который уже дал Барреру инструкции вести дела в полном согласии с союзниками². Керзон, видимо, считал, что столь откровенный запрос убедит главу французского правительства в слабости английских позиций и нарушит все его дипломатические комбинации в Лозанне. Глава Форин Оффиса явно опасался утраты контроля над поведением союзников. Баррер уже предлагал послать в Анкару генерала Пелле, который смог бы от имени союзников уладить там все разногласия по финансовым вопросам. Керзон и Гаррони отказались от этого, поскольку такие действия лишь убедили бы турок в слабости Антанты. Бомпар также провел несколько секретных встреч с турецкими делегатами, не принесших, однако, никаких результатов, но сильно обеспокоивших Керзона. 30 декабря он писал Кроу, что французы собираются «частным образом» договориться с турками по финансовым вопросам³.

¹ История дипломатии. Т. 3. М., 1965. С. 349—350.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 295. Crowe to Curzon. 27/12/1922. P. 417; Ibid. № 297. Curzon to Phipps. 28/12/1922. P. 418.

³ Sonyel S.R. Op. cit. P. 201—202; DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 304. Curzon to Crowe. 30/12/1922. P. 425—426.

Мысль о возможном дипломатическом отступлении перед турками с оставлением им Мосула премьер-министр высказывал Керзону и 31 декабря, во время встречи с ним в Париже, куда Бонар Лоу приехал, чтобы попытаться отговорить Пуанкаре от оккупации Рура¹. 2 января 1923 года Керзон вернулся в Лозанну, а 8 января получил от Бонар Лоу послание, где, в частности, говорилось: «Я снова должен повторить, что есть два обстоятельства, которые представляются жизненно важными. Первое состоит в том, что мы не должны вступать в войну из-за Мосула; второе — в том, что если французы не присоединятся к нам, а мы знаем, что так и случится, мы не будем бороться с турками одни за то, что осталось от Севрского договора». Премьер-министру вторила печать. *Daily Express* писала, что «Мосул не стоит костей одного английского солдата. Наши интересы в Мосуле несущественны»².

Подобные настроения, широко распространенные в Англии, с готовностью подхватывались и по другую сторону Ла-Манша. В эти дни в Лозанну прибыл генерал Таунсхенд. По возвращении оттуда он дал интервью французской газете *Le Temps*. Вопреки мнению министра иностранных дел своей страны британский генерал утверждал, что «Мосул находится в Анатолии, а не в Месопотамии. Он находился в момент перемирия в руках Турции, а не Англии. Урегулирование с Турцией является сейчас наиболее неотложной проблемой, которую английское правительство должно разрешить, поскольку от нее зависит всеобщий мир. Относитесь к туркам с доверием, как к джентльменам, и вам не придется об этом жалеть. Нет ни одного турка, который не уважал бы глубоко Англию. Но турки хотят, чтобы и их, в свою очередь, тоже уважали»³. В следующем номере та же газета откровенно признавала, что «два фактора оказывают сегодня влияние на ход ближневосточной мирной конференции и заставляют ее останавливаться в нерешительности — это ход конференции в Париже и решения Национального собрания в Анкаре»⁴. Несколькими днями позже, уже после неудачи Парижской конференции

¹ Nicolson H. Op. cit. P. 324—325.

² Nicolson H. Op. cit. P. 331.

³ *Le Temps*. 2—3 janvier 1923.

⁴ *Le Temps*. 3 janvier 1923.

по репарациям (2—4 января), она призывала к большей самостоятельности французской внешней политики: «Среди интересов, которые Франция имеет на Востоке, некоторые близки интересам Англии. В других вопросах, напротив, у Англии есть интересы, которые не имеют ничего общего с французскими. Там, где наши интересы совпадают, нет никаких препятствий к тому, чтобы их и далее защищать совместно. Но там, где интересы Англии ни в чем не соприкасаются с интересами Франции, нет никакого смысла в том, чтобы Франция вставала на английскую сторону»¹. Еще через несколько дней французская газета писала, что «в любом случае мы можем с гордостью думать, что Франция никогда не обещала участвовать в ссоре, вызванной притязаниями другой державы»² (имелись в виду притязания Англии на Мосул).

Отзвуки англо-французских противоречий докатились и до Константинополя. 7 января Гендерсон, английский поверенный в делах, писал в Форин Оффис, что турки считают «единый фронт» союзников разрушенным, что вселяет в них больший оптимизм относительно перспектив Лозаннской конференции³. После провала конференции по репарациям французы в какой-то момент готовы были пойти на мир с турками любой ценой. Бомпар объяснял Керзону, что Пуанкаре был готов к безусловному отступлению по любому из пунктов, на которых союзники еще в ноябре договорились жестко настаивать, и снова предлагал послать в Анкару генерала Пелле. Керзон резко возражал против любых подобных предложений⁴.

Пленарное заседание территориальной комиссии по вопросу о Мосуле состоялось только 23 января. К этому моменту в результате провала Парижской конференции по репарациям и ввода франко-бельгийских войск в Рур англо-французские отношения снова испортились, и само существование Антанты снова было поставлено под вопрос. Со стороны Керзона было в определенной степени рискованно передавать вопрос о Мосуле на обсуждение всей конференции, так как существовала опасность, что

¹ Le Temps. 7 janvier 1923.

² Le Temps. 7 janvier 1923.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 312. Henderson to Curzon. 7/01/1923. P. 432.

⁴ Sonyel S.R. Op. cit. P. 201—202.

Франция, оставленная один на один с Германией, попытается отплатить Англии той же монетой и вернуться к старой политике попустительства туркам. Но Керзон прекрасно понимал, насколько важна для Франции английская поддержка в вопросе о турецких долгах и о капитуляциях.

Большая часть заседания ушла на чтение турецкой декларации по Мосульскому вопросу и на ответ Керзона на нее. И Исмет, и Керзон сыпали множеством этнических, экономических и стратегических аргументов, призывая на помощь едва ли не все достижения гуманитарных и естественных наук того времени. Однако все их речи лишь отражали и без того уже очевидный факт: «Позиции сторон ясны и полярны, то есть несовместимы в принципе: турки требуют Мосул, англичане не хотят его отдавать»¹. В качестве возможного решения проблемы Керзон предлагал арбитраж Лиги Наций. Исмет не соглашался и предлагал плебисцит. Керзон настаивал на своем и между прочим сказал: «После войны я очень много занимался плебисцитами по границам и твердо решил никогда больше не связываться еще с одним». По мнению Керзона, плебисцит на территории с неграмотным и этнически пестрым населением, значительная часть которого вела кочевой образ жизни, был совершенно невозможен. В заключение Керзон добавил, что если турки пойдут на разрыв из-за Мосула, то он поставит вопрос перед Лигой Наций, которая в случае угрозы войны должна, согласно своему Уставу, «принять меры, способные действительным образом оградить мир Наций» (ст. 11). Никакого соглашения, однако, в этот день достигнуто не было².

Керзон провоцирует разрыв

Керзон понимал, что из-за Мосула, который уже находился в британских руках, турки войну не начнут и так или иначе вынуждены будут уступить. Между тем Мосул оставался единственной неразрешенной проблемой, принципиально важной для Великобритании. В то же время споры вокруг капитуляций и финансовых вопросов не двигались с мертвой точки. Керзон

¹ Лазарев М. С. Указ. соч. С. 263.

² Nicolson H. Op. cit. P. 338—339.

поэтому решил пойти ва-банк, приступив к разработке предварительного мирного договора, который мог быть предложен туркам в порядке ультиматума для подписания или отклонения. Такие действия Керзона мало совпадали с намерениями его союзников. Г. Никольсон хорошо уловил суть ситуации: «Когда дело дошло до нанесения на бумагу пунктов, которые уже были согласованы, и тех, которые еще были предметом споров, оказалось, что специфически британские *desiderata* (или, в общем, те вопросы, которые обсуждались на конференции под председательством Керзона) почти все были согласованы, в то время как финансовые, экономические и капитуляционные вопросы, в которых французы и итальянцы были заинтересованы больше нас, все еще были предметом острых противоречий. Наши союзники, таким образом, столкнулись с пугающим пониманием того, что хотя они приехали в Лозанну, полагая, что Турция рассматривала Великобританию как своего врага, а Францию и Италию как своих друзей, именно этот враг достиг выполнения своих желаний, а эти друзья совершенно не сумели добиться каких-либо уступок от турок. Теперь стало понятно, что вопрос стоял не столько о том, что Франция и Италия могут бросить Великобританию, а о соблазне для Керзона оставить своих союзников. Оставался только Мосул. Если бы британцы пришли к сепаратному соглашению с турками по этому вопросу, французы действительно оказались бы в опасной ситуации. Керзон хорошо знал, что они это понимают»¹. Керзон давно уже готовил «ультимативный» проект мирного договора, однако подозревал, что Бомпар и Гаррони повернут дело так, чтобы наметить туркам на возможность дальнейших уступок. Об этом он еще 22 января писал Кроу². Тактику Бомпара, сменившего заболевшего Баррера³, он описывал следующим образом: «Заседания комиссий и подкомиссий, за которые он отвечает, отменяются или откладываются под разными предлогами. ... Тем временем французы и турки, которые живут в одном отеле, братаются (*fraternize*)»⁴.

¹ Nicolson H. Op. cit. P. 327.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 338. Curzon to Crowe. 22/01/1923. P. 461—462.

³ Керзон считал, что «болезнь» Баррера была вызвана его нежеланием участвовать в уступках, которые он считал позорными.

⁴ DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 343. Curzon to Crowe. 24/01/1923. P. 467.

24 января Керзон прямо заявил Бомпару и Гаррони, что только чувство союзнической солидарности удерживает его от заключения сепаратного мира с турками, и предложил вручить им 31 января подготовленный под его руководством проект мирного договора¹. Договор должен был быть подписан до 4 февраля. В случае отказа конференция должна быть прервана. По этому поводу Керзон писал в Форин Оффис: «Договор, который, таким образом, будет представлен, будет содержать по крайней мере 20 условий, затрагивающих Францию и Италию в равной, если не в большей степени с нами, которые турки, насколько можно судить из их протестов, откажутся принять. Мосульский вопрос появится только в форме условия, по которому установление этой части турецкой границы будет передано Лиге Наций. Таким образом, я думаю сдержать мое обещание премьер-министру, что если мы и споткнемся, то не об этот камень в первую очередь и не одни. Что касается турок, то я считаю немедленное или скорое подписание практически невозможным. Но совершенно точно, что до следующей среды французы и итальянцы будут всячески убеждать их, чтобы предотвратить однозначный отказ». О возможном возобновлении военных действий Керзон думал, что «все указывает на то, что этого не произойдет, поскольку французы сделают все возможное (*will strain every nerve*), чтобы успокоить их (турок — А.Ф.), зная, что франко-британский конфликт на Востоке будет означать исчезновение последних остатков нашего терпения в Руре». Свежая греческая армия к западу от Марицы была еще одной гарантией против турок². Таким образом, поставив французов и итальянцев в ситуацию цейтнота, Керзон хотел использовать их для того, чтобы заставить турок подписать мирный договор на британских условиях. Именно так он представлял себе «единый фронт» союзников. Без его согласия французы не могли изменять текст готового договора в пользу Турции, следовательно, всякая возможность сепаратного франко-турецкого соглашения исключалась.

Бомпару оставалось только согласиться с планом Керзона и доложить об этом в Париж. 30 января, за день до вручения туркам

¹ Nicolson H. Op. cit. P. 341; DDI, Ser. 7, Vol. 1. № 400. Garroni a Mussolini, 24/01/1923. P. 275—276.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 343. Curzon to Crowe. 24/01/1923. P. 469—470.

проекта договора, Пуанкаре заявил информационному агентству *Havas*, что французское правительство рассматривает предложенный проект не как окончательный документ, а как базу для дальнейших переговоров¹. В британском Форин Оффисе еще 29 января были получены сведения от Гендерсона, что Пуанкаре направил Мустафе Кемалю личную телеграмму аналогичного содержания². Такой шаг Пуанкаре представлял собой открытый разрыв с политикой Англии на Востоке. Теперь дипломатический конфликт между союзниками в Европе из-за проблем репараций и Рура дополнялся несогласием и в Азии. И хотя Пуанкаре после телефонного разговора с Бомпаром заявил, что прежнее сообщение было неправомочно, оно уже произвело свой эффект. Весь мир, в том числе и турки, понял, что «единый фронт» союзников на самом деле фикция.

В тот же день (30 января) *Le Temps* разразилась большой периодической статьей, озаглавленной «Против войны на Востоке». В ней, в частности, говорилось: «Франция сошлась в жестокой схватке с Германией. Руководители Германии рассчитывают на всеобщий конфликт, в котором Россия выступит на их стороне. Подобное столь нелепое построение помогает вдохновлять саботаж в Руре и сопротивление в остальном Рейхе. А война на Востоке не сможет оставить Россию безучастной. Немцы это знают, как и все остальные. Увидев, что военные действия на Востоке возобновились, немецкая публика неизбежно подумает, что пожар будет разгораться и что тем или иным образом он вызовет ослабление Франции и вмешательство России. Кого волнует, что такие предположения химеричны? Немецкие реакционеры извлекут из них выгоду для своей пропаганды в соответствии с рецептами, которые им хорошо известны. ... Будут ли говорить, что Англия заинтересована в возобновлении войны на Востоке и что Франция для того, чтобы получить поддержку от англичан на Рейне, должна их вдохновлять сражаться возле Проливов? Мы не знаем, грешат ли эти рассуждения наивностью или макиавеллизмом, но мы уверены, что они противоречат истине»³. Иными словами,

¹ Nicolson H. Op. cit. P. 341—342.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 352. Henderson to Curzon 29/01/1923. P. 479.

³ *Le Temps*, 30 janvier, 1923.

французская газета хотела представить срыв конференции как результат англо-турецких разногласий из-за Мосула, тогда как Франция не могла возобновлять войну на Востоке, чтобы не ослаблять своих позиций в отношении с Германией. Такая война лишь подстегнула бы Германию к дальнейшему сопротивлению и саботажу.

И Исмет, и Кемаль, читавшие французскую прессу, были, разумеется, осведомлены о подобных настроениях в обществе и во французских правящих кругах. Поэтому не приходится удивляться, что, когда 31 января союзные представители вручили Исмету проект мирного договора, он сначала попросил 8 дней на «частные переговоры», а затем отверг его как противоречивший Национальному обету. Статьи этого документа, касавшиеся режима Проливов, границ Турции и национальных меньшинств, представляли собой плод договоренности между союзниками и турками. Те статьи, которые касались финансовых вопросов и капитуляций, представляли собой лишь англо-французские требования, отклоненные турками. Статья о турецко-иракской границе предлагала передать вопрос на рассмотрение Лиги Наций. Нетрудно догадаться, что именно экономические, финансовые и капитуляционные положения договора вызвали наибольшее недовольство турок. Исмет заявил, что их осуществление поставило бы Турцию в положение «экономического рабства»¹. В самый день вручения договора туркам во время перерыва в заседании состоялось англо-франко-итальянское совещание, полное, по выражению Керзона, «яростных раздоров и даже взаимных обвинений». Бомпар и Гаррони вопреки прежней договоренности с Керзоном хотели дать Исмету возможность и дальше обсуждать спорные вопросы, меняя отдельные статьи договора. Керзон категорически отказался. Он не верил, что турки готовы возобновить войну, и писал в Лондон, что «враги, с которыми мне приходится бороться до победы, находятся не в Анкаре, а в Париже и в Риме»².

4 февраля было назначено как окончательный срок для ответа со стороны турок. На протяжении этих четырех дней шли активные консультации между участниками конференции. Союзники

¹ Севр и Лозанна С. XLVII (предисловие).

² NA, Cab. 24/158. Curzon to Foreign Office. 31/01/1923. P. 476—481.

пошли на некоторые новые незначительные уступки. Англичане, например, согласились передать мосульский вопрос в Лигу Наций только в случае неудачи прямых переговоров с турками на протяжении 6 месяцев. 5 февраля Исмет направил союзникам свои контрпредложения. Они состояли в том, чтобы подписать мирный договор, включавший уже согласованные требования, оставив все остальное для дальнейших переговоров. Из союзников от такого варианта могла выиграть только Англия, уже добившаяся своих основных целей. Но Керзон потребовал подписания или отказа от подписания договора в том виде, в каком он был представлен Исмету¹. Глава турецкой делегации отказался подписать мир. Тогда Керзон покинул зал заседаний и дал распоряжение своей делегации готовиться к отъезду. Бомпар в своем письме Пуанкаре так излагал дальнейшие события: «В то время как британская делегация делала последние приготовления к отъезду, я и г. Монтанья отправились к Исмет-паше, чтобы еще раз объяснить ему всю серьезность ситуации, которую создавал его отказ. Он не хотел ничего слушать, наши попытки примирения оказались тщетными»². В последний момент Пуанкаре, очевидно, желая развязать себе руки в отношении Рура, по телефону распорядился о принятии турецкого предложения о выделении из договора экономических условий. Монтанья и Гаррони пытались найти компромиссную формулу решения капитуляционной проблемы³. Но британская делегация уже покинула Лозанну, и работа конференции была прервана без подписания мирного договора. Раздосадованный Пуанкаре сообщил итальянскому послу неизвестно откуда взятые сведения, что Великобритания еще до разрыва переговоров начала готовиться к войне с Турцией и что английские войска, предназначенные для этой цели, уже отбыли из Египта⁴.

О причинах отказа Турции подписать договор Мустафа Кемаль впоследствии говорил: «Этот проект содержал условия, которые по своему смыслу и духу находились в противоречии с принципом нашей независимости. Неприемлемыми были главным об-

¹ Nicolson H. Op. cit. P. 343—344.

² France. Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques. Conférence de Lausanne. P., 1923. T. 2. P. 129.

³ DDI, Ser. 7, Vol. 1. № 466. Garroni a Mussolini. 5/02/1923. P. 330—331.

⁴ DDI, Ser. 7, Vol. 1. № 465. Avezana a Mussolini. 5/02/1923. P. 330.

разом постановления юридического, финансового и экономического характера»¹, то есть те, в которых более всего была заинтересована Франция. Турецкая пресса обвиняла в срыве переговоров Францию, а не Великобританию². Таким образом, намерение Керзона спровоцировать разрыв, свалив всю вину на французов и итальянцев, полностью осуществилось.

Единственным положительным результатом конференции стала подписанная 30 января греко-турецкая конвенция об обязательном обмене населением по религиозному принципу. Еще одно важное соглашение, относившееся к Восточному вопросу, было достигнуто вне рамок конференции. Италия, чувствующая себя обделенной при послевоенном разделе территорий и привилегий между странами Антанты, особое значение придавала сохранению за ней экономических преимуществ, закрепленных в Трехстороннем соглашении 1920 года. Итало-турецкий договор, подписанный в Лондоне в марте 1921 года, был отвергнут ВНСТ вместе с аналогичным договором с Францией. Однако в отличие от французов, итальянцы не смогли выработать новое соглашение с Анкарой, и их позиции на Востоке оставались в подвешенном состоянии. В самом начале Лозаннской конференции известный итальянский финансист Б. Ногара предложил союзникам проект соглашения, которое могло заменить Трехсторонний пакт. По этому документу должен был быть создан международный синдикат из заинтересованных финансовых групп, призванный координировать экономическую деятельность трех союзных держав в Турции³. По сути, речь шла о создании гигантской монополии по эксплуатации турецкой экономики в интересах союзников, которая лишила бы Анкару возможности выбора между конкурирующими предложениями инвестиций. Англичане отказались участвовать в этом предприятии, но в Париже оно вызвало интерес. После интенсивных закулисных переговоров 3 февраля 1923 года было заключено франко-итальянское соглашение о создании такого синдиката, закрепленное в форме обмена нотами между Пуанкаре и итальянским послом в Париже Р. Авеццаной.

¹ Кемаль Мустафа. Указ. соч. Т. 4. С. 128.

² Sonyel S. R. Op. cit. P. 209.

³ DDI, Ser. 7. Vol. 1. № 154. Garroni a Mussolini. 26/11/1922. P. 98—99.

В ведение нового синдиката (холдинга) передавались концессии на железные дороги, портовые сооружения, месторождения угля и нефти на территории Турции¹. Особое письмо Пуанкаре изымало из действия этого соглашения киликийский участок Багдадской железной дороги (статус которого был определен в Анкарском договоре 1921 года) и нефтяные месторождения Мосула (их принадлежность к Ираку для французов и итальянцев, таким образом, была вовсе не очевидна). Практическая значимость этого соглашения, однако, всецело зависела от хода дальнейших переговоров с Турцией.

3. Перерыв и вторая сессия (февраль—июль 1923 года)

«Единый фронт» — новое издание

После неудачи первого этапа конференции никто не думал серьезно о возобновлении войны. Перед отъездом из Лозанны турецкие делегаты заявили Гаррони, что конвенция, подписанная в Мудании, остается в силе². Как только Исмет-паша по дороге в Анкару прибыл в Константинополь, к нему по очереди явились представители всех трех союзных держав, а затем и генерал Гарингтон. Все они выражали надежду на скорое подписание мира, несмотря на недавнюю неудачу, с чем Исмет полностью соглашался³. Турецкое национальное собрание отклонило предложенный союзниками проект мирного договора⁴ и выработало турецкие контрпредложения. Из первоначального проекта договора 47 статей были перестроены, другие 47 изменены, 22 исключены и 77 оставлены без изменений. Турки требовали остров Каstellориццо (один из Додеканезских островов, оккупированных Италией в 1912 году); полной отмены капитуляций (под любым названием) при сохранении за иностранцами лишь права на жалобу в случае осужде-

¹ DDI, Ser. 7. Vol. 1. № 460, 461. Poincaré a Avezzana. 3/02/1922. P. 325—326.

² DDI, Ser. 7. Vol. 1. № 467. Garroni a Mussolini. 5/02/1922. P. 331—332.

³ Севр и Лозанна. С. XLVIII (предисловие).

⁴ Кемаль Мустафа. Указ. соч. Т. 4. С. 130.

ния их турецкими судами; турки хотели оградить собственную промышленность от иностранной конкуренции высокими таможенными и фискальными барьерами, а также лишить иностранцев права распоряжаться некоторыми монополиями в Турции. Османский долг турки соглашались выплачивать в бумажной, а не в золотой валюте. Экономические вопросы по предложению турок должны были быть выделены из мирного договора и составить предмет особых переговоров¹. Все эти предложения были изложены в специальной ноте Исмет-паши странам Антанты².

21 марта в Лондоне собрались главы делегаций союзников для обсуждения турецких предложений. Керзон на общем заседании еще раз подчеркнул важность «единого фронта»: «В Лозанне турки всегда думали, что они смогут добиться лучших условий от французов во вторник, от итальянцев — в среду и от британцев — в четверг, таким образом создавая замкнутый круг интриг». На новых переговорах это не должно было повториться³. Он предложил поручить составление детального ответа на турецкие предложения трем комиссиям экспертов — общей, финансовой и экономической. Бомпар согласился с Керзоном и представил свой план решения экономических вопросов. По его мнению, от турок следовало добиться только формального признания действительности всех довоенных концессий. После этого делегация главных концессионеров должна была отправиться в Турцию для обсуждения экономических условий мирного урегулирования. Итоги этих переговоров должны быть оформлены в виде особой конвенции, которая должна быть подписана одновременно с мирным договором. Такой план несколько исправлял эффект от поспешного согласия французов на вычленение экономических вопросов из договора, поскольку не допускал чрезмерной затяжки экономических переговоров. К тому же следует помнить, что экономические вопросы при всей их важности для Франции касались только сравнительно узкого круга акционеров компаний, владевших концессиями. Первостепенное значение для Парижа имел другой блок вопросов — финансовый, а на него план Бомпара

¹ Севр и Лозанна. С. XLIX (предисловие).

² См.: DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 431. Rumbold to Curzon. 10/03/1922. P. 582—587.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 451. Meeting in London. 21/03/1922. P.607.

не распространялся. Вопросы Оттоманского долга предстояло решать главам официальных делегаций. Керзон и Кроу одобрили план Бомпара¹.

К сожалению, мы не имеем возможности изучить детали заседаний экспертных комиссий. Керзон специально настоял, чтобы они не вели никаких протоколов во избежание утечки информации. По мнению одного из британских наблюдателей, «наиболее туркофобской» была французская делегация: «Французы поняли, насколько ошибочно было оставлять своих союзников, чтобы следовать за призрачными миражами г. Франклен-Буйона»². Анализ окончательных отчетов комиссий подтверждает эти сведения. В принципиально важных для Франции вопросах они рекомендуют союзным делегациям настаивать на самых жестких позициях. В частности, абсолютно неприемлемым объявлялось турецкое предложение об оплате долга в бумажной валюте³.

Лондонское совещание закончилось 27 марта. Возобновление мирных переговоров в Лозанне было назначено на 23 апреля 1923 года. В последний день совещания возник примечательный спор между Керзоном и Бомпаром, который хорошо иллюстрирует подход Франции к финансовым проблемам. Еще во время первой сессии конференции союзники согласились не брать с Турции репараций. Турция, в свою очередь, отказалась от требования к Великобритании возместить ей сумму в 5 миллионов турецких лир, которые перед войной османское правительство уплатило за постройку в Англии двух военных кораблей для турецкого флота (с началом войны недостроенные корабли были конфискованы англичанами). Великобритания согласилась перечислить требуемую сумму в фонд турецких репараций, из которого должны будут выплачиваться компенсации частным лицам, понесшим убытки из-за участия Турции в войне. Но такой план вызвал резкое противодействие британского канцлера казначейства С. Болдуина, считавшего, что вся схема является уступкой не туркам, а французам, которые «этого не заслуживают». Ведь

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 18. 451. Meeting in London. 21/03/1922. P. 611—612.

² Cumming H.H. Op. cit. P. 209.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 457. Report of the Financial Committee. 26/03/1922. P. 644.

большинство «пострадавших» лиц были французами. Поскольку получение репараций с самой Турции было нереально, Болдуин считал, что «господин Бомпар не должен пытаться получить из карманов британского налогоплательщика то, что он не может получить от Турции»¹. Керзон внял этим аргументам и отказался от оплаты турецких репараций. 27 марта Бомпар не мог скрыть своего возмущения таким шагом. Он потребовал возродить требование получения репараций непосредственно с Турции, а когда Керзон указал на невозможность отзыва уже сделанной уступки, Бомпар предложил, чтобы требуемая сумма была взыскана как уплата долга Турции по отношению к Германии, который союзники раньше также решили аннулировать. Керзон усомнился в возможности такого маневра².

Во время перерыва в работе Лозаннской конференции Турция предприняла еще один принципиально важный шаг для того, чтобы сделать союзников (главным образом французов) более сговорчивыми. Турки установили контакт с главным конкурентом европейских держав. К началу апреля были закончены переговоры между правительством ВНСТ и американо-канадской группой Честера—Кеннеди на предоставление концессии на строительство сети железных дорог, портов, телеграфных линий в Восточной Анатолии и Северном Ираке. 9 апреля ВНСТ одобрило договор о концессии³. Это соглашение прямо било по интересам Великобритании, так как в нем речь шла о Мосульском вилайете. Французы тоже протестовали против него, так как оно нарушало франко-турецкие договоренности 1914 года, когда Турция в обмен на очередной заем обещала предоставить соответствующие концессии французской группе. Со стороны турок это был чисто дипломатический маневр. Уже в 1924 году концессия была аннулирована.

Англичане, разделявшие французское недовольство «концессией Честера», сами последовали американскому примеру. Английские акционеры железной дороги Смирна—Айдын начали с турками переговоры о ее дальнейшей судьбе, не согласовывая свои действия с французскими концессионерами, что противоречило

¹ DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 451. P. 604.

² DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 458. Meeting in London. 27/03/1923. P. 660—661.

³ Лазарев М. С. Указ. соч. С. 270.

плану Бомпара. Одновременно англичане вели переговоры со швейцарским банком, который был держателем акций Анатолийской железной дороги, принадлежавших ранее Германии. В результате английскому капиталу досталась большая часть этих акций¹.

Последние дипломатические баталии

23 апреля Лозаннская конференция возобновила работу. Состав участников несколько изменился. Турецкая делегация осталась прежней, но британскую делегацию возглавлял уже не Керзон, а Румбольд, верховный комиссар Великобритании в Константинополе, а французскую — его коллега Пелле. Италию представлял Монтанья. За плечами у них уже был большой опыт совместной работы в османской столице (не всегда, правда, гладкой), что позволяло надеяться на успешное сотрудничество между ними и в Лозанне. Американским наблюдателем был Грю. Советские представители на конференцию допущены не были под предлогом того, что вопрос о Проливах был уже решен. 10 мая 1923 года глава советской делегации В.В. Воровский был убит белоэмигрантом в лозаннской гостинице.

Турецкая делегация с самого начала пыталась привлечь на свою сторону американских наблюдателей, чтобы таким образом ослабить давление со стороны англо-французского «единого фронта». Уже 22 апреля Грю писал в Вашингтон: «Исмет демонстрирует сильное желание начать переговоры с целью заключить договор с Соединенными Штатами. Он считает, что быстрая договоренность с союзниками будет ускорена предварительным соглашением с нами²».

Основными вопросами, которые предстояло обсудить на конференции, были капитуляции, долги и экономические проблемы. Разногласия по мосульскому вопросу утратили принципиальный характер и свелись к спору о том, какой срок должен быть отпущен для прямых англо-турецких переговоров перед передачей вопроса на арбитраж Лиги Наций (6 месяцев или год).

¹ Everley, Chirol V. The Turkish Empire. L., 1924. P. 451.

² Цит. по: Trask R. The United States Response to Turkish Nationalism and Reform, 1914—1939. Minneapolis, 1971. P. 33.

В конце концов согласились на 9 месяцев. Вопрос о плебисците в спорном районе вообще не поднимался.

Работа конференции продвигалась медленно. 26 мая Турция отказалась от требования репараций с Греции в обмен на уступку Карагача — предместья Адрианополя на правом берегу реки Марицы, с потерей которого Анкара ранее уже примирилась. Прилегающая область Димотика при этом осталась за Грецией. Интересны аргументы, которые Исмет-паша выдвигал противникам такого решения в Анкаре: «Как мы можем настаивать на платеже репараций, если у нас не имеется принудительных мер, чтобы реально получить деньги? Другие страны уже делали в этом отношении попытки, и здесь имеется кое-какой опыт». Исмет не хотел, чтобы Турция оказалась в том же положении по отношению к Греции, что и Франция по отношению к Германии¹. Решение вопроса о Карагаче и репарациях позволило Греции и Турции к середине июня выработать прелиминарные условия мира между собой. Это, в частности, означало, что Греция могла приступить к демобилизации своей армии, сконцентрированной вдоль реки Марицы. Существование этой армии с самого начала конференции считалось одним из главных аргументов стран Антанты в споре с Турцией. Теперь они должны были продолжать переговоры, практически не имея реальных рычагов давления на турецкую сторону. Оправдывая свои сепаратные действия, Венизелос в специальной ноте заявлял, что Греция не может больше ждать заключения общего мира, оставаясь вооруженной, и нуждается в демобилизации. Итальянский делегат Монтанья в связи с этим писал в Рим: «У меня возникает сомнение, что греческий шаг скрывает английский маневр, чтобы заставить Францию быть более сговорчивой в вопросах, которые все еще дебатировались и которые являются ее преимущественным интересом»². Итальянская дипломатия могла праздновать победу, когда в начале июня Турция после долгих споров отказалась в пользу Италии от острова Каstellориццо. По словам Монтаньи, теперь все интересующие Италию вопросы, рассматривавшиеся конференцией, «были разрешены положительно наилучшим возможным образом»³.

¹ Кемаль Мустафа. Указ. соч. Т. 4. С. 153.

² DDI, Ser. 7, Vol. 2. № 78. Montagna a Mussolini. 14/06/1923.

³ DDI, Ser. 7, Vol. 2. № 69. Montagna a Mussolini. 5/06/1923.

Наибольшие разногласия в ходе конференции возникли между Турцией и Францией. Бывшее французское туркофильство словно испарилось. Британская позиция в этой ситуации была хорошо описана Г.В. Чичериным, пристально следившим за ходом конференции: «Тактика Англии была сложна в своем исполнении и проста в своем существе. Англия постаралась прежде всего выторговать у Турции, что нужно было ей. После этого она предоставила Франции барахтаться в дальнейших переговорах, то искусно обостряя положение, то разыгрывая между Францией и Турцией роль миротворца»¹. Дипломатические баталии в Лозанне сопровождались ростом напряженности на турецко-сирийской границе, где отмечалась концентрация турецких войск. Французы послали в Сирию подкрепления под командованием генерала Вейгана, заподозрив Кемалья в намерении силой вернуть Турции Александреттский санджак. Но Кемаль заверил французов, что перемещения турецких войск вдоль границы были связаны с обычными маневрами и не имели враждебных намерений. Инцидент был исчерпан².

4 июня Турция наконец добилась своей цели в вопросе о капитуляциях — союзники согласились считать их полностью отмененными. Французские и итальянские представители попытались вновь поднять вопрос о турецких репарациях. Румбольд старался уговорить их отказаться от этих требований, ссылаясь на то, что именно этот безнадежный спор тормозит ход конференции³. В конце концов Румбольду это удалось. После этого ход переговоров надолго застопорился. Главной причиной был спор между Исметом и Пелле относительно формы выплаты процентов по долгам. Французы хотели получать проценты в золоте, согласно изначальным контрактам о займах, а турки соглашались платить только бумажными франками, как поступала сама Франция со своими долгами. Это означало разницу примерно в 120 миллионов франков⁴. Пуанкаре даже давал указания Пелле предъявить

¹ Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 246.

² Everley, Chirol V. Op. cit. P. 451.

³ DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 543. Rumbold to Curzon. 24/05/1923. P. 781; Ibid. № 545. Rumbold to Curzon. 24/05/1923. P. 783.

⁴ Шамсутдинов А.М. Указ. соч. С. 317.

туркам окончательную схему платежей в ультимативной форме, но Румбольд убедил французов оставить эту идею¹. После долгих прений вопрос так и не был решен. Его согласились передать для непосредственных переговоров между Турцией и держателями облигаций турецкого долга. Турки также отказались подтвердить Мухарремский декрет, на основании которого действовала Администрация Османского долга. Однако существование Администрации косвенным образом признавалось в статье 56 будущего договора, где говорилось об исключении из нее немецких, австрийских и венгерских представителей².

Во времени этих переговоров англо-французские противоречия в Европе зашли столь далеко, что, как тогда говорили, «entente cordiale» превратилось в «rupture cordiale». Отстаивая экономические интересы Франции, Пелле фактически приходилось иметь дело с Исет-пашой один на один. Румбольд, в соответствии с получаемыми им из Лондона инструкциями, убеждал Пелле идти на все новые и новые уступки туркам в финансовых и экономических вопросах³. Франция оказалась в очень сложном положении. Многократно провозгласив, что она не желает возобновления войны, она вынуждена была искать мира любой ценой и идти на постоянные уступки. Продолжать конференцию бесконечно она тоже не могла ввиду напряженной ситуации в Европе. Сколь важно было в тот момент дипломатическое сотрудничество между союзниками, показывает тот факт, что в тех случаях, когда экономические требования союзников совпадали, Исет вынужден был уступать. Так произошло, например, с торговой конвенцией. Под давлением Великобритании Исет согласился на сохранение в течение 5 лет таможенного тарифа 1916 года⁴.

Тем временем, согласно плану Бомпара, в Турцию отправилась совместная делегация французских и бельгийских концессионеров (их английские коллеги, как уже говорилось, предпочли сепаратный торг с турками). Еще в конце апреля генерал Пелле собрал

¹ Sonyel S.R. Op. cit. P. 220—222.

² Thobie J. Une dynamique de transition: Les relations économiques franco-turques dans les années 20. // La Turquie et la France à l'époque d'Ataturk. P., 1981. P. 129.

³ См., напр.: DBFP, Ser. 1, Vol. 18. № 617. Rumbold to Curzon. 16/06/1923. P. 871—874.

⁴ Thobie J. Une dynamique de transition... P. 112.

их на совещание в Константинополе перед собственным отъездом в Лозанну. На этом совещании была выработана единая позиция для переговоров с турецкими властями. Она включала полное со-хранение в силе всех довоенных контрактов, их продление на срок, равный длительности военных действий, возмещение концессионе-рам всех военных убытков. Посланцам франко-бельгийского капи-тала хватило цинизма добавить, что эти условия должны испол-няться, исходя из «принципа справедливости» и с учетом «глубоких изменений», которые произошли в Турции с 1914 года. О том, на-сколько оторванными от времени были представители деловых кругов Франции и Бельгии, говорит тот факт, что они отказались вести переговоры в Анкаре, предпочитая Константинополь. Только настоятельные рекомендации Пуанкаре и Пелле заста-вили их сесть в поезд, уходивший в Анатолию. Как и следовало ожидать, «Константинопольская программа» встретила полное неприятие Анкары. И поскольку концессионеры не имели на ру-ках существенных козырей, они вынуждены были идти на уступ-ки. Переговоры завершились к 1 июля, когда был согласован «Протокол о некоторых концессиях», который предполагалось подписать вместе с договором о мире. Его текст давал известное удовлетворение концессионерам, но в то же время открывал для Турции путь к скорой ликвидации всех следов экономического неравноправия страны¹.

К моменту последнего пленарного заседания конференции многие экономические вопросы оставались нерешенными — фор-ма выплаты процентов по долгам, статус и привилегии Турецкой нефтяной компании и Оттоманского банка, принадлежавших иностранному капиталу. Было принято решение подписать до-говор, а все спорные вопросы отложить для дальнейших пере-говоров между заинтересованными сторонами². Подписание дого-вора состоялось 24 июля 1923 года. 24 августа Великое наци-ональное собрание Турции ратифицировало договор, который, таким образом, вступал в силу. 6 октября турецкие войска вошли в Константинополь, оставленный перед этим силами Антанты, а 29 октября Турция была провозглашена республикой.

¹ Ibid. P. 148—150.

² Севр и Лозанна С. LIII (предисловие).

4. Характеристика Лозаннского договора

Согласно Лозаннскому договору, сухопутные границы Турции с Грецией и Болгарией устанавливались там, где они проходят и поныне. Граница с Сирией устанавливалась в соответствии с Анкарским договором 1921 года. Граница с Ираком должна была быть определена на двусторонних англо-турецких переговорах в течение 9 месяцев. В случае их неудачи вопрос передавался на рассмотрение Лиги Наций¹. Турция полностью отказывалась от всех прав в отношении территорий, лежащих вне этих границ. Отменялся всякий иностранный контроль над финансами и экономикой Турции. Концессионные договоры, заключенные до войны, восстанавливались, но Турция сохраняла за собой право на их пересмотр. Окончательное соглашение о форме выплаты турецкой части Османского долга должно было быть достигнуто на переговорах между Турцией и держателями облигаций. Деловая активность иностранцев на территории Турции подчинялась тем же правилам и законам, которые действовали в отношении турецких граждан. Иностранные общества по своему юридическому положению приравнивались к турецким.

Согласно подписанной в тот же день Конвенции о Проливах, они открывались для прохода как торговых, так и военных судов всех держав как в мирное, так и в военное время (разумеется, кроме врагов Турции во время войны). Берега Проливов демилитаризовывались. В Константинополе можно было держать лишь гарнизон в 12 тыс. солдат. Для контроля над соблюдением режима Проливов создавалась специальная международная комиссия².

Большое значение имел также Протокол о концессиях, предоставленных османским правительством до войны. Согласно этому документу все эти концессии, кроме некоторых специально оговоренных, восстанавливались, но должны были быть «приведены в соответствие с новыми экономическими условиями», то есть пересмотрены на основе равноправия концессионера и турецкого правительства. С этой целью создавались согласительные комиссии из представителей турецкого государства и фирмы-концессионера. В случае их несогласия вопрос решался путем нейтрального арбитра.

¹ Турецко-иракская граница была окончательно определена только в 1926 г.

² Севр и Лозанна С. LIII (предисловие).

ража. В протоколе предусматривалось продление только тех концессий, которые уже начали реальную деятельность. Остальным концессионерам просто выплачивалась компенсация за проведение исследовательских работ¹. Это положение вело к аннулированию многих контрактов. В частности, ликвидировалась французская концессия на строительство железных дорог на севере Анатолии.

В Лозанне были также подписаны Конвенция о поселении и судебной ответственности и Торговая конвенция. Согласно этим документам все капитуляции, как юридические, так и экономические (в области фискальных и таможенных сборов), полностью отменялись². Были подписаны также Конвенция о режиме границ во Фракии и ряд менее важных документов. К числу итоговых документов конференции принадлежали и греко-турецкие конвенции по обмену военнопленными и населением, заключенные еще в январе. Там же, в Лозанне, 6 августа был подписан турецко-американский договор «О дружбе и торговле», впоследствии, правда, не ратифицированный Соединенными Штатами.

Для Турции Лозаннские соглашения были безусловной дипломатической победой. Новому турецкому государству удалось юридически закрепить результаты четырехлетней победоносной вооруженной борьбы. В этих документах были воплощены почти все принципы Национального обета. Турция пошла на уступки лишь в тех вопросах, в которых она была заранее к ним готова. К их числу следует отнести мосульский вопрос и проблему Пролливов, то есть вопросы, имевшие первостепенное значение для Великобритании. Совсем по-иному были решены в итоговых документах вопросы, имевшие первостепенное значение для Франции. В споре о капитуляциях Турция добилась полного признания своих требований, а решение проблемы долгов было отложено на неопределенное будущее. Таким образом, французские расчеты на благодарность турок за поддержку в период вооруженной борьбы в 1921—1922 годах не оправдались.

Лозаннская конференция стала завершающим этапом тех событий, которые были порождены желанием стран Антанты навязать свой диктат побежденной Османской империи и борьбой турецкого народа против этого диктата. Как и на предыдущих

¹ Там же. С. 237—241.

² Там же. С. 203—220.

этапах Восточного кризиса, в Лозанне отчетливо проявились противоречия между самими странами Антанты. Хотя Керзону и удалось перед открытием конференции воскресить «единый фронт» союзников, он на поверку оказался весьма непрочным. Покуда на конференции обсуждались вопросы, не затрагивавшие серьезно интересов Франции, последняя во всем следовала за своим союзником, стараясь, правда, хотя бы на словах демонстрировать свое по-прежнему дружественное отношение к туркам. Но когда англичане, разрешив наиболее важные для себя вопросы, решили выставить туркам ультимативные требования в тот момент, когда многие важные для Франции вопросы еще висели в воздухе, Пуанкаре публично отмежевался от английской политики. Во время второй сессии конференции «единый фронт» существовал уже в новой форме: Франция полностью зависела от британской поддержки, без которой она не могла добиться ничего.

Метаморфозы англо-французских отношений в период конференции имеют и другое объяснение. Пожалуй, никогда ранее Восточный вопрос не был так тесно связан с событиями в Европе, как в это время. Пока Франция надеялась на английскую поддержку для нажима на Германию, она предпочитала не противоречить Лондону в Восточном вопросе. В ноябре Пуанкаре даже предлагал Керзону откровенную сделку по этим вопросам. Англия отвергла эти предложения, но она опасалась, что, не получив поддержки в Европе, Франция снова использует турок, чтобы расстроить британские планы. Именно поэтому Бонар Лоу торопил Керзона с заключением мира. Но когда Пуанкаре принял решение послать войска в Рур, не дожидаясь английского согласия, он не счел нужным рисковать новым обострением на Востоке ради межсоюзнической солидарности. Во время второй сессии конференции, когда стало ясно, что и рурская авантюра не привела к желаемым результатам, Франции требовалось развязать себе руки на Востоке, чтобы иметь возможность вплотную заняться германскими делами. Поэтому ради заключения скорейшего мира ей приходилось идти на постоянные уступки туркам в столь важных для нее экономических и финансовых вопросах. В итоге если после подписания договора турки могли праздновать победу, а англичане могли гордиться, что им, по выражению Никольсона, удалось хотя бы частично «восстановить свой престиж на Востоке», то французам оставалось только признать свое поражение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение политики Великобритании и Франции на Ближнем Востоке в начале межвоенного периода и их взаимоотношений вокруг ближневосточных проблем позволяет сделать некоторые выводы как о характере и динамике англо-французских отношений в данный период, так и о ряде общих характеристик данного этапа в развитии международных отношений: роли Восточного вопроса в процессе создания Версальско-Вашингтонской модели и его месте во внешней политике двух великих держав. Изученный материал также дает возможность охарактеризовать взгляды правящих кругов Великобритании и Франции на государственные интересы своих стран, механизмы принятия внешнеполитических решений и методы осуществления внешней политики.

Рассматривая взаимосвязь англо-французских отношений с послевоенной судьбой Османской империи и отдельных ее частей, весь изучаемый период можно разделить на два больших этапа. В качестве первого следует выделить отрезок времени с октября 1918 года по август 1920 — то есть от Мудросского перемирия до подписания Севрского договора. Второй этап начинается со второй половины 1920 года и завершается подписанием Лозаннских соглашений 24 июля 1923 года.

Главными признаками первого этапа можно назвать следующие факторы:

1. В англо-французских отношениях объективно преобладало стремление к сотрудничеству и нахождению компромиссов, что диктовалось необходимостью скорейшей выработки мирного договора с Германией, поддержания «единого фронта» в борьбе против разного рода революционных движений (в первую очередь русского «большевизма») и общей заинтересованностью в стабилизации обстановки в Центральной Европе после распада Австро-Венгрии. Это не исключало возможности резких дипломатических столкновений, подобных тем, что были вызваны рейнской проблемой и ситуацией вокруг Сирии. Но и в этих случаях ссоры политиков и дипломатов не выходили за пределы рабочих кабинетов и достаточно быстро улаживались. На Востоке в тот период главные споры вызывал раздел арабских земель бывшей Османской империи с их нефтяными и прочими богатствами. Камнем

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

преткновения до сентября 1919 года было упорное желание англичан обеспечить удобный транзит мосульской нефти к Средиземному морю по «чисто британской» территории и для этого соответствующим образом пересмотреть границы. Однако, несмотря на все трения и разногласия, здесь было возможно достаточно безболезненное размежевание интересов двух стран, которые взаимно признавались обеими державами.

2. При принятии всех важных решений в Восточном вопросе инициатива принадлежала Великобритании, которая стремилась к укреплению своих позиций на Востоке в противовес Франции. Благодаря военному господству на Востоке и зависимости Франции от английской поддержки в Германском вопросе англичане добивались пересмотра в свою пользу соглашения Сайкса—Пико, прежде всего в вопросе о Мосуле и Палестине. Формально признавая «права» Франции на Сирию и Киликию, Великобритания задерживала их передачу под французский контроль, а сделав это, пыталась сыграть на трудностях, с которыми французы столкнулись в этих землях. Англия разжигала конфликт между Францией и эмиром Фейсалом в Сирии и публично упрекала Францию в неспособности управлять Киликией, ситуация в которой послужила поводом для оккупации Константинополя. Если в зоне Проливов с Константинополем Великобритания опиралась на собственные силы, то в Анатолии она использовала Грецию, поощряя ее к захвату Смирны, а затем и Италию, фактически признав ее самовольные захваты в Малой Азии. В 1919 году Англия фактически использовала в своих интересах позицию США, ставя с их помощью под сомнение «права» Франции на Сирию и Киликию, а также правительство эмира Фейсала в Дамаске. Доминирующему влиянию Англии в Восточном вопросе способствовало и то, что в 1919 году принципиальная разница в интересах Англии и Франции еще не проявилась достаточно отчетливо. Клемансо старался обеспечить лишь выполнение минимальных французских требований — получения Сирии и Киликии. Интересы французских рантье не оказывали сильного влияния на его политику, и он достаточно легко соглашался со многими действиями Ллойд Джорджа, даже если они в долгосрочном плане оказывались невыгодными для Франции. При подготовке Севрского договора Мильеран и Бертело пытались использовать сильные позиции французского финансового капитала для установления полного

контроля союзников (а фактически Франции) над турецким государством, но под давлением Англии, которая привлекла на свою сторону Италию, вынуждены были отступить.

3. В этот период как Англия, так и Франция стремились решить судьбу стран Ближнего Востока, практически не считаясь с мнением большинства их населения, а лишь иногда прикрываясь им для оправдания своих планов и действий. Продолжительное заигрывание англичан с Фейсалом не помешало им вскоре «сдать» Сирию французам вопреки очевидному противодействию большинства жителей. Англия и Франция не придавали должного значения первым очагам турецкого сопротивления в районе Смирны и возникновению организованного центра турецкого национального движения в Центральной Анатолии, затягивали начало выработки мирного договора с Турцией, а затем составили такой кабальный текст, словно вовсе не существовало турок как народа, имеющего определенные политические права и возможность их защищать. Когда же игнорировать кемалистский фактор становилось все труднее, державы попытались подавить его военной силой (с помощью антикемалистских восстаний, греческой армии, а также открытых военных действий между Францией и кемалистами в Киликии). Франция, правда, пыталась купить расположение кемалистов ценой минимальных уступок, но первые попытки Парижа установить контакт с ними еще не оказывали серьезного воздействия на общий ход решения Восточного вопроса.

4. На первом этапе решения Восточного вопроса его связь с другими международными проблемами была не столь явной, как в последующие годы. Конечно, Англия использовала первоочередную заинтересованность Франции в Германском вопросе, чтобы добиться уступок на Востоке. Особенно заметным это было, когда Ллойд Джордж использовал увлеченность Клемансо рейнской проблемой и скандальное поведение итальянцев, вызванное спором о Фиуме, для протаскивания решения о греческом десанте в Смирне и попытки дальнейшего пересмотра соглашения Сайкса—Пико. Однако уже то обстоятельство, что мирные договоры с Германией и Османской империей готовились в разное время, препятствовало прямому дипломатическому торгу. Вместе с тем мирный договор с Германией оставлял некоторые важнейшие для Франции вопросы открытыми (репарации и разоружение Германии), что открывало возможность для такого торга в бу-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

душем. Гораздо очевиднее была связь Восточного и Русского вопросов ввиду расположения Турции «в подбрюшье» Советской России. Но эта ситуация тогда не вызывала серьезных разногласий между странами Антанты.

Все эти факторы претерпели существенные изменения на втором этапе решения турецкой проблемы. Эти изменения были связаны с крахом Севрского договора и происходили следующим образом:

1. Проблемы арабских стран Ближнего Востока практически утратили международный характер после окончательного распределения мандатов в 1920 году. Оставшиеся вопросы вытекали из факта соседства британских и французских подмандатных владений. Суть Восточного вопроса теперь в основном сводилась к выработке отношения великих держав к турецкому национализму. Военные успехи кемалистов в Киликии, на Кавказе и их первая победа над греками при Иненю заставили Англию и Францию признать ошибочность его недооценки на предыдущем этапе. Таким образом, теперь решение проблем Ближнего Востока было невозможно без учета интересов самой Турции, которая из объекта дележа превращается в самостоятельный субъект международных отношений.

2. Как показывал опыт, по отношению к кемалистам великие державы могли использовать либо «кнут», либо «пряник». Выбор того или иного «орудия» зависел от многих факторов: степени опасности кемалистского движения для каждой из держав; их оценки ситуации на Востоке; выгод, которые могла получить та или иная держава от победы или поражения Кемалья; и, наконец, хода решения других проблем, в интересах которого можно было использовать ситуацию в Турции. Поскольку все эти факторы для Англии и Франции были неодинаковы, то и отношение их к кемалистской революции было различным. Главной целью Англии сначала было уничтожение кемалистского движения, а затем его принуждение к частичному признанию Севрского договора с незначительными изменениями за счет Греции. Сражение на Сакарье сильно осложнило выполнение этой задачи, а окончательный разгром греков выглядел как поражение всей британской политики на Востоке. Но на Лозаннской конференции Керзон смог добиться определенных успехов, поскольку Англия должна

была отстаивать только свои непосредственные интересы, а не интересы своей средиземноморской союзницы.

В то же время в политике Франции во все большей мере проявляется стремление к самостоятельности. На Востоке оно проявилось в ясно выраженной и последовательной линии на ревизию, если не полную отмену Севрского договора и в стремлении к сепаратному соглашению с кемалистами. Первые явные признаки новой ориентации французской политики проявились в ноябре 1920 года, когда Лейг попытался использовать возвращение к власти в Афинах короля Константина как предлог для ревизии Севра. Более ясно эта тенденция проявилась при Бриане, который во время Лондонской конференции в апреле—мае 1921 года заключил с представителем Анкары сепаратный мирный договор, передававший Турции Киликию (таким образом, пересматривалась северская граница) в обмен на некоторые привилегии для Франции в этом районе. Отказ Анкары ратифицировать этот договор не изменил политики Франции, которая не остановилась перед дальнейшими уступками ради заключения в октябре 1921 года нового, приемлемого для кемалистов договора в Анкаре, что вызвало бурное негодование англичан. После этого Франция стала негласно снабжать кемалистов оружием и всячески способствовать их успехам. При Пуанкаре протурецкая направленность французской политики только усилилась. Кульминацией англо-французских разногласий в турецком вопросе стало поведение Франции во время Чанакского кризиса и переговоров в Мудании, когда французы сначала вывели свои войска из Чанака, оставив англичан один на один с кемалистами, а потом проявили неприемлемую для англичан уступчивость в территориальных вопросах, надеясь заранее расположить к себе турок перед тем, как на мирной конференции речь пойдет о финансах и концессиях. «Единый фронт» Англии и Франции, созданный накануне Лозанны, был весьма непрочен. Своим появлением он был обязан необходимости английской поддержки в важных для Франции финансовых и экономических вопросах, а также в германской проблеме. Но реально Лозаннская конференция оказалась для Франции своеобразным «дипломатическим Чанакom». Франция должна была один на один почти безуспешно добиваться от турок выполнения своих требований, а Англия, добившись желаемых результатов в вопросе о Проливах и выведя мосуль-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ский вопрос за рамки конференции, не оказала французам почти никакой дипломатической поддержки в единоборстве с турками. Таким образом, стремление Франции к внешнеполитической самостоятельности не принесло ей ощутимых выгод.

3. Именно в это время ярко проявилась черта, свойственная международным отношениям межвоенного периода. Отношения между великими державами в заморских странах (будь то на Тихом океане, в Китае, Африке или на Ближнем Востоке) теперь были непосредственно связаны с проблемами Европы. В Европе же главной международной проблемой, определявшей отношения между Англией и Францией, была германская. Нерешенность таких вопросов, как германские репарации и безопасность западных границ Франции, давала Великобритании дополнительный рычаг давления на Францию, в том числе и в Восточном вопросе. Связь между этими проблемами стала особенно видна, когда в 1921—1922 годах обсуждались планы широкомасштабного англо-французского союза и Великобритания одним из главных условий выдвигала пересмотр Анкарского соглашения. При Пуанкаре эта связь стала еще крепче, в особенности при обострении репарационной проблемы в августе 1922 года и спустя несколько месяцев, когда проблема репараций была использована консервативным правительством Великобритании для создания «единого фронта» союзников накануне Лозаннской конференции, хотя открытая сделка, которую предлагал Пуанкаре, была отвергнута. Провал Парижской конференции по репарациям в начале января 1923 года вскоре повлек за собой и временный распад «единого фронта» союзников в Лозанне, и, наконец, «увязание» в рурской авантюре сделало Францию почти полностью беспомощной на завершающем этапе Лозаннской конференции. Таким образом, Восточный вопрос стал зеркальным отражением Германского. И в Европе, и на Востоке одна из держав настаивала на наиболее полном исполнении мирного договора, а другая фактически поощряла реваншизм побежденной страны. Только в Европе первую роль играла Франция, а вторую — Великобритания, а в Азии все было наоборот.

Эти факты доказывают, что в межвоенный период международные отношения, в том числе и отношения между Великобританией и Францией, приобрели действительно глобальный характер и разные их региональные аспекты были теснейшим образом взаимосвязаны. Ослабление, а затем и распад англо-французской

Антанты в Европе сопровождался углублением противоречий между ними на Ближнем Востоке. Ни одно временное сближение их позиций, вроде создания «единого фронта» на конференции в Лозанне, не могло существенно изменить этой ситуации. В то же время при изучении англо-французских отношений бросается в глаза очевидная слабость французских позиций по сравнению с английскими. Французам все время приходилось идти на большие уступки, чем они первоначально рассчитывали, англичане же от Мудроса до Севра владели инициативой, а после Севра им всегда удавалось минимизировать свои потери даже в самых неблагоприятных обстоятельствах и делать уступки в основном за чужой счет. В Лозанне это проявилось со всей очевидностью.

Различие подходов Великобритании и Франции к ближневосточным проблемам определялось принципиально разной ролью этих проблем во внешней политике и государственных интересах двух держав. Внешняя политика Великобритании в рассматриваемое время в целом следовала традиционной «двуединой» линии на поддержание баланса сил в Европе и охрану имперских коммуникаций. Если позиция Великобритании в германском вопросе хорошо вписывается в первую составляющую этой политической линии, то ее действия на Востоке целиком связаны со второй. Определенный нюанс заключался в том, что речь здесь шла о расширении британских владений и сфер влияния, а не об охране старых, а также в том, что к морским коммуникациям теперь добавились сухопутные. Подконтрольная Англии Турция наряду с Палестиной и Ираком должна была стать одним из главных звеньев британских колоний и полуколоний от Кейптауна до Индии. Основной задачей британской политики в начале изучаемого периода было максимальное расчленение Османской империи с низведением ее остатков на положение довоенного Египта. Преобладание стратегических соображений в британской политике усиливалось тем обстоятельством, что многие ее руководители никогда не оставляли мысль о возможности новой большой войны. Поэтому обеспечение контроля над Черноморскими проливами и возможности свободного прохода через них военных кораблей превратилось для британских политиков почти в навязчивую идею, которая осенью 1922 года сама едва не толкнула Великобританию к новой войне. Но никто не мог сказать точно, кто будет следующим противником Англии. Некоторые

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

политики не исключали возможности, что это будет Франция. Именно этим отчасти объяснялось стремление обеспечить «чисто британский» транзит нефти из Месопотамии к Средиземному морю, а обеспокоенность англичан французской программой строительства подводных лодок в 1921—1922 годах еще раз подтверждает этот тезис. Экономические соображения, безусловно, присутствовали в мотивации действий британских политиков, но напрямую они касались в основном Месопотамии. Из-за огромного значения Ближнего Востока для охраны империи Восточный вопрос играл первостепенную роль во внешней политике Великобритании, нисколько не уступая европейским проблемам.

Совсем иные соображения определяли французскую политику. Франция, несмотря на наличие у нее второй по размерам и населению колониальной империи, все же в первую очередь оставалась европейской страной. Политика Франции в Европе после Первой мировой войны была вполне традиционной и нацеленной на закрепление победы над Германией. В сравнении с этим ближневосточная проблематика неизбежно играла подчиненную роль. Территориальные интересы Франции на Ближнем Востоке были сравнительно невелики и в основном ограничивались Сирией, Ливаном и Киликией. Зато ее финансово-экономические интересы диктовали линию поведения, принципиально отличную от английской, и требовали обеспечения исправного получения процентов с предоставленных турецкому правительству займов, а также создания наилучших условий для французской деловой активности в Турции (получения концессий, сохранения капитуляций и т. п.). Поэтому, когда Франция вынуждена была отказаться от планов прямого финансового контроля над Турцией, ее интересам более всего стало отвечать создание в Турции стабильного политического режима. Именно этим и объяснялось благосклонное отношение Франции к кемалистам. Таким образом, позиция Франции на Ближнем Востоке в начале межвоенного периода может служить самой яркой иллюстрацией тезиса о том, что «политика есть концентрированное выражение экономики». Стратегические соображения, столь важные для европейской политики Франции, на Востоке большого значения не имели.

Идеологический аспект не мог оказывать большого влияния на политику в странах, принадлежавших к числу парламентских демократий. Однако известное влияние имели различные варианты

идеологического оправдания колониальной экспансии, а также «фашодизм» — давнее чувство недоверия англичан и французов друг к другу, иногда граничившее с явной враждебностью. Эти идеи и эмоции, разумеется, не могли напрямую определять политику великих держав, но при оценке действий политиков и дипломатов того времени следует учитывать, что они сами часто разделяли подобные представления.

Таким образом, проблемы Ближнего Востока занимали вполне определенное место в комплексе осознанных государственных интересов Великобритании и Франции. Однако относительно четкими были только общие принципы их политики. Изученный материал позволяет сделать некоторые выводы о механизме принятия конкретных политических решений. Во Франции этот механизм характеризовался, с одной стороны, высокой концентрацией власти (начиная с Мильерана, все премьер-министры одновременно возглавляли и МИД), а с другой — большой зависимостью от общественного мнения и расклада сил в палате депутатов. Над каждым французским кабинетом постоянно висел дамоклов меч вотума недоверия, и французские политики часто ссылались на эту опасность во время переговоров с англичанами (например, именно так поступил Лейг, говоря о невозможности ратификации Севрского договора). Но палата депутатов в тот период надежно контролировалась правыми силами, что исключало возможность резких колебаний внешнеполитической линии, несмотря на министерскую чехарду. При отсутствии четко структурированной партийно-политической системы во Франции большое влияние приобрели неофициальные «группы давления». Восточная политика страны сначала находилась под сильным воздействием «колониальной партии», стремившейся к захвату Сирии и Киликии; а потом — концессионеров, банкиров и рантье, готовых уступить Киликию ради экономических выгод в Турции. Так произошла определенная смена приоритетов французской внешней политики.

В Великобритании при коалиционном правительстве реальная внешнеполитическая власть сосредоточилась у Керзона и Ллойд Джорджа. При общности взглядов на основные задачи британской политики на Востоке они расходились во мнениях по поводу средств их выполнения. Ллойд Джордж делал ставку на успехи греческого оружия, а Керзон предпочитал опираться

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

на собственные силы Англии и дипломатические методы. По сути дела, греко-турецкую войну можно назвать «войной мистера Ллойд Джорджа», поскольку именно британский премьер-министр стоял у ее истоков (высадка в Смирне в мае 1919 года) и он же публично поддержал Грецию накануне ее разгрома (речь в парламенте в июле 1922 года). На Парижской конференции британский премьер фактически монополизировал право принятия решений, затем довольно долго английская политика характеризовалась очевидной двойственностью. После сражения на Сакарье линия Ллойд Джорджа потеряла шансы на успех, и ближневосточные проблемы стали прерогативой Керзона, который в Лозанне действовал уже совершенно самостоятельно.

Другие разногласия внутри британского кабинета оказывали значительно меньшее влияние на политические решения. Так, явно протурецкая позиция Генерального штаба и Министерства по делам Индии никак не изменила общей политической линии. Мнение всего кабинета приобретало решающее значение лишь при принятии наиболее ответственных решений, как произошло с вопросом о Константинополе в январе 1920 года. Так что мы можем говорить лишь о «корректирующем» воздействии британского кабинета на внешнюю политику. Парламентский контроль над внешней политикой в Великобритании был слаб, а общественное мнение существенно повлияло на нее только во время Чанакского кризиса. В Великобритании не было столь четко различимых «групп давления», как во Франции. Неофициальные каналы воздействия на политику существовали, но, например, «англо-индийская» группировка была расколота (достаточно вспомнить разногласия Керзона и Монтегю).

Следует выделить и общую черту в политике двух держав Антанты на Востоке. Для них абсолютно недопустимо было прямое вовлечение в затяжной военный конфликт даже с относительно слабым в сравнении с ними противником, каким была кемалистская Турция. В обеих державах слишком сильна была «усталость от войны» и слишком тяжела была экономическая ситуация. Даже самые воинственные колониальные деятели понимали, что длительная война на Востоке неизбежно приведет к внутривосточному кризису. Великобритания начала широкомасштабную демобилизацию уже в 1919 году и вскоре должна была «без боя» покинуть Закавказье, Анатолию, Сирию. Франция отложила де-

мобилизацию на год и поэтому могла себе позволить направить в распоряжение генерала Гуро военную группировку, достаточно сильную, чтобы изгнать Фейсала из Дамаска, но неспособную удержать под французским контролем Киликию. Впоследствии именно невозможность продолжать киликийскую войну толкнула Париж к сближению с кемалистами и заключению Анкарского договора 1921 года, в то время как англичане оставались защищенными от столкновения с турками благодаря «добрым услугам» Греции. Возникшая в ходе Чанакского кризиса угроза военного столкновения с Турцией стала для британских политиков «моментом истины». Отставка не в меру воинственных Ллойд Джорджа и Черчилля наглядно показала, что для Великобритании, как и для Франции, в этот момент война была абсолютно неприемлемым способом достижения политических целей.

Механизм согласования решений между союзниками несколько отличался от ранее принятого в дипломатической практике. Данный период был расцветом «дипломатии конференций». Для принятия решений проводились очень частые встречи премьер-министров или министров иностранных дел (для Франции здесь не было различия) стран Антанты. Традиционная практика обмена нотами была почти забыта (Пуанкаре однажды предлагал возродить ее с явной целью затянуть время). «Дипломатия конференций» ускоряла обмен мнениями, но долгое время не избавляла политику великих держав, и в особенности Великобритании, от сильнейшего порока — оторванности от реальных событий на месте. Вплоть до 1921 года информация, получаемая от верховных комиссаров и экспертов, использовалась не как пища для размышления, а как набор козырей для переговоров и часто вообще игнорировалась. Английской политике был свойственен «беспредельный оптимизм и нежелание предвидеть неприятные возможности»¹. Плодом именно такой политики стал Севрский договор. Во Франции из-за ее прямой вовлеченности в конфликт с кемалистами с января 1920 года временной разрыв между осознанием существующих проблем представителями на месте и их адекватным восприятием в столице был значительно меньшим.

Как уже отмечалось, англо-французские отношения в этот период не были чисто двусторонними. На них влияла как поли-

¹ Никольсон Г. Дипломатия. М., 1941. С. 86.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

тика других великих держав, так и действия малых стран и национально-освободительных движений.

США на Парижской мирной конференции пытались играть активную роль как в европейской, так и в ближневосточной политике. Но Вильсон, образно говоря, использовал не ту карту. Вместо того чтобы воспользоваться действительным преимуществом своей страны — ее экономической мощью, он сделал ставку на идеологию («вильсонизм»), с помощью которой надеялся изменить всю систему международных отношений. Этот расчет был по меньшей мере наивен. Предложение мандатов на Константинополь и Армению поставило Вильсона в тупик, и в итоге позиция США незаметно превратилась в инструмент давления Великобритании на Францию. Именно таким образом англичане использовали комиссию Кинга—Крейна. Сами же англичане опасались сделки французов с американскими нефтяными трестами. В 1921 году, при новом президенте У. Гардинге, американское давление на европейские державы на Вашингтонской конференции заставило их искать комплексное решение проблем Старого Света (правда, безуспешно), но Восточный вопрос и далее решался без участия США. К концу изучаемого периода можно видеть первые шаги американской «дипломатии доллара» на Ближнем Востоке (например, концессия Честера).

Италия формально принимала участие в разрешении Восточного вопроса на равных с Францией и Великобританией. Однако реальный вес этой страны был несравненно меньшим, и итальянцы, как обычно, старались «путем переговоров приобрести большее значение, чем это соответствует их собственным силам»¹. На практике итальянская политика выглядела как скверное подражание французской, и англичане были практически уверены, что, если Франция сделала некий самостоятельный шаг, Италия его непременно повторит. Так случилось, например, на Лондонской конференции 1921 года. Но когда французы были вынуждены идти на уступки англичанам, итальянцы и думать не могли о самостоятельных действиях. Англичане же умели ловко использовать зигзаги итальянской политики в своих целях. Так произошло с высадкой греческого десанта в Смирне, так же англичане действовали при подготовке Севрского договора. На Ближнем Востоке

¹ Там же. С. 91.

ке, как и в других регионах, Италия чувствовала себя «обделенной» плодами победы. Тайные соглашения военного времени имели для нее, пожалуй, еще большее значение, чем для Франции. С середины 1920 года эту роль стало выполнять Трехстороннее соглашение. Стремление Италии сохранить в силе его основные принципы сохранялось вплоть до Лозаннской конференции.

Россия в 1919 году рассматривалась странами Антанты не как субъект международных отношений, а скорее как объект их политических акций, направленных на утверждение на территории бывшей Российской империи дружественного себе правительства. Для осуществления этих задач территория Турции имела огромное стратегическое значение. Именно в этом контексте следует рассматривать британское предложение передать США мандаты на Константинополь и Турецкую Армению. После разгрома основных сил белых армий страны Антанты видели свою задачу в недопущении проникновения «большевизма» на Ближний Восток. Обе державы опасались сближения кемалистов с большевиками, но если англичане для предотвращения этого стремились ликвидировать турецкое национальное движение, то французы видели в нем возможную опору против большевиков. Заключение Советско-турецкого договора в марте 1921 года, казалось, подтверждало опасения Антанты. Советская материальная помощь сыграла значительную роль в военных успехах кемалистов. Теперь страны Антанты, убедившись в неизбежности фактического признания кемалистского и большевистского правительств, стали прилагать все усилия, чтобы не иметь с ними дел одновременно (отказ от приглашения кемалистов в Геную, ограничение советского участия в Лозаннской конференции). Французы фактически вступили с московским правительством в дипломатическую борьбу за влияние в Анкаре, которую кемалисты использовали в собственных интересах. Наличие серьезных разногласий между Москвой и Анкарой отдаляло два революционных правительства друг от друга, что в конечном итоге позволило странам Антанты (в первую очередь Великобритании) фактически нейтрализовать влияние Советской России на Восточный вопрос.

История Восточного вопроса после Первой мировой войны наглядно демонстрирует влияние фактора национализма на международные отношения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как уже отмечалось, главными проводниками британской политики на Ближнем Востоке выступали Греция и арабское правительство Фейсала. При этом Фейсал играл роль препятствия, призванного затруднить утверждение французов в Сирии, а Греция — роль наемного солдата, призванного выполнить наиболее грязную и тяжелую работу. Франция в своей политике пыталась опираться на некоторые христианские общины Сирии и, отчасти, на киликийских армян, но подобная практика создавала больше проблем, чем решала. Еще в конце 1919 года французы стали присматриваться к кемалистам как к возможной опоре, а в 1921 году окончательно сделали на них ставку. Однако использовать кемалистов так же, как англичане использовали греков, было невозможно. Кемаль охотно принимал французскую помощь, но не считал себя обязанным как-то благодарить французов. Если киликийские армяне были слишком слабы, чтобы стать проводниками французской политики, то турецкие националисты оказались для этого слишком сильными. В итоге единственной опорой Франции оказались облигации Османского долга и довоенные концессионные контракты. Отношения Франции с кемалистами являются примером неудачной попытки создания великой державой сферы влияния в Ближневосточном регионе.

Взаимоотношения ведущих держав Антанты с национальными движениями народов Османской империи после окончания Первой мировой войны имели достаточно сложный характер. Их нельзя однозначно охарактеризовать ни как отношения угнетателей и борцов с угнетением, ни как отношения кукловодов и марионеток. Объективно Лондон и Париж, с одной стороны, национальные лидеры — с другой преследовали совершенно разные цели. Первые стремились к контролю над экономической жизнью, природными ресурсами и стратегическими пунктами побежденной Османской империи и отдельных ее частей, вторые — к созданию национальных государств или по меньшей мере автономий. Однако на определенном этапе тактические цели двух европейских правительств и некоторых национальных лидеров оказались совпадающими. Великая война сделала невозможным неприкрытый захват ближневосточных территорий по праву сильного. После деклараций Вильсона подобные действия должны были опираться хотя бы на видимость «согласия управляемых», для чего лояльно настроенные национальные лидеры вроде Фейсала или Венезе-

лоса были незаменимы. Сами же эти лидеры понимали, что в тех условиях добиться создания или расширения национальных государств можно было только с помощью держав-победительниц.

В результате в определенный момент сложился некий симбиоз между европейскими правительствами и отдельными национальными движениями. Такую форму сотрудничества, безусловно, неравноправного, точнее всего можно охарактеризовать как отношения «патрон — клиент». «Клиент» (малая держава, национальное движение) предоставляет в распоряжение «патрона» (великой державы) свои ресурсы (человеческие и политические), а «патрон» оказывает «клиенту» материальную помощь, отстаивает его интересы в международных делах в той мере, насколько они не противоречат его собственным. Провозглашение «принципа национального самоопределения» сначала Соединенными Штатами, а потом и европейскими державами Антанты, очевидно, было рассчитано на то, чтобы повысить свою привлекательность для потенциальных «клиентов». Малая держава вроде Греции или национальный лидер вроде Фейсала до определенного момента могли, субъективно стремясь к достижению собственных целей, на практике способствовать успеху великой державы. Степень зависимости «клиента» от «патрона» могла быть различной. Даже Кемаль понимал, что без внешней поддержки его цели будут труднодостижимы, но ему удалось избежать зависимости от своих зарубежных друзей, главным образом за счет умелой игры на противоречиях между ними (в первую очередь — между Советской Россией и Францией). Со стороны национальных лидеров были попытки сделать эту зависимость двусторонней — заставить «покровителя» идти в отстаивании интересов «клиента» дальше, чем этого требовали его собственные интересы. Такие попытки были чаще всего неудачными. Проведение внешней политики с опорой на таких «клиентов» требовало от великой державы большого дипломатического мастерства и выгодных стартовых позиций. Тем и другим Великобритания обладала в значительно большей степени, чем Франция. Сказалось и ее доминирующее положение на Ближнем Востоке к концу войны, и многолетний опыт «косвенного управления» в колониях, который в новых условиях был гораздо более пригоден, чем жесткие французские методы.

Чтобы оценить значение ближневосточного направления в англо-французских отношениях для формирования Версаль-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ско-Вашингтонской модели международных отношений, необходимо точно определиться, какой смысл вкладывается в понятия «система», «порядок» или «модель» международных отношений. Если следовать распространенному пониманию Версальской системы как особого порядка, основанного на совокупности договоров с пятью побежденными странами, отражавших согласованную волю победителей и закреплявших их победу, то следует признать, что события 1918—1923 годов на Ближнем Востоке пробили в ней первую крупную брешь, а в дальнейшем Турция оказалась за ее рамками. Но если говорить о системе *реальных*, а не только формально-юридических взаимоотношений между государствами, то изученные события предстают в ином свете.

Реальная Версальская система сильно отличалась от того, какой ее хотели видеть политики и дипломаты Лондона и Парижа. Реваншизм побежденных стран (в том числе Германии и Турции); «пробуждение Азии»; «европейский хаос», вызванный ростом национализма и социального протеста; действия исключенных из Версальского порядка стран (Советской России и США) и другие объективные факторы существенно корректировали изначальные планы его архитекторов. Отношения между Великобританией и Францией оставались одним из основных системообразующих факторов, но в течение 1919—1923 годов они постепенно утрачивали характер «сердечного согласия», хотя в общении с третьими странами две державы-победительницы продолжали выступать как союзницы вплоть до оккупации Рура. Результаты нашего исследования показывают, что распад Антанты происходил одновременно и в Европе, и на Ближнем Востоке. Причина этого заключалась в различных подходах держав к международным проблемам, диктовавшихся объективными экономическими и стратегическими интересами двух стран. Ближневосточные проблемы, содействуя размыванию англо-французской Антанты, тем самым существенно тормозили формирование новой модели международных отношений. Однако конечный результат был настолько прочен, что «Лозаннская подсистема» оказалась самым крепким звеном сложившейся тогда модели международных отношений вплоть до Второй мировой войны, поскольку «лозаннское урегулирование» базировалось на объективном балансе сил его участников, а не на принуждении, основанном на временном превосходстве одних стран над другими.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники:

Дипломатические документы:

1. Архив внешней политики Российской империи. Фонд «Национальный архив Индии». Серия А. Ед. хр. 124, 159, 217, 220.
2. Great Britain. National Archives. Cabinet Papers. 1918—1923. www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers
3. Документы внешней политики СССР. Т. 2—4. М., 1957—1959.
4. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2—4. М., 1926—1928.
5. Переписка Мак-Магона — Хусейна 1915—1916 гг. и вопрос о Палестине: документы и материалы. М., 2008.
6. Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. М., 1927.
7. Турция: рождение национального государства, 1918—1923. По документам РГАСПИ. М., 2007.
8. British Documents on Foreign Affairs. Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Ser. B, The Near and Middle East. Vol. 1—3. Washington D.C., 1985.
9. Documenti diplomatici italiani. Ser. 6. Vol. 1—3. Roma, 1956, 1980, 2008; Ser. 7. Vol. 1—2. Roma, 1953, 1955.
10. Documents diplomatiques français, 1920, t. 1—3. P., 1997—2002; 1921, t. 1—2, P., 2004, 2005.; 1920—1921, Annexes, P., 2005.
11. Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. Ser. 1. L., 1947—1970.
12. Palestine Boundaries, 1833—1947. Vol. 2—3. L., 1989.
13. Papers relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference. Vol. 1—13. Washington D.C. 1943—1947.
14. Records of Syria 1918—1973. Vol. 1—2. L., 2005.
15. France. Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques. Conference de Lausanne. P., 1923. T. 2.
16. Conference de Lausanne sur les affaires du Proche Orient. Procès verbal. No. 9—18. P., 1923.
17. Mantoux Paul. Les délibérations du Conseil des Quatre. 24 Mars — 24 Juin 1919. T. 1—2. P., 1954.
18. Hurewitz J.C. (ed.) Diplomacy in the Near and Middle East. 1914—1956. Vol. 2. Princeton, 1956.
19. The Husayn — McMahon Correspondence. 14 July 1915 — 10 March 1916. <http://course1.winona.edu/aclafandi/PolSci270/documents.htm>.
20. The King—Crane Commission Report, August 28, 1919. <http://www.atour.com/government/un/20040205g.html>
21. Harbord James G. Conditions in the Near East: Report of the American Military Mission to Armenia. <http://armenianhouse.org/harbord/conditions—near—east.htm>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Парламентские материалы:

22. Great Britain. Parliament. Parliamentary Debates. House of Commons. Ser. 5, Vol. 112—168. L., 1919—1923.
23. Journal officiel de la Republique Française. Debats Parlementaires. Chambre des deutes; P., 1921—1923.

Пресса:

24. The Economist. 1922.
25. Le Temps. 1920—1923.
26. The Times. 1919—1922.

Дневники, письма, мемуары, публицистика:

27. Альдрованди Марескотти Л. Дипломатическая война. М., 1944.
28. Аралов С.И. Воспоминания советского дипломата 1922—1923. М., 1960.
29. Архив полковника Хауза. Т. 4. М., 1937.
30. Лорд Берти. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914—1919. М., Л. 1927.
31. Кайзер Ж. Европа и новая Турция. М., 1925.
32. Кемаль Мустафа. Путь новой Турции. 1919—1927. Т. 1—4. М., 1929.
33. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 1—2. М., 1957
34. Никольсон Г. Как делался мир в 1919 году. М., 1945.
35. Черчилль У. Мировой кризис. М., 2003.
36. Bello C.G. L'Angleterre, la France et le problème de Constantinople. Notes et reflection sur la Turquie. P., 1920.
37. Bonsal S. Suitors and Suppliants. The Little Nations at Versailles. N.Y., 1946.
38. Cambon P. Correspondence. 1870—1924. Т. 3. P., 1946.
39. Chirol V. Occident and Orient. Lectures in the Harris Foundation. Chicago, 1924.
40. Elliott M.E. Beginning again in Ararat. L; Edinburgh; N.Y., 1924.
41. Lord Everley, Chirol V. The Turkish Empire. L., 1924.
42. Fabre-Luce A. La crise des alliances. Essai sur les relations francobtitanniques depuis la signature de la paix (1919—1922). P., 1922.
43. Georges Gaulis B. Angora, Constantiniple, Londres. Moustafa Kemal et la politique Anglaise en Orient. P., 1922.
44. Georges Gaulis B. Le nationalisme turc. P., 1921.
45. Gibbons H.A. The New Map of Asia (1900—1919). N.Y., 1921.
46. Gontaut-Biron R., Le Reverend I. D'Angora a Lausanne. Les etapes d'une decheance. P., 1924.
47. Gontaut-Biron R. Comment la France c'est installée en Syrie (1918—1919). P., 1922.
48. Hardinge Ch. Old Diplomacy. L., 1974.
49. Khwaja Kamal Ud-Din. India in the Balance. British Rule and the Caliphate. L., 1922.
50. Kiazim Omar. L'aventure Kemaliste. Elle est un danger pour l'Orient, pour l'Europe, pour la paix. P., 1921.
51. Loti Pierre. La mort de notre chère France en Orient. P., 1920.
52. Mears E.G. Modern Turkey. A Politico-economic Interpretation: 1908—1923 inclusive, with Selected Chapters by Representative Authorities. N.Y., 1924.
53. Meinertzhagen R. Middle East Diary. 1917—1956. L., 1956.

54. Mordacq J.J.H. Le ministère Clemenceau. Journal d'un témoin. Т. 1—4. P., 1930.
55. Nicolson H. Curzon: the Last Fase. A Study in Post-War diplomacy. L., 1937.
56. Pernot M. La question turque. P., 1921.
57. Pic P. Syrie et Palestine. Mandats français et anglais dans le Proche-Orient. Preface de Gouraud. P., 1924.
58. Riddel G. The Riddel Diaries. L., 1986.
59. Rouillon Leon. Pour la Turquie. Documents. P., 1921.
60. Saint-Aulaire, comte de. Confession d'un vieux diplomate. P., 1953.
61. Toynbee A. Survey of International Affairs, 1924. L., 1928.
62. Toynbee A. The Western Question in Greece and Turkey. A Study in the Contact of Civilisations. Boston—N.Y., 1923.

Исследования:

1. Азимов Г.В. Турция в международных отношениях 1918—1922 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Киев, 1965.
2. Аноп А.Ф. Политика Англии в отношении Турции в 1918—1922 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Томск, 1991.
3. Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970.
4. История дипломатии. Т. 3. М., 1965.
5. Кирова К.Э. Итальянская экспансия в Восточном Средиземноморье в начале XX века. М., 1973.
6. Кузнецова С.И. Установление советско-турецких отношений. М., 1961.
7. Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос (1917—1923). М., 1989.
8. Лакер В. История сионизма. М., 2000.
9. Лемин И.М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. 1919—1925. М., 1947.
10. Луцкий В.Б. Арабский вопрос и державы-победительницы в период Парижской мирной конференции (1918—1919). // Арабские страны. История. Экономика. М., 1966.
11. Матвеев (Бар-Маттай) К.П., Мар-Юханна И.И. Ассирийский вопрос во время и после Первой мировой войны. М., 1968.
12. Миллер А.Ф. Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. М., 1983.
13. Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. М., Л., 1948.
14. Поцхверия Б.М. Американские комиссии в Турции в 1919 году. // Ученые записки. Института Востоковедения АН СССР Т. 17. М., 1959.
15. Поцхверия Б.М. Турецкий вопрос в сенате США (конец 1919 — середина 1920 года). // Краткие Сообщения Института Востоковедения АН СССР. Т. 19. М., 1956.
16. Поцхверия Б.М. Турция между двумя мировыми войнами. Очерки внешней политики. М., 1992.
17. Прицкер Д.П. Жорж Клемансо. М., 1983.
18. Ранчинский В.П. Христианские общины Сирии накануне установления над ней французского мандата. // Религия, умонастроения, идеология в истории. Брянск, 1996.
19. Родионов М.А. Марониты. Из этноконфессиональной истории Восточного Средиземноморья. М., 1982.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

20. Россия и Черноморские проливы, XVIII—XX столетия. М., 1999.
21. Саакян Р.Г. Франко-турецкие отношения и Киликия в 1918—1923 гг. Ереван, 1986.
22. Саид Амин. Восстания арабов в XX веке. М., 1964.
23. Саупов В.Н. Сирийские алавиты в новейшее время. // Арабский мир в конце XX века. М., 1996.
24. Судейкин А.Г. Политика Англии на Ближнем Востоке в 1920—1930 гг. и ее советская историография. // Проблемы Британской истории. М., 1984.
25. Трухановский В.Г. Внешняя политика Великобритании на первом этапе общего кризиса капитализма (1918—1939). М., 1962.
26. Філіпенко Д.М. Турецько-французьки віднощини в період національно-визвольної війни в Туреччині (1918—1922). Дисертація на здобуття вченого ступеня кандидата історичних наук. Київ, 1964.
27. Шамсутдинов А.М. Национально-освободительная борьба в Турции. 1918—1923. М., 1966.
28. Шпилькова В.И. Империалистическая политика США в отношении Турции (1914—1920). М., 1960.
29. Шпилькова В.И. Турецкий вопрос на Парижской мирной конференции 1919 года // Московский педагогический институт имени Ленина. Ученые записки. Т. 109, вып. 6, М., 1957.
30. Эфендиева Н.З. Борьба турецкого народа против французских оккупантов на юге Анатолии. Баку, 1966.
31. Abe Attrep. A State of Wretchedness and Impotence: A British View of Istanbul and Turkey, 1919. // International Journal of Middle East Studies. Vol. 9. No. 1. (Jan. 1978).
32. Andrew Ch.M., Kanya-Forster A.S. France Overseas: The Great War and the Cimax of French Imperial Expansion. L., 1981.
33. Andrew Ch.M., Kanya-Forster A.S. The French Colonial Party and French Colonial War Aims. // The Historical Journal. Vol. 17. No. 1. (Mar. 1974).
34. Bush B.C. Mudros to Lausanne. Britain's Frontier in West Asia 1918—1923. Albany (N.Y.) 1976.
35. Bonnefous E. Histoire politique de la Troisieme republique. T. 3. P., 1959.
36. Bovis H.E. The Jerusalem question, 1917—1968. Stanford (Calif.), 1971.
37. Bullard R. Large and Loving Priveleges. The Capitulations in the Middle East and North Africa. Glasgow, 1960.
38. Brecher F.W. French Policy toward the Levant. 1914—1918. // Middle Eastern Studies. Vol. 29. No. 4. October, 1993.
39. Cosmin S.P. Dossiers secrets de la triple Entente. Grèce 1914—1922. P., 1969.
40. Cumming H.H. Franco-British Rivalry in the Post War Near East. The decline of French influence L., 1938.
41. Darwin J. Britain, Egypt and the Middle East. Imperial Policy in the Aftermath of the War. 1918—1919. N.Y.; L., 1981.
42. Dirault E., Lheritier M. Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 a nos jours. T. 5. Grèce et la grande guerre. De la révolution turque au Traite de Lausanne. P., 1926.
43. Dockrill M.L., Goold J.D. Peace without Promice. Britain and the Peace Conferences. 1919—1923. L., 1981.
44. Du Hays, le général. Les armées françaises au Levant. 1919—1939. Tomes 1, 2. Chateau de Vincennes, 1978.

45. Du Veou P. *La passion de Cilicie. 1919—1922.* P., 1954.
46. Duroselle J.B. *Clemenceau.* P., 1974.
47. Farrar M.M. *Principled Pragmatist. The Political Career of Alexandre Millerand.* N.Y., Oxford 1991.
48. Finefrock M.F. *Ataturk, Lloyd George and the Megali Idea: Cause and Consequence of the Greek Plan to Seize Constantinople from the Allies. June—August 1922.* // *The Journal of Modern History.* Vol. 52, No. 1. On Demand Supplement (March 1980).
49. Fisher J.F. *Syria and Mesopotamia in British Middle Eastern Policy in 1919.* // *Middle Eastern Studies.* Vol. 34. No. 2. April, 1998.
50. Friedman I. *The Question of Palestine. 1914—1918.* L., 1973.
51. Gökay B. *Turkish Settlement and the Caucasus. 1918—1920.* // *Middle Eastern Studies.* Vol. 32. No. 2. April. 1996.
52. Goold J.D. *Lord Hardinge as Ambassador to France, and the Anglo-French Dilemma over Germany and the Near East, 1920—1922.* // *The Historical Journal.* No. 21, Dec. 4. 1978.
53. *The Great Powers and the End of the Ottoman Empire.* L., 1984.
54. Helmreich P.C. *From Paris to Sevres. The Partition of the Ottoman Empire at the peace Conference of 1919—1920.* Columbus (Ohio), 1974.
55. Howard H.W. *The Partition of Turkey, a Diplomatic History, 1913—1923.* Norman, Oklahoma, 1931.
56. Jensen P.K. *The Greco-Turkish War, 1920—1922.* // *International Journal of Middle East Studies.* Vol. 10, No. 4. November, 1979.
57. Kazemzadeh F. *The Struggle for Transcaucasia, 1917—1921.* N.Y., 1951.
58. Kedourie E. *In the Anglo-Arab Labyrinth. The McMahon — Hussayn Correspondence and it's Interpretations. 1914—1939.* Cambridge, 1976.
59. Kedourie E. *England and the Middle East. The Destruction of the Ottoman Empire. 1914—1921.* L., 1956.
60. Kedourie. E. *The End of the Ottoman Empire.* // *Journal of Contemporary History.* Vol. 3. No. 4: From War to Peace. October, 1968.
61. Kent M. *Oil and Empire. British Policy and Mesopotamian Oil. 1900—1920.* N.Y., 1976.
62. Khoury G. *La France et l'Orient Arabe. Naissance du Liban moderne.* P., 1993.
63. Khoury Ph.S. *Syria and the French Mandate. The Politics of Arab Nationalism. 1920—1945.* L., 1987.
64. Khoury Ph.S. *Urban Notables and Arab Nationalism. The Politics of Damascus, 1860—1920.* Cambridge, 1983.
65. Kimche J. *The Unromantics. The Great Powers and the Balfour Declaration.* L., 1968.
66. Klieman A.S. *Foundations of British Policy in the Arab World. The Cairo Conference of 1921.* Baltimore; L., 1970.
67. Klieman A.S. *Britain's War Aims in the Middle East in 1915.* // *Journal of Contemporary History.* Vol. 3. No. 3. The Middle East. July, 1968.
68. Knudsen E.L., *Great Britain, Constantinople and the Turkish Peace Treaty. 1918—1922.* N.Y., L., 1987.
69. Laurens H. *La question de Palestine. 1799—1922. T. 1. L'invention de la Terre Sainte.* P., 1999.
70. McTague J. *Anglo-French Negotiations over the Boundaries of Palestine, 1919—1920.* // *Journal of Palestine Studies.* Vol. 11, No. 2. Winter, 1982.
71. Miquel Pierre. *Poincaré.* P., 1984.

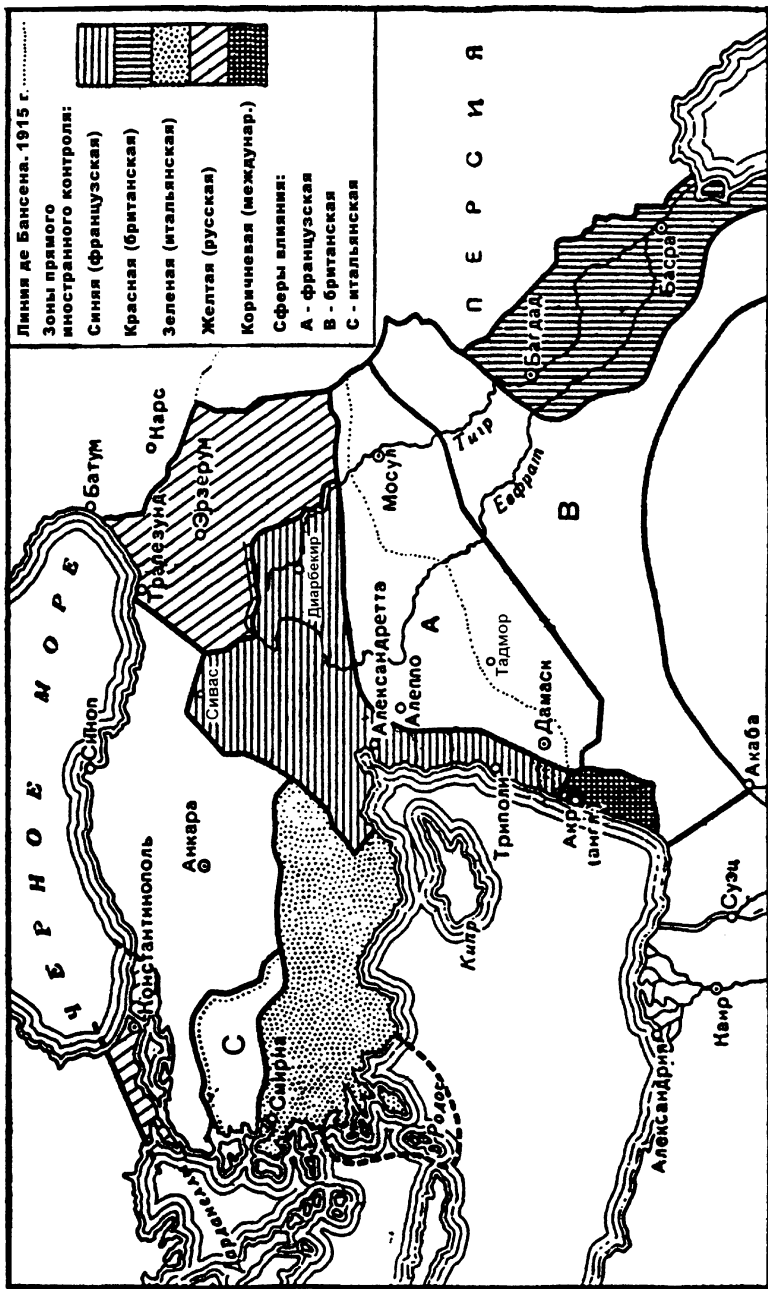
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

72. Minerbi S.I. L'Italie et la Palestine. 1914—1920. P., 1970.
73. Moumjian G.K. Cilicia Under French Mandate, 1918—1921.
http://www.armenian-history.com/Nyuter/HISTORY/G_Moumdjian/Garabet_M_Cilicia_under_French_mandater_1918_1921.htm.
74. Nere J. The Foreign Policy of France from 1914 to 1945. L., Boston, 1975.
75. Nevakivi J. Britain, France and the Arab Middle East. L., 1969.
76. Northedge F.S. The Troubled Giant. Britain among the Great Powers, 1918—1939. L., 1966.
77. Öke Mim Kemal. Abortive attempts for Arab-Turkish rapprochement. 1918—1921. Themes and sources. Ankara, 1988.
78. Orde A. Great Britain and International security. 1920—1926. L., 1978.
79. Oudin B. Briand. La paix. Une idee neuve en Europe. P., 1987.
80. Petsalis-Diomidis N. Greece at the Paris Peace conference. Thessaloniki, 1978.
81. Renouvin P. Histoire des relations internationales. T. 7. P., 1957.
82. Roger Louis. The United Kingdom and the Beginning of the Mandates System, 1919—1922. // International Organization. Vol. 23. No. 1. Winter, 1969.
83. Rowland P. David Lloyd George. N.Y., 1975.
84. Sanders R. The High Walls of Jerusalem. A History of Balfour Declaration and the Birth of the British Mandate for Palestine. N.Y., 1983.
85. Smith M.L. Ionean Vision. Greece in Asia Minor, 1919—1922. L., 1973.
86. Sonyel S. R. Turkish Diplomacy, 1918—1923. Mustafa Kemal and the Turkish National Movement. L., Beverly Hills, 1975.
87. La Syrie et le Liban sous l'occupation et le mandat français. 1919—1927. Nancy, 1929.
88. Tanenbaum J.K. France and the Arab Middle East, 1914—1920. // Transactions of the American Philosophical Society, New Series, Vol. 68. No. 7. Philadelphia, 1978.
89. Temperley H.V. History of the Peace Conference of Paris. Vol. 6. L., 1924.
90. Ter Minassian A. La Republique d'Armenie. Bruxelles 1989.
91. Thobie J. Interêts et imperialismes français dans l'Empire Ottoman (1895—1914). P., 1977.
92. Trachtenberg M. Reparation in World Politics. France and World Economic Diplomacy 1916—1923. N.Y., 1980.
93. Trask R. The United States Response to Turkish Nationalism and Reform, 1914—1939. Minneapolis, 1971.
94. La Turquie et la France a l'epoque d'Ataturk. P., 1981.
95. Watson. D.R. The Making of the Treaty of Versailles. // Troubled Neighbours. Franco-British Relations in the Twentieth Century. L., 1971.
96. Williams A. Britain and France in the Middle East and North Africa, 1914—1967. L., N.Y., 1968.
97. Walder D. The Chanak Affair. L., 1969.
98. Walker C.J. Armenia: The Survival of a Nation. L., 1990.
99. Yucler G. The Struggle for Mastery in Cilicia: Turkey, France and the Ankara Agreement of 1921. // The International History Review. Vol. 23. No. 3. September, 2001.
100. Zamir M. The Formation of Modern Lebanon. L., 1985.
101. Zeine Zeine N. The Struggle for Arab Independence. Western Diplomacy and the Rise and Fall of Faisal's Kingdom in Syria. Beirut, 1960.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ ЕВРОПЫ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	25
1. Интересы великих держав в Османской империи к 1914 году	25
2. Вопрос о судьбе Османской империи во время Первой мировой войны.	42
3. От войны к миру (октябрь — декабрь 1918 года)	69
ГЛАВА II. ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС В ПЕРИОД ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ	100
1. Первый этап конференции (январь — июнь 1919 года)	100
2. Второй этап Парижской мирной конференции и американские комиссии (июнь — август 1919 года)	142
3. Уход англичан из Сирии и Киликии (сентябрь — ноябрь 1919 года)	171
ГЛАВА III. ПОДГОТОВКА СЕВРСКОГО ДОГОВОРА	196
1. Предварительные переговоры (декабрь 1919 — январь 1920 года)	196
2. Лондонская конференция (февраль — март 1920 года)	213
3. Конференция в Сан-Ремо (апрель 1920 года)	239
4. От Сан-Ремо до Севра (май — август 1920 года)	247
5. Характеристика Севрского договора	258
ГЛАВА IV. КРАХ СЕВРСКОГО ДОГОВОРА	265
1. Первое столкновение с реальностью (сентябрь — декабрь 1920 года)	265
2. Великобритания и Франция в поиске новых подходов (январь — май 1921 года)	301
3. Франко-турецкое сближение и Анкарский договор (май — октябрь 1921 года)	319
4. Восточный вопрос и конференции в Вашингтоне, Каннах и Генуе (ноябрь 1921 — апрель 1922 года)	343
5. «Патовая ситуация» (май — август 1922 года)	367
6. Разгром Греции и Чанакский кризис (сентябрь — октябрь 1922 года)	375
ГЛАВА V. ЛОЗАННСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И ПРОБЛЕМА «ЕДИНОГО ФРОНТА»	387
1. Предварительные переговоры: иллюзия согласия (октябрь — ноябрь 1922 года)	387
2. Первая сессия (ноябрь 1922 — январь 1923 года)	396
3. Перерыв и вторая сессия (февраль — июль 1923 года)	416
4. Характеристика Лозаннского договора	425
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	428
БИБЛИОГРАФИЯ	444

ПРИЛОЖЕНИЕ

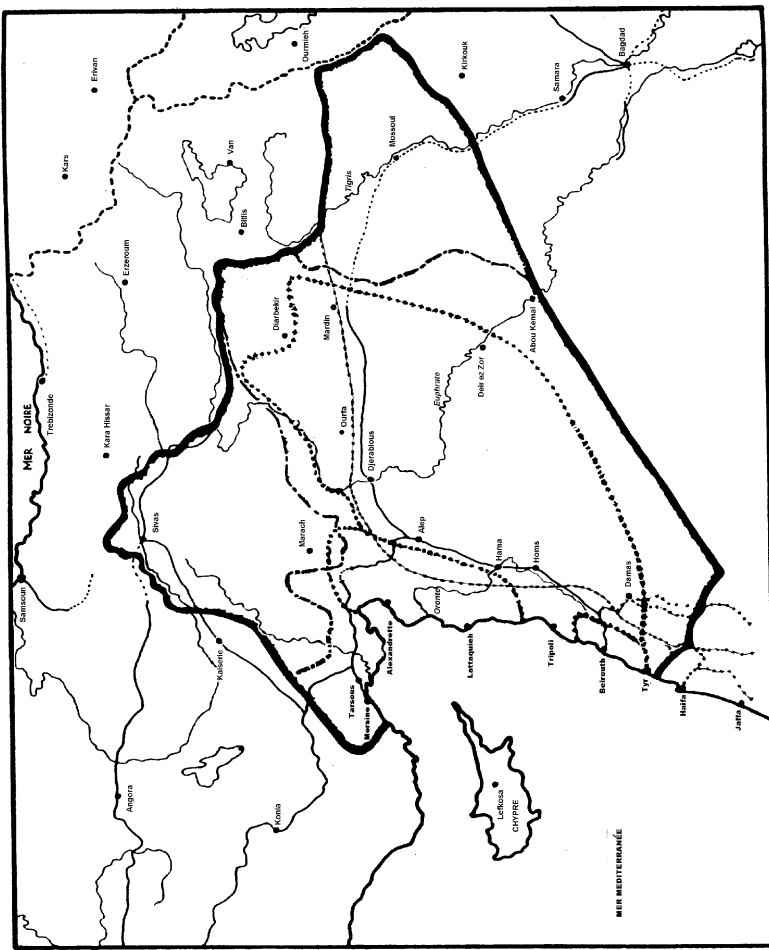

КАРТА К ТАЙНЫМ СОГЛАШЕНИЯМ 1915 - 1917 ГОДОВ

**ДИСКУССИИ О ГРАНИЦАХ.
ФЕВРАЛЬ - МАРТ 1919 Г.**

**Источник: du Hauss, le general.
Op. cit. T. 1, Annexe 6.
Limites Discussions de Février - Mars 1919**

ECHELLE APPROXIMATIVE

1 / 5 000 000

(D'après une carte de l'E. M. de l'Armes, Carton 312, Dossier Syrie.)

LEGENDE

- ACCORD 1916
- ◆◆◆◆◆ PROPOSÉES par les ANGLAIS (Carte lord Milner)
- — — — — PROPOSÉES par le GOUVERNEMENT FRANÇAIS
- LIMITE entre Zone BLEUE et Zone A